

Годъ XXVI.

НОЯБРЬ.

№ 8.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Д-РА Н. Ф. МИХАЙЛОВА.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко.
Пимонская улица, собственный домъ.

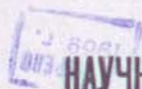
1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>
1. Изъ итоговъ соціально-педагогическаго движенія. (Окончаніе.) Л. Синицкаго	1— 46
2. Изъ жизни нѣмецкой школы. М. Пилецкой	47— 69
3. Дополнительные народныя школы въ Германіи. (Окончаніе.) Лины Нейманъ	70—112
4. Подъ знакомъ національнаго вопроса. Кельтова	113—131
5. Графическая анкета. В. Воронова	132—147
6. Свообразіе англійской литературы. Ив. В.	148—168
7. О вѣкъклассномъ чтеніи и литературныхъ бесѣдахъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Н. Петрова	169—179
8. Воскресная школа по отзывамъ ея учениковъ. З. С.	180—193
9. Отраженіе войны въ дѣтской психикѣ. И. Е. Потемкина	194—208
10. Къ пересмотру „правилъ о временно-педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ“. П. О. Аванасьева	209—218
11. Критика и библіографія. А. Ф. Лазурскій , Классификація личностей. И. Соловьева .—Подвижная хрестоматія для I класса, сост. Е. Д. Домашевской и И. Н. Розановымъ ; то же для II класса; то же для III класса, сост. И. П. Казанскимъ и И. Н. Розановымъ . Его же .— Ө. Зѣлинскій , Исторія античной культуры, ч. I и II. В. Перцева .—Проф. М. Богословскій , Учебникъ русской исторіи, курсъ VI класса. К. Сивнова .— П. М. Дрейманъ , Методика исторіи, ч. I. Вл. Сыроѣчковскаго .—Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ, томъ I. А. Л. — В. И. Архангельская , Курсъ популярной гигиены, въ 2-хъ частяхъ.— В. Я. Данилевскій , Народный домъ, его задачи и общественное значеніе, 2 доп. изд. Х.-Г. — Е. М. Медвѣдскій , Методы вѣшкольной просвѣтительной	

Годъ XXVI. НОЯБРЬ. № 8.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакціей д-ра Н. Ф. Михайлова.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская улица, собствен. домъ.

1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>
1. Изъ итоговъ соціально-педагогическаго движенія. (Окончаніе.) Л. Синицаго	1— 46
2. Изъ жизни нѣмецкой школы. М. Пилецкой	47— 69
3. Дополнительныя народныя школы въ Германіи. (Окончаніе.) Лины Нейманъ	70—112
4. Подъ знакомъ національнаго вопроса. Нельтова	113—131
5. Графическая анкета. В. Воронова	132—147
6. Своеобразіе англійской литературы. Ив. В.	148—168
7. О виѣклассномъ чтеніи и литературныхъ бесѣдахъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Н. Петрова	169—179
8. Воскресная школа по отзывамъ ея учениковъ. З. С.	180—193
9. Отраженіе войны въ дѣтской психикѣ. И. Е. Потемкина	194—208
10. Къ пересмотру „правиль“ о временно-педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ“. П. О. Аванасьева	209—218
11. Критика и библіографія. А. Ф. Лазурскій , Классификація личностей. И. Соловьева .—Подвижная хрестоматія для I класса, сост. Е. Д. Домашевской и И. Н. Розановымъ ; то же для II класса; то же для III класса, сост. И. П. Казанскимъ и И. Н. Розановымъ . Его же .— Ф. Зѣлинскій , Исторія античной культуры, ч. I и II. В. Перцева .—Проф. М. Богословскій , Учебникъ русской исторіи, курсъ VI класса. К. Сивнова .— П. М. Дрейманъ , Методика исторіи, ч. I. Вл. Сыроѣчковскаго .—Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ, томъ I. А. Л.—В. И. Архангельская , Курсы популярной гігіены, въ 2-хъ частяхъ.— В. Я. Данилевскій , Народный домъ, его задачи и общественное значеніе, 2 доп. изд. Х.-Г. — Е. М. Медынскій , Методы виѣшкольной просвѣтительной	

работы. Ея же.—В. В. Огарева, Къ свѣту. Ю. Веселовскаго.—Военная дѣтская литература. О. Эльдаровой.—Книги и брошюры, поступившія въ редакцію

1—60

12. Хроника. Изъ хроники народнаго образованія: Губернскія совѣщанія по народному образованію, какъ новое явленіе въ дѣятельности земствъ. Совѣщанія въ Перми, Ярославѣ, Уфѣ, Оренбургѣ, Москвѣ, Полтавѣ, Саратовѣ и Петроградѣ. Вопросъ о 2-мъ общеземскомъ съѣздѣ по статистикѣ образованія. Дороговизна жизни и учителя. Министерскій отчетъ о школьностронтельномъ фондѣ. Е. Зягинцева.—О реквизиціи зданій среднихъ учебныхъ заведеній. М—ля. — Письмо изъ Франціи. Война и народное образованіе: высшее, среднее и начальное. Виды на будущее. Французская наука на международной выставкѣ въ Санъ-Франциско. Льва Шейниса.—Памяти профессора Федора Федоровича Эрисмана. Н. Михайлова .

61—116

13. Объявленія

I—XVI

Изъ итоговъ соціально-педагогическаго движенія¹⁾.

(Окончаніе).

VI. Идейный багажъ, какимъ снабжаетъ дѣтей среда. Примѣры благотворнаго и губительнаго вліянія среды.

Тѣ идеи, какія выноситъ дитя изъ своей среды, не могутъ не вліять на его вкусы, стремленія, взгляды. Чтобы выяснить разницу въ идеяхъ дѣтей, въ зависимости отъ ихъ принадлежности къ извѣстному классу, *Британская ассоціація по изученію дѣтей* (British Child Study Association) устроила среди дѣтей бѣдныхъ и богатыхъ кварталовъ анкету по 2-мъ слѣдующимъ вопросамъ: «Что выбрали бы вы, если бы могли получить, что пожелаете? Что дѣлали бы вы, если бы могли дѣлать то, что больше всего любите?»

Анкета была произведена, съ одной стороны, среди 600 дѣвочекъ 8—14 лѣтъ, обучавшихся въ народныхъ школахъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона, съ другой—среди 500 дѣвочекъ 8—16 лѣтъ изъ среднихъ школъ съ высокою платой за ученіе, расположенныхъ въ аристократическихъ кварталахъ Лондона.

Результаты анкеты были сгруппированы Юнгомъ по 5 рубрикамъ: 1) матеріальныя блага, 2) субъективныя желанія, 3) призваніе, 4) желаніе путешествовать, 5) альтруистическіе идеалы.

¹⁾ Окт., стр. 1—46.

Группа матеріальныхъ благъ была разбита, въ свою очередь, на 2 подрубрики: недолговѣчныя блага, какъ игрушки, сласти и т. п., и долговѣчныя и дорогія, какъ фортепіано, велосипедъ, драгоцѣнности и т. д.

Желанія получить недолговѣчныя блага очень многочисленны въ самомъ раннемъ возрастѣ и особенно среди бѣдныхъ дѣтей. Среди ученицъ народныхъ школъ на недолговѣчныхъ благахъ остановились въ возрастѣ 8 лѣтъ 60%, затѣмъ процентъ падаетъ до 10 къ 13 годамъ. Среди богатыхъ ученицъ желаніе обладать недолговѣчными благами наблюдается у 28% въ 8 лѣтъ и всего 1% въ возрастѣ 12 лѣтъ, послѣ котораго совершенно исчезаетъ.

Мечты о прочныхъ благахъ существуютъ у 18% бѣдныхъ дѣвочекъ въ 8 лѣтъ, затѣмъ % подымается до 72 къ 13 годамъ; среди богатыхъ соотвѣтственный % подымается съ 53 въ 8 лѣтъ до 86 къ 15 годамъ.

Предусмотрительность—въ видѣ предпочтенія прочнаго непрочному — растетъ у дѣтей, какъ это вполне естественно, съ возрастомъ. Что она чаще встрѣчается у богатыхъ дѣтей, чѣмъ у бѣдныхъ, объясняется не большимъ развитіемъ богатыхъ, а тѣмъ, что у послѣднихъ уже въ будничномъ обиходѣ имѣется все то, о чемъ бѣдныя могутъ только мечтать. Дѣти народныхъ школъ мечтаютъ о пирожныхъ, новыхъ платьяхъ, шляпахъ; дѣвочки среднихъ школъ выше подобныхъ желаній, такъ какъ у нихъ и такъ есть и пирожныя, и новыя шляпы. Желанія богатыхъ дѣвочекъ разнообразнѣе: онѣ говорятъ о мандолинахъ, арфахъ, гитарахъ, фотографическихъ аппаратахъ; такія вещи и въ голову не приходятъ бѣднымъ.

Процентъ выразившихъ *субъективныя желанія* (усиѣхи въ школь, ловкость, красота, хорошее здоровье и проч.) одинаковъ для бѣдныхъ и богатыхъ въ раннемъ возрастѣ 8—10 лѣтъ: 8, 10 и 18. Затѣмъ для бѣдныхъ дѣвочекъ онъ составляетъ 16% въ 11 л., 19 въ 12 и 13 лѣтъ. У богатыхъ онъ замѣтно выше: 24% въ 11 л., 27 и 34 въ 12 и 13 л., 39% въ 14—15 лѣтъ. У богатыхъ при-

ходится отмѣтить славолубіе: желая добиться успѣховъ въ области искусства, онѣ часто хотятъ этого не столько ради самаго искусства, сколько ради артистической славы. «Я хотѣла бы имѣть великолѣпный голосъ». «Я хотѣла бы стать великой музыкантшей». «Я хотѣла бы быть композиторомъ, какъ Гендель или Мендельсонъ» и т. д.

Вопросъ: «что хотѣли бы вы дѣлать?» многіе поняли, какъ вопросъ о *призваніи*, о профессіи, особенно много высказалось въ этомъ именно смыслѣ въ народныхъ школахъ: отъ 22% въ 8 л. до 55 и 50% въ 12—13 лѣтъ; въ средней школѣ: 3% въ 8 л., 21% въ 13 л., 18% въ 14—15 л.

Желаніе путешествовать почти неизвѣстно бѣднымъ ученицамъ начальныхъ школъ (0% въ 8—11 л., 5% въ 13 л.). Наоборотъ, очень распространено среди богатыхъ ученицъ среднихъ школъ (4% въ 8 и 9 л., 9% въ 10 л., 43% въ 12 л., 37% въ 13 л., 48% въ 14 л., 74% въ 15 л.).

Здѣсь несомнѣнно сказывается вліяніе среды съ повышенными запросами. То же и по отношенію къ *альтруистическимъ идеаламъ*. Въ первые 3 года (8—10 л.) разницы между бѣдными и богатыми почти нѣтъ еще (2—15%). Но съ 11 лѣтъ разница уже очень замѣтна: 14, 14 и 18% для дѣвочекъ 11—13 л. въ народной школѣ; 20, 17, 27, 34 и 32% въ средней школѣ, въ возрастѣ 11—15 л.

На характерѣ альтруистическихъ идей бѣдныхъ дѣвочекъ, главнымъ образомъ, сказываются ихъ семейныя заботы: «Имѣть возможность жить внѣ Лондона, потому что мать слаба здоровьемъ». «Имѣть много денегъ, когда вырасту, чтобы отцу не нужно было работать въ старости». «Имѣть собственныя деньги, чтобы давать матери по четвергамъ или пятницамъ, когда у нея не хватаетъ, и она должна выпрашивать у отца».

На всѣхъ этихъ отвѣтахъ отражается бѣдность, преждевременная забота о кускѣ хлѣба и чувство личной отвѣтственности.

страхи, незамѣтно впитавшіеся съ дѣтства, «сильнѣ насъ»: ихъ не могутъ побороть въ себѣ подчасъ люди, прекрасно образованные, даже научно мыслящіе.

Желая выяснитъ характеръ этихъ страховъ, засоряющихъ дѣтскія головы и держащихся такъ цѣпко, Монро опросилъ 798 мал. и 863 дѣв. 7—16 лѣтъ изъ сѣверо американскихъ школъ по слѣдующему пункту: «чего ты боишься сейчасъ, чего боялся, когда былъ маленькимъ, и почему?» (старшимъ было предложено описать, что дѣлали они и какъ чувствовали себя въ моменты страха).

1652 человекъ указали 8854 причины своихъ страховъ. Монро сгруппировалъ ихъ въ слѣдующія рубрики.

1. Естественныя причины страха.

1. Темнота	170	дѣв.	и	300	м.,	всего	470
2. Громъ и молнія	56	"	"	122	"	"	178
3. Вода	66	"	"	72	"	"	138
4. Другія естественныя явленія	60	"	"	72	"	"	132

352 дѣв. и 566 м., всего 918

2. Люди, какъ причина страха.

1. Бродяги	83	дѣв.,	121	м.,	всего	204
2. Пьяные	36	"	80	"	"	116
3. Воры	56	"	51	"	"	107
4. Полицейскіе и проч.	47	"	55	"	"	102
5. Цвѣтныя	62	"	50	"	"	112
6. Другія причины той же рубрики	139	"	165	"	"	304

423 дѣв. 522 м., всего 945

3. Животныя, какъ причина страха.

1. Собаки	437	дѣв.,	474	м.,	всего	911
2. Змѣи	266	"	250	"	"	516
3. Коровы и быки	257	"	340	"	"	597
4. Лошади	232	"	295	"	"	527
5. Медвѣди	171	"	176	"	"	347
6. Львы	147	"	109	"	"	256
7. Мыши	80	"	136	"	"	216
8. Обезьяны и слоны	131	"	138	"	"	269
9. Другія животныя	996	"	1187	"	"	2183

2717 дѣв. 3105 м., всего 5822

4. Механическія причины страха.

1. Огонь и огнестрѣльное оружіе. . .	101 д., 95 м.,	всего 196
2. Машины, паровозы и т. п.	103 " 77 "	" 180
3. Другія механическія причины . . .	74 " 65 "	" 139
	<hr/>	
	278 д., 237 м.	всего 515
5. Сверхъестественныя причины . .	58 дѣв. 42 м.,	всего 100
6. Разныя причины	242 " 322 "	" 564

Въ группѣ естественныхъ причинъ, какъ и слѣдовало ожидать, на первомъ мѣстѣ стоитъ страхъ предъ темнотою, ужасами которой такъ часто пугаютъ въ дѣтствѣ. Запугиваніями нянюшекъ объясняется большинство страховъ 2-й группы (бродяги, пьяницы, полицейскіе, черные люди—у насъ вѣдь тоже пугаютъ дѣтей трубочистомъ). Боязнь собакъ, стоящая во главѣ страховъ 3-й группы, объясняется случайной причиной—въ данной мѣстности было какъ-то много бѣшеныхъ собакъ. Страхи предъ сверхъестественнымъ (духи, привидѣнія) были указаны 62% дѣтей.

Нѣкоторыя суевѣрія слабѣютъ съ возрастомъ, какъ видно изъ опроса Монро (560 мал. и 472 дѣв. въ возрастѣ 7—16 л.) по поводу повѣрія, будто находка подковы приноситъ счастье. Суевѣріе это раздѣлялось 40% дѣтей, при чемъ въ 7 лѣтъ въ счастье, приносимое подковой, вѣрило 72% м. и 81% дѣв., въ 12 л.—31 и 35%, въ 16 лѣтъ 20 и 15%.

На вопросъ, почему повѣрили въ эту примѣту, отвѣчали, что примѣта подтверждается фактами, и что ея придерживаются люди, заслуживающіе довѣрія. Въ 40% случаевъ вѣра была сообщена родителями или домашними; въ 30%—товарищами по школѣ или по играмъ; въ 30% источникъ суевѣрія не былъ опредѣленно указанъ.

Наиболѣе интересными являются тѣ случаи, когда оказывается возможнымъ не только прослѣдить возникно-

веніе, подѣ влияніемъ среды, того или другого взгляда, но и выяснитъ себѣ весь обликъ личности, какъ результатъ физическаго и соціальнаго вліянія среды. Изученіе автобіографій выдающихся людей, съ одной стороны, а съ другой, детальное выясненіе тѣхъ причинъ, которыя создавали изъ юношей и подростковъ преступниковъ, даетъ нерѣдко благодарный матеріалъ въ этомъ отношеніи.

Среди автобіографій выдающихся людей едва ли не наиболѣе поучительной является автобіографія Герберта Спенсера, вдумчиво отмѣтившаго всѣ вліянія какъ наслѣдственности, такъ и среды, которыя выработали изъ него первокласснаго мыслителя.

Предки Спенсера,—какъ по отцу, такъ и по матери—были веселянцами по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, и Спенсеръ выдвигаетъ, какъ характерную ихъ черту, самостоятельность ихъ взглядовъ, отсутствіе всякаго преклоненія предъ признанными авторитетами въ какой бы то ни было области, способность отказываться отъ непосредственныхъ благъ ради благъ отдаленныхъ, но высшихъ.

«Никто не откажетъ и мнѣ,—говоритъ Спенсеръ,—въ независимости взглядовъ въ самыхъ различныхъ областяхъ, въ отчетливо выраженномъ отрицаніи всякихъ—политическихъ, религіозныхъ или соціальныхъ—авторитетовъ. Въ другой только формѣ, чѣмъ у моихъ предковъ, у меня выражено и стремленіе ставить принципы надчеловѣческаго происхожденія выше правилъ, созданныхъ человѣкомъ: во всемъ, что я писалъ о человѣкѣ, я ставилъ этическія внушенія выше законодательныхъ. Во всѣхъ моихъ политическихъ разсужденіяхъ проводится мысль о первенствѣ конечныхъ результатовъ надъ непосредственными».

Первымъ по времени воспитателемъ Спенсера былъ его отецъ, человѣкъ выдающійся во многихъ отношеніяхъ. «В. Г. Спенсеръ былъ перворазряднымъ учителемъ. Методъ его заключался въ томъ, чтобы возбудить у ученика любопытство и желаніе самостоятельно придти къ рѣшенію задачи. Онъ написалъ маленькій, но очень осто-

рожный трактатъ: «Изобрѣтательная геометрія», имѣвшій большой успѣхъ въ Англии и С. Штатахъ. И теперь еще спеціалисты признаютъ его наилучшимъ введеніемъ въ изученіе математики. Этотъ очеркъ въ 32 страницы возбуждалъ такой интересъ къ предмету, что ученики В. Георга Спенсера просили давать имъ на каникулярное время возможно больше задачъ для самостоятельнаго рѣшенія».

Дѣтство Герберта Спенсера прошло среди деревенской обстановки вблизи Нотингеля. Съ большой теплотой вспоминаетъ онъ о своихъ блужданіяхъ среди папоротниковъ, подымавшихся выше его головы, или по узкимъ лѣснымъ тропамъ, заводившимъ въ невѣдомые раньше уголки. Все въ лѣсу казалось такимъ большимъ, и все было такъ близко передъ глазами, что они пріучались вглядываться въ природу и восхищаться ею. Въ это время ребенокъ отличался довольно слабымъ здоровьемъ, и отецъ училъ его немного, лишь поскольку мальчика самого тянуло къ занятіямъ.

Когда Герберту было 7 лѣтъ, Спенсеры переселились въ Дерби, тогда мало населенный городокъ, и мальчикъ продолжалъ жить въ обстановкѣ, въ значительной степени, сельской. Въ саду и огородѣ мальчика заставляють заниматься огородничествомъ, иногда даже больше, чѣмъ этого ему хочется. «Часто, когда нужно было выполнить работу, заданную отцомъ, я занимался другимъ: бросалъ камнями въ птицъ, усаживавшихся на стѣнѣ или на заборѣ, наблюдалъ за пчелами на цвѣткахъ фасоли, какъ онѣ пробиваютъ основаніе вѣнчика, чтобы добраться до нектарника, или слѣдилъ, какъ поднимаются на поверхность пруда личинки комаровъ и, извиваясь, выдвигали на воздухъ свой хоботокъ, чтобы подышать, а затѣмъ снова опускались внизъ... Большая часть дѣтей—натуралисты по инстинкту, и, если бъ ихъ толкали на этотъ путь, они быстро переходили бы отъ безцѣльнаго наблюденія къ сознательному и внимательному. Мой отецъ держался совершенно правильныхъ взглядовъ по этому вопросу. Мнѣ

не только позволяли заниматься естественной исторіей, но меня и поощряли къ этимъ занятіямъ... Въ свободное отъ обычныхъ школьныхъ занятій время, я изслѣдовалъ въ дѣтствѣ всѣ прилегающія области Омастона и Нормантона во всѣхъ ихъ деталяхъ. Я зналъ каждую изгородь. Весною я разыскивалъ гнѣзда птицъ или рвалъ фіалки и дикія розы; позже собиралъ грибы, ежевику, дикія яблоги и т. д. Помимо удовольствія, которое я испытывалъ, благодаря своей любви къ приключеніямъ, я и учился очень многому во время этихъ прогулокъ. Моимъ любимымъ занятіемъ на вакаціяхъ была рыбная ловля. Много счастливыхъ часовъ и даже дней провелъ я на берегу рѣки. Кромѣ ловкости, требуемой самой ловлей, нужно было проявить ловкость и при изготовленіи удочекъ, такъ какъ у меня не было достаточно карманныхъ денегъ, чтобы купить все необходимое. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, отецъ училъ меня пользоваться собственными силами, чтобы удовлетворить своимъ потребностямъ».

Во время прогулокъ Гербертъ много занимался энтомологіей. Нѣрѣдко онъ зарисовывалъ видѣнное. Отецъ постоянно настаивалъ, чтобы онъ рисовалъ съ натуры, а не съ моделей. Въ 11—12 лѣтъ мальчикъ сталъ много читать, главнымъ образомъ, по беллетристикѣ. Отецъ мало сочувствовалъ этому, и Гербертъ читалъ тайкомъ по вечерамъ, лежа въ постели.

Подводя итоги своего воспитанія къ 13 годамъ, Г. Спенсеръ говоритъ: «Я очень мало зналъ по-латыни и гречески... Не зналъ ничего и по англійскому языку, понимая предметъ технически: меня не учили ни грамматикѣ, ни писанію сочиненій. Изъ математическихъ наукъ я зналъ лишь то, что знаютъ обыкновенно по ариметикѣ. Ничего не зналъ изъ исторіи Англии и лишь немного изъ древней; ровно ничего по античной литературѣ и географіи. Но о вещахъ и ихъ свойствахъ я зналъ значительно больше дѣтей моего возраста. Мои представленія о фи-

зическихъ законахъ и явленіяхъ были очень ясны, и я былъ посвященъ въ нѣкоторыя изъ тайнъ физики и химіи. Изъ личныхъ наблюденій и изъ чтенія я извлекъ извѣстныя познанія о жизни животныхъ, особенно насѣкомыхъ. По систематикѣ ботаники я не зналъ ничего. Благодаря чтенію, я зналъ кое-что по механикѣ, медицинѣ, анатоміи и физиологіи, имѣлъ представленіе о различныхъ частяхъ свѣта и ихъ обитателяхъ. Таковы были мои познанія; они составляли противовѣсъ тому, чего я не зналъ, и что обычно знаютъ дѣти.

«Мнѣ нужно отмѣтить еще одну черту, именно то, что умъ мой подвергся закалкѣ, рѣдко встрѣчающейся при обычномъ воспитаніи. Методомъ отца была самопомощь во всѣхъ областяхъ—не только въ практической, но и въ умственной сферѣ. Отецъ приучилъ меня постоянно доискиваться причинъ и прививалъ мнѣ взглядъ, что всякая вещь имѣетъ свою естественную причину, утверждая тѣмъ вѣру во всеобщую причинность; изъ этого проистекало абсолютное невѣріе во всякія чудеса.

«Никогда отецъ не ссыался ни на какой авторитетъ, какъ на доводъ для принятія извѣстнаго воззрѣнія. Сознательно или безсознательно онъ развивалъ и у другихъ ту независимость сужденій, которая характеризовала его самого, и которую намѣренно или безъ намѣренія онъ вызвалъ и во мнѣ. Безъ сомнѣнія, эта склонность имѣлась уже у меня въ скрытомъ состояніи, а его воспитаніе развило ее».

Въ 13 лѣтъ Гербертъ былъ посланъ въ Гинтонъ къ дядѣ Томасу, взявшему на себя воспитаніе племянника, тогда какъ отецъ Герберта принялъ къ себѣ на воспитаніе сына Томаса. Томасъ примѣнялъ къ воспитанію мальчика, что и отецъ его, но велъ дѣло послѣдовательнѣе и энергичнѣе, что имѣло самое благотворное послѣдствіе для формированія личности мальчика.

Въ своихъ запискахъ дядя отмѣчаетъ выдающіяся умственныя дарованія племянника и въ то же время от-

сутствіе привычки къ повиновенію. Лишь послѣ извѣстной борьбы дядѣ удалось достигъ извѣстнаго результата въ послѣднемъ отношеніи. Черезъ 3 года Гербертъ вернулся въ Дерби къ родителямъ.

«Стоитъ подвести результаты воспитанія дяди. Въ физическомъ отношеніи они были хороши. Я вернулся въ Дерби сильнымъ, здоровымъ, очень выросшимъ. Безъ сомнѣнія, здоровый климатъ и деревенская жизнь принесли мнѣ пользу.

«Въ умственномъ отношеніи я развился. Я зналъ удовлетворительно математику, и та умственная дисциплина, которая создается математическими занятіями, укрѣпила мою способность къ разсужденію. Въ новыхъ языкахъ я сдѣлалъ мало успѣховъ...

«Если бы я не прожилъ этого времени въ Гинтонѣ, очень можетъ быть, что я провелъ бы свою жизнь въ лѣности, не научившись почти ничему.

«Въ нравственномъ отношеніи режимъ, которому я былъ подвергнутъ у дяди, тоже принесъ мнѣ добро.

«Къ сожалѣнію, въ годы, проведенные у родителей, я не чувствовалъ на себѣ вліянія той дисциплины, которая необходима для моего характера. Были только намеки на нее, и результатомъ явилось постоянное непослушаніе.

«Болѣе твердыя правила дяди вывели меня изъ этого нежелательнаго состоянія, которое является слѣдствіемъ воспитанія такого рода... Было бы всего лучше, если бы мною руководилъ человѣкъ, съ возвышенными идеалами отца и въ то же время съ твердой волей дяди».

Въ общемъ, условія воспитанія Герберта Спенсера были въ высшей степени благоприятны. Было сдѣлано все, чтобы создать изъ него здороваго и крѣпкаго мальчика. Въ дѣлѣ умственнаго воспитанія главное вниманіе было обращено на то, чтобы развить дарованіе мальчика, а не на то, чтобы снабдить его возможно большимъ количествомъ знаній. Онъ непосредственно наблюдаетъ природу, приходитъ

къ самостоятельному установленію истинъ въ математикѣ, рисуетъ съ натуры. Ко всѣмъ особенностямъ его дарованій внимательно присматриваются и стараются развить эти дарованія. Поддерживая самостоятельность его сужденій, развиваютъ у него чувство причинности, заставляютъ задумываться надъ причинами, отыскивать ихъ. Разговоры, при которыхъ присутствуетъ мальчикъ—въ домѣ и дяди, и отца,—ведутся на возвышенныя темы: говорятъ о моральныхъ и соціальныхъ вопросахъ или о физическихъ явленіяхъ.

Какъ не похоже было все это на обычное, особенно на школьное, воспитаніе, при которомъ стараются вложить въ голову ученика возможно большее количество готовыхъ знаній и идей. Все это создаетъ иллюзію знанія, цѣнимую на экзаменѣ, снискивающую учителю милость начальства, но, какъ все иллюзорное, и это призрачное знаніе быстро улечивается послѣ экзамена, такъ какъ воспитаніе не выработало у мальчика той способности добывать самому знанія, при которой они становятся прочнымъ органическимъ достояніемъ, какъ у Г. Спенсера.

Самъ Г. Спенсеръ далеко не считаетъ своего воспитанія идеальнымъ. Онъ отмѣчаетъ въ немъ рядъ ошибокъ. «Можно было бы достигъ лучшаго», часто говоритъ онъ. У шаблоннаго воспитанія нѣтъ этого святого недовольства. Съ легкимъ сердцемъ совершаетъ онъ колоссальнѣйшія ошибки, не задумываясь надъ ихъ печальными послѣдствіями.

«Идея детерминизма не достаточно еще проникла въ среду педагоговъ,—говоритъ Рума:—они не отдають себѣ отчета въ томъ, что даже ничтожныя, казалось бы, ошибки съ ихъ стороны оказываютъ тяжелое вліяніе на всю послѣдующую жизнь ихъ учениковъ. Воспитатель бѣговыхъ лошадей относится съ крайней заботливостью ко всѣмъ деталямъ воспитанія цѣнныхъ особей; онъ знаетъ, что его неблагоразуміе можетъ погубить будущее наилучшихъ экземпляровъ. А въ дѣлѣ культуры человѣческаго ума—

работѣ куда болѣе важной, чѣмъ выработка призовыхъ лошадей—мы довольствуемся эмпирическимъ методомъ, дѣйствуя наудачу и нисколько не беспокоясь по поводу допущенныхъ ошибокъ.

Зачѣмъ же удивляться огромному числу выбитыхъ изъ колеи, не приспособленныхъ къ жизни въ обществѣ? Чаше приходится изумляться тому стойкому противодѣйствію, какое дѣти оказываютъ совершенно абсурднымъ подчасъ приемамъ воспитанія.

Прямую противоположность тѣмъ благопріятнымъ воспитательнымъ условіямъ, которыя создаютъ выдающихся личностей, представляютъ условія, вращивающія малолѣтнихъ преступниковъ. Огромнѣйшая часть ихъ лишена всякой семейной обстановки. Изъ 1589 малолѣтнихъ преступниковъ, изслѣдованныхъ Шоффомъ (въ Филадельфій) 1218 была сиротами, рано потерявшими или одного или обоихъ родителей, да и у остальныхъ благопріятной семейной обстановки не было. По изслѣдованію Ро (Rauch) въ Лионѣ, изъ 385 преступныхъ дѣтей, подвергшихся его обслѣдованію, 87% было доведено до своихъ преступленій отсутствіемъ семьи, или слабостью, безразличіемъ, испорченностью и лѣнностью родителей.

Рума даетъ интересный анализъ выдающагося по своей жестокости преступленія, совершеннаго двумя малолѣтними пастухами, 16 и 14 лѣтъ. Вызвавъ изъ фермы, гдѣ они служили, ночью хозяина подъ предлогомъ, что что-то необычайное творится съ быкомъ, и выждавъ послѣдовательнаго выхода другихъ обитателей фермы, они съ рѣдкимъ хладнокровіемъ убили сперва хозяина, затѣмъ его жену, двухъ слугъ и служанку. Пастуху-подростку они нанесли нѣсколько тяжелыхъ ударовъ топоромъ и лишь по случайному недосмотру не добились его.

Вдохновителемъ преступленія былъ 16-лѣтній Жакьяръ (Jacquard). Съ дѣтства онъ былъ предоставленъ самому

себѣ. Мать рано умерла, отецъ работалъ внѣ дома. Затѣмъ умеръ и отецъ, и опекуномъ былъ назначенъ дядя, человѣкъ совершенно безвольный. Мальчикъ ведетъ себя такъ дурно, что становится невозможнымъ держать его дома, и его помѣщаютъ въ сиротскій домъ въ Тавелѣ. Онъ убѣгаетъ оттуда разъ, потомъ другой, послѣ чего дядя снова беретъ его къ себѣ. Поведеніе мальчика не измѣняется. Онъ отказывается отъ всякой работы, никогда во время не возвращается домой, постоянно требуетъ денегъ—и получаетъ ихъ. Дядя извиняетъ все «страстью къ чтенію» мальчика—тотъ покупаетъ скверныхъ книжонокъ, въ родѣ похожденій *Никз Картера* или *Буффало Билля*, и жадно проглатываетъ ихъ.

Онъ всячески старается вызвать восхищеніе сотоварищей своей храбростью. Покупаетъ револьверъ съ патронами и стрѣляетъ по ночамъ на дорогѣ, пугая прохожихъ. Набрасывается на муниципальнаго совѣтника, когда тотъ вздумалъ пожурить его за безпутный образъ жизни, избиваетъ его, переламываетъ ему ногу. Онъ могъ бы убить его, не вмѣшайся прохожій.

Уже тогда мальчикъ мечталъ о грабежѣ. Въ найденномъ черновикѣ письма онъ предлагаетъ неизвѣстному корреспонденту ограбить ферму между Лозанной и Монтре. «Если намъ удастся дѣло, судьба наша обезпечена навсегда. Я знаю, что на фермѣ 10 человѣкъ, но чтобы преуспѣть въ жизни, не нужно ничего бояться».

Другой убійца, Вьенни, мальчикъ 14 лѣтъ, представлялъ собою совершенно другой типъ. Слабый, забитый, онъ ушелъ изъ родины во Францію съ самыми благими намѣреніями, ушелъ на работу въ компаніи съ Жакьяромъ, который хотѣлъ скопить нѣкоторую сумму денегъ для будущихъ предпріятій. И здѣсь-то, во время совмѣстной службы на фермѣ, Вьенни всецѣло подпалъ вліянію смѣлаго бавдита, какимъ былъ Жакьяръ, сталъ его рабомъ всецѣло, слѣпымъ орудіемъ для выполненія его приказаній. У него не было ничего своего за душой; въ

лучшемъ случаѣ былъ лишь рядъ запретовъ, указаній, чего нельзя дѣлать; но всѣ эти затверженныя традиціонныя правила разстаяли, какъ дымъ, когда сильный товарищъ сталъ развивать ему свои теоріи о дозволенности всего, о томъ, что для человѣка, желающаго пробить себѣ дорогу, не должно быть ничего запретнаго. Но и это—только навѣянное. Изъ тюрьмы онъ пишетъ жалкія письма роднымъ, просить у нихъ прощенія, и счастливъ, когда получаетъ его.

Онъ слишкомъ слабъ въ своемъ одиночествѣ, ему непременно нужно найти въ комъ-нибудь поддержку.

Вьенни, несомнѣнно, не прирожденный преступникъ, а жалкая жертва, и прежде всего жертва обычнаго воспитанія, создающаго безвольныхъ индивидовъ, которые подчиняются морали запретовъ, пока чувствуютъ надъ собою палку, но, не имѣя сознательно выработанныхъ убѣжденій, могутъ принести и огромный вредъ обществу, легко поддаваясь вреднымъ внушеніямъ, которымъ, по своей нравственной индифферентности и тупости, ничего не могутъ противопоставить.

Жакьяръ, наоборотъ,—человѣкъ сильный, здоровый, умный, со смѣлымъ и предприимчивымъ характеромъ. Съ его умомъ, смѣлостью, инициативой онъ могъ бы при надлежащемъ воспитаніи, стать виднымъ и полезнымъ членомъ общества. Но онъ былъ предоставленъ съ дѣтства лишь игрѣ своихъ инстинктовъ: отецъ не имѣлъ возможности вмѣшиваться въ воспитаніе, дядя лишь потакалъ дурнымъ влеченіямъ мальчика—тотъ бродяжилъ, кралъ, нападалъ на людей и, подстрекаемый восхищеніемъ товарищей, все больше грубѣлъ. Уголовные рассказы завершили нелѣпое самовоспитаніе мальчика. Они упали на хорошо подготовленную почву. Неуравновѣшенный умъ Жакьяра воспламенялся подвигами смѣлыхъ злодѣевъ, торжествующихъ надъ ротозѣями, хотя бы тѣ и были вооружены всѣмъ аппаратомъ правительственной власти. Онъ и себя чувствовалъ однимъ изъ героев уго-

ловнаго романа, чѣмъ-то въ родѣ безстрашнаго и все-сильнаго «Зигомара». Эшафотъ не пугаль его. «Эшафотъ, ну что-жь, пойдѣмъ и на него. Какъ ни какъ, а заслужилъ его, какъ слѣдуетъ».

Превращеніе въ преступника этого предприимчиваго и безстрашнаго мальчика — еще большій общественный грѣхъ, чѣмъ превращеніе въ него кроткаго и безвольнаго Вьенни.

Все это, говоритъ Рума, лишній разъ подтверждаетъ положеніе, что «воспитаніе, въ широкомъ смыслѣ слова, включая сюда вліянія семейныя, соціальныя и школьныя, является значительной силой, которой мы далеко не пользуемся въ той мѣрѣ, какъ могли бы».

«Мы подчиняемъ одному и тому же воспитательному режиму всѣхъ дѣтей, каковы бы ни были ихъ личныя наклонности, да мы и не даемъ себѣ труда выяснитъ ихъ особенности. Общество теряетъ, такимъ образомъ, индивидовъ, которые, можетъ быть, стали бы замѣтными дѣятелями и оказали бы обществу выдающіяся заслуги. Въмѣсто этого оно систематически истребляетъ все оригинальное. Мы настроили школъ и хотимъ, чтобы дѣти приспособились къ той искусственной средѣ, которую мы придумали для нихъ. И мы не задумываемся надъ тѣмъ, что вопросъ нужно поставить совершенно обратно и создать, что было бы гораздо логичнѣе—школьную среду, приспособленную къ потребностямъ нормально развитыхъ дѣтей.

«Мы насочиняли множество учебныхъ плановъ и программъ, правилъ, расписаній уроковъ, не считаясь съ особенностями возраста, и заставляемъ высидивать одинаковое число на скамьяхъ всѣхъ, и малыхъ и большихъ».

Наиболѣе настоятельными мѣрами для устраненія создавшихся ненормальностей Рума считаетъ:

1) Уменьшеніе числа учениковъ въ классѣ, что позволить больше индивидуализировать преподаваніе и дать учителю возможность хорошо изучитъ особенности уче-

никовъ. Какъ слѣдствіе этой первой мѣры, явилось бы введеніе школьной тетради (для индивидуальныхъ характеристикъ) и ознакомленіе преподавателей съ методами— правда еще несовершенными—изслѣдованія способностей учениковъ.

2) Приспособленіе учебныхъ плановъ къ возрасту дѣтей.

3) Классификація дѣтей и устройство спеціальныхъ учрежденій для ненормальныхъ, отсталыхъ и недоразвитыхъ.

Къ числу дальнѣйшихъ мѣръ Рума относятъ устройство лабораторіи для изученія дѣтей; болѣе настойчивое изученіе дѣтской психологіи вообще, въ частности усиленіе этого предмета въ педагогическихъ классахъ и институтахъ и т. п.; улучшеніе положенія учителя; устройство педотехнической консультаціи, куда бы могли обращаться за совѣтами родители и куда они могли бы сообщать свои записи наблюденій надъ дѣтьми.

VII. Внушаемость, застѣнчивость.

Среди психическихъ факторовъ, благопріятствующихъ развитію соціальнаго средства, на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена *внушаемость*, тенденція переживать то же, что и окружающіе, и поступать такъ же, какъ и они. Внушаемость можетъ повести и къ наилучшимъ, и къ наихудшимъ послѣдствіямъ въ дѣлѣ воспитанія. Этотъ важный и обоюдоострый факторъ заслуживалъ бы гораздо больше вниманія, чѣмъ удѣлялось ему до сихъ поръ. Пока, несмотря на довольно многочисленныя работы въ этомъ направленіи, онъ изученъ далеко недостаточно. Но есть рядъ интересныхъ наблюденій и попытокъ точнаго выраженія «коэффициента внушаемости».

Въ послѣдніе два года въ Россіи было нѣсколько примѣровъ массовыхъ заболѣваній на фабрикахъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ, повидимому, подъ вліяніемъ

самовнушенія. Такія же массовыя заболѣванія на нервной почвѣ извѣстны и въ школахъ. На педологическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ въ 1906 г. Диксъ сообщилъ о рядѣ истерическихъ эпидемій въ германскихъ школахъ.

Въ октябрѣ 1905 г. у 13-лѣтней ученицы изъ городской школы въ Мейсенѣ появились своеобразныя конвульсивныя подергиванья. Врачъ призналъ болѣзнь незаразительной, и дѣвочка продолжала ходить въ школу. Но уже въ январѣ болѣзнь приняла эпидемическій характеръ, и къ 18 января ею заболѣло 70 дѣвочекъ. Школу закрыли на 4 дня. Число больныхъ стало медленно, но непрерывно уменьшаться и опустилось до 25 къ 5 февраля. Но затѣмъ оно снова подскочило и стало расти настолько быстро, что къ 21 февраля достигло 134. Школа была закрыта на 3 недѣли, но когда открыли ее, эпидемія снова стала свирѣпствовать, и къ 20 марта, когда она достигла своего апогея, состояло больными 237 дѣтей. Были приняты энергичныя мѣры, и къ концу мая 1906 года эпидемія прекратилась.

Кромѣ этого случая, Диксъ сообщилъ еще объ эпидеміи эпидемическихъ конвульсій въ базельской женской школѣ (съ осени 1891 по июнь 1892 г.), въ Штутгартѣ (январь 1892), въ Брауншвейгѣ (1898 г.), въ Цильдбадѣ (1890), въ женской школѣ въ Биберихѣ (1891) и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ заболѣваніе вызывалось внушеніемъ. У тѣхъ, кто непосредственно видѣлъ заболѣваніе, зрѣлище припадка вызывало такое нервное потрясеніе, что у нѣкоторыхъ тотчасъ же и начинались конвульсіи. У другихъ оставался въ мозгу зрительный двигательный образъ этихъ конвульсій. Идея эта ассоціировалась съ чувствомъ страха предъ возможностью заболѣть самому тою же болѣзью, — страха, дѣйствовавшего, какъ самовнушеніе. Новые случаи заболѣванія и постоянные разговоры о нихъ сосредоточиваютъ все время мысль на томъ, что заболѣваніе неизбежно. Ребенокъ поддается, наконецъ, этому непрерывному внушенію и заболѣваетъ.

У дѣтей, которыя сами не видѣли конвульсій, внушеніе создается разсказами и описаніями болѣзни, часто сопровождавшимися мимическимъ воспроизведеніемъ конвульсивныхъ движеній.

Однимъ изъ доказательствъ того, что источникъ эпидеміи коренится во внушеніи, является то, что въ Штутгартѣ д-ръ Рембольдъ остановилъ распространеніе болѣзни, воспротивившись какой-бы то ни было анкетѣ и помѣшавъ распространенію въ обществѣ свѣдѣній о ней. Болѣзнь онъ лѣчилъ противовнушеніемъ.

Характеръ внушенныхъ принимаютъ иногда и самоубійства, начиная пріурочиваться къ опредѣленному мѣсту. Въ Иматру въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1907 г. бросилось 16 молодыхъ дѣвушекъ (Бехтеревъ). Въ Москвѣ мѣстомъ эпидемическихъ самоубійствъ грозила одно время стать колокольня Ивана Великаго.

Плехеръ въ своей брошюрѣ о «Внушеніи въ жизни дѣтей» (Langensalza, 1909) приводитъ среди многихъ другихъ такой случай самовнушенія: «Въ 11 ч. утра я спросилъ у учениковъ, не видѣли ли они чего либо на моемъ столѣ. Отвѣта не послѣдовало. На новый вопросъ: «Не видѣлъ ли кто моего перочиннаго ножика, который я оставилъ на столѣ, изъ 51 ученика 29 (57%) сказали, что видѣли, въ томъ числѣ утверждали это и такіе, которымъ съ ихъ мѣстъ рѣшительно ничего не могло быть видно. Семь видѣли, какъ я разрѣзалъ бумагу и затѣмъ положилъ ножикъ на столъ; три—какъ я чинилъ карандашъ; одинъ—какъ я отрѣзалъ кусокъ резины для физическаго опыта. Я сказалъ тогда, что ножикъ исчезъ послѣ переменъ. Сперва всѣ промолчали, но затѣмъ поднялся одинъ и сказалъ, что ученикъ Г.,—незадолго предъ тѣмъ уличенный въ кражѣ, о чемъ всѣ знали,—во время переменъ вертѣлся возлѣ стола, какъ бы разсматривая приборъ. Восемь другихъ также замѣтили Г. и сообщили различныя подробности о томъ, что видѣли.

«На самомъ дѣлѣ, въ теченіе всего утра я не вынималъ ножика изъ кармана. Ученикъ Г. вышелъ изъ класса однимъ изъ первыхъ; во время перемѣны онъ все время былъ на дворѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ со мною».

Интересно было бы найти способъ точнаго измѣренія степени внушаемости. Первыми по времени въ этомъ направленіи явились работы Бине и его сотрудниковъ.

Надъ 86 учениками 3-хъ классовъ начальной школы Бине и Вашидъ произвели слѣдующій опытъ. Ученикамъ была показана линія въ 5 сант. на бѣломъ картонѣ (они смотрѣли на нее 3 секунды). У себя на бумагѣ они нарисовали линію соотвѣтственной длины. Затѣмъ экспериментаторъ сказалъ, что онъ покажетъ линію больше первой, и ее нужно нарисовать подъ первой. Линія была длиной всего 4 сант. Изъ 86 учениковъ только 9 нарисовали вторую линію болѣе короткой. Только эти девять и оказались въ силахъ противостоятъ внушенію учителя, да и то лишь одинъ уменьшилъ свой рисунокъ на надлежащую величину. Остальные 8 уменьшили значительно меньше, чѣмъ было нужно. Больше всего поддающимися внушенію оказались самыя маленькія дѣти.

Внушеніе оказывается особенно властнымъ тогда, если почему-либо усыплена способность отнестись къ дѣлу критически, подумавъ: тогда даетъ себя знать привычка, склонность поступать разъ заведеннымъ образомъ. Бине и попытался измѣрить коэффициентъ внушаемости, подвергнувъ испытуемаго вліянію направляющей идеи, усыпляющей въ нихъ духъ критики и заставляющей поддаться внушенію.

Опытъ былъ построенъ слѣдующимъ образомъ: на листѣ бумаги было нарисовано 12 линій толщиной въ 1 миллиметръ, раздѣленныхъ разстояніемъ въ 2 сант. Линіи показывались поодиночкѣ, одна за другой. Каждая послѣдующая была на 12 миллиметровъ больше предыдущей

(1-ая—12, 2-ая—24, 3-ья—36 и т. д.), за исключеніемъ четырехъ: 6-й, 8-й, 10-й и 12-й, величина которыхъ оставлена равной величинѣ предыдущихъ (5, 7, 9 и 11). 6-ая, 8-ая, 10-ая и 12-ая линіи и представляли собою ловушки, въ которыя и попадалось большинство учениковъ. Подъ вліяніемъ направляющей идеи, сложившейся благодаря тому, что первыя пять линій правильно увеличивались каждая на 12 миллим. противъ предыдущей, мальчики рисовали и линіи-ловушки больше предшествовавшихъ имъ линій. Изъ 47 субъектовъ, подвергшихся опыту, ни одинъ не избѣгъ всѣхъ четырехъ ловушекъ, 3 избѣгли двухъ и 7—одной. Всѣ десять учениковъ, проявившихъ большую самостоятельность въ наблюденіи, оказались болѣе старшими.

Коэффициентъ внушаемости Бине опредѣлили, вычисляя въ процентахъ отношеніе размѣровъ сдѣланной ошибки къ предѣльному. Если линія-ловушка, равная предыдущей, рисуется, подобно другимъ, на 12 миллиметровъ больше, то коэффициентъ внушаемости равенъ 100. Если она рисуется всего на 4 милим. больше, то коэффициентъ внушаемости будетъ $\frac{4 \times 100}{12} = 33,33\dots$

Послѣ перваго опыта Бине подвергъ 42 прежнихъ ученика второму, состоящему въ томъ, что имъ были показаны послѣдовательно одна за другой 36 линій; пять начальныхъ правильно возросли каждая на 12 миллим.: 12, 24, 36, 48, 60. А затѣмъ шло 31 линіи съ одинаковой длиной въ 60 миллиметровъ. Результаты второго опыта, въ общемъ, оказались сходными съ результатами перваго для каждой изъ четырехъ группъ, на которыя Бине разбилъ обследованныхъ имъ дѣтей, по степени ихъ внушаемости.

Опыты Бине представляютъ ту слабую сторону, что ошибки въ нанесеніи величины линій могутъ объясняться не только внушаемостью, но и недостаточнымъ навыкомъ въ оцѣнкѣ на глазъ длины. Гдѣ такого навыка нѣтъ,

ученики дѣлають большія ошибки просто отъ неумѣнія схватить на глазъ настоящую длину. Бине и самъ знаетъ это и въ дополненіе къ описаннымъ опытамъ даетъ еще одинъ, замѣнивъ длину вѣсомъ. Берется 15 закрытыхъ бумажныхъ призматическихъ коробочекъ, заключающихъ въ себѣ грузъ (дробь въ ватѣ), правильно возрастающій для первыхъ 5 призмъ: 20 граммовъ, 40, 60, 80 и 100. Затѣмъ идетъ еще 10 призмъ съ грузомъ по 100 гр. Коробочки разставлены на столѣ въ одну линію въ порядкѣ постепеннаго возрастанія груза. Экспериментаторъ, указавъ вѣсъ первой коробочки въ граммахъ, предлагаетъ взвѣсить рукой, одна за другой, всѣ коробочки и сказать, тяжеле ли послѣдующая предыдущей и насколько. Опредѣленный этимъ путемъ коэффициентъ внушаемости оказывается очень близкимъ къ тому, какой выяснился изъ опыта съ 4-мя линіями ловушками.

Интересны индивидуальныя характеристики, которыми Бине сопроводилъ свои опыты. Всего менѣе поддающимся внушенію оказался нѣкто Лякъ, однимъ изъ особенно поддающихся ему—Пуаръ.

Лякъ дважды замѣтилъ ловушку въ опытѣ съ линіями. Во второмъ опытѣ съ линіями онъ проявилъ ту же устойчивую наблюдательность и не поддавался внушенію. То же и въ опытѣ съ заполненными грузомъ коробочками. Всѣ три вида опытовъ показали, что мальчикъ все время остается насторожѣ и не легко поддается туманящему голову внушенію. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ школой, это самостоятельный мальчикъ, нѣсколько даже трудно дисциплинируемый.

Пуаръ на годъ старше Ляка (ему 14 л.), перегналъ его на классъ (онъ въ послѣднемъ классѣ). Но насколько больше онъ поддается внушенію! И въ первомъ (опытѣ съ 4-мя линіями-ловушками) и во второмъ опытѣ (съ линіями, правильное возрастаніе которыхъ пріостанавливается на 5-й) онъ проявляетъ себя настоящимъ автоматомъ: отъ неизмѣнно увеличиваетъ на одну и ту же ве-

личину длину каждой послѣдующей линіи, хотя бы онѣ и оставались равными предыдущей. Ни малѣйшаго размышенія: это какая-то машина, продолжающая постоянно дѣйствовать, разъ она пущена въ ходъ. И въ опытахъ съ призмами, оставаясь вѣрнымъ своему автоматизму, онъ продолжаетъ до конца правильно увеличивать вѣсъ коробокъ послѣ того, какъ онъ давно достигъ своего предѣла.

Каковы бы ни были неточности въ опытахъ Бине, но коренную разницу у двухъ этихъ типовъ—Ляка и Пуара, стоящихъ по своей внушаемости на крайнихъ ступеняхъ лѣстницы, они выяснили вполне.

Особую категорію представляютъ любопытные опыты Бине съ опрашиваніемъ по поводу только что видѣннаго.

На листкѣ картона имъ прикрѣплялось шесть предметовъ: монета, этикетка, пуговица, портретъ мужчины, гравюра, представляющая людей, толпящихся возлѣ полуоткрытой рѣшетки, и новая французская марка въ 2 сантима.

Опрашиваемый предваряется, что онъ можетъ разсматривать картонъ въ теченіе 12 секундъ, послѣ чего ему будетъ предложенъ рядъ вопросовъ. Вопросы эти были составлены по тремъ типамъ.

Первый типъ представляютъ вопросы, подстегивающіе память, но не заключающіе въ себѣ элемента внушенія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: *Пуговица*. 1. Какъ прикрѣплена она къ картону? 2. Испорчена ли она или цѣла? Опишите. *Портретъ*. 3. Какого онъ цвѣта? 4. Видны ли на немъ ноги мужчины или нѣтъ? 5. Покрыта или не покрыта голова? Опишите. 6. Есть ли у человѣка что-либо въ правой рукѣ или нѣтъ ничего? и т. д.

Второй вопросникъ имѣетъ тенденцію произвести полувнушеніе. 1. Не прикрѣплена ли пуговица къ картону нитью? 2. Не попорчена ли она? Опишите. 3. Нѣтъ ли

густыхъ тоновъ на портретѣ? 4. Не перебросилъ ли господинъ на портретѣ ноги на ногу? 5. Нѣтъ ли у него шляпы на головѣ? Опишите. 6. Нѣтъ ли у него какого-либо предмета въ рукѣ? и т. д.

Форма: «не ли?» «нѣтъ ли?», ничего не утверждая, въ умѣренной степени подсказываетъ извѣстные отвѣты. Въ данномъ случаѣ всѣ они, будь они положительны, были бы невѣрны. Пуговица, на самомъ дѣлѣ, не испорчена и не прикрѣплена нитью; на портретѣ нѣтъ сгущенныхъ тоновъ, не видно ногъ; на головѣ у господина нѣтъ шляпы и ничего нѣтъ у него въ рукѣ и т. д.

Третій вопросникъ имѣетъ цѣлью произвести *сильное внушеніе*. За исходный пунктъ для вопросовъ здѣсь принимается рядъ совершенно невѣрныхъ фактовъ, въ существованіе которыхъ, такимъ образомъ, внушается вѣра: *пуговица*.

1. У ней 4 дыры. Какого цвѣта нитка, проходящая черезъ эти дыры, и прикрѣпляющая пуговицу къ картону? 2. Укажите, съ какой стороны пуговица немного попорчена? *Портретъ*. 3. Сгущена ли на немъ коричневая или синяя краска? 4. Перекинута ли правая нога на лѣвую или лѣвая на правую? 5. Опишите форму шляпы на головѣ. 6. Какой предметъ держитъ человекъ въ правой рукѣ?

Подсчитавъ ошибки, сдѣланныя опрашивавшимися при постановкѣ вопросовъ по первому, второму и третьему вопроснику, Бине нашель, что, безъ внушенія, ошибки были допущены въ $\frac{1}{4}$ случаевъ, при умѣренномъ внушеніи—въ $\frac{1}{3}$ случаевъ и при сильномъ внушеніи — въ $\frac{1}{2}$ случаевъ. Если бы вопросы были поставлены не въ письменной формѣ, а устно и сдѣланы убѣждающимъ тономъ, то во 2-мъ и 3-мъ случаяхъ процентъ ошибокъ былъ бы несомнѣнно еще значительнѣе.

Рума внесъ интересное видоизмѣненіе въ опыты Бине. Именно, послѣ того, какъ опрашиваемые подверглись внушенію при помощи третьяго вопросника, имъ былъ предложенъ для отвѣта новый вопросникъ, содержащій тоже сильный элементъ внушенія, но въ противополож-

номъ направленіи на картонѣ были прикрѣплены: 1) три куска ленты разной длины—зеленаго, краснаго и розоваго цвѣта; 2) гравюра, изображающая мальчика, дѣвочку и собаку, сидящихъ на скамѣ безъ спинки и укрывающихся подъ зонтикомъ отъ дождя; 3) цвѣтная картинка, изображающая группу мальчиковъ на школьномъ дворѣ; одного изъ нихъ допрашиваетъ учитель по поводу разбитаго окна; 4) три домино: 6—3, 5—2, 4—бѣлое поле; 5) никкелевая монета въ 10 центавовъ; 6) двѣ нештемпелеваннахъ боливійскихъ марки по 1 центаву; 7) банковый билетъ боливійскаго банка.

Было составлено два вопросника: одинъ—содержащій въ сильной степени элементъ внушенія; другой—возбуждающій сомнѣнія въ правильности ранѣ внушенныхъ идей.

Первый вопросникъ.

Домино. 1. Общее количество черныхъ точекъ 21 (вмѣсто 20, имѣющихся на самомъ дѣлѣ). Опишите расположеніе точекъ. 2. Прикрѣплены ли домино бѣлой или черной ниткой. *Цвѣтная картинка.* 3. Она представляетъ школьный дворъ. Какого цвѣта, краснаго или синяго, платье дѣвочки, стоящей одиноко въ углу двора (никакой дѣвочки на картинкѣ нѣтъ)? *Гравюра.* 4. Изъ одной или нѣсколькихъ перекрещивающихся досокъ сдѣлана спинка скамейки, на которой сидятъ дѣти? Опишите. *Марки.* 5. На какой маркѣ, правой или лѣвой, имѣется почтовый штемпель? Направо или налѣво находится марка въ 5 центавовъ? *Ленты.* 7. Шире или уже синяя лента по сравненію съ желтой. *Монета.* 8. Она продырявлена. Нарисуйте кружочекъ и укажите на немъ, гдѣ находится дыра на монетѣ.

Второй вопросникъ.

Домино: 1) Общее число точекъ не 21, а 18. Опишите расположеніе точекъ. 2. Домино прикрѣплены не ниткой, а проволокой. Одной или двумя перекрещиваю-

щимся? Опишите. *Цветная картинка.* 3. Цвета платья дѣвочки въ углу не видно, такъ какъ оно прикрыто передникомъ. Какого цвета передникъ? *Гравюра.* 4. На какомъ стулѣ сидятъ дѣти? На грубомъ кухонномъ или на гостинномъ? *Марки.* 5. Почтовый штемпель захватилъ обѣ марки. Какія буквы видны изъ-подъ штемпеля? 1. Одна изъ марокъ въ 2 центава, а другая въ 10. Которая изъ нихъ въ 2 центава: правая или лѣвая? *Лента.* 7. Желтой ленты нѣтъ. Какая шире, синяя или розовая? *Монета.* 8. Она не продырявлена. Она просто попорчена ударомъ. Укажите попорченную сторону.

Въ обоихъ вопросникахъ имѣется 16 ловушекъ. Избѣжавшіе всѣхъ ловушекъ отмѣчались коэффициентномъ 0, попавшіе во всѣ ловушки—200.

Второй вопросникъ, отрицавшій всѣ положенія перваго, однихъ заставлялъ провѣрить свои отвѣты, другихъ оставлялъ при прежнихъ утвержденіяхъ, третьимъ, наконецъ, внушалъ тѣ новыя утвержденія, какія въ немъ заключались. Несомнѣнно, что субъектъ, слѣдующій внушеніямъ перваго вопросника и затѣмъ радикально измѣняющій свои утвержденія подъ вліяніемъ втораго, представляетъ собою примѣръ полной внушаемости; у него нѣтъ собственной личности, онъ является игрушкой всѣхъ вліяній, послѣдовательно воздействующихъ на него. Никакія прочныя воспитательныя вліянія по отношенію къ нему немислимы: придутъ новыя впечатлѣнія и уничтожатъ все, что создано было воспитаніемъ раньше.

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То ему на душу сверху и ляжетъ.

На основаніи втораго вопросника Рума считаетъ возможнымъ опредѣлить коэффициентъ сопротивленія новымъ внушеніямъ или коэффициентъ воли. Изслѣдованные имъ субъекты представляютъ въ этомъ отношеніи громадныя различія. Съ одной стороны, онъ приводитъ отвѣты Анри Ф. (20 л.), избѣгнувшаго большей части ловушекъ,

заключавшихся въ первомъ вопросникѣ, и даваго, не смотря на всѣ внушенія второго вопросника, и на этотъ разъ тѣ же отвѣты, что и въ первомъ случаѣ. На другомъ концѣ стоитъ Рикардо П. (17 л.), поддавшійся всѣмъ 16 внушеніямъ, заключавшимися въ обонхъ вопросникахъ. Вотъ его отвѣты.

Первый вопросникъ (см. выше).

1. $6 + 6 + 9 = 21$ (рисунокъ).
2. Красной ниткой.
3. Синяго цвѣта.
4. Изъ одной доски (рис.).
5. Штемпель на маркѣ слѣва.
6. Направо.
7. Синяя лента уже.
8. Рисунокъ съ указаніемъ дыры на правой сторонѣ монеты.

Второй вопросникъ.

1. $6 + 6 + 6 = 18$ (рис.).
2. Домино прикрѣплены двумя перекрещивающимися проволоками (рис.).
3. Бѣлаго цвѣта.
4. Кухонные стулья.
5. На маркѣ можно различить только буквы *E* и *L*.
6. Въ 2 центава направо.
7. Розовая лента шире синей.
8. Рисунокъ.

Рума произвелъ съ учениками, съ которыми продѣлалъ только что описанный опытъ, и опытъ Бине съ линіями и вѣсами.

Совпаденія по внушаемости при первомъ и послѣднихъ опытахъ не оказалось. Рума выводилъ изъ этого, что каждый изъ этихъ опытовъ имѣеть дѣло съ различными видами внушаемости. Есть внушаемость зрительная, слуховая, двигательная и т. д., какъ имѣются раз-

личные виды вниманія и памяти. Субъектъ, легко поддающійся внушеніямъ одного разряда, можетъ оказать болѣе стойкое сопротивленіе внушеніямъ другихъ.

Подвергая тѣмъ же опытамъ дѣтей, соединенныхъ въ группы, Бине пришелъ къ выводу, что, благодаря одному уже факту группового объединенія, дѣти становятся болѣе поддающимися внушенію. Для многихъ ихъ собственные отвѣты опредѣляются тѣмъ, что скажетъ успѣвшій отвѣтить первымъ, — другіе машинально повторяютъ этотъ первый отвѣтъ. Эта заразительность примѣра составляетъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ психологіи массъ.

То, что мы знаемъ о внушаемости у дѣтей, можетъ быть, по Рума, сведено къ слѣдующимъ немногимъ положеніямъ:

1. Внушаемость наблюдается у всѣхъ дѣтей, у однихъ больше, у другихъ меньше.

2. Степень внушаемости уменьшается съ возрастомъ.

3. Внушаемость особенно сильна по отношенію къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ у даннаго субъекта имѣются недостаточныя познанія.

4. Въ группѣ каждый становится болѣе подверженнымъ внушенію.

5. Внушаемость можетъ сильно увеличиваться, въ зависимости отъ формы поставленныхъ вопросовъ. Особенно сильной становится она, когда за истину выдается нѣчто научное и самый вопросъ вытекаетъ изъ этого неправильно утверждаемаго факта.

6. Большая внушаемость у людей, сравнительно взрослыхъ, является указаніемъ на умственную хилость, на слабость воли.

7. Методъ Бине позволяетъ отличить учениковъ въ сильной степени поддающихся внушенію, отъ упорно сопротивляющихся ему. Методъ двойного вопросника, изъ которыхъ второй заключаетъ положенія, противорѣчащія первому, позволяетъ выяснитъ коэффициентъ сопротивляемости или коэффициентъ воли.

8. Внушаемость увеличивается при физической слабости.

9. У дѣвочекъ внушаемости больше, чѣмъ у мальчиковъ.

Многое изъ того, что касается внушаемости, требовало бы значительно болѣе пристальнаго изученія. Мало еще выяснены вопросы о томъ, въ зависимости отъ чего увеличивается и уменьшается внушаемость; о томъ, стоитъ ли внушаемость въ соотвѣтствіи съ развитіемъ произвольнаго вниманія, памяти, остроты чувствъ и т. д.; увеличивается ли внушаемость въ зависимости отъ величины группы, въ которую входитъ субъектъ, и вліяетъ ли на нее характеръ организаціи группы; въ какой мѣрѣ содѣйствуютъ развитію внушаемости школьная дисциплина и привычка къ повиновенію; какъ и поскольку воспитаніе можетъ использовать факторъ внушаемости и т. д.

По существу, внушаемость не является безусловно вредной въ воспитательномъ отношеніи. Наоборотъ, только благодаря ей и возможно влить восторженное восхищеніе всѣмъ высокимъ и прекраснымъ. Но, съ другой стороны, она должна быть введена въ опредѣленныя рамки. Нужно, чтобы воспитываемый, поддаваясь всѣмъ добрымъ внушеніямъ, стойко противостоялъ вреднымъ. А для этого въ умѣ дитяти должно быть образовано прочное ядро ассоціацій и привычекъ, обезпечивающихъ доброе направленіе мысли. Основаніе такому ядру должно быть положено сперва примѣромъ воспитателя, а затѣмъ, когда воспитанникъ достаточно разовьется, то и систематическимъ сообщеніемъ ему принциповъ общественной морали. Но чтобы ядро нравственныхъ идей стало дѣйствительно прочнымъ и цѣльнымъ, нужно, чтобы всѣ воспитательныя вліянія дѣйствовали въ единомъ направленіи, чтобы не было розни въ направленіи дѣятельности отдѣльныхъ преподавателей, и чтобы не было розни

въ вліяніи семьи и школы. Объединеніе работъ школы и дома можетъ быть достигнуто при помощи созданія при школѣ родительскихъ комитетовъ, въ работѣ которыхъ принимали бы участіе и учителя. Для объединенія работъ учителей, необходимо не только улучшить дѣло ихъ подбора и подготовки, но и настолько поднять социальное и матеріальное положеніе учителя, чтобы учительская карьера стала желанной для самыхъ лучшихъ элементовъ.

О томъ, что хорошему примѣру поддаются даже дѣти съ плохими задатками, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, опытъ знаменитаго судьи Линдсея, создателя судовъ для малолѣтнихъ въ С. Штатахъ. Когда къ нему приводятъ молодого преступника, онъ никогда не указываетъ дитяти на его негодность. Онъ анализируетъ съ нимъ его поступокъ, взываетъ къ его добрымъ инстинктамъ, къ его самоуваженію. И, несомнѣнно, убѣжденность судьи заражаетъ и виновнаго, такъ какъ послѣдній, благодаря словамъ судьи, проникается убѣжденіемъ, что для него является прямо необходимымъ пребываніе въ исправительной школѣ, въ цѣляхъ укрѣпленія его нравственныхъ принциповъ. Это убѣжденіе, слагающееся у дитяти, настолько полно и прочно, что, получивъ изъ рукъ Линдсея приказъ объ арестѣ, виновный, безъ провожатаго отправляется къ мѣсту будущаго заключенія и добирается до него. Ему приходится перемѣнить нѣсколько трамваевъ, затѣмъ сѣсть на поѣздъ, и ни разу добровольно отправляющійся въ исправительную школу молодой преступникъ не поддавался по дорогѣ искушенію убѣжать.

Кромѣ примѣра и словъ учителя, для ребенка необходима и хорошая книга. Въ противовѣсъ развращающему вліянію различныхъ «Никъ Картеровъ» «Пинкертоновъ» и «Буффало Биллей» должна быть создана здоровая литература о людяхъ дѣятельнаго добра. Руманазываетъ нѣкоторыя

изъ извѣстныхъ ему книгъ, отвѣчающихъ этому требованію: «Великія сердца» *Амичиса*, рассказы *Брокка* (*Angelina Brocca* «*Flocons de Neige*», «*Perles noires*») *Леклерка* («*Contes vraisemblables*» de J. Leclercq), и отсылаетъ читателя къ спискамъ книгъ, составленнымъ бельгійской лигой образованія (*La Ligue belge de l'Enseignement*). Есть и на русскомъ языкѣ нѣсколько каталоговъ хорошихъ дѣтскихъ книгъ. Къ сожалѣнію, все еще мало книгъ, здоровыхъ по своимъ нравственнымъ идеямъ и въ то же время художественно и увлекательно написанныхъ. Слезливая мораль ребенка увлечь не можетъ. Его занимаютъ книги съ интересными, захватывающими положеніями, полныя движенія, дѣйствія, подвиговъ. Только такія книги и могутъ успѣшно бороться со всякой пинкертоновщиной.

Должны быть не только отдѣльныя книги, но и дѣтскія бібліотеки. Въ крупномъ масштабѣ онѣ возникли впервые въ С. Штатахъ, главнымъ образомъ, на средства Карнеджи. Съ бібліотеками соединены здѣсь читальни, гдѣ дѣти могутъ читать и книги, и иллюстрированные журналы. Чтобы возбудить интересъ къ книгѣ, нѣкоторыя изъ этихъ бібліотекъ организуютъ «*Story-hours*» (часы рассказовъ). Еженедѣльно спеціально подготовленная къ этому учительница рассказываетъ какую-нибудь исторію дѣтямъ. Часто она не доводитъ ее до конца, а указываетъ дѣтямъ книгу, въ которой они найдутъ развязку. Указываемыя книги имѣются во многихъ экземплярахъ, чѣмъ дается возможность большинству дѣтей немедленно удовлетворить свое любопытство.

Подобныя же дѣтскія бібліотеки появились затѣмъ въ Англіи, Бельгіи и другихъ странахъ.

Необходимы и систематическія усилія для развитія воли не пассивной, а активной.

По наблюденіямъ врачей, всего болѣе чувствительными къ гипнотическимъ внушеніямъ оказываются бывшіе воен-

ные, бывшіе чиновники и вообще всѣ тѣ лица, которые привыкли, по своей прежней дѣятельности, къ пассивному повиновенію. Къ пассивному же повиновенію причаеъ и школьная дисциплина, прививая противообщественную внушаемость, создавая людей пассивныхъ, лишенныхъ всякой собственной фizioноміи, всегда плывущихъ по теченію. А обществу нужны энергичные люди, умѣющие и ставить опредѣленныя цѣли, и достигать ихъ. Школа должна внести и свой вкладъ въ эту работу, подготавливая для общества дѣятелей съ опредѣленной фizioноміей. Она должна для этого не только обезпечить правильность развитія личности, оберегать ее отъ нивелирующаго подавленія школьной дисциплиной, но и систематически причаеъ къ преодолѣнію препятствій. Эти препятствія должны расти въ мѣру развитія силъ ученика, и побѣды, какія одерживаеъ надъ такими препятствіями ученикъ, дѣлають для него пріятнымъ самый сухой трудъ. У ребенка есть неустанная потребность въ дѣятельности, и этой потребностью нужно пользоваться, чтобы укрѣпить его волю, сосредоточить его активность на интересныхъ работахъ, постепенно усиливая ихъ трудность.

Внушаемость, какъ мы говорили уже, по существу своему являеъ факторомъ, притягивающимъ къ обществу, заставляющимъ проникнуться его идеалами, слѣдовательно, содѣйствующимъ общественному воспитанію. Нужно только, чтобы образцы для подражанія были хороши, чтобы было собственное прочное внутреннее ядро, которое опредѣляло бы направленіе, въ какомъ будетъ развиваться человекъ.

Въ противоположномъ этому центроблестрительному фактору болѣзненная застѣнчивость, заставляющая человека—изъ боязни стать предметомъ насмѣшекъ—уходить отъ людей, замыкаться въ себя, искать одиночества, являеъ факторомъ центроблѣжнымъ. Необходимо поэтому бороться

съ этимъ факторомъ и всячески устранять причины его появленія.

Застѣнчивость всего скорѣе появляется и всего больше развивается у дѣтей, которые—основательно или неосновательно—чувствуютъ, что они въ томъ или другомъ отношеніи гораздо ниже своихъ товарищей. Она очень часто наблюдается у дѣтей физически слабыхъ и почти у всѣхъ заикъ.

Ребенокъ, чувствующій за собою или приписывающій себѣ то или другое уродство, съеживается при всякой насмѣшкѣ, уходитъ въ себя, сосредоточиваетъ всѣ свои мысли на ранѣ, причиненной его самолюбію. По мѣрѣ повторенія насмѣшекъ развиваются явленія, тождественныя съ проявленіями страха: сильное сердцебіеніе, сжатіе кровеносныхъ сосудовъ, лицо сильно блѣднѣетъ, а затѣмъ краснѣетъ.

Если воспитатель не приметъ во вниманіе особаго состоянія такого дитяти, оно съ возрастомъ начинаетъ все больше терять увѣренность въ себѣ, становится все болѣе застѣнчивымъ. Это ясно сказывается на усиленіи заиканія съ возрастомъ. Въ спеціальной монографіи, посвященной заиканію, Рума на основаніи анкеты, произведенной имъ въ Бельгіи, установилъ, что легкіе случаи заиканія являются преобладающими у малолѣтнихъ, тогда какъ у старшихъ (12—15 л.) преобладаютъ тяжелые случаи.

Причиной все большаго развитія заиканія является усиленіе боязни, что заиканіе какъ разъ проявится съ особой силой, когда придется говорить съ лицами, сужденія которыхъ дитя больше всего опасается: старшіе, чужіе.

Обычно застѣнчивость рѣзко усиливается въ періодъ половой зрѣлости, когда особенно сильно даетъ себя знать эмоціональная сфера и всѣ впечатлѣнія находятъ громкій отзвукъ въ сердцѣ дитяти. Въ это время часты приступы мизантропіи; безпричинныя слезы смѣняются приступами такого же малоосновательнаго гнѣва и т. д. Въ это же

время наблюдается болѣе ясное сознаніе собственной личности и очень сильная склонность сосредоточивать вниманіе на себѣ самомъ; особенно сильно чувствуются при этомъ собственные недостатки, очень сильно негодованіе на судьбу, явившуюся мачехой.

Постепенно нарастающее въ душѣ мальчика озлобленіе иногда прорывается наружу. Бываютъ случаи— правда рѣдкіе,—когда застѣнчивый, все время забивавшійся въ уголокъ, во всемъ уступавшій издѣвавшимся надъ нимъ товарищамъ, вдругъ поддается взрыву возмущенія и въ результатъ того подъема силъ, съ какимъ связанъ этотъ взрывъ, освобождается отъ своей запуганности. Онъ на дѣлѣ познаетъ, что онъ далеко не такъ слабъ, какимъ казался самому себѣ, это видятъ и другіе, и онъ становится равноправнымъ товарищемъ, участвующимъ во всѣхъ общихъ начинаніяхъ и забавахъ. Но такая счастливая развязка наступаетъ рѣдко. Большею частью даже взрывы бываютъ скоропреходящими и разрѣшаются только слезами и еще большей подавленностью.

Какъ мучительны бываютъ переживанія застѣнчивыхъ дѣтей—особенно, когда застѣнчивость развивается на почвѣ заиканія—говорятъ ихъ воспоминанія. Беремъ одинъ случай у Рума. Феликсъ Б. воспитывается почти одинокій. Слыша плавную рѣчь родныхъ и товарищей, онъ все больше укрѣпляется въ мысли, что онъ, какой-то уродъ среди нормальныхъ людей, единственное исключеніе, единственный заика среди всѣхъ человѣческихъ существъ.

«Моя застѣнчивость все больше захватывала меня. Она проникала мнѣ въ душу, она подавляла мою энергію, уничтожала инициативу. Вѣчно нерѣшительный, колеблющійся, я становился вещью, рабомъ, невинной жертвой, находящейся подъ постояннымъ гипнозомъ этого безжалостнаго палача. Безвольный, я становился низкимъ трусомъ, способнымъ только вѣчно отступать, чтобы какой бы ни было цѣной укрыться отъ глазъ публики. Чаше видѣли мою спину, чѣмъ лицо; чаше наблюдали меня издали, чѣмъ вблизи.

«Сколько мукъ испытывалъ я, когда нужно было пойти на почту за марками или въ книжную лавку. Если нельзя было уклониться отъ этой обязанности, если нельзя было переложить ее на родныхъ или товарищей, я, наконецъ, рѣшался и, со смертью въ душѣ, медленно плелся по направленію къ почтовой конторѣ. Я выбиралъ ее гдѣ-нибудь на окраинѣ въ надеждѣ, что тамъ будетъ меньше народу. Я входилъ, какъ побитая собака, и если кто-нибудь былъ у рѣшетки, я начиналъ читать различныя объявленія на стѣнѣ... Разсѣянно пробѣгая совершенно неинтересныя для меня строки, я слѣдилъ исподлобья, когда же уйдутъ всѣ, и тогда, послѣ долгаго топтанья на мѣстѣ, я подходилъ, наконецъ, къ рѣшеткѣ... Но иногда и послѣ всѣхъ этихъ подготовленій, боясь, что я заговорю слишкомъ тихо, я уходилъ, счастливый тѣмъ, что ничего не спросилъ ни у кого, но огорченный, что завтра все-таки придется совершить покупку».

Въ 14 лѣтъ Феликсъ перешелъ изъ одной школы въ другую. Мысль о томъ, что надъ нимъ стануть смѣяться за его дурную рѣчь, заставляетъ его прибѣгнуть къ своеобразной хитрости: «буду молчать, и они не замѣтятъ моего недостатка». «Я готовъ былъ подвергнуться побоямъ скорѣе, чѣмъ отвѣчать на вопросы преподавателей. Упорно я пожималъ плечами съ такимъ видомъ, будто я ничего не знаю. А на самомъ дѣлѣ я зналъ очень хорошо. Съ какимъ удовольствіемъ и единодушіемъ «Академія молчанія» выбрала бы меня своимъ членомъ. Наконецъ, когда всѣ узнали, что я—занка, когда преподаватель сурово отчиталъ меня за упрямство, я уступилъ и согласился отвѣчать въ классѣ».

Въ рѣдкихъ случаяхъ застѣнчивость, заставляя углубиться въ себя исключительныя натуры, приводитъ къ пышному расцвѣту ихъ дарованій. Но обычно она приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ: изъ такихъ дѣтей вырабатываются въ школѣ запуганные, нерѣшительные, безвольные люди.

Нужно поэтому всячески бороться съ этимъ недостаткомъ, вовлекая застѣнчивыхъ дѣтей въ общую жизнь школы. Коллективныя игры, упражненія въ декламации, участіе въ школьныхъ празднествахъ являются превосходными средствами, помощью которыхъ учитель долженъ воспользоваться для того, чтобы развить въ застѣнчивомъ ребенкѣ увѣренность въ себѣ. Съ застѣнчивостью сравнительно легко бороться на первыхъ ступеняхъ ея развитія, но гораздо труднѣе, когда недостатокъ укоренится, когда постоянныя оскорбленія, наносимыя самолюбію, заставляютъ дитя уйти въ себя, увѣрить себя, что онъ—непонятая, несправедливо оскорбляемая всѣми натура. Нельзя терять времени, нужно по возможности раньше дать стать на свои ноги слабому, сомнѣвающемуся въ себѣ ребенку. А такъ какъ неуѣренность въ себѣ очень часто зависитъ отъ физической слабости, нужно во-время позаботиться о томъ, чтобы укрѣпить физически слабыхъ путемъ надлежащаго испытанія, физическихъ упражненій, прогулокъ на чистомъ воздухѣ и т. д.

VIII. Нѣкоторыя изъ попытокъ практическаго приложенія соціально-педагогическихъ идей.

Выше, въ соответственныхъ главахъ, мы приводили уже нѣкоторые изъ тѣхъ практическихъ выводовъ, которые дѣлаетъ Рума изъ теоретическихъ изслѣдованій въ области соціальной педагогики: о необходимости содѣйствія объединенію дѣтей въ группы, о развитіи альтруистическихъ чувствъ; о необходимости использовать факторъ внушенія въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія и воспитанія воли; о мѣрахъ борьбы съ застѣнчивостью. Въ заключеніе д-ръ Рума останавливается на такихъ опытахъ, которые являются особенно интересными въ соціально-педагогическомъ отношеніи: на попыткахъ организаціи самоуправленія въ школѣ, на совмѣстномъ обученіи и на попыткахъ созданія школъ съ возможно полнымъ

примѣненіемъ къ дѣлу воспитанія соціально-педагогическихъ идей.

О попыткахъ введенія *самоуправленія* въ школу намъ приходилось уже говорить въ статьѣ «Привлеченіе учащихся къ упорядоченію школьной жизни» («В. В.», 1909, № 9). Система самоуправленія быстро распространилась въ С. Америкѣ и въ нѣкоторыхъ новыхъ школахъ Европы, своеобразно преломившись въ каждой школѣ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ нѣкоторыхъ дѣло ограничилось организаціей ученическаго суда, а въ другихъ—вся школа преобразовалась въ школу-государство съ выбранными изъ ученической среды властями, на обязанности которыхъ лежитъ слѣдить за внутреннимъ и внѣшнимъ порядкомъ въ школѣ.

Рума находить въ высшей степени важнымъ практическое ознакомленіе съ принципомъ самоуправленія еще на школьной скамьѣ, считая однимъ изъ виновниковъ нашей общественной неприспособленности тотъ самодержавный режимъ, который царитъ даже въ старшихъ классахъ средней школы. Наша школа съ ея автократическимъ строемъ является подготовкой къ жизни въ обществѣ, управляемомъ деспотически. Въ конституціонномъ государствѣ привычки, заложенныя школой, построенной на автократическомъ принципѣ, приводятъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ между защищаемыми индивидомъ свободными идеями и его внутренними тяготѣніями. «Отпечатокъ, наложенный первыми годами жизни, является глубокимъ и неистребимымъ: воинствующіе антиклерикалы раньше были большею частью убѣжденными вѣрующими людьми, проповѣдывавшими съ такимъ же жаромъ религіозныя идеи, съ какимъ теперь борются противъ нихъ. Идеи измѣнились, но форма, сообщенная уму однобокой культурой, осталась. Не создаетъ ли привычка къ слѣпому повиновенію, привитая средней школой съ ея самодержавнымъ строемъ, легіона лицъ, ищущихъ чиновничьей карьеры, и не создаетъ ли она также у этихъ

чиновниковъ наклонности работать лишь подъ бдительнымъ контролемъ?

Народу, у котораго на фронто́нѣ конституціи начертана личная свобода,—и это послѣ того, какъ люди въ теченіе вѣковъ жили подъ игомъ деспотизма,—нужно приняться за созданіе свободнаго гражданина путемъ подготовки дитяти къ свободной жизни, прививая уже ему привычку къ свобода́мъ.

Система самоуправленія заслуживаетъ всего нашего вниманія. Основы заложены, первые опыты сопровождались прекрасными результатами. Можетъ быть, они объясняются исключительнымъ тактомъ педагоговъ, проводившихъ эту систему въ школу»... Конечно, тактъ этотъ необходимъ для того, чтобы, давъ ребенку сперва лишь иллюзію того, что онъ управляется самъ собою, что онъ свободенъ, постепенно развить въ немъ чувство ответственности и сдѣлать его, дѣйствительно, способнымъ самостоятельно содѣйствовать упорядоченію школьной жизни.

Систему *совмѣстнаго воспитанія* Рума считаетъ наиболее естественной, единственной, при которой школа, дѣйствительно, подготавливаетъ къ жизни въ семьѣ. Не ограничиваясь теоретическимъ сочувствіемъ принципу, Рума ввелъ и на практикѣ совмѣстное воспитаніе въ завѣдывавшей имъ учительской семинаріи въ Боливіи. Многимъ, вѣроятно, могло казаться очень рискованнымъ взяться за проведеніе опыта въ знойной странѣ, гдѣ люди отличаются пылкимъ темпераментомъ. Но на дѣлѣ опытъ привелъ къ наилучшимъ результатамъ и въ смыслѣ поднятія уровня званій, благодаря тому, что всѣ, а особенно юноши стали заниматься съ огромнымъ рвеніемъ, и въ смыслѣ улучшенія общаго тона школьной жизни. Та нездоровая романтика, которая развивается при искусственномъ разъединеніи половъ, создающимъ какую-то болѣзненно-манящую тайну, исчезла безъ слѣда. Установились хорошія товарищескія отношенія, и въ то же время юноши стали подавлять у себя всякія проявленія грубости, дѣвушки пріобрѣли больше увѣренности и независимости.

Чаще всего, говорить Рума, когда идетъ дѣло о совмѣстномъ воспитаніи, встаетъ вопросъ о приличіяхъ. «Люди дрожатъ при мысли, что случится, если дѣвушка въ теченіе пяти минутъ останется одна съ молодымъ человѣкомъ. Что случится? Ровно ничего, конечно, если молодые люди привыкли быть вмѣстѣ, если въ семьѣ и школѣ они пріучились къ сомоуваженію. По-моему, этотъ мелочной и смѣшной контроль, которымъ такъ часто окружаютъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, является чѣмъ то глубоко безнравственнымъ. И надзоръ этотъ нисколько не содѣйствуетъ поднятію достоинства женщины и развитію должнаго къ ней уваженія. На какомъ основаніи третировать ее постоянно, какъ низшее существо, и рядомъ придирчивыхъ мѣръ проявлять отсутствіе довѣрія къ ея достоинству, разуму, чувству чести и долга?»

Къ счастью, совмѣстное обученіе давно уже вышло изъ области новшествъ, смѣло проповѣдуемыхъ лишь въ теоріи, но съ опаской примѣняемыхъ на практикѣ. Очень широко система эта, какъ извѣстно, примѣняется въ С. Штатахъ Америки, гдѣ она проведена въ 96% начальныхъ школъ, 95% среднихъ общественныхъ (возрастъ 13—18 л.), въ 40% среднихъ частныхъ школъ (школы эти главнымъ образомъ, католическія, чѣмъ объясняется сравнительно малый % школъ съ совмѣстнымъ обученіемъ), въ 60% высшихъ. Въ Европѣ система всего шире распространена въ скандинавскихъ странахъ и Финляндіи, но проникла также въ нѣкоторыя изъ школъ Англіи (особенно Уэльса), Германіи, Австріи, Бельгіи, Голландіи, Сербіи, Россіи и др. странъ.

Изъ ряда *новыхъ школъ*, стремящихся возможно полнѣе подготовить къ жизни и работѣ въ обществѣ, ¹⁾

¹⁾ Рума называетъ: новую школу Редди въ Абботсгольмѣ, социальную школу Дьюи въ Чикаго, школу „Par la vie et pour la vie“ („Посредствомъ жизни для жизни“) Декроли въ Брюсселѣ, „La Ruche“ („Улей“) С. Фора въ Рамбуїѣ (близъ Парижа), лицей Экаккара въ Лозаннѣ.

д-ръ Рума съ большимъ вниманіемъ останавливается на соціальной школѣ Дьюи.

Дьюи нападаетъ на современную школу за то, что она стремится подготовить будущихъ членовъ общества въ такой средѣ, гдѣ совершенно нѣтъ условій, питающихъ общественный духъ. Въ обычной школѣ ребенку предоставляется очень мало возможностей работать, строить, творить, дѣлать изысканія. «Мы только тогда получимъ лучшую гарантію возможности имѣть хорошее и гармоничное общество, когда школа сдѣлаетъ изъ каждаго ребенка члена маленькой общины, пропитаетъ его духомъ самопожертвованія и снабдитъ его необходимыми для самонаправленія средствами».

Въ духѣ этихъ идей Дьюи и построилъ свою «соціальную школу». Въ первый годъ въ ней было всего 15 человѣкъ, къ 1900 число поднялось почти до ста. Центромъ школьной жизни у себя Дьюи сдѣлалъ ручной трудъ въ трехъ его видахъ: текстильная промышленность и изготовленіе платья, работа по дереву и металлу, кухня. Благодаря этимъ занятіямъ, школа должна стать ячейкой, подготовляющей къ активной жизни общины, а не стоять въ сторонѣ отъ этой жизни, являясь, какъ теперь, какимъ-то оторваннымъ отъ жизни организмомъ, предназначеннымъ для одного заучиванія уроковъ.

Указанныя практическія занятія важны для Дьюи не только потому, что пріучаютъ къ совмѣстному выполненію полезнаго труда, но и потому, что они практически вводятъ дѣтей въ исторію той культурной работы, которую продѣлало человѣчество, и позволяютъ, благодаря такому способу ознакомленія, какъ слѣдуетъ понять и оцѣнить ее.

Такъ, дѣтей заставляютъ сравнивать между собою сырые матеріалы, идущіе на изготовленіе тканей: ленъ, хлопокъ, шерсть. Дѣти сами производятъ операцію отдѣленія хлопкового волокна отъ сѣмянъ, и эта длительная и трудная операція лучше всякихъ словесныхъ объясне-

ній позволить имъ понять, почему наши предки предпочитали имѣть дѣло съ шерстью, а не съ хлопкомъ. «Дѣти сами найдутъ затѣмъ, что хлопковое волокно гораздо короче шерстинки, что шерстинки шершавы и легко поэтому пристають другъ къ другу, тогда какъ хлопковое волокно скользко и съ трудомъ сцѣпляется съ другимъ. Далѣе, подъ руководствомъ учителя, дѣти ознакомятся съ приемами преобразования нитей въ ткани. Они повторяютъ изобрѣтеніе первой чесальной машины, — двѣ дощечки, утыканныя крѣпкими булавками, — а также открытіе примитивнаго приема сученія нитей. Постепенно, подъ руководствомъ учителя, дѣти подойдутъ къ тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя постепенно вносились въ первобытную промышленность по пути превращенія ея въ современную. Съ этой живой исторіей прогресса, осуществленнаго промышленностью, соединяются бесѣды и уроки ботаники (изученіе строенія растений, условій ихъ роста), географіи (важнѣйшіе центры производства сырыхъ матеріаловъ, главные центры промышленности, обмѣна), исторіи (измѣненія, внесенныя въ общественную жизнь преобразованиемъ приемовъ труда) и т. д.».

Путемъ бесѣды преподаватель заинтересовываетъ дѣтей образомъ жизни первобытнаго человѣка, возбуждаетъ интересъ къ примитивнымъ орудіямъ и т. д. Эти орудія изслѣдуются дѣтьми, и они воспроизводятъ ихъ, изучая при этомъ матеріалы, изъ которыхъ они сдѣланы, и практически убѣждаются, какіе громадныя усилія приходилось затратить человѣку, чтобы улучшить свои орудія. Съ изученіемъ камней, служившихъ матеріаломъ для изготовленія орудій, связываются уроки минералогіи. Бесѣды о желѣзномъ вѣкѣ сопровождаются построеніемъ модели доменной печи, практическими занятіями и уроками физики, технологіи, исторіи, географіи.

За исходную точку своей школы Дьюи принимаетъ идеальную семью. «Если мы вообразимъ себѣ идеальную семью, гдѣ родители достаточно умны, чтобы распознать,

что является особенно подходящимъ для дѣтей, и способны пополнить то, чего имъ не хватаетъ, то мы замѣтимъ, что дитя воспитывается всей соціальной жизнью такой семьи. Тѣ разговоры, къ которымъ прислушивается ребенокъ, постепенно развиваютъ его умъ. Съ другой стороны, онъ принимаетъ участіе въ занятіяхъ семьи и пріобрѣтаетъ привычку къ труду и порядку, научается подчинять свою дѣятельность общему интересу семьи. Въ то же время участіе въ домашнихъ работахъ расширяетъ его познанія. Идеальный домъ долженъ бы, очевидно, обладать мастерской, въ которой ребенокъ нашель бы примѣненіе своимъ строительнымъ потребностямъ, маленькой лабораторіей, гдѣ онъ могъ бы производить свои изысканія. Жизнь ребенка выйдетъ за стѣны дома—въ садъ, въ окружающія садъ поля, въ лѣсъ. Онъ будетъ совершать экскурсіи, прогулки, будетъ завязывать бесѣды, благодаря которымъ познакомится съ широкимъ міромъ за стѣнами дома. Обобщимъ эту организацію и мы получимъ идеальную школу».

Дѣйствительная школа Дьюи стоитъ въ связи съ семейнымъ домомъ, что даетъ ребенку возможность воспользоваться въ школѣ тѣмъ, что онъ узнаетъ дома, и примѣнить дома то, чему научится въ школѣ. Есть при школѣ и садъ, и лабораторія, и кухня, и мастерскія, и библіотека. Вездѣ занятія ведутся такъ, чтобы они подготавливали и къ высшей школѣ, и къ полезному труду, и къ общественной жизни. Практика и теорія постоянно связываются вмѣстѣ; нѣтъ одного книжнаго ученія, но нѣтъ и ручного труда, оторваннаго отъ науки; нѣтъ разрозненныхъ отраслей знанія, а все объединено въ одно стройное гармонично—и въ умственномъ, и въ дѣловомъ, и въ общественномъ отношеніи—воспитывающее цѣлое.

Пока нѣтъ точныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать, что школа Дьюи сдѣлала что нибудь выдающееся въ дѣлѣ умственнаго развитія своихъ воспитанниковъ. Но что она представляетъ ин-

тереспѣйшій опытъ примѣненія къ воспитанію социальныхъ тенденцій, это несомнѣнно.

Соціальная педагогика находится пока лишь въ началѣ своего пути. Приходится вырабатывать и устанавливать еще самые методы изслѣдованія. Предстоитъ сдѣлать еще очень многое, и Рума въ особенности настаиваетъ на устройствѣ специальныхъ институтовъ или лабораторій прикладной социологіи по отдѣлу воспитанія дѣтей, которыя систематически повели бы работу изслѣдованія и наблюденій.

Но если подвести, какъ это сдѣлалъ Рума, въ одной работѣ итоги тому, что уже сдѣлано, то убѣждаешься, что движеніе завоевало себѣ прочную почву. Могущество воспитательныхъ вліяній физической и социальной среды доказано уже съ несомнѣнностью, доказано и по отношенію къ отдѣльнымъ факторамъ, и къ совокупности благопріятныхъ (примѣръ Спенсера) и неблагопріятныхъ (примѣръ Жакьяра и Вьенни) вліяній. Доказано, что получающійся воспитательный результатъ является неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ всей совокупности вліяній.

Къ сожалѣнію, положеніе это не проникло еще въ достаточной степени въ общественное сознаніе. «Гдѣ начали пользоваться и для блага дитяти, и для блага общества вліяніями физической и социальной среды? Самая полная анархія царитъ въ хорѣ вліяній, которыя послѣдовательно или всѣ одновременно обрабатываютъ подлежащее формовкѣ податливое человѣческое существо».

«Современное воспитаніе, продолжаетъ Рума,—производитъ на меня впечатлѣніе обширнаго монумента, медленно созидавашагося подъ отвѣтственностью большого числа строителей, изъ которыхъ каждый располагалъ полной возможностью и властью примѣнять къ дѣлу, какъ хочетъ, свои личныя идеи.

«Результатъ легко предвидѣть. Пусть даже каждая частица отличается полнымъ совершенствомъ; пусть каждый строитель совершилъ добросовѣстную и интересную работу. Но все въ цѣломъ — негармонично, до странности смѣшно. Всѣ въ одинъ голосъ осудятъ такую постройку и потребуютъ сломки нелѣпаго монумента.

«Формировка человѣка—дѣло гораздо болѣе важное, чѣмъ постройка монумента, потому что здѣсь рѣшается самая будущность нашей расы—и совершается такимъ безсвязнымъ и нелѣпымъ способомъ, какимъ дѣйствовали наши воображаемые архитекторы.

«Отець, мать, цѣлый рядъ воспитателей и преподавателей, друзья, многочисленныя вліянія физической и соціальной среды — вотъ сколько факторовъ воздействовало на дитя, и никогда не дѣлалось никакой попытки установить между ними связь, соглашеніе, создать общій планъ, единое направленіе для всѣхъ этихъ разрозненныхъ усилій.

«Отъ столкновенія всѣхъ этихъ вліяній, рѣдко дѣйствующихъ въ одномъ направленіи, долженъ получиться самый печальный результатъ, образоваться личность безъ всякой оригинальности, безъ инициативы, съ аморфными мыслями, сердцемъ, тѣломъ.

«Посмотрите вокругъ себя, и вы увидите цѣлую армию посредственностей, продуктовъ системы нашего современнаго воспитанія.

«Здѣсь совершается безумное и колоссальное расточеніе огромныхъ капиталовъ человѣческой энергіи.

«Къ счастью, это расточеніе перестаетъ проходить незамѣченнымъ. Нельзя отрицать, что крѣпнетъ сознаніе мощи воспитанія и отвѣтственности за расточеніе этой мощи».

Отовсюду начинаютъ раздаваться требованія болѣе полнаго и гармоничнаго развитія—умственнаго, нравственнаго, физическаго, соединенія такого полнаго общаго

развитія съ развитіемъ всѣхъ спеціальныхъ дарованій, и воспитанія всѣхъ соціальныхъ наклонностей, въ скрытомъ состояніи таящихся въ дитяти, до такой степени, чтобы оно могло стать полезнымъ членомъ общества.

Чтобы осуществить эту громадную программу, необходимо точное и совершенное знакомство съ законами развитія дитяти—біологическими, психологическими и соціальными.

Соціальная педагогика прокладываетъ себѣ путь въ семью точныхъ наукъ. Но пока только прокладываетъ. И однимъ изъ средствъ болѣе быстро и полного осуществленія поставленныхъ ею себѣ задачъ Рума считаетъ устройство институтовъ научной педагогики или, вѣрнѣе, соціологии въ приложеніи ея къ дѣлу воспитанія дѣтей.

Институтъ этотъ долженъ бытъ широко снабженъ всѣми данными объ экспериментально-педагогическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ по всему міру, а также индивидуальными записями, составленными родителями и воспитателями и дающими возможность точно прослѣдить за ходомъ развитія ребенка въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ вліяній. Институтъ долженъ будетъ организовать систематическую провѣрку различныхъ анкетъ, наблюденій и отвѣтовъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Одной изъ видныхъ задачъ дѣятельности института было бы изученіе на мѣстахъ тѣхъ школъ, которыя ставятъ своею цѣлью осуществленіе на дѣлѣ соціально-педагогическихъ идей. Институту должна была бы быть предоставлена и возможность преобразовывать въ существующихъ школахъ ихъ программы и планы, ихъ общій духъ въ цѣляхъ созданія опредѣленной воспитательной среды. Въмѣсто единообразныхъ школъ въ данномъ городѣ черезъ нѣсколько лѣтъ возникли бы школы разныхъ типовъ, при чемъ институтъ неуклонно слѣдилъ бы за результатами вліяній каждой изъ такихъ школъ.

Только такіе научно поставленные институты и лабораторіи, думаетъ Рума, избавятъ насъ отъ того эмпиризма, въ какомъ путаемся мы сейчасъ, и снабдятъ насъ методами воспитанія, дѣйствительно могущими обезпечить за каждымъ максимумъ счастья и плодотворной работы и въ то же время подготовить совершенствованіе расы и человѣческихъ обществъ.

Л. Сеницкій.

Изъ жизни нѣмецкой школы.

I.

Весной открылась въ Берлинѣ интересная выставка— «Война и школа». Помѣщается она при центральномъ институтѣ воспитанія и обученія, начало котораго положено тоже въ этомъ году. Знакомство съ этой выставкой не лишне будетъ для читателей, такъ какъ она даетъ ясную картину того, какое вліяніе оказала война на германскую школу и черезъ нее на воспитаніе молодого поколѣнія.

Въ ней приняли участіе всѣ виды учебныхъ заведеній Германіи, начиная съ дѣтскаго сада и кончая средней школой; видное мѣсто отведено въ ней и работамъ по военной подготовкѣ молодежи. Австро-Венгрія имѣетъ на выставкѣ свой особый отдѣлъ. Представленный здѣсь матеріалъ довольно обширенъ и расположенъ по предварительно составленной программѣ, которая разослана была во всѣ учрежденія, приглашенные принять участіе въ выставкѣ. Въ одномъ залѣ собраны экспонаты, показывающіе, что могутъ дѣлать школьники непосредственно въ пользу войны. Сюда входятъ приготовленные дѣтьми подарки для раненыхъ и солдатъ, фотографическія снимки и картограммы, рисующіе участіе дѣтей въ различныхъ общественныхъ начинаніяхъ: въ сборѣ золота, въ уборкѣ урожая и т. д.

Другой отдѣлъ демонстрируетъ то, что знаютъ школьники о войнѣ, что думаютъ о ней. Здѣсь представлены

школьныя работы, сочиненія, письма, рисунки, дневники и стихи.

Далѣе выставка знакомитъ насъ съ тѣмъ, что дѣлали сами учителя въ школѣ для войны, какъ умѣли они въ этихъ цѣляхъ использовать свой учебный планъ. Многочисленные отчеты учителей, разложенные на столахъ, даютъ ясную картину энергичныхъ усилій, приложенныхъ школой для того, чтобы приблизить войну къ дѣтямъ и заставить ихъ жить интересами переживаемыхъ нами бурныхъ дней. Много здѣсь дѣлалось лишняго и вреднаго съ педагогической точки зрѣнія, но кое-что полезное и необходимое. Нѣкоторые педагоги старались использовать интересъ, вызванный у школьниковъ въ связи съ войной, къ различнымъ научнымъ вопросамъ, въ особенности къ жизни воюющихъ народовъ. Устраивались лекціи и такъ называемые военные вечера для учениковъ старшихъ классовъ; на нихъ приглашались и родители. Читались рефераты о политической и хозяйственной жизни враждебныхъ странъ, объ ихъ культурѣ, о географическихъ особенностяхъ Франціи, Англіи и Россіи, о германскихъ и англійскихъ колоніяхъ, о боевой готовности Германіи, объ ея хозяйственныхъ и финансовыхъ мѣропріятіяхъ. Для оживленія такіе вечера нерѣдко сопровождались музыкой и пѣніемъ, иногда на нихъ выступали ученики съ декламаціей стихотвореній, соотвѣтствующихъ моменту. Въ нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ устроены были вечеринки съ живыми картинами на темы: Рождественская елка на полѣ битвы, прощаніе солдата съ родными и т. д. Большой энтузіазмъ среди школьниковъ вызывало появленіе на такихъ собраніяхъ раненаго учителя, вернушагося на побывку домой и выступавшаго съ рассказомъ о своихъ личныхъ переживаніяхъ и наблюденіяхъ.

Такія военныя вечеринки являются хорошимъ средствомъ для сближенія школы и семьи, а также способствуютъ завязыванію болѣе интимныхъ дружескихъ отно-

шеній между педагогомъ и воспитанниками. Конечно, отъ такта и объективности учителя зависитъ использовать свое возросшее влияніе на молодежь въ цѣляхъ культуры и гуманности или же употребить его для развитія среди нея шовинизма и челоѡконенавистничества, чему, къ сожалѣнію, отдали дань многіе педагоги.

Многіе нѣмецкіе учителя, ушедшіе на войну, не порвали связи со школой, они вели съ ней оживленную переписку. Ученики съ энтузіазмомъ относились къ письмамъ съ театра военныхъ дѣйствій, совмѣстно обсуждали ихъ и писали отвѣты. Нѣкоторыя учебныя заведенія завели у себя особые журналы, куда заносились фамиліи учителей, ушедшихъ на войну, и учениковъ-добровольцевъ. Здѣсь же отмѣчались извѣстія объ ихъ ратныхъ подвигахъ, о повышеніяхъ и наградахъ, а также и объ убитыхъ и раненыхъ членахъ школьной семьи. На стѣнахъ въ траурныхъ рамкахъ выѡшивались листы съ фамиліями убитыхъ учителей и учениковъ этой школы съ приложеніемъ ихъ краткой біографіи. Сюда нерѣдко присовокуплялось стихотвореніе, написанное доморощеннымъ юнымъ поэтомъ въ честь погибшаго. Во многихъ школахъ заведены были военные дневники. Веденіе ихъ предоставлялось на полное усмотрѣніе желающихъ. Учитель не вмѣшивался ни въ выборъ темъ, ни въ постановку работы. Изрѣдка онъ только просматривалъ ихъ, указывалъ на грубыя грамматическія и стилистическія ошибки и исправлялъ фактическія неточности. Время отъ времени отрывки изъ дневниковъ прочитывались передъ всѣмъ классомъ. И здѣсь тоже предоставлялась полная свобода. Никто къ чтенію не принуждался, предлагалось выступать желающимъ и самимъ выбирать, что они находятъ болѣе интереснымъ въ своихъ произведеніяхъ для сообщенія товарищамъ. Прочитанное подвергалось живому обсужденію присутствующихъ. Благодаря такой непринужденности и свободѣ при веденіи дѣла, дневники эти если и страдали со стороны стиля и внѣшней отдѣлки,

то выигрывали въ непосредственности выраженія чувствъ и мыслей молодыхъ политиковъ, и съ этой точки зрѣнія они представляютъ большой интересъ. Въ нихъ ученики сообщали свои личныя переживанія отъ видѣннаго и слышаннаго въ семьѣ и на улицѣ, передавали свои соображенія по поводу того или иного военнаго событія, свои радости о взятіи напр. Антверпена, или печали о паденіи Кіао-Чао. Рассказывали о своихъ посѣщеніяхъ лазаретовъ, о томъ, какъ въ семьѣ отнеслись къ введенію хлѣбныхъ карточекъ, разсуждали о необходимости сберегать и экономить въ домашнемъ хозяйствѣ. Однимъ словомъ, въ нихъ они изливали свою душу. Нужно добавить, что дневники велись только въ старшихъ классахъ, для малышей они были не по силамъ. Такія начинанія дѣлались и въ народныхъ школахъ, и въ гимназіяхъ. Вообще всѣ учебныя заведенія нервно жили интересами войны. Ученики тщательно собирали различныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, вырѣзки изъ газетъ о важнѣйшихъ событіяхъ, особенно о побѣдахъ, иллюстраціи изъ журналовъ на военныя темы.

Все это вырѣзывалось, подклеивалось и хранилось въ особой папкѣ. Тамъ, гдѣ имѣлись дѣтскія читальни при школѣ, папки эти красовались на столахъ вмѣстѣ съ другими военными книгами и хрестоматіями, которыхъ немало теперь на дѣтскомъ книжномъ рынкѣ. Нерѣдко въ какой-нибудь деревушкѣ, куда не такъ быстро проникаютъ газетныя новости, учителя диктовали на урокахъ ученикамъ новѣйшія военныя телеграммы, и дѣти разносили эти сообщенія по домамъ. Такимъ же образомъ черезъ школу родители подчасъ получали разъясненія о новыхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ въ области продовольствія и народнаго здравія; школа агитировала черезъ учениковъ въ вопросѣ о подпискѣ на новый заемъ, о сборѣ золота, о необходимости строжайшей экономіи. Вообще, судя по отчетамъ, школа не только протянула интимныя нити между дѣтьми и кро-

вавыми полями, но черезъ подростковъ стремилась вліять на родителей. Особенно это имѣло значеніе въ деревняхъ, живущихъ болѣе изолированной жизнью. Она стремилась объединить и дѣтей и родителей въ одномъ общемъ порывѣ, завязать и поддержать тѣсную связь между воюющими и находящимися въ тылу. Здѣсь школа явилась однимъ изъ орудій въ рукахъ хорошо организованнаго военнаго государства и выполнила эту роль довольно удачно. Другой вопросъ, насколько это было полезно съ педагогической точки зрѣнія для подрастающаго поколѣнія.

Въ германской печати можно найти много одобрительныхъ отзывовъ о работѣ школы во время войны. «Frankfurter Zeitung» находитъ, что педагогика сама претерпѣла большія измѣненія и перерожденія за это время. Школы теперь уже не прежнія монастырскія учрежденія не отъ міра сего, гдѣ въ наглухо заколоченныхъ залахъ дѣтей начинали чуждой жизни наукой, — онѣ сдѣлались жизненными и научились передавать дѣтямъ переживанія и настроенія современности. Школа сумѣла сдѣлать юношество сознательнымъ участникомъ настоящихъ событій. «Die deutsche Schule» такъ резюмируетъ свои впечатлѣнія о выставкѣ: «нѣмецкая школа правильно поняла задачи, поставленныя передъ нею современностью, и показала, что она — не застывшій организмъ, движущійся по разъ намѣченному пути, а живое цѣлое, способное направлять свою творческую работу соотвѣтственно съ измѣнившимися обстоятельствами»... Журналъ отмѣчаетъ успѣхъ и въ самой постановкѣ преподаванія. Идеи прогрессивной педагогики все больше пробиваютъ себѣ дорогу въ современной школѣ. Новые методы обученія заботятся не о томъ, чтобы начинить ребенка учебнымъ матеріаломъ, а о томъ, чтобы дать возможность свободно развиваться его творческимъ силамъ, они стремятся упражнять и укрѣплять его способность выражать свои мысли и чувства. Это особенно замѣтно на выставленныхъ дѣт-

скихъ работахъ, сочиненіяхъ и рисункахъ. Въ нихъ больше проявляется инициатива и личность ребенка, чѣмъ въ школьныхъ работахъ предшествующаго періода. «Vorwärts» отмѣчаетъ тотъ же прогрессъ въ школьномъ преподаваніи, но онъ останавливается и на другой сторонѣ явленія. Школа нашего времени заключила тѣсный союзъ съ войной. И сдѣлала она это не изъ-за педагогическихъ соображеній, преслѣдующихъ благо ребенка, а ради политическихъ цѣлей государства.

«Правительство нашло въ школѣ,—пишетъ женскій рабочій органъ «Gleichheit»,—цѣннаго сотрудника для развитія и поддержанія воинственнаго духа не только среди молодежи, но черезъ нихъ и у родителей»... Школа, по мнѣнію газеты, вся отдалась на службу имперіализму. Она воспитываетъ юношество въ преклоненіи передъ Бисмаркомъ, вызываетъ его восторженный интересъ къ отечественному флоту и колоніямъ, къ Круппу и Балдуну, ввѣдряетъ въ молодыя головы самодовольное убѣжденіе въ превосходствѣ германской націи надъ всѣми другими. Школа усвоила себѣ заповѣди военной педагогики, проповѣдуемой страссбургскимъ профессоромъ Циглеромъ, который требуетъ, чтобы все школьное преподаваніе было поставлено въ тѣсную связь съ событіями современности, и рекомендуетъ учителю пользоваться каждымъ урокомъ для воспитанія въ школьникѣ нѣмца, что въ дѣйствительности и дѣлается. Даже на урокахъ закона Божія не забываютъ о войнѣ. Для сочиненій задаются такія темы: «Наша артиллерія», «Почему мы принуждены были двинуться на Бельгію», «Мы сражаемся за высшія цѣли», «Почему мы ненавидимъ Англію», «На какихъ основаніяхъ долженъ быть заключенъ миръ въ случаѣ нашей побѣды» и т. д. Такъ характеризуетъ дѣятельность школы органъ нѣмецкихъ работницъ, и берлинская выставка подтверждаетъ, что въ этой характеристикѣ много правды. Я лишена была возможности сама посѣтить эту интересную выставку, но передо мной лежитъ хорошо иллюстрирован-

ный подробный каталогъ, снабженный объясненіями и статьями многихъ профессоровъ¹⁾. Совершимъ же мысленное путешествіе вмѣстѣ съ нимъ по заламъ выставки. Вотъ передъ нами тетрадки такъ называемыхъ военныхъ диктантовъ. Ихъ имѣется два вида. Первый видъ диктанта, когда учитель диктуетъ связные рассказы изъ военной практики. Здѣсь сразу достигается двѣ цѣли—заботятся о правописаніи ученика и пользуются случаемъ дополнить и расширить знанія ребенка о войнѣ и военныхъ событіяхъ. Темы: «Изобрѣтатель шрапнели»... (Прежде интересовались изобрѣтателями пара и электричества, теперь шрапнель должна привлекать вниманіе ребенка). Далѣе: «Различные роды военныхъ судовъ», «Подраздѣленіе войска на отдѣльныя части»... Во многихъ школахъ диктовались различные военные указы кайзера и т. д. Второй видъ диктанта, когда учитель объясняетъ какое-нибудь грамматическое правило и диктуетъ на него отдѣльные примѣры или заставляеть учениковъ самихъ подыскивать и записывать подобные примѣры. Такіе диктанты писались и раньше, но примѣры брались изъ обыденной жизни, теперь же учитель хочетъ и въ сухія грамматическія упражненія вдохнуть военный духъ. Ученики пишутъ упражненія на двойное ss.: die Russen sind unsere Feinde. In Brüssell wohnte der belgische König и т. д. Перейдемъ къ урокамъ по математикѣ. Здѣсь тоже видное мѣсто отведено задачамъ на военныя темы. Напр., ученику задается высчитать, сколько стоитъ день войны, принимая во вниманіе питаніе даннаго количества солдатъ, использованіе боевого матеріала и т. д., или же онъ выражаетъ въ процентахъ потери англійскаго флота. Но иногда педагоги, желая сдѣлать уроки ариѳметики болѣе интересными и жизненными, дѣйствительно касались полезныхъ для дѣтей темъ изъ области народнаго хозяйства.

¹⁾ Schule und Krieg, Sonderausstellung in Zentralinstitut für Erziehung und Unterricht in Berlin. Weidmannsche Buchhandlung, Berlin 1915.

Школьники высчитывали, сколько потребляется хлѣба и картофеля въ Германіи, сколько ввозится съѣстныхъ продуктовъ, сколько получится всего сбереженій, если каждый сократитъ потребленіе хлѣба на столько-то граммовъ. Много было задачъ по поводу хлѣбныхъ карточекъ, выдаваемыхъ семьямъ на покупку хлѣба на недѣлю, также на тему о полученіи пособій семьями запасныхъ. Школьники получали понятіе о связи отдѣльнаго хозяйства съ народнымъ. На урокахъ географіи ученики усердно рисовали военныя карты. Вотъ передо мной карта восточнаго фронта въ началѣ сентября, приготовленная учениками одной гимназіи. Начерчена она съ строгимъ соблюденіемъ масштаба, обозначены всѣ болѣе или менѣе важные рѣки, озера и города; указаны, какія мѣста заняты нѣмцами, по какой линіи сосредоточены войска какъ свои, такъ и вражескія. Уроки физики и химіи тоже направлены въ интересахъ войны. Ученики знакомятся съ великими изобрѣтеніями науки, главнымъ образомъ въ ихъ примѣненіи къ войнѣ: устройство беспроволочнаго телеграфа, телефоны и подзорныя трубы въ ихъ примѣненіи на военномъ театрѣ. На выставкѣ много рисунковъ и моделей аэроплановъ, цеппелиновъ, подводныхъ лодокъ, приготовленныхъ учениками. На урокахъ геометріи школьники чертятъ окопы по всѣмъ правиламъ науки, съ циркулемъ въ рукахъ, въ ихъ продольномъ, поперечномъ разрѣзѣ и т. д.

До сихъ поръ мы останавливались главнымъ образомъ на приспособленіи учебнаго плана къ военнымъ интересамъ. Но на выставкѣ также имѣется подробный матеріалъ о работѣ школьниковъ на пользу войны за стѣнами школы. Ученики сами участвовали въ сборѣ золота и подпискѣ на военные займы. Особенно гимназіи большихъ городовъ широко развили эту дѣятельность. Мы не будемъ приводить цифровыхъ данныхъ и останавливаться на оцѣнкѣ этого вопроса, такъ какъ касались его уже въ августовской книгѣ «Вѣстника Воспитанія». Много-

численные фотографическіе снимки рисуютъ работу подростковъ на поляхъ и въ огородахъ, а также въ качествѣ сборщиковъ мѣди, шерсти и другихъ предметовъ, нужныхъ для военныхъ цѣлей. Кромѣ того, выставка удѣлила много вниманія военной подготовкѣ молодежи въ отрядахъ «юнаго войска», объ организаціи котораго уже писалось въ нашемъ журналѣ. По отчетамъ, представленнымъ на выставкѣ, въ Пруссіи имѣется 7.000 такихъ юношескихъ компаній съ 500.000 юныхъ практикантовъ въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ. Главный составъ ихъ рекрутируется изъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и дополнительныхъ народныхъ школъ. Развѣшанные по стѣнамъ фотографическіе снимки изображаютъ экзерциціи юныхъ отрядовъ въ полѣ, маршировку, упражненія въ бѣгѣ, въ прыганьи. Особое вниманіе удѣляется навыку въ опредѣленіи разстоянія, въ умѣніи разбираться въ военныхъ картахъ, дѣлать топографическіе снимки и т. д. Модели различныхъ сортовъ носилокъ для переноски раненыхъ, приготовленныхъ самими учениками, указываютъ, что ихъ обучаютъ и санитарному дѣлу.

Для военной подготовки молодежи и для командованія ихъ отрядами нужны руководители, но такъ какъ чувствовался недостатокъ въ людяхъ, знающихъ военное искусство, — офицеры и унтеръ-офицеры всѣ были на войнѣ — то понадобилось заняться подготовкой и самихъ руководителей. Для этого были устроены курсы въ Шпандау, близъ Берлина. Рядъ снимковъ изображаетъ дѣятельность этихъ курсовъ. Будущіе руководители обучаются пионернымъ работамъ, строятъ временные мосты, учатся брать штурмомъ импровизированныя крѣпости. Здѣсь приведены изготовленные юными воинами модели окоповъ и волчьихъ ямъ, защищенныхъ рядами проволочныхъ загражденій.

Знакомясь по выставкѣ съ жизнью нѣмецкой молодежи въ школѣ и внѣ ея, невольно задаешься вопросомъ, когда хватаетъ времени у этихъ юношей для своихъ обычныхъ

мирныхъ занятій? Вѣдь имъ нужно готовиться быть не только искусными солдатами, но и мирными гражданами, занимающими то или иное мѣсто въ культурной жизни страны. Война отнимаетъ у ученика почти весь день. Въ школѣ на всѣхъ урокахъ онъ вдоль и поперекъ изучаетъ военные вопросы, затѣмъ ему приходится еще и внѣ школы работать на пользу войны. Онъ участвуетъ въ различныхъ сборахъ, готовить и упаковываетъ подарки солдатамъ и пишетъ имъ письма. На приготовленіе уроковъ на дому ему остается очень мало времени, такъ какъ нужно спѣшить на экзерциціи юнаго войска. Въ такомъ военномъ угарѣ живетъ подростокъ цѣлый день.

Знакомство съ этой выставкой наводитъ на грустные мысли. Школа превратилась въ прихожую при казармѣ, педагоги забыли, что войнѣ настанетъ же когда-нибудь конецъ и жизнь войдетъ въ свои обычные нормы. Мировой культурѣ грозитъ серьезная опасность отъ поколѣнія, воспитаннаго со школьной скамьи въ бряцаніи оружія. И какъ вредно должно отражаться на нервахъ и психикѣ ребенка постоянно напряженное вниманіе въ сторону войны. Нѣмецкая печать, занятая вопросами дѣтства, отмѣтила печальный фактъ увеличенія преступности среди юношей и дѣтей школьнаго возраста. Этотъ вопросъ уже служилъ предметомъ обсуждения какъ на собраніяхъ учительскихъ фрейновъ, такъ и на засѣданіяхъ обществъ, работающихъ въ области охраны молодежи. Причины этого явленія очень сложны. Немалую роль играетъ здѣсь ухудшеніе матеріальнаго положенія народныхъ массъ и увеличеніе безпризорности дѣтей. На этомъ вопросѣ мы остановимся позднѣе подробнѣе. Но вполне правильно отмѣчаетъ «Vorwärts», что на ростъ дѣтской преступности также вліяетъ нарушеніе нормальнаго хода школьныхъ занятій и увеличившаяся вслѣдствіе военнаго угара склонность у дѣтей къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Приведу интересный фактъ изъ школьной практики, который, вѣроятно, не останется безъ вліянія на психику

подростковъ. Газеты сообщаютъ изъ Галле, что отрядъ юнаго войска, совершавшій подъ командой учителя свои упражненія въ лѣсу, поймалъ тамъ трехъ русскихъ плѣнныхъ, бѣжавшихъ съ работъ на рудникахъ. Школьники окружили русскихъ кольцомъ и не отступали до тѣхъ поръ, пока не явились жандармы, арестовавшіе бѣглецовъ. Ландратъ въ изданномъ по сему случаю воззваніи съ похвалою отзывается о безстрашіи, присутствіи духа и твердой рѣшимости, проявленной молодыми патриотами при ловлѣ плѣнныхъ. Окружное начальство прислало въ подарокъ юнымъ героямъ дорогія книги военного содержанія. Немало подростковъ съ захлебывающимся восторгомъ прочтеть это газетное сообщеніе и позавидуетъ прославленнымъ храбрецамъ. Не думаю, чтобы этотъ инцидентъ могъ способствовать укрѣпленію моральныхъ устоевъ у юношей, охотившихся вмѣсто дичи за людьми. Вѣроятно, у молодыхъ воиновъ, охваченныхъ патриотическимъ порывомъ, не мелькнуло и мысли, что передъ ними тѣ же люди, какъ и они, которые могутъ чувствовать, мыслить и страдать. Такіе факты мало способствуютъ пробужденію у подростковъ чувства уваженія къ личности, къ ея человѣческому достоинству—этой основѣ истиной культуры.

Кромѣ знакомства съ дѣятельностью школы во время войны, выставка даетъ еще интересный матеріалъ изъ области дѣтской психологіи. Матеріалъ этотъ, къ сожалѣнію, мало разработанъ. Но безусловно всякій психологъ, желающій порыться въ этихъ безыскусственныхъ дѣтскихъ произведеніяхъ, рисункахъ и стихотвореніяхъ, найдетъ много интереснаго для изученія дѣтской души, ея переживаній и зачатковъ ея творчества. Многіе педагоги въ своихъ замѣткахъ о школьныхъ сочиненіяхъ, представленныхъ на выставкѣ, указываютъ, что школа сдѣлала большой прогрессъ въ этой области. Эти сочиненія въ большинствѣ случаевъ не носятъ характера скучныхъ, безцвѣтныхъ казенныхъ произведеній, столь знакомыхъ намъ изъ прежней школьной практики, гдѣ уче-

никъ не выходитъ изъ рамокъ выработаннаго учителемъ плана, гдѣ не чувствуется ни дѣтской мысли, ни дѣтской души. Учитель нашего времени все больше проникается мыслью, что ребенку нужно давать больше свободы для проявленія его творческихъ силъ.

Вниманіе учителя къ особенностямъ дѣтской психики проявляется и въ выборѣ темъ. Многіе педагоги избѣгаютъ постановки чисто - абстрактныхъ, мало понятныхъ ученику темъ, а предлагаютъ ему просто рассказывать о своихъ личныхъ переживаніяхъ и наблюденіяхъ въ связи съ войной, которыхъ немало накопилось у каждаго ребенка. Отъ этого сочиненія выигрываютъ въ искренности и простотѣ изложенія. Дѣти въ нихъ безыскусственно рассказываютъ, что они переживали въ семьѣ, когда отправляли своихъ близкихъ на войну, что видѣли на улицѣ во время мобилизаціи и т. д. Наиболѣе интересенъ съ психологической точки зрѣнія отдѣлъ, устроенный бреславльской группой союза школьной реформы. Здѣсь собраны самостоятельныя работы дѣтей въ дѣтскихъ садахъ, въ народной и средней школѣ. Матеріаль хорошо подобранъ и обработанъ съ психологической точки зрѣнія. По немъ можно прослѣдить развитіе дѣтскаго творчества по возрастнымъ группамъ и проявленіе особенностей пола какъ въ выборѣ темъ, такъ и въ обработкѣ ихъ. Особенно богатъ отдѣлъ дѣтскихъ рисунковъ. Дѣтямъ предоставлялась полная свобода рисовать, что они хотятъ, а если и дѣлались указанія, то въ общихъ чертахъ, чтобы не мѣшать полету дѣтской фантазіи. Отличительной чертой рисунковъ до десятилѣтняго возраста является ихъ схематичность. Они передаютъ не дѣйствительныя впечатлѣнія, которыя получаетъ человѣкъ отъ видимыхъ имъ вещей, а только символы своихъ понятій. Только постепенно съ возрастомъ теряется схематичность изображенія, въ фигурахъ выражается движеніе и жизнь и вещи представляются въ опредѣленномъ пространствѣ. Въ работахъ дѣтей до 10 лѣтъ совсѣмъ почти не замѣтно различіе по полу, зато у

старшихъ возрастныхъ группъ оно выступаетъ довольно сильно. 12 и 14-лѣтніе мальчики въ своихъ занятіяхъ и играхъ какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея проявляются иначе, чѣмъ ихъ однолѣтки дѣвочки; ихъ интересы, переживанія и идеалы лежатъ въ иной плоскости, чѣмъ у послѣднихъ, и это различіе выражается и въ характерѣ ихъ произведеній. Мальчика въ войнѣ привлекаетъ борьба, проявленіе энергии, движенія и массовыя дѣйствія, онъ охотно изображаетъ процессы уничтоженія. Темы для рисунковъ у мальчиковъ—цеппелины ночью надъ Лондономъ, морской бой военныхъ судовъ, штурмъ крѣпости, завоеваніе знамени. Они любятъ контрасты въ краскахъ, въ ихъ изображеніяхъ много крови и огня. Тщательно и умѣло выводятъ они различныя техническія сооруженія. Вниманіе ихъ привлекаютъ подводныя лодки, аэропланы, различные виды пушекъ, и они довольно правильно схватываютъ техническія особенности каждаго изъ нихъ.

Дѣвочки мало останавливаются на этихъ предметахъ, а если и пытаются ихъ изобразить, то это выходитъ у нихъ неудачно. Вообще боевые элементы у нихъ отступаютъ на задній планъ. Дѣвочекъ болѣе всего интересуетъ семейный бытъ, проявленіе чувствъ и переживаній у отдѣльныхъ лицъ. Ихъ любимыя темы: прощаніе семьи съ солдатомъ, вѣнчаніе передъ походомъ, оставленная мать, сестра милосердія ухаживаетъ за ранеными, бѣженцы изъ Восточной Пруссіи и т. д. Въ ихъ изображеніяхъ больше сантиментальности и поэзіи. Такъ, есть недурные рисунки, обвѣянные поэтической грустью, изображающіе одиноко стоящую въ полѣ могилу и около нея осиротѣвшую лошадь. Если мальчики любятъ изображать окопы во время боя, то дѣвочки рисуютъ ихъ въ минуты паузъ и стараются окружить эти сооруженія комфортомъ. Ставятъ въ окопахъ столъ, диванъ, иногда даже піанино. Дѣвочки тщательнѣй обрабатываютъ отдѣльныя фигуры, больше вниманія обращаютъ на отдѣлку костюма, у нихъ больше вкуса въ подборѣ красокъ.

Въ сочиненіяхъ дѣтей проявляется различіе ихъ соціального положенія. Работы школьниковъ изъ народныхъ школъ и гимназистовъ отличаются между собой и по внѣшней отдѣлкѣ, и по выказаннымъ знаніямъ и освѣдомленности въ военныхъ событіяхъ. Въ сочиненіяхъ дѣвочекъ и мальчиковъ отмѣчаются тѣ же различія, что и въ рисункахъ. Мальчики заняты больше происходящимъ на военномъ театрѣ, трактуютъ о превосходствѣ того или иного орудія, интересуются боевыми средствами противниковъ. Дѣвочки поглощены печалью и горестями семьи, вопросами о помощи раненымъ и бѣженцамъ, говорятъ много о бережливости и экономіи въ хозяйствѣ. Религіозный моментъ значительно сильнѣй представленъ у дѣвочекъ, чѣмъ у мальчиковъ. У послѣднихъ во многихъ произведеніяхъ рѣзко выражено чувство ненависти къ врагу. Они передаютъ въ своихъ разсказахъ уже давно опровергнутыя сказки о различныхъ звѣрствахъ враговъ и требуютъ для нихъ жестокихъ наказаній. Органъ союза лейпцигскихъ учителей «*Leipziger Lehrerzeitung*» отмѣчаетъ эту сторону нѣкоторыхъ дѣтскихъ произведеній, считаетъ ее слѣдствіемъ вреднаго вліянія улицы и рекомендуетъ учителямъ обратить на нее вниманіе.

Имѣющіяся на выставкѣ дѣтскія стихотворенія можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ такъ называемыя «*Liebesgabengedichte*», т.-е. стихотворенія, прилагаемыя къ посылаемымъ солдатамъ подаркамъ. Они принадлежатъ большею частью къ произведеніямъ младшаго возраста. Многія изъ этихъ четверостишій носятъ слѣды усиленной работы маленькихъ поэтовъ въ поискахъ за римою, которая имъ не всегда дается. Читая ихъ, ясно себѣ представляешь, какъ какая-нибудь маленькая Дора, связавшая солдатскіе носки, подыскиваетъ, усиленно кусая карандашъ, къ нимъ риму: «*Lieber Soldat, der Vater sagt, die Schützengraben seien Zümpfe... drum schicke ich dir trockne Strümpfe...*» (Милый солдатъ, отецъ говоритъ: окопы болотисты, потому шлю

тебѣ сухіе носки...) Но такъ какъ ея познанія въ поэтической области говорятъ, что въ стихахъ требуется не меньше четырехъ строчекъ, она еще напрягается, и, наконецъ, получается нужное четверостишіе: Ich sag dir einen schönen Grus... und heis Dora Klinkerfus... (Я шлю тебѣ привѣтъ и прозываюсь Дора Клинкерфусъ). Болѣе взрослые школьники предпочитаютъ воспѣвать въ стихахъ военныя событія, есть и лирическія произведенія, передающія личныя переживанія и чувствованія. Это сентиментальное направленіе преобладаетъ у дѣвочекъ: тоска солдата по родинѣ, покинутая жена и ребенокъ, молитва матери. Мальчики воспѣваютъ взятіе Антверпена, оплакиваютъ судьбу «Эмдена» и т. д. Въ стихахъ часто фигурируютъ различныя животныя, какъ прообразы воюющихъ народовъ: пѣтухъ, медвѣдь, левъ, орелъ сталкиваются и борются вмѣстѣ. Больше всего достается Англіи отъ молодыхъ стихотворцевъ. Видное мѣсто въ дѣтскихъ произведеніяхъ занимаетъ воспѣваніе отдѣльныхъ героевъ. На первомъ планѣ, конечно, стоитъ Гинденбургъ. Передъ нимъ преклоняются и младшіе и старшіе классы, и дѣвочки и мальчики. Культъ героевъ свойственъ вообще дѣтскому возрасту, но, кромѣ того, онъ поддерживается въ ребенкѣ и школою и обществомъ. Гинденбургъ сдѣлался теперь нѣмецкимъ національнымъ героемъ. Его портреты украшаютъ стѣны какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ жилищъ. Бюсты и статуи его имѣются почти во всѣхъ городахъ. Нѣмецкое общество, умѣющее искусно использовать настроеніе массъ, нашло, какъ извлечь и изъ этого кulta пользу. Организованъ особый родъ благотворительнаго спорта. Выставляются деревянные статуи Гинденбурга, и любителей приглашаютъ вбивать въ него гвозди, чтобы покрыть эти статуи желѣзной броней. Гвозди, нужные для этого, продаются по 50 пфенниговъ въ пользу жертвъ войны. Горячіе поклонники Гинденбурга состязаются между собой въ количествѣ вбитыхъ гвоздей. Къ этому спорту привлечены были и дѣти. Передъ мной воззваніе,

напечатанное въ газетахъ, озаглавленное: «Гинденбургскіе гвозди для школьнико́въ». Въ немъ приглашается жертвовать въ особый фондъ, предназначенный для покупки этихъ гвоздей и для раздачи ихъ школьникамъ, которые сами не имѣютъ нужныхъ для этого денегъ и лишены, такимъ образомъ, возможности принять участіе въ общемъ празднествѣ, устраиваемомъ въ день рожденія національнаго героя. Воззваніе встрѣтило сочувствіе со стороны публики, и въ этотъ день многія тысячи берлинскихъ школьнико́въ получили возможность участвовать въ общемъ торжествѣ и подъ звуки патріотическихъ рѣчей вбивали съ удовольствіемъ гвозди въ лицо и руки деревяннаго Гинденбурга. Сразу достигались двѣ цѣли: пополнялся благотворительный фондъ и подогрѣвалось патріотическое чувство у дѣтей.

II.

На ряду съ практической работой школы на пользу войны, идетъ и теоретическая разработка педагогическихъ проблемъ подъ угломъ зрѣнія современности. Любопытно что многія прогрессивныя требованія, за которыя боролась лучшая часть нѣмецкой педагогики, выставляются и теперь, но съ новой аргументаціей, вызванной интересами переживаемаго нами момента. Нынѣшняя война, ведущаяся по послѣднему слову науки и техники, предъявляетъ извѣстные запросы къ интеллекту солдата и, кромѣ того, она требуетъ большого напряженія физическихъ и духовныхъ силъ у воюющихъ. Одинъ австрійскій педагогъ, Dr. Otto Tumlirz, ¹⁾ описывая свои переживанія и наблюденія на полѣ битвы, говорить, что на войнѣ необходимы: громадное напряженіе воли, заставляющее подавлять страданія и физическую усталость, строгое сознаніе долга и

¹⁾ Zeitschrift Schaffende Arbeit und Kunst in der Schule, III Jahrgang, 3 Heft.

отвѣтственности, качества, находящіяся въ тѣсной связи съ культурнымъ развитіемъ народныхъ массъ. Далѣе авторъ разбираетъ, какія новыя проблемы ставитъ война въ области педагогики и приходитъ къ выводу, что школа должна развивать въ ребенкѣ способность самостоятельно и остро мыслить и комбинировать, приучать его быстро соображать и сразу принимать нужное рѣшеніе. Въ юношѣ необходимо воспитывать крѣпкую волю, опирающуюся на моральную и интеллектуальную основу. Чувство долга и отвѣтственности должно войти въ плоть и кровь юноши и сдѣлаться его второй натурой. «Тогда только мы сможемъ воспитать свободное и сильное племя, которое такъ необходимо въ наше чреватое событіями время для нашего отечества, переживающаго теперь грозныя бури»...

Тѣмъ же вопросомъ занять и германскій профессоръ Гаудигъ въ своей статьѣ о новомъ духѣ нѣмецкаго воспитанія ¹⁾. Онъ находитъ, что будущимъ воспитательнымъ идеаломъ должно быть широкое развитіе личности. Война предъявила большіе запросы къ индивидуальности, а будущая жизнь предъявитъ еще большіе. Профессоръ рисуетъ въ радужныхъ краскахъ будущее Германіи послѣ побѣдоносной войны, а ее онъ иначе и не мыслить. Странѣ, по его словамъ, предстоитъ расцвѣтъ и быстрый подъемъ къ новымъ высшимъ формамъ жизни, для которыхъ нужна широко развитая личность, снабженная знаніемъ и способностью къ энергичной дѣятельности. Г. Гаудигъ признаетъ, что и теперь въ Германіи индивидуальное развитіе стоитъ выше, чѣмъ у другихъ націй. Это показала современная война. Онъ съ достаточной долей пристрастія и національной самовлюбленности такъ характеризуетъ особенности каждой изъ воюющихъ армій: русскій народъ находится еще въ состояніи стадности и индивидуальной неразвитости, у французовъ мало сознанія от-

¹⁾ Zeitschrift für pädagogische Psychologie und experimentelle Pädagogik, 2 Heft 1915 r.

вѣтственности, англичане погрязли въ грубомъ индивидуализмѣ, нѣмецкій же солдатъ доказалъ способность къ самостоятельнымъ отвѣтственнымъ дѣйствіямъ, а также къ строгой дисциплинѣ, но не къ слѣпому подчиненію раба, а къ дисциплинѣ свободнаго человѣка, сознательно подчиняющаго свое «я» общимъ интересамъ. Признаваемая всѣми прекрасная организація какъ войска, такъ и хозяйственной жизни Германія показываетъ высокій уровень нѣмецкаго народа. Мы не будемъ останавливаться на пристрастной оцѣнкѣ автора какъ своихъ національныхъ достоинствъ, такъ и недостатковъ враговъ, насъ интересуеетъ основная мысль Гаудига, что современность ставитъ большія требованія къ индивидуальности, а будущее еще повысить эти запросы. Ратуя за широко развитую личность, авторъ выставляетъ прежній идеалъ прогрессивной педагогики, борющейся за школу, построенную на трудовомъ принципѣ. Онъ признаетъ, что только такая школа, стремящаяся къ гармоническому развитію физическихъ и духовныхъ силъ ребенка, воспитывающая школьника черезъ работу къ работѣ, сможетъ отвѣчать идеаламъ новой Германіи. Въ его статьѣ уживается странная смѣсь прогрессивныхъ стремленій и шовинистскихъ и реакціонныхъ взглядовъ.

Одинъ изъ энергичныхъ защитниковъ идеи трудовой школы, Кершенштейнеръ, тоже стремится связать пропаганду за нее съ нуждами переживаемаго времени, но дѣлаетъ это по своему обыкновенію въ очень абстрактной формѣ ¹⁾. По его словамъ, культура является однимъ изъ тѣхъ подарковъ боговъ, за которые мы ежедневно и ежечасно должны бороться. Въ борьбѣ съ самимъ собой, въ борьбѣ съ другими государствами и народами каждое поколѣніе принуждено добывать себѣ земныя блага. Но если даже самое цѣнное для человѣка—его свобода—приобрѣтается только борьбой, то основною задачей воспита-

¹⁾ Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik.

нiя должно быть стремленiе развить въ ребенкѣ его волю и характеръ. Современныя системы образованiя являются прекрасными учрежденiями для приобрѣтенiя духовнаго багажа, интеллектуальныхъ, моральныхъ, религiозныхъ и эстетическихъ цѣнностей. Но онѣ дѣлають очень мало для развитiя способности претворять въ дѣйствiе эти цѣнности. Такiя задачи ставить себѣ трудовая школа. Современное воспитанiе ограничивается снабженiемъ ученика духовными и моральными орудiями, но какъ употребить эти орудiя не только на пользу себѣ, но и обществу можетъ научить только школа, признающая своимъ основнымъ началомъ, общественное сотрудничество.

Итакъ, война оживила старыя, но до сихъ поръ еще не разрѣшенныя проблемы воспитанiя о развитiи личности и укрѣпленiи характера и воли ребенка. На ряду съ этимъ она поставила на очередь вопросъ о социальныхъ мѣропрiятiяхъ въ защиту дѣтства. Ухудшенiе материальнаго положенiя народныхъ массъ, дороговизна сѣстныхъ припасовъ, и разстройство въ семейной жизни—все это тяжело отражается какъ на физическомъ, такъ и на духовномъ развитiи подрастающаго поколѣнiя. Печальныя послѣдствiя войны уже начинаютъ сказываться и обратили на себя вниманiе педагоговъ и различныхъ обществъ, занятыхъ охраною дѣтства. Бреславльскiй фѣрейнтъ католическихъ учителей отмѣчаетъ многiя нежелательныя явленiя изъ школьной жизни, которыя онъ ставить въ зависимость отъ войны. Ученики стали манкировать занятiями, небрежно относиться къ приготовленiю уроковъ, на улицѣ позволяютъ себѣ безчинства и грубости съ проходящими, а также возросло число преступленiй именно дѣтей школьнаго возраста.

Главную причину этихъ явленiй учителя видятъ въ увеличившейся безпризорности школьникова. Отецъ ушелъ на войну, мать должна искать заработокъ на сторонѣ, хозяйство заброшено, дѣти оставлены на произволь судьбы. Также дурно отразилось на школьникахъ разстройство

нормальнаго хода школьныхъ занятій, которое особенно сильно было въ началѣ войны въ провинціи. Многія школы отданы были подѣ лазареты, занятія происходили нерегулярно, въ сокращенномъ размѣрѣ и въ несоотвѣтствующихъ помѣщеніяхъ, въ какомъ-нибудь заброшенномъ зданіи или пустующей квартирѣ. Три четверти учителей ушли на войну, ихъ замѣнили новички, еще мало опытные и, кромѣ того, привужденные взваливать на свои плечи двойную и тройную работу. То же огрубѣніе нравовъ и распущенность школьниковъ отмѣчаетъ органъ нѣмецкаго фрейна учителей «Korrespondenz des deutschen Lehrervereins». Причины видитъ онъ въ увеличившемся нервномъ возбужденіи подростковъ, вызванномъ современными событіями. Эта нервозность ослабляетъ волю ребенка, которая могла бы удерживать его отъ необдуманнаго выхода. Дѣтскія солдатскія игры и военныя зрѣлища дѣйствуютъ огрубѣвающе и побуждаютъ школьниковъ къ противозаконнымъ и антиобщественнымъ дѣйствіямъ. Развращаетъ подростковъ и лубочная литература, подѣ покровомъ патріотизма описывающая невѣроятныя происшествія, которыя разгорячаютъ восбраженіе и раздражаютъ нервы школьниковъ и развиваютъ у нихъ склонность къ авантюризму.

Вопросомъ о дѣтской безпризорности были заняты собравшіеся весною и осенью два сѣзда. Война оставляетъ въ наслѣдство сотни тысячъ вдовъ и сиротъ, и общество не можетъ не интересоваться судьбою столькихъ разрушенныхъ и разоренныхъ семей.

Созванная 16—17 апрѣля въ Берлинѣ конференція занята была вопросомъ о помощи вдовамъ и сиротамъ погибшихъ воиновъ. Въ ней приняли участіе многія видныя благотворительныя организации, представители отъ государства и городовъ, делегаты профессиональныхъ союзовъ и женскихъ фрейновъ. Сюда собрались люди различныхъ партій и слоевъ общества, здѣсь были представлены какъ самыя правыя, такъ и крайне-лѣвыя міро-

возрѣнія вплоть до социаль-демократическаго. При такомъ составѣ сѣзда трудно было ждать единства взглядовъ, но, несмотря на это, конференція вся въ цѣломъ пришла къ общему выводу, что вопросъ о помощи вдовамъ и сиротамъ, благодаря широкимъ размѣрамъ этого бѣдствія, выходитъ далеко за предѣлы частной и общественной благотворительности, онъ требуетъ серьезныхъ социальныхъ мѣропріятій въ области охраны дѣтства и защиты женщины отъ эксплуатаціи. Эти сотни тысячъ вдовъ не смогутъ существовать на ренту, выдаваемую государствомъ, онѣ должны будутъ искать подсобнаго заработка. Женщина-мать все больше принуждена будетъ отрываться отъ семьи и уходить на фабрику, заводъ, въ контору... вмѣстѣ съ этимъ все больше будетъ уменьшаться воспитательное вліяніе семьи и увеличиваться и безъ того сильная безпризорность и заброшенность городскихъ дѣтей. Общество должно взять на себя часть заботъ о дѣтяхъ, необходимъ цѣлый рядъ мѣропріятій въ области дѣтской социальной практики. Къ такимъ выводамъ пришла берлинская конференція.

7 и 8 октября во Франкфуртѣ-на-Майнѣ собрался сѣздъ, созванный центральнымъ комитетомъ охраны молодежи. Видное мѣсто на немъ занималъ вопросъ о дѣтяхъ дошкольнаго возраста. Если общество въ Германіи уделяетъ довольно много вниманія заботамъ объ охранѣ грудныхъ младенцевъ и для этого имѣется цѣлый рядъ учреждений, то въ области попеченія о маленькихъ дѣтяхъ дѣлается до сихъ поръ очень мало. Въ изданномъ еще раньше трудѣ центрального комитета охраны молодежи ¹⁾ указывается, что въ 1910 г. въ Берлинѣ насчитывалось до 150.000 дѣтей въ возрастѣ отъ 2 до 6 лѣтъ, лишенныхъ нормальнаго ухода и призора въ семьѣ. Теперь эта цифра вѣроятно еще больше увеличилась. А этотъ хрупкій возрастъ требуетъ особенно тщательнаго

¹⁾ Kleinkinder in der Grosstadt, zwei Konferenzvorträge, Selbstverlag der D. Z. f. J. 1912.

присмотра. Хотя смертность среди дѣтей этого возраста значительно слабѣе, чѣмъ у грудныхъ младенцевъ, но эта возрастная группа легко поддается заболѣваніямъ, которыя могутъ оставить слѣды на всю жизнь. Маленькія дѣти, находясь въ неблагопріятной гигиенической обстановкѣ, легко доступны зараженію туберкулезомъ. Недостатокъ свѣта, воздуха и чистоты, неправильное и неудовлетворительное питаніе — все это создаетъ благопріятную почву для развитія рахита и другихъ болѣзней. Безпризорность дѣтей этого возраста можетъ оказать дурное вліяніе и на духовный обликъ ребенка. Многіе пороки и дурныя привычки, развивающіеся въ болѣе поздній періодъ, имѣютъ своимъ основаніемъ дурной уходъ въ раннемъ дѣтствѣ. Большое количество отсталыхъ школьниковъ, духовно и физически недоразвитыхъ, является слѣдствіемъ плохого питанія и недостатка ухода въ болѣе раннемъ возрастѣ.

Dr. Röbne, открывая съѣздъ, указалъ, что война, унося столько человѣческихъ жизней, нанесла большой ударъ семьямъ и поставила передъ обществомъ новыя задачи въ области защиты дѣтства, и съѣздъ долженъ намѣтить новые пути въ организациі этого дѣла какъ во время, такъ и послѣ войны. Dr. Ziehen, разбирая столѣтнюю исторію учреждений для охраны малолѣтнихъ дѣтей, указалъ, какую видную роль играла католическая и евангелическая церковь въ этой области. Долгое время попеченіе о малолѣтнихъ дѣтяхъ было исключительнымъ дѣломъ частныхъ и церковныхъ благотворительныхъ учреждений, и только въ послѣднее время городскія самоуправленія начинаютъ приходить на помощь частной инициативѣ, но дѣлаютъ еще очень мало въ этой области. Ораторъ указалъ, что рабочая партія внесла новую точку зрѣнія въ вопросъ объ охранѣ дѣтства, признавая, что забота о подрастающемъ поколѣніи является неотъемлемой обязанностью общества, такъ какъ семья при современныхъ условіяхъ не можетъ одна выполнять эти функціи.

На съѣздѣ говорилось о необходимости широкой организаціи городскихъ дѣтскихъ садовъ и очаговъ, гдѣ маленькія дѣти и школьники могли бы находить занятіе и пріютъ въ теченіе дня, пока ихъ матери находятся на работѣ. Здѣсь также должны заботиться объ ихъ питаніи. По даннымъ анкеты, устроенной въ Берлинѣ въ 1907/8 г., оказалось, что 179.000 школьниковъ не получаютъ каждый день горячаго обѣда, 36.000 дѣтей остаются зимой безъ горячаго завтрака. Такимъ образомъ, и до войны питаніе дѣтей было неудовлетворительно, война вноситъ еще большія ухудшенія въ этотъ вопросъ. Необходима организація питательныхъ пунктовъ при школахъ, дѣтскихъ садахъ и очагахъ. Желательно, чтобы городскія коммуны при постройкѣ новыхъ школъ дѣлали въ нихъ пристройки и для дѣтскихъ садовъ. Такія добавочныя помѣщенія имѣются въ нѣкоторыхъ новыхъ школьныхъ зданіяхъ во Франкфуртѣ. Но не только маленькія дѣти страдаютъ отъ безпризорности, нужно и школьниковъ 12—14 лѣтъ охранить отъ дурного вліянія улицы. Для нихъ рекомендовалось устройство дѣтскихъ клубовъ, гдѣ они могли бы въ кругу своихъ сверстниковъ и подъ руководствомъ взрослыхъ находить пріятное и полезное развлеченіе въ часы досуга.

Съѣздъ призналъ необходимымъ централизацию дѣла по охранѣ дѣтства и юношества и внесеніе большаго единства и планомѣрности въ работу разрозненныхъ организацій, занятыхъ въ этой области. Съ этою цѣлью выбранъ особый центральный комитетъ, имѣющій свое пребываніе въ Берлинѣ.

Всѣ эти вопросы соціальной дѣтской практики стояли и до войны передъ обществомъ. Никакихъ новыхъ явленій не вызвано войной, она только углубила и обострила старыя проклятые вопросы и поставила общество передъ необходимостью подойти вплотную къ нимъ.

Дополнительныя народныя школы въ Германіи.

(Окончаніе ¹⁾).

VIII. Внутренній строй школьной жизни.

Изъ всего сказаннаго нами—ясно, что хотя школа имѣетъ дѣло съ юными еще учениками, въ возрастѣ отъ 14—18 лѣтъ, но все же на нихъ приходится ужь смотрѣть какъ на взрослыхъ людей, самостоятельно зарабатывающихъ свой хлѣбъ, сознающихъ свои права и обязанности и глубоко интересующихся школой, какъ прямымъ отголоскомъ своей практической дѣятельности. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ интересъ, какъ въ духовномъ смыслѣ этого слова, такъ и въ матеріальномъ.

Отсюда и роль учителя совсѣмъ иная, чѣмъ въ народной школѣ,—значительно болѣе трудная. Онъ долженъ сумѣть заинтересовать ученика, долженъ вліять на него, какъ на товарища, и въ то же время останавливаться на всѣхъ его недостаткахъ (вплоть до внѣшнихъ манеръ). Учитель дополнительной школы долженъ быть въ равной степени хорошимъ педагогомъ, воспитателемъ и рабочимъ.

Мы ошиблись бы, если бы думали, что въ нѣмецкой дополнительной школѣ царитъ атмосфера довѣрія, дружбы и свободы. Этого нѣтъ. Нѣтъ также того оживленія на лицахъ учащихся, которое такъ цѣнно для истиннаго

¹⁾ Окт., стр. 98—136.

педагога. Есть же то добросовѣстное отношеніе со стороны учащихся, тотъ порядокъ во всемъ укладѣ школьной жизни, которые здѣсь создаются и держатся сами собою, между тѣмъ какъ нѣмецкая начальная школа добивается этого всей неумолимой строгостью своей школьной системы. Нельзя не упомянуть также о томъ факторѣ воспитанія который въ дополнительной школѣ играетъ огромную роль, — воспитанія чувства чести и собственнаго достоинства. Въ этомъ отношеніи дополнительная школа рѣзко разнится отъ начальной школы, гдѣ это чувство не только не культивируется, но, наоборотъ попирается самымъ грубымъ образомъ. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что всѣ эти разсужденія о достоинствѣ рабочаго, о чувствѣ чести добросовѣстнаго ремесленника, наконецъ, о человѣческомъ достоинствѣ вообще, не оставляются безъ вниманія маленькими пекарями, сапожниками и слесарями, и каждый изъ нихъ проникается уваженіемъ къ своему ремеслу и чувствомъ отвѣтственности за свои поступки передъ избраннымъ имъ цехомъ.

Нѣмецкая дополнительная школа, какъ одна изъ сторонъ нѣмецкой культуры, не избѣгла тѣхъ формальностей и той методичности, которыми такъ ярко характеризуется вся нѣмецкая жизнь. Объ этомъ свидѣлствуютъ какъ строгій регламентъ школы, такъ и тѣ многочисленныя бланки, которые отпечатаны школой «примѣнительно ко всѣмъ случаямъ жизни». Остановимся сначала на правилахъ, изданныхъ для учениковъ дополнительныхъ школъ. Ученики должны быть аккуратно одѣты, ихъ книги и тетради должны быть въ величайшемъ порядкѣ, ученики не имѣютъ права безъ разрѣшенія учителя перемѣнить свое мѣсто въ классѣ, точно такъ же они не имѣютъ права самовольно зажечь и потушить электричество, открыть или закрыть окна, ученикамъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за аккуратнымъ содержаніемъ школьной мебели, какъ и вообще всего школьнаго инвентаря. Ученикамъ запрещается стоять группами на улицѣ. Ученикамъ раз-

рѣшается только въ сопровожденіи старшихъ посѣщать увеселительныя или публичныя мѣста» и т. д. и т. д. Слѣдуетъ прибавить, что эти правила не являются мертвымъ звукомъ,—школа бдительно слѣдитъ за ихъ исполненіемъ. А вотъ каковы печатные бланки. «Свѣдѣнія о занятіяхъ»—они выдаются въ опредѣленные промежутки времени и должны быть обязательно подписаны родителями или воспитателями ученика. «Запаздыванія ученика», «пропуски ученика»—это, такъ сказать, предупредительныя бланки. Въ нихъ школа извѣщаетъ работодателя и родителей о замѣченномъ опозданіи или пропускѣ ученика. Въ этомъ отношеніи школа очень строга. При повтореніи такого проступка школа ведетъ энергичное разслѣдованіе, по чьей винѣ ученикъ неаккуратенъ: по своей ли собственной, винѣ родителей, или винѣ работодателя. По выясненіи причины школа шлетъ виновному лицу свое заключеніе, съ напоминаніемъ о той статьѣ закона, которая караетъ такой проступокъ. И только въ третій разъ, когда обвиненіе снова падаетъ на то же лицо, дѣло передается судебной инстанціи, которая налагаетъ на него (въ большинствѣ случаевъ это работодатель) денежный штрафъ. «Штрафной часъ»—въ немъ хозяинъ извѣщается о томъ, что его ученикъ такой-то оставленъ на лишній часъ въ школѣ вслѣдствіе такихъ-то причинъ. «Наказаніе оставленіемъ въ карцерѣ»—содержаніе аналогичное съ предыдущимъ бланкомъ. Интересно и крайне характерно для нѣмецкой школы примѣчаніе, имѣющееся на этомъ бланкѣ: «кто откажется отъ заключенія въ комнатѣ училищнаго служителя, тотъ будетъ силой водворенъ въ специальный карцеръ, при чемъ за отпираніе и запираніе послѣдняго ученикъ долженъ заплатить служителю 25 пфенниговъ».

Все это съ достаточной ясностью рисуетъ намъ тотъ сухой формализмъ нѣмецкой школы, отъ котораго она не избавилась и въ своихъ новѣйшихъ организаціяхъ—дополнительно-школьныхъ.

Въ послѣднее время на страницахъ журналовъ, обслуживающихъ интересы дополнительныхъ школъ, точно такъ же и на сѣздахъ оживленно дебатруется вопросъ: задавать ли ученикамъ уроки на домъ? и все чаще раздаются голоса въ утвердительномъ смыслѣ. Сторонники этого взгляда указываютъ на минимальное количество времени, имѣющееся въ распоряженіи школы, и на необходимость пополненія его внѣшкольнымъ временемъ, указываютъ на необходимость приученія ученика къ самостоятельной умственной работѣ и, наконецъ, на отвлеченіе его такимъ путемъ отъ другихъ времяпровожденій, далекихъ отъ школьныхъ занятій. Уроки на домъ введены уже въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ школахъ, какъ обязательное правило. Они не обременительны для ученика. Они заключаются либо въ окончаніи тѣхъ работъ, которыхъ не успѣли закончить въ школѣ, либо это небольшая письменная работа на одну изъ темъ, разбиравшихся уже въ классѣ, либо, наконецъ, это подготовительный матеріалъ къ предстоящему уроку. Ни о затверживаніи правилъ, ни о какой бы то ни было зубрежкѣ вообще тутъ нѣтъ и рѣчи. Время, нужное для приготовленія этихъ уроковъ, минимально. Но при желаніи ученика эти уроки на домъ являются хорошимъ толчкомъ для болѣе продолжительной и углубленной работы.

Дополнительная школа не забыла о тѣхъ ученикахъ, которые не могутъ по своимъ природнымъ даннымъ или же вслѣдствіе слабой подготовки идти наравнѣ со среднимъ ученикомъ. Въ большихъ городахъ, при многочисленности учащихся, гдѣ это только и представляется возможнымъ, ученики съ самаго момента поступленія въ дополнительную школу распредѣляются по двумъ, а иногда и по тремъ параллельнымъ классамъ (Qualitätsklassen). Такимъ образомъ, въ классѣ *A* учатся болѣе одаренные ученики, обладающіе большимъ запасомъ знаній, въ классѣ *B*—болѣе слабые, а если имѣется

и классъ *C*, то, само собой понятно, такая дифференція можетъ быть еще болѣе совершенной. Но, къ сожалѣнію, не всѣ школы поставлены въ такое счастливое положеніе, не всѣ могутъ ввести у себя три параллельныхъ класса. Тогда онѣ ограничиваются введеніемъ «подготовительнаго» класса (*Vorbereitungsklasse*). Цѣль, преслѣдуемая этимъ классомъ,—помочь ученику исправить тѣ недочеты, которые у него имѣются. При извѣстномъ стараніи со стороны ученика эти пробѣлы можно пополнить въ минимумъ времени, послѣ чего ученикъ переходитъ въ нормальный классъ.

Не оставлены безъ вниманія и отсталыя дѣти. Въ большихъ городахъ (а кое-гдѣ и въ меньшихъ центрахъ) для нихъ устроены вспомогательные классы (*Hilfsklassen*). Если вспомнить ходячее мнѣніе, что люди, неспособные для науки, годятся лишь для ремесла, то мы тѣмъ болѣе должны цѣнить эти классы, прилагающіе всѣ усилія къ тому, чтобъ этимъ обиженнымъ судьбою дѣтямъ дать хоть немного свѣта. Обычно, всѣ отсталые ученики данной школы учатся вмѣстѣ, не существуетъ подраздѣленій ни по классамъ, ни тѣмъ болѣе по семестрамъ. Это тѣ самые ученики, которые и въ народной школѣ проходили свой курсъ во вспомогательныхъ классахъ. Число изучаемыхъ предметовъ здѣсь ограничивается теоретическимъ изученіемъ своего ремесла, нѣмецкимъ языкомъ и арифметикой.

О роли учителя дополнительной школы было уже сказано выше. Теперь мы коснемся личности учителя, какъ таковой, а также его педагогической подготовки. Учителя дополнительной школы рѣзко раздѣляются на двѣ категоріи: учителей по общимъ предметамъ и учителей по ремесламъ. Въ то время какъ первые обладаютъ въ большинствѣ случаевъ высшимъ образованіемъ, вторые являются обыкновенными ремесленниками. Но и тѣ, и другіе обязаны пройти особый семинарій, съ годичнымъ курсомъ, для подготовки къ званію учителя дополнительной

школы. Учителямъ первой категоріи, теоретикамъ, нуженъ подобный семинарій для ознакомленія съ тѣми особенностями, которыя составляютъ сущность дополнительной школы, т.-е. съ прикладнымъ характеромъ занятій. Учителямъ же второй категоріи, практикамъ, этотъ семинарій крайне важенъ, какъ источникъ ихъ общаго образованія и какъ извѣстная подготовка въ дидактическомъ отношеніи. Семинарій этотъ существуетъ при дополнительной школѣ, и послѣдняя является объектомъ практики для семинаристовъ: введены обязательные пробные уроки. Для того, чтобы поступить въ семинарій, теоретики должны сдать экзаменъ, а практики должны имѣть за собой минимумъ трехлѣтній стажъ по своей специальности. По окончаніи семинарія, для полученія званія учителя дополнительной школы, требуется сдача экзамена. И занятія въ семинарії, и окончательный экзаменъ—все обставлено очень строго, къ семинаристамъ предъявляются большія и серьезныя требованія. Подобный семинарій цѣненъ не только съ точки зрѣнія подготовки учителя къ преподаванію, но также, какъ источникъ для его дальнѣйшей самостоятельной работы, для его самоусовершенствованія. Нельзя не отмѣтить, что въ среднемъ учитель дополнительной школы выгодно отличается отъ своего собрата по начальной школѣ. Здѣсь все чаще встрѣчаются учителя (рѣчь идетъ о теоретикахъ) съ той искрой таланта, съ тѣмъ яркимъ увлеченіемъ въ преподаваніи, котораго, къ сожалѣнію, почти лишены учителя нѣмецкой начальной школы. Что же касается учителей-практиковъ, то уже выше было указано, что въ лицѣ этихъ поистинѣ интеллигентныхъ людей мы находимъ крайне цѣнныхъ руководителей подрастающей молодежи. Общеніе учениковъ съ такими учителями слѣдуетъ горячо привѣтствовать.

Интересно отмѣтить одну подробность: рѣчь идетъ о жалованьѣ учителей. Нерѣдко жалованье учителя-практика значительно выше жалованья учителя-теоретика.

Тогда какъ первый получаетъ за годовой часъ марокъ 100 и даже 125, второй получаетъ марокъ 50. Объясняется это только тѣмъ, что за меньшую цѣну, чѣмъ въ 100 марокъ, часто совершенно невозможно найти ремесленника, отвѣчающаго всѣмъ требованіямъ дополнительной школы.

Если въ народной школѣ признано необходимымъ имѣть своего школьнаго врача, то въ дополнительной школѣ этотъ вопросъ является еще болѣе насущнымъ. Роль врача здѣсь разностороннѣе и отвѣтственнѣе. Съ одной стороны, онъ является въ дополнительной школѣ, такъ же, какъ и въ начальной, охранителемъ здравія учащихся. Это здѣсь тѣмъ болѣе необходимо, что многіе классы дополнительной школы—тѣ же мастерскія, которыя нуждаются въ правильномъ отопленіи, освѣщеніи и вентиляціи; кромѣ того, требуется еще соблюденіе особыхъ требованій гигиены для каждаго рода ремесла—и за всѣмъ этимъ наблюдаетъ врачъ. Съ другой же стороны, врачъ долженъ, помимо врачебной помощи, взять на себя еще нѣкоторыя функціи воспитателя. Это является необходимымъ для подрастающаго юношества. Бесѣды о половомъ вопросѣ, объ опасности зараженія, о наиболѣе распространенныхъ болѣзняхъ и пр. занимаютъ солидное мѣсто въ школьной жизни. Но, помимо всего этого, у врача имѣется еще одна задача: ученики должны имѣть ясное представленіе о подачѣ первой медицинской помощи. Въ настоящее время, когда машина всюду вытѣсняетъ ручной трудъ, когда рѣдкому рабочему не приходится имѣть дѣло съ нею, онъ долженъ при несчастныхъ случаяхъ сумѣть сдѣлать все необходимое до прибытія врача. Вотъ почему врачъ дополнительной школы обстоятельно посвящаетъ учениковъ въ этотъ вопросъ (*Samariterunterricht*), вотъ почему на классныхъ стѣнахъ мы находимъ многочисленныя изображенія, представляющія всѣ виды подачи первой медицинской помощи.

IX. Внѣшкольныя попеченія объ ученикахъ дополнительныхъ школъ.

Дополнительная школа не ограничивается тѣми немногими часами занятій, посѣщеніе которыхъ является обязательнымъ для учениковъ. Она стремится распространить свое вліяніе за предѣлы школы, стремится, насколько это въ ея силахъ, приковать интересъ ученика ко всѣмъ организаціямъ школы, ко всѣмъ ея начинаніямъ.

При каждой дополнительной школѣ существуетъ читальный залъ и библіотека, съ общей и спеціальной литературой. Пользованіе и тѣмъ и другимъ совершенно бесплатно, при чемъ книги можно брать и на домъ. Въ читальномъ залѣ, помимо газетъ и журналовъ, для пользованія учениковъ предоставлены всевозможныя игры: шахматы, шашки, домино и т. д. Библіотека и читальня открыты по буднимъ днямъ въ вечерніе часы отъ 8 до 10 ч., а по воскреснымъ днямъ,—днемъ отъ 4 до 7 час. Организація библіотеки и читальни существуетъ уже около пяти лѣтъ, и по числу посѣтителей читальни и по количеству взятыхъ въ библіотекѣ книгъ успѣхъ ея слѣдуетъ считать несомнѣннымъ. Среди газетной литературы мы всегда находимъ номера спеціальной газеты, издающей для учениковъ дополнительныхъ школъ. Ее издаетъ «Нѣмецкій союзъ дополнительныхъ школъ» подъ названіемъ: «Праздничный Вечеръ». Выходитъ она разъ въ недѣлю, небольшой тетрадью, приблизительно въ 1 листъ. Ея девизъ: «Пути къ счастью—работа, знаніе и свѣтъ». Это—популярный, серьезный и въ высшей степени полезный органъ. Онъ совершенно чуждъ обсужденія политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. Въ программу входятъ статьи по исторіи, исторіи культуры, этикѣ, естественной исторіи, народному хозяйству, законовѣднію, техникѣ, гигиенѣ, спорту и пр. Для того чтобы пояснить характеръ газеты, я приведу оглавленіе одного изъ номеровъ: 1) Пути человѣка на землѣ, надъ землей и подъ землей,

2) Усовершенствованія устройства локомотива за послѣднія 85 лѣтъ, 3) Телеграфы и телефоны въ Германіи, Австріи и Швейцаріи, 4) Панамскій каналъ, какъ новый путь всемірнаго сообщенія, 5) Туннели, 6) Изъ записной книжки авіатора, 7) Беллетристическіе рассказы. На сколько ученики привязаны къ своей газетѣ, можно судить по той радости, по тому оживленію, которыя царятъ въ классѣ, когда появляется учитель со свѣже-отпечатанными номерами газеты для раздачи ихъ подписчикамъ. Если прибавить, что цѣна газеты крайне минимальна—всего 30 пфенниговъ ¹⁾ въ $\frac{1}{2}$ года, что даетъ возможность всѣмъ ученикамъ быть ея подписчиками, что газету эту, по всей вѣроятности, читаетъ не одинъ ученикъ, но и его домашніе, то такое культурное начинаніе слѣдуетъ признать весьма цѣннымъ.

Организація дополнительной школы заботится также объ устройствѣ особыхъ лекцій-бесѣдъ для учениковъ. Темы бесѣдъ весьма различны, начиная съ вопроса о нѣмецкихъ колоніяхъ и кончая новымъ искусствомъ. Собранія эти многочисленны и оживленны. слѣдуетъ отмѣтить еще устройство любительскихъ спектаклей. Ученики-артисты, ученики-декораторы, ученики театральные рабочіе—всѣ добросовѣстно и съ большой любовью приносятъ свой трудъ для театра. Намъ остается еще упомянуть о кассѣ взаимопомощи, которая существуетъ уже во многихъ дополнительныхъ школахъ. Кассы уже проявили себя вполне жизненной и дѣятельной организаціей. Помимо ближайшей помощи товарищамъ, такая организація обладаетъ серьезнымъ воспитательнымъ значеніемъ: въ ней слѣдуетъ видѣть залогъ будущаго единенія рабочихъ.

Особое вниманіе удѣлено заботѣ о физическомъ воспитаніи подрастающаго поколѣнія. Въ этомъ отношеніи небезынтересно будетъ привести выдержку изъ одной

¹⁾ 15 коп.

рѣчи, прочитанной на съѣздѣ дополнительныхъ школъ въ 1912 году. Для насъ эта цитата приобретаетъ особое значеніе въ виду переживаемой нами въ настоящій моментъ войны съ Германіей. Вотъ что ораторъ сказалъ въ заключеніе своей рѣчи: «Съ тѣхъ поръ, какъ Германія вышла въ море, она вступила въ состязаніе со всѣми сильными народами міра. Требования возрастаютъ изо дня въ день. Только сильныя и мужественныя поколѣнія будутъ въ состояніи продолжать начатое развитіе страны. Исторія учитъ насъ, что ростъ, какового достигло наше отечество въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ, не сможетъ безпрепятственно развиваться дальше. Страна не сможетъ существовать долгое время безъ борьбы. Она должна наступить, это такъ же ясно, какъ и то, что рѣки выходятъ весной изъ своихъ береговъ, несмотря на всѣ загражденія. Мы должны поэтому воспитать не только дѣятельныхъ людей для жизни, для мира, но также и дѣятельныхъ людей для войны, если мы только не хотимъ лишиться нашего мѣста подъ солнцемъ»¹⁾).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Германія давно готовилась къ войнѣ. Въ этой типично-милитаристической странѣ, гдѣ правительство стремилось воспитать въ каждомъ подданномъ прежде всего солдата, школа тоже принуждена была приобщиться къ этой политикѣ. Вотъ почему въ нѣмецкихъ школахъ, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ, усиленно культивируется военная маршировка, гимнастика, развитіе бѣга, насажденіе военныхъ игръ. И тѣмъ серьезнѣе это все продѣлывается въ дополнительной школѣ, гдѣ учащіеся уже по своему возрасту относятся сознательнѣе къ своей задачѣ.

Гимнастикѣ обычно посвящается 4 часа въ недѣлю, въ два буднихъ вечера—по два часа. Принудительность къ занятіямъ гимнастикой совершенно исключена, но въ видѣ поощренія лучшимъ гимнастамъ выдаются небольшія преміи.

¹⁾ Журналъ „Die deutsche Fortbildungsschule“ за 1912 г., № 20.

Каждое воскресенье ученики отправляются на прогулки вмѣстѣ со своими учителями въ окрестности города. А нѣсколько разъ въ теченіе года предпринимаются далекія странствованія на нѣсколько дней, иногда и на цѣлую недѣлю. Ученики ведутъ тогда настоящую бивачную жизнь. Въ походномъ одѣяніи, съ провизіей и походной посудой за спиной выступаютъ они подъ звуки идущаго впереди небольшого оркестра изъ своихъ же учениковъ. Далекій переходъ пѣшкомъ, приваль, самостоятельное приготовленіе пищи, ночевка подъ открытымъ небомъ, близость учителей съ учениками и послѣднихъ другъ къ другу,—все это наилучшимъ образомъ отражается на впечатлительной натурѣ юноши. Эти экскурсіи устраиваются во всякую погоду, и зимой и лѣтомъ. Для особенно ненастныхъ погодъ городъ озабочивается устройствомъ остановочнаго пункта—небольшой *хижины* съ самыми необходимыми приспособленіями для пребыванія въ ней 25—30 человекъ. Само собой понятно, что ученики-туристы сами поддерживаютъ порядокъ въ этомъ убѣжищѣ и оставляютъ его точно такимъ, какимъ его и нашли. Издержки учениковъ для этихъ экскурсій самая минимальная. Куреніе и употребленіе алкоголя на всемъ пути строжайше воспрещается администраціей школы. Иногда эти экскурсіи устраиваются на велосипедахъ. Мѣсто отправленія экскурсій, а также выработка всѣхъ ея подробностей подлежатъ обсужденію особой комиссіи, которая состоитъ изъ двухъ или трехъ учителей и изъ 5—6 учениковъ. Въ началѣ cadaго мѣсяца комиссія обсуждаетъ планы тѣхъ экскурсій, которыя будутъ приняты въ теченіе даннаго мѣсяца, при этомъ учителя играютъ лишь роль совѣтниковъ и руководителей, а мнѣнія и желанія учениковъ являются рѣшающимъ стимуломъ. Обсужденію той же комиссіи, подлежатъ устройство военныхъ игръ. Онѣ организовываются не болѣе 2—3 разъ въ теченіе года, такъ какъ для проведенія ихъ требуется солидная подготовка. Происходятъ игры въ

окрестности города, но предъ окончаніемъ ихъ стройныя колонны учениковъ приходятъ въ центръ города, на имѣющійся всюду «военный плацъ», и тутъ уже публично, передъ толпой зрителей, развертываютъ свой настоящій военный лагерь. Устанавливаются палатки, устраивается походная кухня, приводятъ въ порядокъ все необходимое для гимнастики и военныхъ упражненій. Затѣмъ происходятъ маршировки, бѣга, бросаніе дисковъ, стрѣльба въ цѣль, игры на призы. Въ самомъ концѣ—парадный военный маршъ: идутъ полки за полками, со специфической нѣмецкой военной выправкой, впереди всѣхъ идутъ трубачи.

На лицахъ присутствующей публики явное одобреніе, нерѣдко высказываемое и вслухъ, восторгу же собравшейся дѣтвора нѣтъ предѣла. Вся эта картина является очень характерной для духа нѣмецкаго народа, она и не нуждается въ поясненіи, хочется отмѣтить лишь тотъ фактъ, что каждый школьникъ не только не чуждъ военной жизни, но обладаетъ уже солидной солдатской выправкой.

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ организацій, дѣятельность которыхъ выходитъ уже за предѣлы самой школы. Слѣдуетъ сказать, что ученикъ въ этихъ организаціяхъ уже не чувствуетъ себя болѣе ученикомъ. Вступая въ любую изъ этихъ организацій, онъ является въ ней полноправнымъ членомъ, и сообразно съ этимъ, складывается и его психологія. Для него, какъ для нѣмца, нѣтъ ничего выше своего отечества, онъ же, будучи членомъ тѣхъ обществъ, т.-е. тѣхъ культурныхъ ячеекъ, которыя служатъ возвеличенію Германіи, долженъ серьезно отнестись къ своей задачѣ, чтобы быть, такимъ образомъ, на высотѣ своего гражданскаго долга. Достаточно хоть немного присмотрѣться къ внѣшкольнымъ организаціямъ, чтобы убѣдиться, что именно такова психологія нѣмецкаго ученика-ремесленника.

Понятно, что всѣ эти внѣшкольныя организаціи введены были не сразу, нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ

всего лишь два года. Школа предполагает, что попеченіе о внѣшкольномъ времяпровожденіи учениковъ еще шире разовьется, что послѣднее слово здѣсь еще не сказано, какъ оно не сказано о дополнительной школѣ вообще.

Постоянная забота о подрастающемъ поколѣніи рабочихъ не осталась безъ отклика въ сердцахъ послѣднихъ. Учащіеся привязаны къ школѣ, они сознаютъ ту огромную пользу, которую она имъ приноситъ. Въ этомъ насъ можетъ убѣдить слѣдующій фактъ. При многихъ дополнительныхъ школахъ организованы необязательные курсы для окончившихъ школу, иначе говоря для тѣхъ, кто вышелъ уже изъ положенія «ученика» и сталъ «подмастерьемъ». И вотъ наблюдается огромный процентъ, посѣщающихъ эти курсы (курсы устроены опять таки примѣнительно къ самой жизни, т.-е. къ работѣ подмастерья). То обстоятельство, что взрослые рабочіе цѣнятъ дополнительную школу, по образному выраженію одного учителя: «Die Gesellen hängen auch an der Schule» ¹⁾, что они добровольно систематически посѣщаютъ ее, намъ лучше всего показываетъ, что дополнительная школа отвѣчаетъ требованіямъ жизни, что она нужна рабочему классу и слѣдовательно ея вліяніе можетъ имѣть огромное значеніе для рѣшенія рабочаго вопроса.

Х. Женская дополнительная школа. Курсы домашняго хозяйства.

Въ женской дополнительной школѣ точно такъ же, какъ и въ мужской, со всей строгостью выдержанъ девизъ: «школа должна существовать для жизни». Ясно, что въ школѣ, какъ и въ самой жизни, долженъ быть прежде всего отразиться взглядъ на женщину, существующій въ Германіи. Извѣстно, что взглядъ на равноправіе женщины въ Германіи въ достаточной мѣрѣ ре-

¹⁾ Подмастерья тоже привязаны къ школѣ.

троградень, и нѣмецкая женщина все еще заперта въ тѣсномъ кругѣ своихъ повседневныхъ заботъ о семьѣ и своемъ домашнемъ обиходѣ. Но неумолимая логика вещей, все усложняющіяся экономическія условія жизни—вырываютъ женщину необезпеченныхъ классовъ изъ домашней обстановки и бросаютъ ее въ мастерскія, въ магазины, на фабрику. Объ этомъ не могутъ умолчать и самые ярые противники женскаго движенія. Отсюда тѣ споры, та борьба мнѣній, которые создались вокругъ вопроса: «чѣмъ же должна быть женская дополнительная школа? какимъ интересамъ должна она служить?». Въ этомъ вопросѣ намѣчаются три направленія. Одни стоять за полное равноправіе мужчинъ и женщинъ и требуютъ для дѣвочекъ организаціи такихъ же точно дополнительныхъ школъ, какія существуютъ для мальчиковъ. Они указываютъ на тотъ фактъ, что женщины потому только получаютъ меньшую плату, нежели мужчины, что у нихъ отсутствуетъ пужная для данной работы подготовка, съ другой стороны, это же обстоятельство—меньшая заработная плата для женщины сбиваетъ плату для мужчинъ.

Другіе находятъ, что женщина никогда не должна покидать семью, ея работы и ея стараніе въ смыслѣ экономіи въ семьѣ дадутъ ей не меньше того излишка, который она можетъ заработать внѣ семьи, поэтому сторонники этого взгляда требуютъ для женщины лишь ту старую дополнительную школу, которая отвѣчаетъ прямому призванію женщины (кулинарное искусство, домоводство, воспитаніе дѣтей). Наконецъ, третьи избрали средній путь: женская дополнительная школа должна быть смѣшаннаго типа, на ряду съ обученіемъ ремесламъ дѣвушка должна быть въ школѣ обстоятельно посвящена во всѣ стороны хозяйственной жизни. Сторонники этого взгляда соглашаются съ тѣмъ, что выполненіе подобнаго двойкаго плана представляетъ большія затрудненія, что одна изъ двухъ цѣлей будетъ всегда превалировать надъ

другой, но что умѣніе и тактъ преподавателей помогутъ найти вѣрный путь.

Первая женская дополнительная школа была основана въ 1891 г. и лишь въ 1912 г., т.-е. спустя слишкомъ двадцать лѣтъ появляется законъ о принудительности посѣщенія женской дополнительной школы всѣми окончившими нѣмецкую начальную школу и находящимися сейчасъ на положеніи обученныхъ и необученныхъ работницъ. Изданіе этого закона ознаменовало собой большую побѣду въ этой области. Прежде всего самый принципъ принудительности посѣщенія школъ совершенно иначе отразился на количествѣ учащихся, что было уже путемъ статистическихъ данныхъ указано относительно мужскихъ дополнительныхъ школъ, затѣмъ прямымъ послѣдствіемъ закона явилось обязательство для работодателей—отпускать ученицъ для занятій безъ вычета изъ ихъ жалованья и, что самое главное, всѣ эти мѣропріятія имѣли извѣстное моральное значеніе для принципиальнаго взгляда на женскій трудъ. Но законъ о принудительности посѣщенія и ремесленныхъ отдѣленій женской дополнительной школы появился не какъ законъ государственный, какъ это имѣетъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ по отношенію къ мужской дополнительной школѣ, а какъ законъ мѣстный, общинный. Это означало, что отнынѣ мѣстному самоуправленію, общинному или городскому, предоставляется право вводить у себя законъ о принудительности посѣщенія женскихъ дополнительныхъ школъ. Теперь центръ тяжести лежалъ въ общественномъ самосознаніи, и мы видимъ, что оно далеко не всюду оказалось на должной высотѣ. Этимъ и объясняется вся разнovidность женскихъ дополнительныхъ школъ, эта разнovidность настолько велика, что онѣ даже трудно поддаются какой-либо систематизаціи. Мы встрѣчаемся съ хозяйственными школами, имѣющими трехлѣтній курсъ, какъ, напр., въ Zeitz'ѣ, и съ полуторогодичнымъ, какъ въ Шарлоттенбургѣ; число недѣльныхъ часовъ также край-

не различно: отъ 6 до 34. Есть даже хозяйственныя школы съ годичнымъ курсомъ, напр., въ Бреславлѣ и Гамбургѣ, при максимумѣ недѣльныхъ часовъ—34. Не всегда число лѣтъ обученія обратно пропорціонально числу недѣльныхъ часовъ, существуютъ школы съ минимумомъ и лѣтъ и часовъ, какъ въ Мангеймѣ, все зависитъ отъ принципиальнаго взгляда на женское образованіе, отъ мѣстныхъ условій и, наконецъ, отъ матеріальныхъ средствъ. Такъ же различна и организація ремесленныхъ отдѣленій. Въ дополнительной школѣ въ Шарлоттенбургѣ имѣется ремесленное отдѣленіе съ трехлѣтнимъ курсомъ при 4-хъ недѣльныхъ часахъ и въ томъ же Шарлоттенбургѣ имѣется другая ремесленная школа съ полуторагодичнымъ курсомъ, при 13—19 недѣльныхъ часахъ. Самый фактъ существованія гдѣ-либо ремесленнаго отдѣленія показываетъ, что мѣстное самоуправленіе считаетъ посѣщеніе ремесленницами такихъ школъ—обязательнымъ, но съ другой стороны могутъ всегда быть ученицы добровольно желающія посѣщать и весь циклъ преподаваемыхъ предметовъ и нѣкоторые отдѣльные изъ нихъ. Такъ напр., въ Шарлоттенбургѣ, на торговыхъ курсахъ, мы, при 600 ученицахъ, обязанныхъ по закону посѣщать эти курсы, находимъ ровно вдвое—1200, посѣщающихъ ихъ добровольно. Точно также посѣщаются добровольно курсы иностранныхъ языковъ: французскаго и англійскаго. Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ типахъ женскихъ дополнительныхъ школъ: 1) школа фабричныхъ работницъ (необученныхъ работницъ), 2) школа продавщицъ.

Намъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти спеціальныя отдѣленія лишь пристройки, если можно такъ выразиться, къ главному отдѣленію женской дополнительной школы, составляющему ея основную сущность, это курсы по домоводству, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. все, что касается дома и дѣтей. Гдѣ бы дѣвушка ни находилась по окончаніи начальной школы: въ услуженіи ли въ частномъ домѣ, продавщицей ли въ магазинѣ или ра-

ботницей на фабрикѣ, какіе бы спеціальныя курсы она ни посѣщала въ дополнительной школѣ, хозяйка ея (а если она осталась дома, то родители) обязаны, подѣ страхомъ отвѣтственности предѣ закономъ, предоставить ей необходимое время для посѣщенія занятій по домашнему хозяйству.

Намъ это будетъ вполне понятно, если мы примемъ во вниманіе психологію нѣмца. «Не можетъ быть счастья въ той семьѣ, гдѣ женщина не будетъ разумной и бережливой хозяйкой» — вотъ ходячее мнѣніе нѣмецкаго народа. И на съѣздахъ дополнительныхъ школъ и на страницахъ спеціальныхъ журналовъ мы постоянно сталкиваемся съ этимъ мнѣніемъ. «Чѣмъ бы женщина ни занималась, какія бы требованія ни предъявляла къ ней жизнь, она должна помнить, что прежде всего ей надо быть матерью и хозяйкой». «Какой вредъ приноситъ семьѣ женщина, вступая неподготовленной къ своему призванію въ домъ мужа. Какую пользу можетъ принести достаточный заработокъ мужа, если жена не умѣетъ должнымъ образомъ его использовать? Ссоры и споры, распадъ семьи и бѣдность — вотъ итоги неумѣлаго хозяйничанія. Школѣ слѣдуетъ использовать всѣ средства, чтобы предупредить такіе случаи». «Хорошая хозяйка способствуетъ благосостоянію семьи, а послѣднее — залогъ процвѣтанія государства» — такихъ выдержекъ изъ статей и рѣчей можно было бы привести безконечное множество.

Итакъ, главная забота женской дополнительной школы — это устройство рациональной школьной кухни, гдѣ ученицы научились бы быть хорошими хозяйками: свѣдущими въ кулинарномъ искусствѣ, экономными въ расходованіи денегъ и припасовъ, аккуратными и чистоплотными. Но кухня должна быть не единственной заботой хозяйки, у нея будутъ и другія комнаты, она должна умѣть ихъ убирать, она должна умѣть чистить всѣ находящіяся въ нихъ предметы, на ней лежитъ забота о бѣльѣ (стирка, штопка), она должна умѣть чистить одежду,

должнымъ образомъ прятать на лѣто, наконецъ, она должна знать всякія женскія рукодѣлія, — словомъ, она должна вѣдать все, что относится къ дому.

Для того, чтобъ наглядно показать, какъ происходятъ занятія въ школьной кухнѣ, приведемъ описаніе одного изъ школьныхъ дней. Занятія происходятъ по утрамъ, одинъ разъ въ недѣлю, зимой съ 8 час. утра, лѣтомъ съ 7 час., кончаются занятія въ 2 часа дня. Изъ этихъ шести часовъ часа 3—4 уходятъ на кулинарное искусство, каковое время считается необходимымъ для приготовления обѣда. Каждая ученица приноситъ съ собою сумочку, въ ней: поваренная книга, книга для чтенія (статьи исключительно по специальному вопросу — домоводству), большой бѣлый полотняный передникъ и двѣ чистыя кухонныя тряпки. Кухня величиной съ большую классную комнату. Невольно поражаетъ какая-то совершенно особенная чистота: всѣ предметы блестятъ такъ, словно сейчасъ только привезены изъ магазина. Куда ни подойдешь: къ шкафамъ, многочисленнымъ кадочкамъ, корзиночкамъ, баночкамъ, — все больше поражаетъ этому идеальному порядку, этой удивительной аккуратности, которые вносятъ какой-то особый уютъ въ эту обычно неприглядную комнату. Всѣхъ ученицъ на каждую кухню (въ одинъ день) приходится максимумъ 24. Изъ нихъ каждые четверо человѣкъ составляютъ одну группу, всѣхъ группъ, стало быть, шесть. Каждая группа имѣетъ свою отдѣльную плиту и свое отдѣльное полное обзаведеніе кухоннаго хозяйства: столъ, четыре табуретки, шкафъ съ посудой и водопроводный кранъ съ раковиной. Кромѣ этихъ 6-ти отдѣльныхъ хозяйствъ мы видимъ въ кухнѣ большой шкафъ съ кухоннымъ бѣльемъ (всѣ полотенца и тряпки тщательно перевязаны ленточками), шкафъ съ бакалейными припасами, вѣсы, стѣнные часы, каедрю для учительницы, большіе счеты и классную доску. Ученицы каждой группы занимаютъ опредѣленное мѣсто за столомъ, у каждой изъ нихъ свой номеръ. Такъ

что напр., по приказу учительницы №№ 1—разводить огонь, №№ 2—чистятъ зелень, №№ 3—наливаютъ воду для супа и т. д. Каждый мѣсяцъ учительница мѣняетъ номера ученицъ и соотвѣтственно съ этимъ мѣняются, конечно, и ихъ обязанности. Каждая ученица отвѣтственна за сдѣланную ею работу, которую можно всегда проконтролировать, благодаря существованію отдѣльных номеровъ. Кромѣ того, за каждымъ столомъ имѣется еще дежурная, которая наблюдаетъ за работой всего стола и является отвѣтственной за всю группу.

Ученицы работаютъ въ кухнѣ очень быстро, толково, но вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно, безъ всякаго шума. Вотъ одна ученица выгребааетъ золу изъ плиты и вслѣдъ за этимъ накладываетъ угли и щепочки въ печь, которые въ порядкѣ сложены въ двухъ ящичкахъ подлѣ плиты, 2-ая прячетъ въ это время книги и тетради своей группы въ ящикъ стола, 3-ья наполняетъ бакъ (въ плитѣ) водою и достаетъ нужную посуду изъ шкафа, 4-ая помогаетъ учительницѣ распределить провизію для каждаго стола и записать на доскѣ расходы на обѣдъ для одной «семьи». Семья, какъ мы видѣли, состоитъ изъ четырехъ членовъ: родителей и двоихъ дѣтей. Для взрослыхъ членовъ семьи готовятъ сегодня рыбу, супъ и зелень, а для дѣтей—молочную кашу. Учительница показываетъ какъ слѣдуетъ чистить рыбу, какъ вынуть ея внутренности, попутно она выясняетъ, какъ узнать, свѣжа ли рыба. Ученицы перечисляютъ всѣ признаки, по которымъ можно судить о ея свѣжести: прозрачность глазъ, запахъ, твердость мяса. Но вотъ всѣ первоначальныя приготовленія для обѣда сдѣланы, огонь въ плитахъ весело потрескиваетъ, учительница на кафедрѣ, ученицы занимаютъ свои мѣста, и мы чувствуемъ себя въ обыкновенной классной комнатѣ.

Сегодня къ обѣду готовятъ зелень. Вотъ послѣдняя и служить темой для обсужденія. Говорятъ изъ какихъ частей она состоитъ, каковы ея листья, какія части идутъ

въ кушанье и т. д. Затѣмъ ученицы достаютъ свои поваренныя книги и читаютъ рецептъ приготовления этой зелени. Одновременно съ этимъ идутъ болѣе детальныя объясненія учительницы, которыя, тутъ же повторяются ученицами. Когда способъ приготовления зелени достаточно выясненъ, ученицы приступаютъ къ практическому выполнению задачи. На столахъ появляются миски съ зеленью, ученицы слѣдятъ за указаніями учительницы: все тщательно чистятъ, моютъ. Но вотъ зелень положена въ эмалированные горшки и поставлена на огонь. Ученицы снова на своихъ мѣстахъ, урокъ продолжается, и лишь время отъ времени та или иная ученица тихонько подходитъ къ плитѣ взглянуть, все ли въ порядкѣ. Теперь идетъ обсужденіе о пользѣ зелени для организма человѣка, о вліяніи веществъ, заключающихся въ зелени на его кровь. Говорятъ подробно о составныхъ частяхъ зелени. Послѣ бесѣды слѣдуетъ чтеніе и пересказъ статьи «Зелень» изъ книги для чтенія. Учительница слѣдитъ также за правильностью рѣчи и за произношеніемъ ученицъ. Затѣмъ классъ приступаетъ къ небольшому сочиненію: «О пользѣ зелени». Пріятно взять въ руки любую тетрадь: идеальный порядокъ, чистота, четкій, красивый почеркъ. Сочиненія: «о чисткѣ посуды», «о томъ, какъ сохранить яйца на зиму», «о томъ, какъ мы приготовили капусту» и т. п., перемежаются со счетами по покупкѣ провизіи (ученицы утромъ сами все закупаютъ на рынкѣ). Учительница въ бесѣдахъ постоянно старается указать ученицамъ на громадное значеніе экономизированія въ хозяйствѣ: какую огромную роль играетъ бережливость въ хозяйствѣ, какъ много расходовъ могутъ быть сохранены путемъ разумной закупки и сортировки продуктовъ, путемъ самостоятельныхъ солений и препарирования продуктовъ на зиму, путемъ неослабѣваемаго вниманія во время приготовления кушаній.

Важно отмѣтить, что все приготовляемое въ школьной кухнѣ и есть тѣ самыя обыкновенныя кушанья, которыя

въ обиходѣ въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ выросли и живутъ ученицы. И самая порція, на четверо человѣкъ, тоже та средняя величина, съ которой обыкновенно приходится имѣть дѣло каждой хозяйкѣ.

Изъ приведеннаго намъ ясно, что школа не только стремится научить ученицу быть хорошей хозяйкой, но также связать ея трудъ съ извѣстной интеллигентностью, выработать типъ сознательной и по возможности образованной въ своей области труженицы. И учительница дѣйствительно неустанно къ этому стремится. Въ классѣ виситъ географическая карта и, говоря о томъ или иномъ привозномъ продуктѣ, ученица всегда должна сумѣть показать, какими путями продуктъ къ намъ доставляется; нерѣдко къ дѣлу приобщается и исторія (такъ напр. картофельные бунты); не избѣгается и политическая экономія (гдѣ и почему извѣстный продуктъ дороже или дешевле) и т. д.

Но вотъ обѣдъ готовъ. Столы накрыты. Прочитавъ молитву, всѣ принимаются за ѣду. Учительница не упускаетъ случая, чтобъ сдѣлать тѣ или иныя указанія, какъ вести себя за столомъ, какъ держать ножъ и вилку, какъ исправить свои манеры и т. д. Краткая молитва послѣ обѣда, ученицы записываютъ заданный къ слѣдующему разу урокъ и приступаютъ къ уборкѣ кухни. Со всѣхъ сторонъ слышится трезіе щетокъ и тряпокъ. Работа быстро подвигается впередъ, и предъ нашими глазами снова всѣ предметы въ своей изумительной чистотѣ. Разъ въ шесть недѣль маленькія кулинарки превращаются въ прачекъ: собирается все кухонное бѣлье, и неутомимыя ручки старательно его моютъ, полощутъ, гладятъ. Одновременно онѣ готовятъ и обѣдъ, только въ эти дни приходится отказаться отъ писанія сочиненія. Эта же учительница учитъ ученицъ и чинкѣ бѣлья, и на грубыхъ полотенцахъ появляется та на рѣдкость кропотливая и тонкая штопка, на которую только способна нѣмецкая хозяйка.

Занятія кончены. Ученицы укладываютъ свои сумочки и привѣтливо прощаются съ учительницей. Онѣ снова придутъ сюда только черезъ недѣлю. Но этотъ срокъ для нихъ пройдетъ не совсѣмъ даромъ: придя домой, онѣ съ радостью расскажутъ матери о томъ, чему имъ удалось научиться, и въ первый же свободный день онѣ сами повторять дома тотъ же обѣдъ, онѣ также съ полной готовностью помогутъ матери въ ея трудной работѣ, въ ея вѣчныхъ хлопотахъ. Все это нѣмецкая дѣвушка не только не считаетъ для себя чѣмъ-либо труднымъ или унижительнымъ, но, наоборотъ, эта работа сродни ея душѣ, она съ дѣтства воспитана въ сознаниі необходимости домашней работы для женщины, и ее радуетъ всякая самостоятельность на этомъ пути.

Приведенное описаніе относится къ школѣ съ минимальнымъ числомъ учебныхъ часовъ, въ школахъ же, гдѣ домашнему хозяйству посвящается больше времени, отдѣльные отрасли его значительно расширены. Такъ, напр. отдѣлъ бѣлья долженъ отнять много времени, такъ какъ хорошая хозяйка должна умѣть стирать и гладить не только простое кухонное бѣлье, но и всякое находящееся въ домѣ, вплоть до занавѣсей и верхняго крахмальнаго бѣлья. Тутъ же ученицы научаются выводить всякія пятна изъ бѣлья. Все, что практически дѣлается въ классѣ, одновременно и обсуждается (вліяніе соды, дѣйствіе того или иного мыла, устройство утюга) и тщательно заносится въ тетрадь. Ученицы относятся сознательно къ своей работѣ и всегда могутъ объяснить, почему слѣдуетъ слѣлать что-либо такимъ способомъ, а не инымъ.

Особому обсужденію, какъ было уже сказано выше, подлежитъ содержаніе въ порядкѣ всей квартиры. Сюда входитъ правильное ея отопленіе, освѣщеніе и уборка. Кромѣ чисто практическихъ указаній, что, чѣмъ и какъ слѣдуетъ чистить, въ школѣ преподается курсъ гигиены, въ который входитъ и гигиена жилья. Курсъ гигиены составленъ очень элементарно, изученію подлежатъ лишь

основныя положенія, но послѣднія должны такъ вкорениться въ сознаніе учениць, чтобы «на практикѣ они проводились уже чисто инстинктивно», по выраженію одного педагога. Вотъ какова эта программа въ ея главныхъ чертахъ:

- 1) Человѣкъ. Отдѣльныя части тѣла и ихъ функціи.
- 2) Воздухъ и его загрязненіе.
- 3) Вліяніе свѣта и воздуха на человѣческій организмъ.
- 4) Кожа, волосы и зубы.
- 5) Одежда человѣка.
- 6) Гигіена пища.
- 7) Болѣзни и дезинфекція.
- 8) Гигіена жилищъ.

Ученицамъ даются также необходимыя свѣдѣнія по уходу за больными. Какъ провѣтрить и убрать комнату больного, какую слѣдуетъ дѣлать домашнюю дезинфекцію, какъ перестелить кровать больного, какъ перемѣнить бѣлье на кровати, не беспокоя больного, какъ перемѣнить бѣлье на больномъ, въ какомъ положеніи слѣдуетъ кормить больного, какъ сосчитать пульсъ, какъ вести запись температуры больного. Учениць научаютъ дѣлать биндажи, компрессы, легкій массажъ. Ихъ посвящаютъ также въ вопросъ о надзорѣ за выздоравливающими (пища, одежда, прогулки).

Эти краткія сообщенія, преслѣдующія одни лишь практическія указанія, слѣдуетъ считать въ высшей степени цѣнными. Отдѣлъ этотъ носить названіе «ученія о здоровьѣ» (Gesundheitslehre). Въ послѣднее время въ программу включенъ и сексуальный вопросъ.

Слѣдующій, III отдѣлъ хозяйственной школы—«ученіе о воспитаніи» (Erziehungslehre). Онъ распадается на двѣ части: первая часть—уходъ за новорожденными, вторая—воспитаніе дѣтей. Вслѣдствіе крайней ограниченности во времени программа занятій не велика. Кромѣ того, во многихъ школахъ первая часть опущена, а вторая ограничивается лишь практикой въ видѣ наблюденія жизни

дѣтскихъ садовъ, пріютовъ, площадокъ для игръ и пр. Въ нашемъ описаніи мы возьмемъ максимумъ того, что входитъ въ программу школы.

Введеніе въ программу I-ой части ухода за новорожденнымъ, вызывало большіе споры. Слѣдуетъ ли сообщать всѣ эти свѣдѣнія, могутъ ли быть въ этомъ отношеніи существенные результаты. Нельзя не согласиться съ тѣми, которые настаиваютъ на введеніи этого отдѣла. Они находятъ, что занятія въ этой области нужны молодымъ дѣвушкамъ не только въ будущемъ для своей собственной семьи, но они принесутъ имъ громадную пользу и въ настоящемъ: на ихъ попеченіи нерѣдко находятся ихъ младшіе братья и сестры, а иногда и чужія дѣти. Извѣстно, сколько несчастныхъ случаевъ происходитъ отъ неумѣлаго обращенія съ младенцами. И безусловно многое можетъ быть предотвращено даже и минимальными занятіями въ этомъ направленіи. Для практики берется большая кукла, а если это представляется возможнымъ, то и живой ребенокъ. Программа занятій въ ея общихъ чертахъ такова. I. Всѣъ ребенка. Первое одѣяніе. Первое купанье. Предохраненіе отъ простуды. Положеніе ребенка при принятіи пищи. Кровать ребенка. Коляска. II. Молоко матери. Искусственное молоко. Коровье молоко. Прикармливаніе.

III. Одежда. Закаливаніе дѣтей. Соблюденіе чистоты и аккуратности. Ежедневныя ванны, обсушиваніе, перемѣна бѣлья.

IV. Мѣры для успокаиванія ребенка. Прогулка на рукахъ и въ коляскѣ. Игрушки.

V. Прорѣзываніе зубовъ. Дѣтскія болѣзни.

Занятія ведутся чаще всего врачомъ или же умѣлой дѣтской воспитательницей, прошедшей спеціальные курсы.

II часть курса—собственно воспитаніе—состоитъ, какъ было уже выше сказано, въ наблюденіи дѣтей и въ рядѣ бесѣдъ по поводу видѣннаго. Ученицы отправляются во главѣ со своей учительницей въ пріюты, въ дѣтскіе сады

и т. д. Темой для бесѣдъ служатъ такіе вопросы, какъ воспитаніе воли у дѣтей, значеніе привычекъ, пріученіе къ чистотѣ и аккуратности, вліяніе похвалъ, отличій, подарковъ, предупрежденіе проступковъ, значеніе наказаній. Въ школѣ, гдѣ по ограниченности времени невозможны наблюденія надъ дѣтьми, приходится ограничиться одной теоріей. Опытная учительница можетъ такъ построить эти педагогическія бесѣды, чтобы и тутъ ученицы могли многое для себя извлечь. Интересно еще отмѣтить, что въ этомъ отдѣленіи ученицы должны обогатиться большимъ запасомъ народныхъ дѣтскихъ пѣсенъ и сказокъ, при чемъ онѣ должны по возможности сами ихъ собирать и записывать. Собранный матеріалъ служить темой обсужденія въ классѣ. Идея собранія пѣсенъ и сказокъ является весьма цѣлесообразной, и можно, конечно, съ увѣренностью сказать, что этотъ матеріалъ прекрасно пригодится каждой матери.

Изъ общихъ предметовъ въ домашне-хозяйственной школѣ проходятъ нѣмецкій языкъ и ариѳметику, въ нѣкоторыхъ школахъ еще рисованіе. Нѣмецкій языкъ и ариѳметика, проходятся опять-таки не какъ самостоятельные предметы, а исключительно, какъ приложенія, необходимыя для хозяйственныхъ обязанностей. Сюда относятся прежде всего сочиненія на всякія темы о хозяйствѣ, а также письма, нужныя въ домашнемъ обиходѣ: заказы, заполненіе квитанцій, письма, выражающія просьбу, извиненія и т. п. По ариѳметикѣ ведутся хозяйственныя вычисленія: сколько стоитъ то или иное блюдо, тотъ или иной обѣдъ, сколько должно стоить дѣтское платьице, сдѣланное изъ простой матеріи, то же платьице изъ болѣе дорогой матеріи, во сколько обойдется отопленіе квартиры въ мѣсяцъ, во сколько обойдется освѣщеніе, сколько придется истратить на стирку бѣлья въ мѣсяцъ, и т. д. Для всѣхъ этихъ вычисленій ученицамъ дается настоящая стоимость предметовъ, такъ что онѣ одновременно знакомятся и съ цѣнами на нихъ. Сюда же относится веде-

не хозяйственной приходо-расходной книги, въ которую хозяйка должна вносить рѣшительно все, до послѣдняго пфеннига. На этихъ же урокахъ ведется и книга для записи бѣлья.

Рисованію посвящается очень мало времени, лишь столько, чтобъ ученицы могли сдѣлать набросокъ какой-нибудь дѣтской шапочки, передничка, украшенія, вышивки.

Ученицы домашне-хозяйственной школы учатся и шитью (это въ томъ случаѣ, если рядомъ нѣтъ ремесленнаго отдѣленія, въ которомъ онѣ могутъ по желанію проходить любой курсъ). Занятія здѣсь несложныя: небольшія передѣлки, починки, штопка, шитье простенькой кофточки и дѣтскаго платьяца.

Если мы упомянемъ еще про имѣющійся иногда при школѣ огородъ, въ которомъ ученицы самостоятельно работаютъ, то этимъ собственно исчерпывается программа домашне-хозяйственной школы.

Однако наше описаніе этой школы было бы далеко не полнымъ, если бы мы не посвятили читателя въ ту сложную систему экономизированія средствъ, которая такъ энергично проводится въ школѣ. «Неосмотрительно истраченный при покупкѣ пфеннигъ можетъ въ теченіе года вырасти съ изрядную сумму»—вотъ лейтмотивъ всѣхъ разговоровъ и назиданій на эту тему. «Каждая хозяйка должна постоянно задумываться какъ бы ей не перерасходовать сумму заработка мужа да еще по возможности отложить что-нибудь на черный день». И вотъ для этого ей рекомендуется точно рассчитать, сколько у нея уходитъ на кухню, на стирку, на прочіе ежедневные расходы; она не должна уставать все считать да высчитывать, пусть въ ея ежедневной хозяйственной книгѣ будетъ записанъ не только каждый пфеннигъ, но даже половина и четверть его, пусть при всѣхъ этихъ расчетахъ ее не останавливаютъ дѣленія и умноженія на $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ пфеннига. Все должно быть высчитано до мельчайшихъ подробностей,—безъ этого хозяйкѣ ничего не слѣдуетъ предпринять. Всѣ эти разго-

воры не остаются пустымъ звукомъ, это тутъ же, въ школѣ, проводится на практикѣ. Прежде всего, конечно, это называется въ приготовленіи кушаній,—тутъ идутъ такія взвѣшиванія, высчитыванія, на которыя можетъ быть способна только нѣмецкая хозяйка. А затѣмъ, и это очень характерно, экономія сказывается въ шитьѣ изъ «остатковъ» и въ перешиваніи старыхъ платьевъ, на чемъ особенно специализируется каждая нѣмецкая хозяйка. Это до того вошло въ обиходъ нѣмецкой жизни, что дополнительная школа выработала даже особую программу: «что изъ чего можно перешить». Такъ какъ послѣдняя очень ярко характеризуетъ обликъ нѣмецкой хозяйки, то я приведу нѣкоторые ея пункты. Изъ юбки можно перешить: а) кофточку, б) нижнюю юбку, в) дѣтское платье. Изъ мужской крылатки: а) костюмъ для мальчика. Изъ мужского пиджака: (а) дѣтскую курточку, б) дѣтскіе штанишки; изъ дамскаго пальто: а) костюмъ для мальчика, б) платье для дѣвочки до 12 лѣтъ, в) домашнее платье или капотъ и т. д. Ученицамъ постоянно указывается на то, что своевременнымъ исправленіемъ своей одежды и перешиваніемъ ея онѣ могутъ сберечь много денегъ. «Въ домѣ ничего не должно быть брошено, хозяйка должна сберечь каждую тряпочку, каждую мелочь», постоянно твердитъ учительница. Тутъ же она даетъ совѣты, какъ это все должно быть вычищено, выглажено для того, чтобы вполнѣ могло вполнѣ замѣнить новое. Насколько передѣлки и перешиванія считаются важнымъ въ жизни нѣмецкой хозяйки, можно судить по тому, что учительницы дополнительныхъ школъ получаютъ въ семинаріи соответствующую солидную подготовку и по этому вопросу. Въ виду того, что въ Германіи женщины даже и бѣднѣйшихъ классовъ носятъ шляпы, послѣднія тоже служатъ темой обсужденія въ классѣ. Прежде всего хозяйка должна сама сумѣть смастерить для себя шляпу, но если она иногда и купить ее въ магазинѣ, то ей надо имѣть въ виду, что такая шляпа ей должна служить не одинъ годъ, и хозяйка должна

сумѣть ее передѣлать помощью припасенныхъ остатковъ и лоскутиковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что эта крайняя экономія существуетъ не только среди бѣднаго класса, но и въ состоятельныхъ кругахъ, гдѣ она, конечно, носить характеръ самой непріятной мелочности. Дополнительная школа вводитъ въ программу преподаванія всякія домашнія рукодѣлія. Ибо «хорошая хозяйка» должна всячески избѣгать траты денегъ и все, что только въ сферѣ ея возможности, дѣлать самой. Вязанье кружевъ для бѣлья, ручныя вышивки на дѣтскихъ платьяхъ, бисерныя украшенія на ея собственномъ праздничномъ платьѣ,—все должно быть дѣломъ рукъ хозяйки, хотя бы для этого пришлось затратить многіе и многіе часы, отнимающіе у нея необходимый досугъ или даже время для сна.

Какъ видимъ, въ дополнительной школѣ съ фотографической точностью отразился взглядъ нѣмецкаго общества на женщину и духовный обликъ послѣдней. Говорить о недостаткахъ школы—значить спорить противъ того отсталого взгляда на женщину и ея трудъ, который держится еще въ Германіи. Школа же только отразила жизнь. И мы не можемъ школу обвинять, потому что цѣль, смыслъ и содержаніе дополнительныхъ школъ—чутко прислушиваться къ жизни и вторить ей вѣрнымъ и полнымъ аккордомъ. Конечно мы, съ нашей точки зрѣнія, найдемъ въ домашне-хозяйственной школѣ много дефектовъ, но мы должны согласиться съ тѣмъ, что подобная школа даетъ много положительнаго будущимъ хозяйкамъ и матерямъ.

XI. Ремесленное отдѣленіе женской дополнительной школы.

Ремесленное отдѣленіе во всей своей организаціи настолько несложно, что даже въ самой слабой степени не напоминаетъ намъ того же отдѣленія мужской дополнительной школы. Причина ясна: дѣятельность женщины на этомъ поприщѣ далеко не разнообразна. Она можетъ

быть портнихой, бѣлошвейкой, шляпочницей, рукодѣльницей, цвѣточницей, можетъ быть парикмахершей, но это и все. Какъ мы уже говорили, ремесленное отдѣленіе существуетъ только въ большихъ городахъ, тамъ, гдѣ обыкновенно и самый курсъ растянуть на болѣе продолжительное время. Въ такихъ школахъ первые полтора года посвящены изученію домашняго хозяйства, а потомъ уже происходитъ дифференціація ученицъ по специальностямъ, для которыхъ тоже полагается года полтора или два.

Не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти ученицы работаютъ одновременно и въ мастерскихъ. При этомъ интересно отмѣтить, что въ послѣднее время къ закону о принудительности посѣщенія специальныхъ отдѣленій сдѣлана очень существенная поправка. А именно: отъ посѣщенія школы не освобождаются и тѣ ученицы, которыя теряютъ свои мѣста. По точному смыслу закона для мужскихъ дополнительныхъ школъ безработный ученикъ свободенъ отъ посѣщенія дополнительной школы, но такіе случаи вообще очень рѣдки. Наоборотъ, дѣвушки-ремесленницы часто теряютъ свои мѣста (когда нѣтъ такъ называемаго «сезона»), а это вносило бы большую дезорганизацію въ школу, не говоря уже о томъ, что полная бездѣятельность можетъ во всѣхъ отношеніяхъ очень плохо отразиться на молодой дѣвушкѣ.

Въ женской дополнительной школѣ, такъ же, какъ и въ мужской, стремятся пополнить создавшееся вслѣдствіе узкой специализаціи однобокое знаніе ремесла. Такъ, для портнихъ введено не только шитье цѣлаго платья, но даже шитье бѣлья и уже, само собой, всевозможныя передѣлки. Бѣлошвейкамъ, наоборотъ, дается нѣкоторое понятіе о шитьѣ простѣйшихъ платьевъ.

Уже изъ описанія мужской дополнительной школы мы могли убѣдиться въ томъ, что даже практическая работа въ школѣ совершенно отлична отъ работы въ мастерской. Также и здѣсь во все вкладывается больше смысла, больше содержанія. Ученица прекрасно сможетъ подо-

брать нужный цвѣтъ (къ матеріи), потому что она изучила распредѣленіе тоновъ въ цвѣтахъ, такъ называемый «языкъ цвѣтовъ»; она не затруднится опредѣлить цвѣтъ и покрой платья для своей кліентки, потому что она уже кое-что смыслить во «вкусѣ» — *Geschmackslehre*. Наконецъ, если у ученицы испортится швейная машина она сама можетъ помочь бѣдѣ, потому что она детально знакома съ ея устройствомъ и можетъ сама разобрать ее по отдѣльнымъ частямъ. Мы видимъ, что всѣ стремленія школы направлены къ тому, чтобы создать сознательную и самостоятельную въ своей области ремесленницу.

Изъ общихъ предметовъ въ ремесленномъ отдѣленіи проходятъ нѣмецкій языкъ, ариметику, рисованіе и такъ называемую «науку о ремеслѣ». Относительно первыхъ трехъ предметовъ мы уже знаемъ, что они проходятся лишь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они необходимы для даннаго ремесла. Надо умѣть правильно написать счетъ, сдѣлать заказъ, написать дѣловое письмо на фабрику, въ оптовый складъ, надо умѣть точно отправить посылку или заказное письмо по почтѣ, надо умѣть написать въ вѣжливой формѣ письмо кліенткѣ, надо умѣть написать заявленіе въ официальные учрежденія, наконецъ, въ случаѣ нужды слѣдуетъ знать и форму жалобы. Также надо умѣть аккуратно вести всѣ свои дѣловыя книги.

Нужно умѣть точно высчитать стоимость приклада, стоимость работы. Нужно наконецъ сумѣть набросить рисунокъ платья, рисунокъ вышивки, украшенія и проч.

Что касается «науки о ремеслѣ», то подъ этимъ слѣдуетъ понимать не только теоретическое изученіе ремесла, но также такіе вопросы, какъ спеціальныя законы страны по отношенію къ данному ремеслу, внутренній распорядокъ жизни мастерской, взаимоотношеніе служащихъ лицъ и хозяина, исторія и значеніе даннаго ремесла, дѣятельность женщины въ данномъ ремеслѣ и т. п. Сюда же относится сообщеніе нужныхъ свѣдѣній относительно открытія мастерской или магазина, платежей по

счетами, забирая товара въ долгъ, а также выясненіе тѣхъ причинъ, которыя ведутъ къ удешевленію или вздорожанію товаровъ.

XII. Коммерческое отдѣленіе женскихъ дополнительныхъ школъ.

Въ коммерческомъ отдѣленіи мы находимъ тотъ контингентъ учащихся, которые заняты интеллигентнымъ трудомъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ: конторщицъ, стенографистокъ и пишущихъ на машинахъ.

Для того, чтобы не повторяться скажемъ только, что изъ специальныхъ предметовъ каждая ученица проходитъ именно тотъ, который соотвѣтствуетъ ея занятію: бухгалтерію, веденіе всякихъ книгъ, стенографію или писаніе на машинѣ. При желаніи и при наличности времени нѣсколько курсовъ могутъ быть соединены вмѣстѣ.

Изъ специальныхъ теоретическихъ предметовъ введены торговое право, наука о веденіи торговли (Handelsbetrieb) и торговая географія.

Для того, чтобы еще разъ показать, какъ просты и наглядны всѣ эти занятія, какъ тѣсно преподаваніе соприкасается съ самой жизнью и какъ рѣшительно изгнана всякая сухая формулировка, я приведу описаніе одного изъ уроковъ по «веденію торговли». Въ классѣ разбираются вопросы: кто по закону можетъ быть купцомъ, какъ производится наемъ помѣщенія для торговли, гдѣ и на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ запастись товаромъ, какую роль играютъ при этомъ агенты? какъ пользоваться преись-курантомъ, какими способами можно заключать сдѣлку съ фабрикантомъ. Здѣсь, какъ и въ мужской дополнительной школѣ, все обсуждается очень детально, на цѣломъ рядѣ примѣровъ, начиная съ самыхъ простѣйшихъ. Такъ напр., говоря о преись-курантѣ, учитель не сразу приступаетъ къ его обсужденію, а начинаетъ съ болѣе упрощенной формы такого документа; онъ прино-

сигъ съ собой въ классъ «указатель цѣнъ для ѣзды на автомобилѣ». Ученицы сами должны показать, какъ имъ пользоваться, онѣ должны сами разобраться въ цѣнахъ, не прибѣгая въ будущемъ къ помощи шоффера. При этомъ не упускается случай, чтобы объяснить ученицамъ, какъ провѣрить правильность счетчика въ автомобилѣ. И ужъ отъ этого указателя цѣнъ для автомобиля переходятъ къ обсужденію прейсъ-куранта для товаровъ. Или такой примѣръ: когда въ классѣ говорили о томъ, какъ можно условиться съ фабрикантомъ относительно покупки товара, то всѣ способы сообщенія съ нимъ — телефонъ, телеграфъ, простое письмо, заказное письмо — тутъ же проводятся на практикѣ. Учитель называетъ городъ, фамилію фабриканта и содержаніе самого заказа, и ученицы спѣшно шлютъ краткія телеграммы (простыя и шифрованные) или старательно выводятъ дѣловыя письма. Снова все это производится во многихъ экземплярахъ, пока это не достаточно прочно усвоено ученицами.

Нѣмецкая дополнительная школа до сихъ поръ еще не достаточно внимательно относилась къ интересамъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя въ громадномъ числѣ заняты въ коммерческихъ предпріятіяхъ, а именно къ интересамъ продавщицъ. Не слѣдуетъ забывать, что всякаго рода конторщицы составляютъ не болѣе 5 или 10% всѣхъ работающихъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, а остальные — 90—95% — это продавщицы. А между тѣмъ до сихъ поръ лишь въ очень немногихъ школахъ введены спеціальныя курсы для продавщицъ, да кое-гдѣ еще крупныя торговыя предпріятія на собственный счетъ завели такія школы для обслуживанія своего же дѣла. И это все. Но, конечно, надо полагать, что школа на этомъ не остановится.

Опытъ въ данномъ направленіи еще такъ невеликъ, что трудно и говорить о чемъ-либо положительномъ. Укажемъ тѣ дѣли, которыя преслѣдуетъ школа для продавщицъ. Она должна научить ихъ умѣнно держать себя въ магазинѣ, корректно обходиться съ покупателями, по-

казать должнымъ образомъ товаръ; кромѣ всего этого продавщицы должны пріобрѣсти въ школѣ нѣкоторый навыкъ къ декорированію, для того чтобы сумѣть самостоятельно устроить выставку въ окнѣ магазина и внутри его, что имѣетъ большое значеніе для торговли. Школа должна также внушать ученицамъ необходимость тактичнаго отношенія продавщицъ другъ къ другу, такъ какъ нарушеніе такового ведетъ часто къ неприятымъ послѣдствіямъ. Этотъ отдѣлъ замѣняетъ собой специальную часть курса. Изъ общихъ же предметовъ приходится обращать большое вниманіе на нѣмецкій языкъ: продавщица должна правильно и по возможности красиво говорить, быстро и четко писать. Понятно, что занятія нѣмецкимъ языкомъ имѣютъ всегда тѣсную связь съ самой профессіей. Вотъ каковы, напримѣръ, темы сочиненій: «продавщица и покупатель», «веденіе квитанціонныхъ книжекъ», «какими отличительными чертами должна обладать продавщица» и т. п. Если ученица недостаточно хорошо усвоила курсъ начальной школы, то съ такой ученицей въ дополнительной школѣ будетъ особенно много работы, потому что дефекты въ разговорѣ, письмѣ и счетѣ должны быть радикально устранены. Необходимо принять во вниманіе, что въ настоящее время встрѣчаются сильныя конкурентки въ лицѣ образованныхъ дѣвушекъ и для того, чтобы не потерять своего мѣста въ борьбѣ за существованіе, ученицѣ дополнительной школы приходится изрядно надъ собой поработать. Помимо всего перечисленнаго ученица должна обратить вниманіе и на свои манеры и на свой внѣшній видъ. Въ этомъ отношеніи въ школѣ можетъ быть много неприятныхъ моментовъ, стѣсняющихъ ученицу, заставляя страдать ея самолюбіе. Поэтому тутъ особенно желателенъ тактичный и сердечный человекъ въ лицѣ учительницы. Ей придется обратить вниманіе не только на чистоту платья и на тщательность прически, но даже на то, какъ слѣдуетъ сѣсть и стать, куда дѣть руки, какъ

слѣдуетъ зѣвать, кашлять, смѣяться и т. п. Всѣ эти указанія дѣлаются въ классѣ очень осторожно и мягко, по возможности никого не задѣвая.

Изъ городскихъ дополнительныхъ школъ, имѣющихъ отдѣленіе для продавщицъ, можно указать на школу въ Шенебергѣ (Schöneberg), подлѣ Берлина. Курсъ годичный, при 24-хъ недѣльныхъ часахъ. Въ программу входятъ: нѣмецкій языкъ, ариѳметика (устное и письменное заполненіе кассовыхъ блоковъ), законовѣдѣніе, ученіе о торговомъ оборотѣ, веденіе кассовыхъ книгъ, техника продажи, товаровѣдѣніе, гимнастика. Кромѣ этого ученицы изучаютъ еще практически англійскій языкъ, со спеціально приглашенной англичанкой. Послѣднее обстоятельство слѣдуетъ отмѣтить, потому что начальная школа предпочитаетъ всегда обходиться собственными средствами и для изученія иностранныхъ языковъ приглашаетъ опять-таки нѣмцевъ. При школѣ имѣется магазинъ (устроенный спеціально для практики ученицъ), довольно большой, съ ежегоднымъ оборотомъ въ 30.000 марокъ. Устройство такого магазина является для школы вообще затруднительнымъ дѣломъ и потому школѣ приходится часто ограничиться теоретической подготовкой и устройствомъ рода магазинной торговли среди самихъ ученицъ. Въ другихъ же школахъ, какъ, напримѣръ, во Фрейбургѣ, для того, чтобы развить у ученицъ вкусъ къ декорированію, устроены два окна-выставки. Ученицы сами мѣняютъ въ нихъ товаръ, группами по 6—8 человекъ, разъ въ недѣлю. При этомъ матеріалъ для выставки даютъ заимообразно и бесплатно крупныя мѣстныя фирмы, для которыхъ это составляетъ своего рода рекламу.

Изъ школъ для продавщицъ, организованныхъ на средства крупныхъ торговыхъ фирмъ для своихъ же собственныхъ цѣлей, можно назвать школу Тица (Tietz) въ Берлинѣ. Курсъ—годичный, при четырехъ недѣльныхъ часахъ. Введено нѣсколько параллельныхъ классовъ по 30 ученицъ въ каждомъ. Программа приблизительно та же,

что была уже приведена при описаніи городской школы въ Шенебергѣ.

Слѣдуетъ еще разъ упомянуть, что посѣщеніе такой специальной школы (городской ли, общинной или частной) не освобождаетъ отъ обязанности посѣщенія курса домашняго хозяйства.

XIII. Необученныя работницы.—Домашняя прислуга.— Фабричныя работницы.

Число необученныхъ работницъ, занятыхъ въ различныхъ производствахъ и въ торговлѣ, крайне велико. Положеніе такихъ молодыхъ дѣвушекъ можетъ внушить серьезныя опасенія, и поэтому было бы крайне важно научить ихъ какому-либо ремеслу и тѣмъ самымъ дать имъ въ руки вѣчто болѣе прочное и постоянное.

Но, къ сожалѣнію, школа безсильна это сдѣлать: нельзя научить ремеслу въ тотъ минимумъ времени, который имѣется въ распоряженіи школы. Единственное, куда имѣло бы смыслъ отвлечь необученныхъ работницъ, это въ домашнія прислуги. Трудъ послѣдней въ Германіи хорошо оплачивается, и условія ея службы слѣдуетъ считать вполне культурными. Но опять-таки у школы нѣтъ никакой возможности повліять на ученицъ въ данномъ направленіи: онѣ вѣдь и такъ обучаются веденію хозяйства, кулинарному искусству и пр., такъ что къ занятію такой должности ученицы вполне подготовлены, и если дѣвушки избираютъ другой путь, то ясно, что школа этого измѣнить не можетъ. Правда, бывають случаи, когда дѣвушка, уже, будучи въ школѣ, заинтересуется какимъ-нибудь ремесломъ и примется за его изученіе, но на такіе случаи все-таки приходится смотрѣть только какъ на исключенія. И единственное, что школѣ дѣйствительно остается въ этомъ отношеніи, это дать дѣвушкѣ, помимо хозяйственнаго образованія, то общее развитіе, которое приобщило бы ее къ болѣе культурной жизни. Если та-

ковое вліяніе школы упадетъ на благодарную почву, то оно явится, конечно, прекраснымъ орудіемъ въ рукахъ дѣвушки, борющейся за свое существованіе. Не говоря уже о томъ, что извѣстное развитіе явится для нея какъ бы нравственной поддержкой противъ соблазна «большого свѣта», она, какъ болѣе интеллигентная труженица, всегда лучше справится со своей работой, она сможетъ проявить въ ней больше инициативы, практической энергіи и самостоятельности.

Кадры необученныхъ работницъ заполнены главнымъ образомъ фабричными работницами. Достаточно извѣстно, какъ фабрика дѣйствуетъ на женщину, на весь ея организмъ, на ея психику. Но еще трагичнѣе участь подростка-дѣвочки лѣтъ 14—15, попадающаго на фабрику. Помимо изнуряющаго и притупляющаго десятичасового труда, помимо полной неизвѣстности и необезпеченности (фабрика можетъ отказать отъ мѣста въ любой моментъ), дѣвушка съ уходомъ на фабрику отходитъ отъ своей семьи. Если она учится ремеслу, родители озабочены тѣмъ, чтобы поставить ее на ноги, они стараются помочь ей достигъ желанной цѣли. Другое дѣло, когда дочь на фабрикѣ. Стремиться больше не къ чему, единственный интересъ—это интересъ заработка, изъ-за котораго въ рѣдкой семьѣ нѣтъ дразгъ. Кончается обычно тѣмъ, что дѣвушка, будучи самостоятельна въ матеріальномъ отношеніи, устраивается отдѣльно отъ родителей. Но если даже допустить, что конецъ не всегда таковъ, что дѣвушка остается въ своей семьѣ, то вѣдь и въ такомъ случаѣ она не можетъ многого взять отъ семьи, такъ какъ возвращается домой поздно, всегда утомленная. И вотъ именно для такихъ работницъ школа (въ которую работодатели обязаны ихъ отпускать) должна сыграть роль живительнаго оазиса. Въ этой школѣ, какъ ни въ какой иной, возрастаетъ значеніе курса домашняго хозяйства. Дѣвушки эти почти не бывають въ семьѣ, онѣ не участвуютъ въ домашнихъ хлопотахъ, онѣ не помога-

ють матери въ ея ежедневной работѣ, онѣ, быть можетъ, только по праздникамъ занимають своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ. А школа хоть не надолго возвращаетъ ихъ къ домашней обстановкѣ, научаетъ ихъ тому, чего онѣ лишены возможности научиться дома.

Предметъ, соотвѣтствующій специальности въ каждомъ отдѣленіи, здѣсь, за отсутствіемъ такового, состоитъ въ изученіи законовъ для рабочихъ, а также всякихъ правилъ, съ которыми рабочимъ приходится постоянно сталкиваться. Въ точномъ переводѣ этотъ предметъ носить названіе: «изученіе жизни» (Lebenskunde). Вотъ какова вкратцѣ его программа:

I. Вступленіе на ремесленное поприще, выборъ профессіи, обученная и необученная работа, значеніе работы.

II. Положеніе въ новой рабочей общинѣ, рабочая и расчетная книжки, порядокъ работы, обязанности рабочаго въ сношеніяхъ съ работодателемъ, отношенія рабочихъ другъ къ другу.

III. Охрана народнаго здравія, страхование отъ болѣзней, отъ несчастныхъ случаевъ, отъ инвалидности и старости.

IV. Заработная плата. Различные виды заработной платы, защита опредѣленной заработной платы, разумное расходованіе заработка.

V. Община, ея этическія, хозяйственныя и социальныя задачи. Государство и его подданные, взаимныя права и обязанности.

VI. Семья. Забота родителей о жизненныхъ средствахъ, о квартирѣ, экономизированіе въ хозяйствѣ, страховка. Долгъ дѣтей передъ родителями, женщина и мать, какъ охранительница дома и воспитательница своихъ дѣтей.

Приведенная программа далеко не исчерпываетъ той подлинной, которую проходятъ въ классѣ. Кромѣ того, каждая учительница по мѣрѣ своего пониманія расширяетъ ту или иную часть и далеко выводитъ ее изъ ра-

мокъ программы. На эти же темы даются письменныя работы: сочиненія и диктовки. Книга для чтенія составлена тоже по этимъ вопросамъ. И даже содержаніемъ для задачъ служатъ опять-таки всевозможныя данныя изъ рабочей жизни.

Такимъ образомъ программа фабричной школы состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) курса домашняго хозяйства и 2) общеобразовательнаго, примѣнительно къ фабричной работѣ. Хозяйственный отдѣлъ въ фабричной школѣ считаютъ нужнымъ еще нѣсколько расширить, такъ какъ у этихъ ученицъ, какъ было указано выше, совершенно исключена домашняя подготовка. Въ изученіе же гигиены включены такія главы, какъ туберкулезъ, алкоголь, пораненія и несчастные случаи, т.-е. все то, что играетъ такую важную роль въ жизни рабочаго. Изъ программы совершенно исключена практическая сторона дѣятельности ученицъ, т.-е. вся фабричная техника, такъ какъ послѣдняя и безъ того дѣйствуетъ на дѣвушекъ притупляющимъ образомъ. Знакомство же съ окружающею ихъ новой обстановкой, со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ работницы сталкиваются на первыхъ ступеняхъ обученія, а затѣмъ ознакомленіе съ законами для рабочихъ, съ рабочими классами, съ положеніемъ рабочихъ въ индустріи, а въ концѣ курса—болѣе широкій взглядъ на государственныя цѣли и задачи, на рынокъ, оборотъ, спросъ и предложеніе товара и, наконецъ, всемірную индустрію,—вся эта программа несомнѣнно, поможетъ маленькой фабричной работницѣ легче разобраться во всемъ томъ, что ее окружаетъ.

XIV. Экзамены въ женской дополнительной школѣ.— Подготовка учительницъ для женской дополнительной школы.

Законъ, менѣе строгій по отношенію къ женской дополнительной школѣ, отразился и на вопросѣ объ экза-

менахъ. Въ то время какъ ученики для званія подмастерья подвергаются особому экзамену въ ремесленной управѣ (Handwerkskammer), къ чему дополнительная школа энергично ихъ готовитъ, для ученицъ подобные экзамены, введены въ очень немногихъ мѣстахъ, на нихъ приходится смотрѣть лишь какъ на исключеніе. Женская дополнительная школа ограничивается только тѣмъ, что снабжаетъ окончившихъ ученицъ свидѣтельствами. При этомъ свидѣтельства получаютъ тѣ ученицы, которыя аккуратно посѣщали всѣ занятія и выполнили требуемую программу. Ученицы же, у которыхъ замѣчены пропуски въ школѣ, могутъ получить лишь свѣдѣнія объ отдѣльныхъ пройденныхъ предметахъ, съ обозначеніемъ успѣховъ, оказанныхъ по этимъ предметамъ. Какъ видимъ, центръ тяжести—въ аккуратномъ посѣщеніи уроковъ, такъ что такой документъ особеннаго значенія не можетъ имѣть.

Учительница женской дополнительной школы должна обладать основательной и разносторонней подготовкой. Она должна знать хозяйство, кухню, шитье, должна быть свѣдущей по общимъ предметамъ, по гигиенѣ, должна интересоваться педагогикой и, наконецъ, должна быть достаточно интеллигентной, чтобъ умѣть вліять на молодежь и быть въ состояніи отвѣтить на ея запросы. Къ сожалѣнію, не всегда такова учительница женской дополнительной школы. Нельзя не отмѣтить, что по своему развитію и образованію она всегда уступаетъ учителю мужской дополнительной школы. И потому, когда для какой-нибудь большой столичной женской дополнительной школы нуженъ учитель бухгалтеріи или законовѣдѣнія, то его приглашаютъ изъ соответствующаго отдѣленія мужской школы. А для занятій по гигиенѣ и уходу за новорожденными приглашаютъ часто врача. Такимъ образомъ, область учительницы значительно суживается и ограничивается собственно тѣми занятіями, которыя входятъ въ курсъ домашняго хозяйства. Но въ этомъ от-

ношеніи подготовка учительницы должна быть очень основательной. Желаящія занять такое мѣсто (часто они бываютъ и изъ числа окончившихъ дополнительную школу) должны прежде всего выдержать экзаменъ на домашнюю хозяйку. Затѣмъ ихъ приписываютъ къ какой-нибудь дополнительной школѣ, въ которой онѣ присутствуютъ на урокахъ, даютъ сами пробные уроки, готовятъ матеріалъ для уроковъ учительницы, вообще становятся на время какъ бы помощницами послѣдней. Если такая помощница оказывается на должной высотѣ, то учебное начальство отсылаетъ ее въ спеціальную семинарію для подготовки учительницъ дополнительной школы (таковыя существуютъ въ Берлинѣ, Потсдамѣ, Позенѣ и другихъ мѣстахъ). По окончаніи семинарія учащіяся подвергаются экзамену.

Для спеціалистки по ремеслу требуется нѣсколько большая подготовка. Прежде всего тутъ ужъ не ограничиваются начальной или дополнительной школой, а требуется аттестатъ средне-учебнаго заведенія (höhere Töchterschule), а затѣмъ свидѣтельство о сдачѣ экзамена по ремеслу, при чемъ оцѣнка послѣдняго должна быть выше средней нормы.

Желаящія преподавать коммерческія науки должны, помимо средняго учебнаго заведенія, пройти курсъ коммерческой или торговой школы.

Если учитель мужской дополнительной школы производитъ отрадное впечатлѣніе, какъ человѣкъ интеллигентный, всесторонне образованный и какъ талантливый педагогъ, то всего этого совершенно нельзя сказать про учительницу женской дополнительной школы. По большей части это типичная нѣмецкая хозяйка, съ ея вѣчными хлопотами и докучливыми высчитываніями или же какая-нибудь забитая портниха, которая дальше своего ремесла ничего не видитъ. Вы не услышите здѣсь разговора о рабочихъ, о прессѣ, о политикѣ, какъ это бываетъ въ мужской дополнительной школѣ, вы не почув-

ствуєте здѣсь живой мысли. Радости и горести не идутъ дальше хорошо сваренной рыбы или чернильнаго пятна на фартукъ. Таковы учительницы, таковы и ихъ ученицы.

XV. Внѣшкольное попеченіе для ученицъ дополнительныхъ школъ.

Въ женскихъ дополнительныхъ школахъ мы не встрѣчаемъ той широкой и прочной организаціи внѣшкольнаго попеченія, какую встрѣчаемъ въ мужскихъ школахъ. Объясняется это и меньшими размѣрами всей дополнительно-школьной системы вообще для дѣвочекъ, и меньшей матеріальной обеспеченностью этихъ школъ, а кромѣ того сравнительно большей увѣренностью въ добропорядочномъ поведеніи ученицъ и внѣ школы. Но все же кое-что въ этомъ отношеніи сдѣлано и для женскихъ школъ. Введены часы гимнастики, пѣнія, игра (во внѣшкольное время), зимними вечерами устраиваются бесѣды на различныя темы, спектакли, концерты, лѣтомъ—прогулки. Для школы выписываютъ нѣсколько газетъ и журналовъ, ученицы стараются пріохотить къ этому чтенію. Ночти во всѣхъ школахъ существуютъ небольшія бібліотечки, устраиваемыя и поддерживаемыя самими же ученицами. Организація ихъ такова: желающія жертвуютъ по одной книгѣ, за прочетъ ея берется 1—2 пфеннига, на собранныя такимъ образомъ деньги покупаютъ новыя книги (не слѣдуетъ забывать, что въ Германіи имѣются крайне дешевыя изданія), тѣ въ свою очередь тоже съ избыткомъ окупаютъ себя и т. д.,—такимъ образомъ бібліотечка увеличивается.

Достаточно самага бѣлаго взгляда на обѣ дополнительные школы: мужскую и женскую, чтобъ замѣтить, какъ вторая изъ нихъ бѣдна по сравненію съ первой. Она невольно напоминаетъ намъ какую-то пристройку къ

мужской дополнительной школѣ, которую не могли или не хотѣли довести до величины настоящаго зданія. Но такова сама жизнь. И много пройдетъ еще времени, пока измѣнится взглядъ нѣмецкаго народа по отношенію къ женскому вопросу, пока сама женщина проникнется сознаниемъ необходимости своего освобожденія и пока воздвигнется то настоящее зданіе, которое будетъ знаменовать собой равноправіе женщины.

Заключеніе.

Изъ описанія дополнительной школы, какъ мужской, такъ и женской, мы могли убѣдиться въ томъ, что организація школы не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій. Но цѣль школы не была бы достигнута, если бы одновременно съ ея организаціей не былъ бы введенъ принципъ принудительности обученія въ ней. Мало того, принудительность посѣщенія школы ни въ коемъ случаѣ не должна сопровождаться вычетомъ изъ жалованья ученика. Намъ, не имѣющимъ еще закона о принудительности обученія даже въ начальной школѣ, рано обо всемъ этомъ мечтать, а между тѣмъ именно въ сочетаніи всѣхъ этихъ условій лежитъ залогъ успѣха школы. Слѣдуетъ всячески оберегать интересы ученика, чтобъ обезпечить правильное и нормальное теченіе школьной жизни. На сколько правильно эта идея воспринята въ Германіи видно изъ того, что даже плата за правоученіе (въ мужскихъ школахъ отъ 10—30 марокъ въ годъ, въ женскихъ 10—12) возлагается, какъ это ни странно на первый взглядъ, не на учениковъ, а на работодателей. На это можно смотрѣть, какъ на займообразную помощь, оказываемую неимущему еще ученику, которую онъ же съ избыткомъ вернетъ впоследствии.

Конечно, все это для насъ еще въ будущемъ, все это не сразу дается. Но важенъ первый шагъ, важно уже одно то, что эта идея проникла къ намъ въ Россію. Нельзя

не думать о томъ, что дополнительная школа должна внести оздоровляющую струю въ атмосферу русской жизни. Она поможетъ создать тотъ типъ культурнаго рабочаго, который будетъ разумно и добросовѣстно нести свои обязанности, который сможетъ сознать и отстаивать свои права. Теперь намъ вполнѣ понятны слова Фридриха Паульсена: «ближайшая задача XX вѣка—созданіе народныхъ дополнительныхъ школъ» ¹⁾.

Лина Нейманъ.

1) Zeitschrift für das gesamte Fortbildungsschulwesen Preussens, I Jahrgang, I Heft.

Подъ знакомъ національнаго вопроса.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что переживаемая нами эпоха отмѣчена усиленнымъ ростомъ національнаго самосознанія. Не задаваясь цѣлью выяснять понятіе космополитизмъ, который, быть можетъ, есть не что иное, какъ націонализмъ романской культуры, осуществляемый наиболѣе ярко ея представительницей, Франціей, я ограничусь лишь сопоставленіемъ этихъ двухъ понятій, слѣдуя общепринятому смыслу. Середина прошлаго вѣка разсматривается, какъ кульминаціонная точка развитія интернаціональныхъ идей. Затѣмъ, начиная съ декабрьскаго переворота во Франціи, постепенно Европа окутывается густымъ покровомъ націонализма. Особенно драматична коллизія этихъ двухъ началъ въ эпопеѣ 70—71 года. Космополитично настроенная французская буржуазія смотрѣла на бисмарковское предпріятіе, съ его ли вѣдома или безъ, сказать трудно, какъ на низверженіе ненавистнаго ей Наполеона III-го. Седанскій разгромъ былъ встрѣченъ ею съ не меньшей радостью, чѣмъ бюргерами по ту сторону Рейна, но, конечно, по различнымъ мотивамъ. Франція, очутившаяся въ рукахъ буржуазіи, провозглашаетъ республику 4-го сентября 70-го года и предается ликованію, смѣнившемуся недоумѣніемъ при видѣ продолжающагося наступленія пруссаковъ. Когда недоумѣвающее, только что вызванное къ жизни седанскимъ разгромомъ республиканское правительство запрашиваетъ Бисмарка, съ кѣмъ же,

собственно, Германія воюеть, разъ Наполеона больше нѣтъ, тотъ съ прусскимъ юморомъ отвѣчаетъ: «съ Людовикомъ XIV». Ужасъ отчаянія смѣняетъ недоумѣвіе. Образуется комитетъ національной обороны.

Слѣдуютъ событія слишкомъ извѣстныя, чтобы ихъ повторять. Моремъ крови и слезъ заплатила Франція за ошибку своихъ руководителей. Исторія не повторяется и не считается съ желаніями отдѣльныхъ индивидуумовъ. Ожидавшіе повторенія событій 1814 года горько были разочарованы. Вступленіе въ Парижъ союзниковъ подъ верховнымъ начальствомъ Александра Благословеннаго было совсѣмъ не то, что вступленіе объединенной Германіи во главѣ съ прусскимъ юнкерствомъ, вѣнчавшимъ своего короля императорской короной въ Версалѣ. Я не къ тому это говорю, чтобы вновь воскрешать всѣ ужасы тѣхъ скорбныхъ дней: братоубійственную бойню версальцевъ съ коммунарами на улицахъ столицы въ дыму развалинъ, подъ презрительныя улыбки побѣдителей. Нѣтъ, я просто напоминаю обстановку, при которой робкіе ростки интернаціонализма были раздавлены пятой торжествующаго побѣдителя. Съ этого времени жизнь Европы дѣйствительно идетъ подъ знакомъ національнаго вопроса. Нація становится понятіемъ самодовлѣющимъ. Ея авторитетъ не пререкаемъ. Интернаціонализмъ становится чѣмъ-то безпочвеннымъ, несуществующимъ, утопичнымъ въ отличіе отъ космополитизма, который получаетъ чуть ли не бранный оттѣнокъ, равносильный тому, что французы называютъ *un sans patrie*, т.-е. человѣка продажнаго, безпринципнаго, лишеннаго чувства собственнаго достоинства. Культъ націи становится всеобщимъ. Во Франціи онъ принимаетъ болѣзненную форму оскорбленнаго самолюбія. Въ Германіи же онъ выливается въ форму національнаго самодовольства и самовлюбленности. Въ Германіи буквально все націонализируется. Острѣе борьба идей націонализма и интернаціонализма проявляется во Франціи, гдѣ синдикалисты-эрвеисты открыто выступали съ анти-

милитаристической программой. Лишь въ самое послѣднее время Эрве отказался отъ своихъ теорій. Искупительной жертвой за пропаганду интернаціоналистическихъ идей сдѣлался Жоресъ, павшій отъ руки убійцы, націоналиста-фанатика въ день объявленія мобилизаціи. Загѣмъ порывъ націонализма такъ сильно охватилъ всю націю, что одинъ изъ наиболѣе яркихъ его противниковъ социалистъ Самба и понынѣ пребываетъ въ составѣ французскаго кабинета. Повидимому, столь простое понятіе *націонализмъ* чрезвычайно сложно.

Въ этомъ понятіи такъ много субъективнаго, подсознательнаго, что установить что-нибудь общепризнанное въ этой области, кромѣ голаго факта существованія понятія «нація», очень трудно. Я этого дѣлать не думаю, но укажу лишь на фактъ, по очевидности своей врядъ ли дающій поводъ къ возраженіямъ съ чьей-либо стороны. Существенныя черты націи завтрашняго дня мы имѣемъ въ подрастающемъ поколѣніи. Отсюда ясна громадная роль, какую имѣетъ система образованія въ дѣлѣ формировація будущей націи.

Афоризмъ: «Всякая нація имѣетъ то правительство, которое она заслуживаетъ», еще болѣе примѣнимъ къ системѣ образованія: «Всякая нація имѣетъ ту систему образованія, которую она заслуживаетъ». Въ настоящій моментъ, когда мы находимся на пѣнящемся гребнѣ волны націонализма, мнѣ кажется своевременнымъ взглянуть въ одну изъ главнѣйшихъ основъ націи—господствующую въ ней систему образованія.

Рискуя показаться страннымъ, я сказалъ бы, что національнѣе всего въ націи система образованія и воспитанія. Стоить только вдуматься въ сказанное, и вы поймете, что много вѣрнаго заключаетъ въ себѣ эта мысль. Дѣйствительно, допустимъ, что исторія Греціи и Рима намъ неизвѣстна, но что мы имѣемъ передъ глазами систему воспитанія и образованія и въ томъ и въ другомъ государствѣ. Изъ сопоставленія системъ воспитанія намъ ста-

неть ясна вся разница въ характерахъ, идеалахъ, стремленіяхъ, порокахъ и добродѣтеляхъ того и другого народа. Несмотря на многократную смѣну поколѣній, отдѣляющую нашу эпоху отъ классической древности, народы эти станутъ для насъ ощутимыми, близкими, живыми, и самая исторія ихъ станетъ намъ понятнѣе, роднѣе. Мысль о громадномъ значеніи школьной системы выразилась въ знаменитой фразѣ, сдѣлавшейся до того ходячей, что мы даже произносимъ ее, совершенно надъ ней не задумываясь: «Школьный учитель побѣдилъ Францію въ 70-хъ г.» знаетъ любой гимназистъ старше 5-го класса. Но очень многіе будутъ весьма удивлены, узнавъ, что побѣдилъ тотъ, кого во Франціи не существовало. Тутъ дѣло не въ томъ, что нѣмецкій школьный учитель былъ лучше французскаго, нѣтъ, а въ томъ, что его во Франціи не было. Образование было почти цѣликомъ въ рукахъ духовенства (монаховъ) и носило печать присущаго христіанству интернаціонализма. Германскій же народный учитель вполне націоналенъ. Германія первая стала на путь всеобщаго бесплатнаго *обязательнаго* образованія. Результаты системы были для всѣхъ очевидны. Слишкомъ явно было превосходство Германіи какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ. Франція примирилась, но не смирилась; пріостановила, но не прекратила борьбу. Съ чего же она начала готовить свой реваншъ? Съ реформы образованія. Вводится по примѣру Германіи принципъ обязательнаго образованія. Идея объ общедоступности образованія была не нова во Франціи, это—дѣтище Великой французской революціи, лишь усыновленное, а не порожденное Германіей. Правда, она его выростила, провела въ жизнь, сообщивъ образованію характеръ принудительности. Теперь Франція заимствуетъ у Германіи ея школьную организацію. Принципъ бесплатности не встрѣчалъ сопротивленія, потому что монахи и такъ учили бесплатно. Но провести общеобязательность образованія было труднѣе, потому что не хватало учителей. Хотя

общество въ лицѣ братствъ, умножившихъ свои школы, и приходило на помощь, но правительство вынуждено было создать свои кадры народныхъ учителей, во-первыхъ, потому, что учителей-монаховъ не хватало, а, во-вторыхъ, потому, что правительство желало придать просвѣщенію національный характеръ. Затѣмъ, когда число правительственныхъ учителей возросло, начинается борьба за націонализацию школы, принявшая форму религіозной борьбы и закончившаяся изгнаніемъ братствъ изъ Франціи. Насколько удалось приблизить французскую школу къ нѣмецкой въ смыслѣ общепросвѣтительномъ, трудно сказать. Число же безграмотныхъ во Франціи стало быстро падать, и въ этомъ смыслѣ французская школа приближается къ нѣмецкой. Что же касается системы, то школы той и другой стороны весьма различны. Различенъ и типъ школьнаго учителя. Въ то время, какъ въ Германіи народный учитель въ общемъ консервативенъ, во Франціи наоборотъ, онъ принадлежитъ къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ. Несмотря на это, и тотъ и другой вполне національны. Но еще глубже разница въ системѣ. Во Франціи, остался въ дѣйствиіи принципъ революціонной эпохи. Личныя способности ставятся на первый планъ. Число лѣтъ обученія не опредѣлено. Нужно сдать экзаменъ въ комиссіи въ составѣ лицъ, не являющихся учителями экзаменующагося, а лицами, для него посторонними. Требования, предъявляемые экзаменующимся, одинаковы для всей Франціи. Удовлетворившіе этимъ требованіямъ получаютъ, такъ называемыя «начальныя свидѣтельства», дающія извѣстныя права. Этимъ обязательное образованіе заканчивается. Тотъ, кому по его способностямъ не одолѣть требованій программы, оставляетъ школу по исполненіи 14 лѣтъ съ тѣми знаніями, какія онъ вынесъ изъ школы.

Для явно дефективныхъ дѣтей имѣются особыя школы. Одно огромное преимущество для учащихся эта система имѣетъ въ томъ, что въ основу движенія по службѣ ста-

вятся способности учителя обучать, которыя ясно видны по статистикѣ выдерживающихъ на свидѣтельство учениковъ. Тутъ явно ставится граница личному соизволенію начальства. И въ основу оцѣнки ставится объективный признакъ. Для учащихся выгоды очевидны. Къ чему сидѣть до 14-ти лѣтъ въ начальной школѣ, когда способности позволяютъ учиться дальше или зарабатывать на жизнь, смотря по желанію и средствамъ родныхъ. Дѣло въ томъ, что если ученикъ или ученица окажутся способными, то у общины (всесловной или, вѣрнѣе, бессловной) всегда оказываются средства на дальнѣйшее образованіе такихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, часто родные изъ корыстнаго эгоизма бываютъ противъ дальнѣйшаго образованія своихъ одаренныхъ дѣтей. Элементъ воспитателя неотдѣлимъ отъ учителя; безусловно, авторитетъ его идетъ сейчасъ же за родительскимъ, а иногда и выше послѣдняго. Но въ виду огромной впечатлительности ребенка весьма трудно ограничить воспитательное воздѣйствіе однимъ учительскимъ вліяніемъ. Всякая попытка правительства взять на себя контроль за личными убѣжденіями учителей приводила къ острымъ конфликтамъ со всей корпораціей, и часто правительство бывало вынуждено уступить. Такъ что на первый планъ выступаетъ дѣятельность чисто-учительская—умѣніе сообщать учащимся требующуюся сумму знаній, а воспитательская его дѣятельность является чѣмъ-то второстепеннымъ и неотдѣлимимъ отъ обученія и въ него привходящимъ, хотя она ближе оцѣнивается его согражданами настоящими и будущими, чѣмъ его начальствомъ, которое постольку лишь принимаетъ въ расчетъ его воспитательскую дѣятельность, поскольку онъ достигаетъ успѣховъ въ передачѣ знаній, которая немыслима безъ авторитета и основанной на немъ дисциплины.

Въ Германіи, наоборотъ, пріоритетъ остается за воспитательной дѣятельностью учителей. Это вполне понятно. Если мы обратимся къ эпохѣ, въ которую возникла си-

стема, то увидимъ, что она совпадаетъ со временемъ реставраціи 1815 года. Раскрѣпощеніе Германіи, явившееся результатомъ наполеоновскихъ войнъ, пробудило въ народѣ стремленіе къ знанію; заглушить это стремленіе было невозможно. Дальновидные руководители реакціи и не пытаются это дѣлать; они стремятся захватить въ свои руки лишь руководство въ дѣлѣ образованія путемъ монополизациі образованія государствомъ. По осуществленіи этой задачи господствующей партіи нетрудно было направить могучій потокъ стремленія къ знанію въ національно-консервативное русло. Прототипомъ германской школьной системы явилось создававшееся поколѣніями и составлявшее (вполнѣ заслуженную) гордость нѣмецкой націи академическое начало. Нѣмецкій университетъ есть прежде всего свободная отъ всякой опеки корпорація—ученая и учащая. Это есть какъ бы вѣнецъ цеховыхъ корпорацій средневѣковья, оставшійся въ силѣ и понынѣ. Корпорацій такихъ въ Германіи было много, и вотъ молодые люди какъ бы пробовали сначала то одну, то другую. Запишутся въ одну, послушаютъ лекціи въ теченіе года или семестра, затѣмъ ѣдутъ въ другой городъ, въ другую корпорацію; послушавъ тамъ лекціи, они или остаются тамъ, или возвращаются въ первую, или ѣдутъ дальше, пока не найдутъ себѣ по сердцу и занятія, и профессора. Найдя такового, они отдаются всецѣло подъ его вліяніе, работаютъ подъ его руководствомъ. Когда, по мнѣнію руководителя, ученикъ его достаточно созрѣлъ, онъ представляетъ его своимъ коллегамъ. Происходитъ защита работы въ торжественномъ засѣданіи, и, по признаніи защиты удовлетворительною, аспирантъ становится признаннымъ членомъ или докторомъ данной ученой корпораціи. Такова академическая система въ Германіи въ общемъ и по сей день, но нужно добавить, что правительство для принятія на службу не довольствуется университетскимъ докторскимъ дипломомъ, а назначаетъ особую комиссію изъ извѣстныхъ ему лицъ, которая по

производствѣ опредѣленнаго экзамена конвалидируетъ дипломъ или выдаетъ другой, позволяющій аспиранту поступить на государственную службу. Какъ и нужно было ожидать, примирившись съ свободнымъ существованіемъ университетовъ, государство признало необходимымъ контроль надъ могущими и дѣйствительно имѣющими мѣсто злоупотребленіями и поблажками при выдачѣ университетскихъ дипломовъ. Итакъ, въ основу школьнаго дѣла въ Германіи положена система академическая, только съ сознательнымъ или безсознательнымъ упущеніемъ того основного различія, что студентъ, выбравъ, выискавъ себѣ руководителя, отдаетъ себя всецѣло подъ его руководство и съ радостью ждетъ момента, когда избранный авторитетъ скажетъ: «я доволенъ тобой. Я нахожу тебя достойнымъ допустить тебя на правахъ равнаго въ мою корпорацію», тогда какъ школьникъ обязанъ во всемъ повиноваться часто чуждому его натурѣ, извнѣ навязанному ему авторитету учителя. Мальчикъ долженъ на все смотрѣть глазами своего учителя, долженъ быть какъ бы его эхомъ, какъ бы граммофонной пластинкой, напѣтой съ его голоса. Этого стараются достигнуть при помощи системы свидѣтельствъ, выдаваемыхъ тѣми же лицами, тѣмъ же учрежденіемъ, въ которомъ учится данный мальчикъ. Но зато мальчикъ обязанъ окончить начальную школу, обязанъ получить свидѣтельство объ ея окончаніи отъ своихъ учителей послѣ производства нѣкотораго экзамена въ присутствіи инспекціи или выборныхъ лицъ, присутствіе коихъ должно служить гарантіей нелицепріятнаго отношенія учителя и добросовѣстнаго выполненія имъ министерской программы. И дѣти кончаютъ народную школу съ очень обширной программой. Учителя имѣютъ въ своемъ распоряженіи такое могучее средство, какъ удержаніе сверхъ нормальнаго возраста нерадивыхъ учениковъ и, кромѣ того, цѣлую гамму принудительныхъ средствъ. Для дефективныхъ дѣтей существуютъ хорошо организованныя особыя школы.

Среднее образованіе въ Германіи построено по тому же типу, что и начальное. Описывать его не стану, потому что наше среднее образованіе скопировано съ нѣмецкаго образца. Только германское, какъ и подобаеть оригиналу, послѣдовательнѣе. Какъ я уже пытался сдѣлать очевиднымъ, германская система даетъ преимущество воспитательнымъ задачамъ передъ образовательными, понимая воспитаніе въ своеобразномъ смыслѣ. Характернѣ всего это видно изъ правила, по которому ученикъ, успѣвающій по всѣмъ предметамъ, долженъ быть оставленъ въ томъ же классѣ, если онъ будетъ признанъ совѣтомъ нравственно незрѣлымъ для слѣдующаго класса.

Какой смыслъ имѣеть это правило? А вотъ какой. Встрѣчается сильная индивидуальность, не умѣющая склоняться передъ авторитетомъ, вслѣдствіе богатства индивидуальных особенностей—не дисциплинированная. Въ нашей школѣ такіе типы просто выбрасываются за бортъ средней школы. Въ Германіи же имъ удѣляется особое вниманіе. И, если перемѣны не послѣдуетъ, то ужъ тогда только его выбрасываютъ за бортъ. Такая система имѣеть своимъ слѣдствіемъ чрезвычайное развитіе чувства порядка и дисциплины, которою и отличается въ дѣйствительности германская нація.

Коррективомъ въ этомъ одностороннемъ развитіи личности должны были служить университеты. Законъ самохраненія и возникающій отсюда законъ конкуренціи должны были постоянно приводить къ соревнованію въ дѣлѣ развитія науки между университетами и къ неустанному прогрессу. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только какая-нибудь университетская корпорація прославится своими научными силами, къ ней стануть притекать слушатели массами. Въ другихъ университетахъ число ихъ уменьшается, и они постараются затмить своего болѣе удачнаго соперника. Задача ихъ облегчается еще тѣмъ, что какъ извѣстно, успѣху свойственно засыпать на своихъ лаврахъ. Такъ оно и было. До объединенія Германіи раздроблен-

ность ея сильно способствовала такому порядку вещей. Каждое княжество, каждый городъ очень чутко относились къ славѣ родного университета и ревниво ее оберегали. И система эта давала тогда блестящіе результаты. Даетъ она ихъ и теперь. Но уже сами нѣмцы жалуются на упадокъ своихъ университетовъ. Впрочемъ, если можно говорить объ оскудѣніи германскаго академизма, то относительно, конечно. Ученыхъ въ Германіи больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Но гордость Германіи, ея ученые, въ чемъ попрежнему продолжаютъ конкурировать между собой ея университеты,—особаго типа. Это кропотливые, необычайно трудолюбивые и знающіе люди. Это составители великолѣпныхъ учебниковъ. Германскіе учебники по какой угодно наукѣ безспорно наилучшіе. Но свѣтиль, яркихъ, выпуклыхъ личностей, ученыхъ новаторовъ, застрѣльщикова въ какой-нибудь новой отрасли, какъ-то было въ началѣ и въ 1-й половинѣ XIX вѣка, вы едва-ли встрѣтите. Само собой если нивелирующая рука средней школы не допускаетъ до университета сильную индивидуальность, то какъ же она тамъ очутится? Правда, есть одинъ путь—экстернатъ. Какія мытарства приходится претерпѣвать экстернатамъ всякому извѣстно. Къ тому же богато-одаренныя натуры обыкновенно односторонне развитые люди. Для нихъ энциклопедичность абитуриентскаго экзамена является весьма серьезнымъ препятствіемъ въ виду обширности требованій. Въ этомъ пунктѣ дефекты германской школьной системы прежде всего выступили наружу. Дѣйствительно, не могло не казаться несправедливымъ, что мальчикъ, одаренный въ области математики и естественныхъ наукъ, не можетъ попасть въ храмъ науки только лишь потому, что онъ не можетъ осилить латинскаго или греческаго строя рѣчи. Соображенія подобнаго рода вызвали къ жизни новые типы школъ. Такъ возникли реальныя гимназіи съ однимъ только латинскимъ языкомъ и реальныя училища, совсѣмъ безъ древнихъ языковъ, но съ новыми,

французскимъ и англійскимъ, и расширеннымъ курсомъ математики и естественныхъ наукъ. Это видоизмѣненіе системы принесло свою огромную пользу. Но система осталась прежняя. И общество и правительство чувствовали, что здѣсь что то не такъ. Идя навстрѣчу обществу, педагогическіе нравы смягчились. Педагоги потеряли возможность широко пользоваться исключеніемъ вслѣдствіе нареканій со стороны общества; дисциплина ослабла, явились поблажки и это отразилось на занятіяхъ—курсъ пришлось удлинить до 9 лѣтъ. Но и этого кажется мало. Система начинала трещать по всѣмъ швамъ. Въ обществѣ все больше и больше высказывалось недовольство, выразителемъ котораго явился извѣстный Гурлитъ. Но національная гордость все же мѣшала искать зло тамъ, гдѣ оно было т.-е. въ системѣ. Еще бы система, которая побѣдила Францію, которой весь міръ такъ недавно завидовалъ!

Обратимъ теперь наше вниманіе на систему средняго и высшаго образованія во Франціи до 70-го года. Здѣсь тоже царить система, завѣщанная французской революціей. Университеты равно какъ и другія высшія школы были монополизированы во Франціи правительствомъ республики и Наполеономъ и предоставлены во всеобщее пользованіе. Желających учиться было много, очаговъ высшаго знанія мало. Отсюда принципъ соревнованія или конкурса получаетъ во Франціи крайнее развитіе. Балловъ 20, и кромѣ того и коэффициенты. Я объясню это на произвольномъ примѣрѣ, ибо сейчасъ у меня нѣтъ подъ рукой источниковъ, откуда бы я бралъ точныя данныя. Допустимъ 6 экзаменовъ въ политехническую школу: 1) математика коэффициентъ 6, 2) французскій языкъ 4, 3) физика 4, 5, 4) иностранные языки 5, 5, 5) Рисованіе 5, 6) черченіе 3.

3 кандидата А, В, С, получили одинаковую сумму балловъ, но благодаря коэффициентамъ класификація получится различная, такъ, напр., А получилъ по всѣмъ 18 балловъ,

а по рисованію 19; В получилъ по всѣмъ 18 балловъ, а по черченію 19; С получилъ по всѣмъ 18 балловъ, а по нѣмецкому 19. Классификація ихъ выразится такъ: по умноженіи балловъ на коэффиціенты и суммированіи $C = 493,5$; $A = 493$; $B = 491$. Какъ видите коэффиціенты даютъ намъ возможность легко разсортировать суммы, казавшіяся однородными. Въ разныхъ училищахъ система коэффиціентовъ мѣняется. Положимъ въ техническомъ училищѣ коэффиціенты рисованія 3, а черченія 5, 5. Притомъ математика расчленяется на алгебру, геометрію, тригонометрію, аналитику, все это съ коэффиціентами. За письменный и устный отвѣты баллы ставятся отдѣльно.

Письменные испытанія производятся на особыхъ листахъ съ расчетомъ, чтобъ можно было отрѣзать заголовокъ съ именемъ аспиранта, замѣнивъ имя № въ самомъ листѣ. Отдѣляетъ имена и нумеруетъ работы лицо совершенно не причастное къ испытательной комиссіи. Номеръ отрѣзаннаго заголовка совпадаетъ съ номеромъ листа. Эти нумерованные листы поступаютъ на исправленіе испытательной комиссіи. Экзаминаторы выставляютъ баллы, не зная фамилій. Лишь въ общемъ присутствіи по сличеніи листовъ съ заголовками, оставшимися у лица, облеченнаго общественнымъ довѣріемъ и не принимавшаго участія въ исправленіи работъ, выставляются баллы по фамиліямъ. Такимъ образомъ гарантія безпристрастности полная.

Остановился я на системѣ конкурснаго экзамена во Франціи, чтобы дать понять, какъ серьезно тамъ относятся вообще къ экзамену. Поступленіе въ университетъ обусловливается, тоже выдержаніемъ экзамена на степень бакалавра, который происходитъ въ комиссіяхъ, состоящихъ изъ профессоровъ въ самомъ университетѣ. Затѣмъ при университетѣ же держать на степень лиценціата, соответствующую нашему кандидатскому экзамену. Во Франціи университетъ утратилъ совершенно свой средне-вѣковый характеръ. Слово университетъ употребляется

французами скорѣе какъ синонимъ нашего слова учебный округъ. Профессора тамъ правительственные чиновники, но все же тамъ дѣйствуетъ выборное начало. Правительство лишь утверждаетъ. Такъ ректоръ университета является попечителемъ округа. Онъ избирается своими коллегами профессорами. Факультеты—высшія школы, Ecoles какъ ихъ называютъ французы. Чиновники профессора выдаютъ дипломъ, который даетъ права государственной службы или общественной дѣятельности. Словомъ французская система высшаго образованія весьма сходна съ нынѣ дѣйствующей у насъ.

Подъ вліяніемъ пораженія 70-го года пересмотру подверглась и система средняго образованія. Громкіе голоса раздавались въ особенности изъ родительской среды за перенесеніе во Францію германской системы, аттестатовъ зрѣлости вмѣсто ненавистныхъ экзаменовъ на бакалавра, которые сильно изнуряли здоровье молодежи и были совершенно бессмысленны, такъ какъ то огромное количество латыни и греческаго языка, которое требовалось на этомъ экзаменѣ было совершенно бесполезно огромной части молодыхъ людей, избравшихъ себѣ родъ занятій, гдѣ знанія эти были только лишнимъ балластомъ, который нужно было скорѣе забыть. Классицизмъ былъ нуженъ филологамъ и археологамъ, а надъ нимъ теряли здоровье будущіе инженеры, химики, адвокаты и т. п. За перенесеніе германской системы была также часть преподавателей средней школы, которые были недовольны тѣмъ, что являются какъ бы придаткомъ къ университету, и нѣтъ у нихъ никакой самостоятельности. Кромѣ того экзаминаторы-профессора были чужды психологіи учащихся и слишкомъ строги въ своихъ требованіяхъ. Профессура само собой разумѣется была противъ и къ ней примыкала большая часть преподавателей средней школы. Ибо французъ никакъ не можетъ понять, какъ это можно быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Вѣдь оцѣнка успѣшности ученика есть вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнка ра-

боты самого преподавателя. Ученикъ успѣваетъ во-первыхъ потому, что онъ способенъ, а во-вторыхъ потому, что ему учитель передаетъ знанія—преподаетъ. Хорошо учитель преподаетъ—ученики будутъ хорошо знать; плохо преподаетъ—знать будутъ плохо. Конечно, и у хорошаго одни будутъ знать лучше, другіе хуже. То же будетъ и у плохого преподавателя. Но общій уровень класса будетъ различенъ у того и другого. При экзаменѣ у не причастныхъ къ преподаванію въ средней школѣ лицъ этотъ общій неуловимый уровень класса и всплываетъ наружу, когда ученики того и другого учителя поставлены въ одинаковыя условія. Кромѣ того такая кажущаяся независимость ученика, когда отмѣтка или мнѣніе преподавателя имѣетъ лишь совѣщательное значеніе, создаетъ тѣсную солидарность интересовъ ученика и преподавателя. Ученикъ старается внимательно относиться къ сообщаемымъ ему знаніямъ и указаніямъ, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе выдержать предстоящее бакалаврское испытаніе, а учитель заинтересованъ сообщать эти знанія такъ, чтобъ возможно больше учениковъ его выдержало этотъ экзаменъ и возможно лучше. Тутъ получается взаимная органическая солидарность. Дисциплины въ германскомъ или русскомъ смыслѣ нѣтъ совершенно, зато нѣтъ нарушеній ея и наказаній нѣтъ. Удаленія изъ школы крайне рѣдки и только бывають за проступки по отношенію къ товарищамъ: за неделикатное обращеніе съ чужой собственностью, или неуваженіе къ личности товарища. Нѣтъ погони за отмѣткой.

Тутъ важно не мнѣніе преподавателя въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, а общее знаніе. Тутъ не можетъ быть дикихъ сценъ въ родѣ того, какъ какой-нибудь карапузъ 2-го класса съ горькими слезами или налившимися кровью глазами гнѣвно спрашиваетъ преподавателя. «Почему вы мнѣ поставили 2+, а N—у за столько же ошибокъ поставили 3—?» Постоянное взвѣшиваніе знаній по частямъ въ общемъ гораздо больнѣе и вреднѣе отзывается

на здоровьѣ, чѣмъ одинъ экзамень, къ которому продуманно, сознательно и основательно подготавлиешься 6—7 лѣтъ. Работа тоже идетъ гораздо продуктивнѣе при системѣ экзаменовъ на сторонѣ. У французовъ почти что два съ половиной мѣсяца каникулъ, кромѣ того, каждый четвергъ нѣтъ ученья. Учебный день разбитъ на двѣ половины отъ 8 до 12 и отъ 2 до 4—6 часовъ вечера. На домъ почти ничего не задается, и нѣтъ совершенно того уродливаго явленія—репетиторства, которое наблюдается въ Россіи и Германіи. А между тѣмъ то, что дѣлается въ Германіи за 9 лѣтъ, во Франціи выполняется въ 6—7 лѣтъ. Всѣ указанные доводы повели къ тому, что германская система не привилась, однако французская система потерпѣла значительныя измѣненія.

Во-первыхъ, 2-хъ часовые уроки совершенно отмѣнены; во-вторыхъ, бакалаврскій экзамень измѣненъ такъ, что теперь существуютъ три типа бакалаврскихъ экзаменовъ: одинъ съ латинскимъ и греческимъ языками—классическій, одинъ—только съ латинскимъ и, наконецъ, совсѣмъ безъ древнихъ языковъ съ однимъ или двумя новыми; въ-третьихъ, учителя средней школы стали входить въ составъ экзаменаціонной комиссіи наравнѣ съ профессорами университета. Наиспытнѣйшіе педагоги, тѣ, у кого процентъ выдерживающихъ очень великъ, назначаются членами экзаменаціонной комиссіи и получаютъ почетное званіе «экзаминаторовъ».

Что касается университетовъ, то тамъ все осталось по-прежнему, за исключеніемъ реформы матеріальнаго обезпеченія, неспособной самой по себѣ внести новую струю въ бюрократически безжизненную профессорскую среду, оторванную и чуждую интересамъ студенческой жизни. Требования общества ввести привать-доцентуру и умножить семинаріи для практическихъ занятій съ большимъ трудомъ пробиваютъ брешь въ стѣнѣ профессорскаго консерватизма, но и тутъ нѣкоторые успѣхи замѣтны; нужно думать, что сознаніе въ необходимости реформы въ недалекомъ будущемъ возьметъ верхъ.

Англійская система въ высшей степени своеобразна. Особенности воспитанія и образованія глубоко національны и характерны, оттого давно на нихъ обращено должное вниманіе и они всѣмъ извѣстны. Но теперь съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія на фонѣ своихъ національных особенностей подъ вліяніемъ Америки, а также своихъ европейскихъ сосѣдей Англія сильно демократизировала образованіе. Кромѣ Оксфорда и Кембриджа, открыто много высшихъ техническихъ школъ наподобіе германскихъ и университетовъ въ Лондонѣ, Манчестерѣ и другихъ центрахъ. Для поступленія во всѣ эти учебныя заведенія требуется вступительный экзамень. Уровень требованій разнообразенъ соотвѣтственно той отрасли знаній, которую кандидатъ желаетъ избрать, но въ общемъ гораздо меньше и цѣлесообразнѣе той массы свѣдѣній, которая требуется отъ молодыхъ людей на континентѣ. Характерно, что экзамены исключительно письменные, и темы на выборъ экзаменующагося не меньше трехъ. Матрикуляціонный экзамень для вступленія въ университетъ состоитъ изъ 5—6 предметовъ. Два изъ нихъ, именно по элементарной математикѣ въ размѣрѣ нашихъ 4-хъ классовъ гимназій и англійскому языку, обязательны для всѣхъ, при чемъ экзаменующійся долженъ проявить абсолютную грамотность и нѣкоторую широту знаній въ области родной литературы, исторіи и географіи. Остальные 3—4 предмета предоставлены свободному выбору экзаменующагося изъ перечня, содержащаго предметовъ 30, въ соотвѣтствіи съ его склонностями и дальнѣйшими планами. Послѣ опредѣленнаго плана занятій, продолжающихся 3—4 года, аспирантъ сдаетъ сначала полукурсовые, а потомъ окончательные экзамены на степень бакалавра изъ тѣхъ предметовъ, которые онъ себѣ избралъ. Затѣмъ онъ можетъ получить степень магистра по тѣмъ же предметамъ. Къ вступительному экзамену допускаются лица обоого пола не моложе 16 лѣтъ. Въ общемъ требованія для поступленія соотвѣтствуютъ запасу знаній за наши 4—6 классовъ сред-

нихъ учебныхъ заведеній. Въ виду полного господства предметной системы въ университетахъ и опредѣленности требованій, экзамены легко выдерживать даже при невозможности посѣщать лекціи профессоровъ. Этимъ воспользовались два конкурирующихъ общества заочнаго университетскаго преподаванія при помощи особыхъ изданій и исправленій работъ. Университескіе дипломы имѣютъ больше научное значеніе. Правъ службы они не даютъ, но облегчаютъ выдержаніе экзаменовъ на вступленіе въ какую-нибудь общественную или государственную должность. Ибо безъ испытанія способностей въ Англіи вась никуда не примутъ, хоть бы всѣ академіи міра пооканчивали.

Начальное образованіе въ Англіи въ рукахъ самоуправленія, но подѣ контролемъ центрального правительства для достиженія необходимаго единообразія. Система здѣсь нѣмецкая. Свидѣтельства выдаются школой. Всѣ отрицательныя и положительныя черты здѣсь налицо. Задерживать здѣсь нельзя дольше 14-лѣтняго возраста, зато въ систему наказаній здѣсь введена порка; производится она самимъ завѣдующимъ школой. Но въ Англіи она не имѣетъ такого позорящаго значенія, какъ у насъ, и при попыткѣ отмѣнить порку сами ученики требовали ея восстановленія. Городскія среднія учебныя заведенія служатъ мѣстомъ подготовки дѣтей малосостоятельныхъ слоевъ населенія къ многообразнымъ экзаменамъ, которые необходимо выдерживать въ Англіи для поступленія на службу или для подготовки въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе.

Кромѣ этихъ муниципальныхъ школъ, начальныхъ и среднихъ, существуетъ масса частныхъ школъ всевозможныхъ типовъ. Германская система, дѣйствующая въ Англіи для начальныхъ училищъ, еще не совсѣмъ окрѣпла. До самаго послѣдняго времени она имѣетъ много противниковъ. Но число сторонниковъ больше, чѣмъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что эта система смѣнила систему чисто-англійскую, въ которой существовалъ экзаменъ на-

подобіе французскаго. Начальное образованіе было въ рукахъ церковныхъ общинъ. За отсутствіемъ братствъ общины нанимали учителей, которымъ платили по результатамъ, т.-е. по количеству выдержавшихъ мальчиковъ. Учителя изнуряли своихъ учениковъ непосильнымъ трудомъ. Въ противовѣсъ этой ненормальности и создавалась теперешняя система. Удержится ли она въ своемъ настоящемъ видѣ, или въ ней произойдутъ видоизмѣненія, приближающія ее къ французской, сказать трудно. Ресурсы англійской практичности огромны.

Очень своеобразно сложилась школьная система въ Японіи. Въ практичности японцевъ сомнѣнія быть не можетъ. Достигнутый ею успѣхъ можетъ служить намъ порукой. И однако ея система школьнаго образованія оказалась подъ вліяніемъ Америки, а не Германіи, хотя германская система была ими добросовѣстно изучена и первые руководители японцевъ въ дѣлѣ университетскаго строенія были нѣмцы. Въ основѣ лежитъ единая школьная система, весьма похожая на нашъ думскій проектъ. Внизу общая начальная школа, два послѣдніе года которой не обязательны и служатъ подготовительной ступеню для средней. Въ среднюю принимаются выдержавшіе вступительный экзаментъ. Изъ средней школы поступаютъ въ высшія школы, имѣющія практической спеціальности характеръ, тоже по экзамену. Индивидуальную особенность Японіи составляютъ особыя высшія школы безъ всякой опредѣленной спеціальности. Онѣ являются какъ бы переходной и подготовительной ступеню къ университету. Ихъ въ Японіи 7 (свѣдѣнія мои относятся къ 1906/07 году). По выдержаніи экзамена, имѣющаго мѣсто во всей имперіи одновременно, кандидаты распредѣляются между ними. Распредѣленіе зависитъ отъ усмотрѣнія министерства, а не отъ желанія учащихся. Эта высшая школа раздѣлена на множество подраздѣленій согласно дальнѣйшимъ планамъ учащихся. Общій курсъ тутъ имѣется по морали (замѣняющей богословіе), японскому и китайскому языкамъ и гимнастикѣ.

Особенное вниманіе здѣсь удѣлено иностраннымъ языкамъ—англійскому, нѣмецкому и въ одной французскому. Въ средней школѣ проходитъ лишь англійскій и то въ очень незначительномъ объемѣ. Правительственныхъ университетовъ только 3 и 2 частныхъ. Университетъ даетъ права государственной службы. Въ университеты принимаются окончившіе высшую школу. Въ высшую школу конкурсъ огромный; лишь одна треть держащихъ экзамены попадаетъ. Въ нихъ, такимъ образомъ, происходитъ подборъ наиспособнѣйшихъ, и въ университетъ попадаютъ люди серьезные, жаждущіе самостоятельной работы. Японцы попадаютъ въ свои высшія школы къ 19—21 годамъ. Курсъ тамъ 3-хлѣтній. Значитъ, въ университетъ попадаютъ къ 22—24 годамъ. Въ университетѣ много лекцій читается на иностранныхъ языкахъ. Университетскій курсъ вообще 3-хлѣтній, а для медицины и права 4-хлѣтній, такъ что зрѣлыми кандидатами на отвѣтственныя должности, которыя поручаются окончившимъ университетъ, японцы становятся къ 26—29 годамъ. Кромѣ только что описанныхъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, въ Японіи масса частныхъ школъ самаго разнообразнаго характера.

Говорить о родной, нашей школьной системѣ не приходится. Въ какія формы выльются творческія народныя силы въ дѣлѣ созиданія *національной* системы русскаго школьнаго образованія, сказать трудно. Дѣло это слишкомъ сложно. Одно можно съ увѣренностью сказать,—что дѣло это по плечу осознавшей себя Великой Россіи.

Кельтовъ.

Графическая анкета.

(Къ вопросу: „Война и дѣти“.)

Истекшій 1914—1915 учебный годъ прошелъ, какъ и вся русская жизнь, подъ знакомъ великой европейской войны. На школьной жизни—временами ярче, временами тусклѣе—на протяженіи всей учебы были замѣтны отраженія великаго военнаго пожара.

Въ настоящее время еще трудно и преждевременно, дѣлать окончательные выводы изъ наблюдений надъ тѣмъ, въ какихъ формахъ и съ какой глубиной современная европейская война повліяла на психику дѣтей. Ясно и рѣшительно можно указать лишь на то, что эта война не проходитъ безслѣдно для дѣтской души. Младшее поколѣніе, растущее и развивающееся въ эти годы, вмѣстѣ съ обычными силами, формующими юную индивидуальность—семья, школа, товарищи, городъ и т. д.,—имѣетъ и еще одну, новую, быть можетъ, и не столь продолжительную по времени, но весьма рѣзкую и глубокую въ ея временномъ вліяніи; эта сила—война.

Ея отраженія безусловно замѣтны въ многочисленныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ дѣтской жизни; творчество и игры быстро отразили въ своеобразныхъ и наивныхъ формахъ великую трагедію современной Европы. Но внѣшнія проявленія дѣтской жизни, какъ это извѣстно, находятся въ самомъ тѣснѣйшемъ единеніи съ ихъ внутренними переживаніями и волненіями. Если ребенокъ реагируетъ на какое-нибудь впечатлѣніе внѣшнимъ вол-

неніемъ, то еще болѣе онъ затронуть этимъ впечатлѣніемъ въ глубинѣ своей души и мышленія.

Отблески военного огня и отзвуки боевого грома въ дѣтской жизни, вѣроятно, наблюдалъ всякій, кто имѣлъ дѣло съ дѣтьми въ этотъ тревожный годъ. Наблюденія матери и педагога въ этомъ случаѣ совершенно совпадаютъ или дополняются одно другимъ. Разговоръ, рисунокъ, игра, письмо, вопросы, мечтанья—все это свѣтится искрами военного пожара.

Школа и семья сдѣлаютъ непростительную оплошность, если своевременно, подъ живымъ впечатлѣніемъ, не зафиксируютъ свои наблюденія надъ современной дѣтворой—малыми свидѣтелями и, какъ и всѣ въ настоящіе дни, отдаленными участниками великой войны. Воспитателямъ выпала на долю рѣдкая—надо думать, единственная въ своемъ родѣ—возможность полно, широко и всесторонне наблюдать и замѣтить вліяніе войны на чуткую дѣтскую природу.

Представляется весьма вѣроятнымъ, что вопросы о войнѣ, разоруженіи, милитаризмѣ, патріотическомъ воспитаніи и т. д. съ большей опредѣленностью и настойчивостью встанутъ тогда, когда эта великая война будетъ приведена къ концу и духовныя и матеріальныя силы народовъ будутъ вновь направлены къ устроенію мира. Вотъ тогда школѣ понадобятся всѣ ея наблюденія надъ дѣтьми, сдѣланныя въ эти дни напряженія военныхъ силъ.

Все, что вызывается настоящей войной, единственно въ своемъ родѣ во всѣхъ областяхъ жизни. Таковымъ же представляется вліяніе войны и въ области дѣтскаго воспитанія.

Сейчасъ невозможно сказать, какова будетъ по характеру и по размѣрамъ сумма воспитательныхъ наблюденій и каковъ итогъ поставить подъ этимъ матеріаломъ будущей обзорѣватель его въ цѣломъ: это вопросъ болѣе или менѣе отдаленнаго мирнаго будущаго. Наблюдате-

лямъ же настоящихъ дней слѣдуетъ съ возможной точностью и полнотой отмѣтить всѣ тѣ новыя черты, что они замѣчаютъ въ дѣтской жизни со времени возникновенія войны. Всякое наблюденіе будетъ имѣть цѣну и войдетъ необходимымъ слагаемымъ въ общій выводъ. Въ теченіе прошлой зимы образовалось уже нѣсколько группъ изъ лицъ, занявшихся этими вопросами; въ журналахъ и газетахъ было нѣсколько просьбъ отъ этихъ лицъ и организацій—не отказать имъ въ предоставленіи различнаго рода свѣдѣній и наблюденій по затронутымъ вопросамъ: вліянія войны на дѣтей. Всѣ, интересующіеся дѣтской жизнью и педагогическіе круги особенно, надо думать, не оставятъ безъ вниманія и освѣщенія этого неожиданно вставшаго, глубоко интереснаго и важнаго вопроса педагогики настоящаго дня.

Цѣль предлагаемой замѣтки—познакомить интересующихся вопросомъ «война и дѣти» съ данными одной графической анкеты, произведенной мной въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго (1914—1915) учебнаго года. Эти данныя, какъ мнѣ кажется, являются довольно любопытнымъ и нагляднымъ показателемъ современныхъ дѣтскихъ настроеній и думъ. Лично для меня они показались нѣсколько неожиданными, хотя мнѣ и случалось многократно быть свидѣтелемъ разнообразныхъ отраженій настоящей войны въ занятіяхъ и играхъ дѣтей.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Современная практика обученія дѣтей рисованію, справедливо оцѣнивая первоначальные опыты дѣтскаго творчества въ области графическаго искусства, ввела въ курсъ младшихъ классовъ такъ называемое «свободное рисованіе»; въ процессѣ этого занятія руководитель-художникъ стремится дать возможность ребенку непосредственно выразить себя въ графическихъ упражненіяхъ, стараясь не налагать на наивное и выразительное дѣтское творчество никакихъ академическихъ цѣпей, даже и въ ихъ школьномъ несложномъ видѣ.

Задача художника-преподавателя въ этомъ случаѣ—пріохотить дѣтей искренно и просто выражать доступными имъ графическими средствами свои впечатлѣнія и переживанія. Графическое творчество на этой ступени дѣтской жизни является весьма важнымъ и необходимымъ во многихъ случаяхъ подспорьемъ къ раскрытію у ребенка его внутренняго міра—своеобразнаго, глубокаго, съ различными странностями и индивидуальными чертами. Практика показываетъ, что дѣти рѣдко уклоняются отъ карандашей и красокъ и рисуютъ съ величайшей охотой, если только руководитель не отягощаетъ ихъ непосильными заданіями, разрушающими внутреннюю логику дѣтскаго творчества и не соотвѣтствующими дѣтской графикѣ художественными требованіями. Если иногда ребенокъ и усомнится въ возможности для себя рисункомъ передать свое намѣреніе, то почти всегда осторожный и художественно-внимательный подходъ къ нему даетъ ему возможность овладѣть желаннымъ образомъ. Для педагога, ведущаго такіе уроки, важнѣе всего то, что бы его указанія, совѣты и объясненія не разрушали дѣтскаго міровоззрѣнія и несложныхъ техническихъ приемовъ дѣтскаго рисованія. Найти эту линію художественно-педагогическаго вниманія можно, лишь вникая очень близко въ дѣтскую жизнь, любя ея ясныя формы, важную наивность, ребяческіе странности, капризы и логику дѣтской мысли, ея постоянную образность, заражаясь тѣмъ вдохновеніемъ, что испытываютъ дѣти, художественно высоко оцѣнивая графику дѣтей—ихъ свѣжее и искреннее искусство. Руководитель, стремясь помочь цвѣтенію дѣтскаго графическаго творчества, самъ долженъ во многомъ подчиниться ему, принять его законы и его красоту.

Содержаніемъ «свободнаго рисованія» (его, такъ сказать, тематическимъ матеріаломъ) служатъ въ большинствѣ случаевъ разнообразнѣйшія дѣтскія впечатлѣнія, часто необходимыя по характеру, всегда яркія въ образахъ и малоорганизованныя въ передачѣ. Разсмотрѣніе

ихъ даетъ любопытную картину совокупности тѣхъ образовъ и вліяній, впечатлѣнію которыхъ подвергается ребенокъ въ своей повседневной — школьно-семейной — жизни. Если прослѣдить всѣ рисунки какого-нибудь ученика хотя бы за годъ, то можно получить довольно точную картину тѣхъ условій, что окружали ребенка. Для художника, наблюдающаго развитіе графическаго творчества у ребенка, такой матеріалъ представляетъ безотнositельно значительную цѣнность, но этотъ матеріалъ всегда имѣетъ большое значеніе и для воспитателя. Свободный, съ любовью и интересомъ сдѣланный рисунокъ всегда знакомитъ педагога съ какой-нибудь характерной гранью дѣтской души, дѣтскаго міра. Психологія ребенка должна быть наблюдаема и изучаема на ряду со всѣми другими средствами и сквозь графическое дѣтское творчество.

Нужно замѣтить, что маленькіе рисовальщики избираютъ содержаніемъ своихъ рисунковъ на урокахъ свободного рисованія не только видѣнное, слышанное и читанное, но зачастую стремятся и къ мотивамъ чисто-декоративнаго характера. Такъ, одинъ, на примѣръ, изображаетъ пышную корзину съ фруктами въ стилѣ какого-то своеобразнаго «дѣтскаго ренессанса», другой — какую-нибудь орнаментацию съ неожиданной логикой линій, третій — узорное дерево съ птицами и т. д. Рисунки этого характера, наглядно показывающіе декоративныя стремленія дѣтской графики, особенно интересны съ точки зрѣнія изученія художественныхъ элементовъ, присущихъ дѣтскому рисунку.

Кромѣ личныхъ темъ, избираемыхъ самими дѣтьми и весьма разнообразныхъ, на урокахъ свободного рисованія часто предлагаются руководителемъ и общія темы, объединяющія всѣхъ дѣтей въ томъ или другомъ направленіи. Общій характеръ урока тогда нѣсколько измѣняется и часто носитъ въ школьной жизни названіе урока «иллюстративнаго рисованія». Общія для всего класса

темы, предлагаемые руководителем, должны быть внутренние близки дѣтямъ, доступны по выраженію, разнообразны по складу и безусловно должны допускать отклоненія; слишкомъ стѣснительное задание и, главное, требованіе «заданнаго урока» всегда приводитъ къ обезличиванію или къ увяданію дѣтскаго творчества.

Темы могутъ быть зрительнаго характера (напримѣръ: «окно булочной», «домъ, въ которомъ я живу» и т. д.), личнаго характера (напримѣръ: «мое любимое занятіе или игра», «мой праздничный день», «какъ я проводилъ лѣто» и т. д.), общеобразовательнаго характера (напримѣръ: «способы передвиженія», «исторія хлѣба» и т. д.), наблюдательнаго («гроза», «бульваръ»), декоративнаго (узоръ для матеріи, кувшинъ, изразецъ, ваза и т. д.).

Подобныя общія темы предлагаются, когда рисовальщики уже освоились съ классными занятіями, развили въ себѣ навыкъ къ рисованію и къ извѣстной графической дисциплинѣ и обнаруживаютъ стремленіе къ опредѣленнымъ задачамъ художественнаго творчества.

Указавъ въ краткихъ словахъ на тѣ художественно-педагогическія условія, въ которыхъ я собралъ предлагаемый ниже матеріалъ, перехожу теперь къ ближайшему разсмотрѣнію этого матеріала. Я хочу остановить вниманіе читателя на одной темѣ, предложенной мною дѣтямъ, и съ помощью полученныхъ графическихъ отвѣтовъ попытаться нѣсколько освѣтить душевный міръ дѣтей въ настоящее время.

Въ шести младшихъ классахъ (II и III подготовительныхъ, двухъ первыхъ и двухъ вторыхъ) московскихъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній (гимназій и реального училища) была предложена, по примѣру предшествующихъ лѣтъ, тема на свободное рисованіе: «Кѣмъ бы я хотѣлъ быть?» Дабы избавить дѣтское творчество отъ непосредственнаго вліянія сосѣда и дать дѣтямъ возможность болѣе замкнуто и сосредоточенно отвѣтить на этотъ вопросъ, отвѣтный рисунокъ долженъ былъ быть сдѣланнымъ дома.

Общее число учениковъ, которымъ была предложена для графическаго отвѣта эта тема, было 163. Отвѣтныхъ рисунковъ собрано было 154.

Разсмотрѣніе этихъ рисунковъ, непосредственно отражающихъ желанія, порывы и мысли, владѣющіе дѣтьми, весьма любопытно. Само собой разумѣется, что этимъ пожеланіямъ и раннимъ мыслямъ о своей будущности нельзя придавать значенія опредѣленныхъ и твердыхъ намѣреній. Онѣ измѣнятся еще, можетъ быть, десятки разъ и въ дѣйствительномъ итогѣ жизненномъ совсѣмъ не будутъ похожи на выраженные сейчасъ. Дѣтскія желанія—бродячія облака вѣтренаго дня. Тысячи внутреннихъ и внѣшнихъ побудительныхъ причинъ заставятъ въ дальнѣйшемъ, начиная съ завтрашняго дня, сновать и туда и сюда эти вдохновенныя желанія; имъ предстоитъ и измѣненіе и забвеніе. Выраженные съ помощью карандашей и красокъ дѣтскія пожеланія и мечты характерны, главнымъ образомъ, для того времени, когда ребенку предложили вопросъ. Перемѣнчивая мечта о своей будущности обыкновенно зависитъ у ребенка отъ разныхъ условій даннаго момента: ближайшія впечатлѣнія оказываютъ на эту мечту рѣшительное вліяніе. Этимъ самымъ фактомъ убѣдительно доказывается значеніе собранныхъ графическихъ отвѣтовъ для настоящаго времени. Сумма впечатлѣній и вліяній, окружающихъ ребенка въ каждый данный періодъ его жизни, всегда находитъ общее выраженіе въ его графическихъ отвѣтахъ. Пересмотрѣвъ отвѣты какой-нибудь школьной группы дѣтей, вы ясно угадаете основной характеръ впечатлѣній, ее окружающихъ или, точнѣе сказать, ей доступныхъ и близкихъ.

Чтобы дать читателю представленіе о томъ, въ какой формѣ и съ какой степенью убѣдительности выражаются въ графическихъ отвѣтахъ дѣтскія пожеланія и мечтанія, я приведу описаніе нѣсколькихъ характерныхъ рисунковъ, сразу открывающихъ этотъ своеобразный графическій уголокъ дѣтской психологіи.

1. Рисунок семилетнего школьника, ученика II подготовительного класса. Неразвитая рука, совсем не привыкшая, видимо, к рисованию черным тушевальным карандашом, начертила широкими «лохматыми» линиями человеческую фигуру с треугольным корпусом, с длинными, далеко отодвинутыми одна от другой, ногами в профиль, со шпорами; это фантастическое и довольно-таки страшное существо в фуражке с султаном держит в руках саблю; стоит оно около маленького дома с тремя высокими фронтонами, в которые вписаны четырехугольники окон. Наверху, в черной рамке, раскосыми и по-детски твердыми буквами выведено: «я хачу быть градавым».

2. Рисунок восьмилетнего мальчугана, ученика II подготовительного класса, нарисован болѣе послушной рукой. Человѣкъ въ трико, раскрашенный зелеными и красными горизонтальными полосами, держится за трапецію. Налѣво отъ него протянута въ высь веревочная лѣстница, направо — висятъ голубыя кольца; у ногъ его, на желтомъ пескѣ (очевидно, изображена арена цирка), лежитъ раскрытый парашютъ. Авторъ хочетъ быть акробатомъ.

3. Рисунокъ гимназиста III подготовительного класса. По розовой землѣ шествуетъ большой сѣрый слонъ, несущій на спинѣ трехъ людей, густо окрашенных лиловой краской; одинъ изъ сѣдоковъ управляетъ слономъ, другой держитъ раскрытый розовый зонтикъ, а третій, какъ говорится, «сидитъ бариномъ». Это и есть нашъ авторъ. Около слона пышная зеленая пальма съ чернильной кляксой на листьяхъ. Внизу подписано: «хочу быть путешественникомъ».

4. Рисунокъ восьмилетнего школьника III подготовительного класса исполненъ четкой и твердой линіей, интенсивно раскрашенъ. Во всю страницу нарисованъ солдатъ въ ярко-желтой шинели, съ краснымъ околышемъ на картузѣ, съ большими пуговицами, точками-глазами и

висячимъ носомъ; въ рукѣ, похожей на зубчатый листъ, держитъ ружье съ громаднымъ прикладомъ и тонкимъ стволомъ. Вдалекѣ стоятъ еще два солдата такого же контура и раскраски, но маленькихъ; между ними—зеленая пушка на одномъ колесѣ. Старательно подписано по предварительной линовкѣ: «Я хочу быть русскій солдатъ».

5. Рисунокъ ученика I класса. Между двумя церковными подсвѣчниками въ чехлахъ, на золотомъ фонѣ иконостаса, у амвонной рѣшетки стоитъ дьяконъ; онъ въ розовомъ кресчатомъ стихарѣ, держитъ въ рукѣ кадило. Подробно нарисованъ узоръ на облаченіи, орарь, клобукъ и пр. Мальчикъ хочетъ быть протодьякономъ,—такъ заявилъ онъ при подачѣ своего рисунка.

6. Рисунокъ ученика I класса. Изображена на листѣ большая коричневая собака сенъ-бернарской породы; рисунокъ животного исполненъ внимательно и тщательно,—видимо, дѣтскіе взоры подолгу любовно наблюдали этого красиваго пса. Внизу чернымъ карандашомъ подписано: «я хочу быть владѣльцемъ этой собаки».

7. Рисунокъ ученика II класса. Невыразительными вялыми контурами нарисованъ большой письменный столъ, раскрашенный краснымъ карандашомъ; за столомъ—декадентское кабинетное кресло; налѣво — вычурный стулъ; подъ столомъ—корзина для бумагъ. Авторъ рисунка уклонился отъ изображенія человѣка. Но вверху страницы, чтобы не остаться непонятымъ, написалъ разноцвѣтными буквами: «Прсяжынымъ Повѣреннымъ».

8. Рисунокъ ученика II класса. Въ профиль изображенъ военный человѣкъ; онъ въ защитномъ цвѣтѣ, въ безкозыркѣ, въ синихъ сапогахъ, съ орденами, съ саблей въ маленькой рукѣ. Внизу подписано: «къмъ я хочу быть генераломъ».

Вотъ въ такихъ приблизительно образахъ, весьма разнообразныхъ и неожиданныхъ, дѣти въ школьной графикѣ изображаютъ свои долгія думы или быстрыя и каприз-

ныя мысли о своемъ недалекомъ и далекомъ будущемъ. Эти рисунки почти всегда производятъ впечатлѣніе полной искренности и непринужденности и выполняются съ большой охотой. Если въ большинствѣ своемъ они и не особенно интересны съ художественной стороны, то всегда полны интереса психологическаго.

Представленіе школьниковъ о своей будущности складывается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ близкихъ окружающихъ впечатлѣній; наибольшее значеніе имѣютъ характеръ школьныхъ занятій, чтеніе книгъ и семейныя традиціи. Кромѣ этихъ длительныхъ и постоянныхъ впечатлѣній, пужно отмѣтить и рядъ случайныхъ — яркихъ и рѣзкихъ: посѣщеніе театра, экскурсія, новое товарищество, новый понравившійся учитель и т. д.

Хотя большинство дѣтскихъ желаній измѣнчиво и переходяще, какъ я уже говорилъ, все же слѣдуетъ отмѣтить факты и обратнаго характера; встрѣчаются дѣти, у которыхъ извѣстная мечта о своемъ будущемъ назначеніи въ мірѣ живетъ долго и помнится глубоко. Нѣсколько мальчиковъ, за которыми мнѣ приходилось наблюдать по ряду лѣтъ изъ года въ годъ (отъ 8 до 12 лѣтъ), повторяли одно и то же пожеланіе. Такъ, на примѣръ, у одного шалуна-мальчугана велико желаніе быть охотникомъ, у другого — капитаномъ корабля, у третьяго — художникомъ. Два ученика уже третій годъ выражаютъ свое желаніе «сдѣлаться» авіаторами; еще одинъ реалистъ также три года мечтаетъ быть студентомъ-техникомъ.

При обзорѣ дѣтскихъ графическихъ отвѣтовъ на тему «къмъ я хочу быть?» за нѣсколько лѣтъ самъ собою напрашивается вопросъ: какія же явленія изъ окружающей жизни были всего доступнѣе впечатлѣнію школьника и переданы имъ въ его графическихъ признаніяхъ? Какіе идеалы человѣческой дѣятельности представлялись особо привлекательными и плѣнительными городскому школьнику, о чемъ онъ втихомолку мечталъ, дѣлая свои задачки и усваивая премудрости грам-

матики? Что это за люди, которымъ ребенокъ стремится подражать?

Минуя всѣ мимолетно-капризные желанія (въ родѣ пожеланія быть владѣльцемъ сенъ-бернарской собаки) и рѣзко-индивидуальныя склонности (желанія быть священникомъ или городовымъ), я приведу сейчасъ перечень главныхъ (количественно) персонажей, фигурировавшихъ въ этой своеобразной графической галереѣ.

Вотъ онъ: учитель, художникъ, студентъ, путешественникъ, ученый, мореплаватель, изслѣдователь новыхъ странъ, охотникъ, атлетъ, конькобѣжецъ, лыжникъ, футболистъ, офицеръ, авіаторъ, писатель.

Изъ этой характерной галереи лицъ, являющихся объектами дѣтскихъ идеалистическихъ стремленій, видно, что большинству изъ указанныхъ профессій свойственна или значительная духовная творческая способность (художникъ, ученый, писатель), или яркое выраженіе физическихъ способностей и наклонностей (атлетъ, футболистъ, конькобѣжецъ, лыжникъ), или, наконецъ, соединеніе тѣхъ и другихъ качествъ (изслѣдователь новыхъ странъ, путешественникъ, мореплаватель).

Дѣтскую мечту привлекаютъ люди, въ жизни которыхъ выражены въ яркой степени духовныя и физическія силы. Общій характеръ дѣтскаго стремленія вполнѣ ясно направляется въ положительную сторону. Умъ, творчество, сила, энергія, ловкость, смѣлость, любознательность—вотъ тѣ качества, которыми въ изобиліи надѣлены изображенные разноцвѣтными карандашами человѣчки. Духовный взоръ ребенка, не смущенный еще матеріализмомъ жизни, скользитъ мимо торговца, чиновника или благополучнаго городского буржуа и останавливается на ученомъ, авіаторѣ или путешественникѣ. Можно подумать, что эти дѣти живутъ въ обществѣ героевъ и людей съ высокими духовными и физическими качествами. Это, конечно, не такъ, и нашихъ маленькихъ рисовальщиковъ окружаетъ въ большинствѣ случаевъ самая незавидная обыватель-

щина со всѣми своими немудреными людьми. Но стремленіе дѣтской энергіи и духовныхъ силъ взлетѣть надъ равниной будней очень велико, и юный взоръ, озирая развертывающуюся жизнь, останавливаетъ вниманіе свое на образахъ, исполненныхъ высокихъ или яркихъ человѣческихъ качествъ. Дѣтское вниманіе и мысль чутко реагируетъ на всякое смѣлое и яркое проявленіе положительныхъ человѣческихъ качествъ въ окружающей жизни, доступной дѣтскому взору, и запоминаетъ ихъ, и мечтаетъ о нихъ, всегда готова подражать этимъ образцамъ. За послѣдніе три года нужно отмѣтить, напримѣръ, очень значительное увлеченіе авіаціей. Почти каждый классъ давалъ около 35% пожеланій сдѣлаться авіаторами.

Графическая анкета настоящаго (1914—1915) учебнаго года носитъ чрезвычайно яркій отпечатокъ протекающихъ грандіозныхъ военныхъ событій. Война глубоко видѣрилась въ сознаніе малолѣтнихъ ея свидѣтелей, и они полны ея впечатлѣній. Вотъ такъ называемыя «краснорѣчивыя» цифры послѣдней анкеты, ярко передающія отраженія войны на духовной жизни школьниковъ.

Во II подготовительномъ классѣ (мальчики въ возрастѣ 7 лѣтъ) принесли графическіе отвѣты всѣ ученики (14). Изъ этихъ рисунковъ 12 носятъ вліяніе военныхъ дней. Изображены солдаты и офицеры. Вотъ малое тонконогое существо съ громадной пикой на большомъ конѣ у снѣга двухъоконнаго дома съ красной крышей: «я хочу быть казакомъ»; вотъ солдатъ съ георгіевскимъ крестомъ и медалью, стоящій внутри полосатой будки; вотъ офицеръ съ русскимъ торговымъ флагомъ въ одной рукѣ и револьверомъ—въ другой сражается съ тремя синими германцами; около одного воина въ красной шапкѣ и со шпорами написано: «я хочу быть петроградскимъ концомъ»; вотъ солдатъ въ папахѣ стоитъ подъ березой около палатки и т. д. Изъ двоихъ мальчиковъ, лишенныхъ воинственности, одинъ хочетъ быть «механикомъ», другой—докторомъ.

Въ III подготовительномъ классѣ (возрастъ 8—9 лѣтъ) изъ 31 ученика отвѣтили 28. Изъ нихъ 19 выражаютъ желаніе быть воинами; тутъ изображены солдаты, нѣсколько матросовъ на военномъ кораблѣ, гусарь, нѣсколько казаковъ; одинъ изъ отвѣчающихъ хочетъ быть «пулиметчикомъ»; другой нарисовалъ бронированный автомобиль и заявилъ, что онъ желаетъ быть начальникомъ такого автомобиля; у одного автора при изображеніи пушки и солдата подписано: «я хочу быть пушкаремъ», и на этомъ же листѣ внизу нарисованъ бой; есть изображеніе морского офицера съ золотымъ кортикомъ, стоящаго на палубѣ военного судна около орудія. Почти всѣ изображенные солдаты имѣютъ по одному и по два георгиевскихъ креста. Въ остальныхъ рисункахъ (не военныхъ) дѣти выражаютъ желаніе быть студентомъ, горнымъ инженеромъ, царемъ, капитаномъ моторной лодки, студентомъ-инженеромъ, древне-русскимъ княземъ, учителемъ, црковнымъ наѣздникомъ. Одинъ отвѣтный рисунокъ навѣявъ, очевидно, карикатурами на событія текущихъ дней: на сѣверномъ полюсѣ земного шара, въ облакахъ, сидитъ гимназистъ съ растопыренными руками; внизу подписано: «я хочу быть владѣльцемъ всего міра».

Два первыхъ класса гимназистовъ и реалистовъ (возрастъ 9—10 лѣтъ) представили 52 графическихъ отвѣта (всѣхъ учениковъ—53). Количество отвѣтовъ съ печатью военныхъ дней значительно и въ этихъ классахъ. 35 рисунковъ иллюстрируютъ дѣтскія мечты о своемъ призваніи подъ вліяніемъ войны. Въ этой «галлерей первоклассниковъ» также преобладаютъ генералы, офицеры и солдаты. Есть и болѣе точныя изображенія воиновъ, какъ, напримѣръ: «конногренадеръ», «сумецъ», уланъ, казакъ, «рядовой Преображенскаго полка» и т. д. Одинъ изъ мальчиковъ рисуетъ блестяще наряженного воина и подписываетъ: «генераломъ Лейбъ-Кирассирскаго полка Его Высочества Великаго князя и цесаревича Алексѣя

Николаевича». Затѣмъ идутъ матросы, «боевой морякъ», рядъ военныхъ авіаторовъ, два санитары, военный докторъ, военный ветеринаръ и какой-то «солдатъ-развѣдыватель». Одинъ изъ авторовъ желаетъ быть «офицеромъ-побѣдителемъ нѣмцевъ». Одинъ мальчуганъ изобразилъ большого солдата въ русской формѣ, въ папахѣ и съ ружьемъ и написалъ: «хочу быть героемъ».

Рядъ остальныхъ рисунковъ, избѣжавшихъ военного вліянія, представляетъ слѣдующихъ лицъ: лыжника, путешественника, священника, ковбоя, художника, великана, астронома, стариннаго дружинника, начальника станціи, охотника, архитектора, «ислѣдователя горъ», инженера, доктора, странника, кадета и химика.

Въ двухъ вторыхъ классахъ (возрастъ 10—12 лѣтъ) изъ 65 человекъ графическіе отвѣты представили 60 учениковъ. Изъ этихъ отвѣтовъ 41 рисунокъ приходится на долю пожеланій военного характера и 19—разнообразнаго характера. Въ группѣ «военныхъ» листковъ опять, главнымъ образомъ, фигурируютъ солдаты и офицеры. Значительное число рисунковъ (11) изображаетъ пожеланіе быть военными авіаторами. Авіаторы изображены дѣлающими развѣдки и охотящимися за вражескими аэропланами и цеппелинами. Затѣмъ опять представлены казаки, солдаты съ Георгіями, санитары, нѣсколько морскихъ офицеровъ, шофферъ на санитарномъ автомобилѣ, артиллеристы, мотоциклисты, два командира съ подводныхъ лодокъ и одинъ генераль—«командующій галиційскимъ фронтомъ». Одинъ рисовальщикъ изобразилъ стрѣляющаго солдата французской арміи и надъ ружьемъ написалъ: «за культуру». Нѣсколько офицеровъ изображены въ боевой обстановкѣ. Одинъ изъ мальчиковъ нарисовалъ портретъ Кузьмы Крюкова и заявилъ, что онъ хочетъ быть такимъ же «храбрымъ казакомъ»; другой изобразилъ генерала Рузскаго и сказалъ, что онъ хотѣлъ бы быть такимъ же «отличнымъ полководцемъ».

Остальные рисунки—мирнаго характера—изображаютъ слѣдующихъ лицъ: воздухоплавателя, конькобѣжца, профессора, иностраннаго посла, католическаго священника, художника, инженера, путешественника, «корабельщика», студента-техника, артиста, инженера, «изобретателя», охотника, архитектора, «инженера по всѣмъ отраслямъ науки», сыщика, доктора и священника. Многія лица изъ вышеперечисленныхъ изображены въ соответствующей обстановкѣ и съ надлежащими атрибутами профессіи. Такъ, напримѣръ, профессоръ въ лиловыхъ одеждахъ сидитъ за желтымъ столомъ и читаетъ какую-то толстую книгу; иностранный посолъ съ краснымъ воротникомъ и обшлагами пишетъ какую-то «ноту»; путешественникъ, предводительствуемый коричневымъ индѣйцемъ съ розовыми перьями на головѣ, двигается по дремучему лѣсу; сыщикъ наставилъ два револьвера на какихъ-то грабителей, работающихъ у несгораемаго шкафа; артистъ изображенъ на сценѣ, а всеобъемлющій «инженеръ» окруженъ въ своихъ мастерскихъ сотнями различныхъ предметовъ: тутъ модели лодокъ, цеппелиновъ, какихъ-то машинъ, электрическія батареи, провода, трубы, барометры, колбы, реторты, и цѣлая выставка какихъ-то сложныхъ техническихъ инструментовъ.

Итакъ, изъ 154 графическихъ отвѣтовъ, полученныхъ отъ 163 городскихъ школьниковъ, 107 рисунковъ-отвѣтовъ (69, 4%) имѣютъ на себѣ яркую печать военныхъ событій, наполнившихъ собой всю современную духовно-материальную жизнь Россіи. Знамя войны, высоко поднятое Россіей, хорошо видно зоркими дѣтскими глазами, и юныя мысли и мечты широко захвачены общей идеей, воплощенной въ этомъ знамени. Дѣтская живая энергія, всегда ищущая себѣ выхода въ стремленіи къ высокодѣйственной героической жизни, чутко отзывалась на ратные громы враждующихъ народовъ. Мечта о подвигахъ, о славѣ, о геройскихъ приключеніяхъ, присущая отроческому возрасту, нашла себѣ яркое и живое воплощеніе

въ современной великой войнѣ; бранными подвигами захвачено все живое вокругъ дѣтей; телеграмма съ театра военныхъ дѣйствій покрываетъ всѣ остальные интересы общества; въ большихъ городахъ дѣти много слышатъ и знаютъ о войнѣ, объ ея послѣдовательномъ развитіи, техническихъ средствахъ, отдѣльныхъ эпизодахъ и герояхъ—и ихъ мысли, не постигающія войны въ ея трагическомъ цѣломъ, и ихъ неослабленная энергія, всегда склонная къ яркому и страстному проявленію себя, устремилась въ эту бурную область, которой мало-по-малу подчиняется вся духовно-матеріальная жизнь страны, и черпаетъ изъ нея свои ближайшіе идеалы.

Область свободной дѣтской графики давно уже отражаетъ въ себѣ разнообразныя слѣды современныхъ военныхъ событій. Выставка «Война въ дѣтскихъ рисункахъ», устроенная прошлой зимой въ Москвѣ обществомъ преподавателей графическихкихъ искусствъ, наглядно показала русскому обществу, насколько чутко и глубоко реагируютъ дѣти на событія послѣдняго года и какъ любопытно и поучительно (со стороны художественной, педагогической и психологической) отражаются эти событія въ дѣтскомъ художественномъ творествѣ.

Графическая анкета, результаты которой я изложилъ въ настоящей своей замѣткѣ, еще разъ подтверждаетъ предыдущія наблюденія и лишній разъ подсказываетъ педагогу, что ему необходимо въ своей современной воспитательной дѣятельности постоянно считаться съ новымъ значительнымъ по вліянію факторомъ школьной жизни нашихъ бурныхъ и великихъ дней.

В. Вороновъ.

Своеобразіе англійской литера- туры.

Въ опубликованномъ въ декабрѣ прошлаго года адресѣ англійскихъ писателей къ русскимъ о нашей литературѣ сказано, что она была источникомъ неизсякаемаго вдохновенія для англичанъ послѣднихъ двухъ поколѣній. Русская литература открыла имъ «новый своеобразный міръ,— міръ, полный странныхъ именъ, которыхъ мы,—признаются англійскіе литераторы,— не могли ни произнести, ни удержать въ памяти, полный экзотическихъ для насъ обычаевъ и обстановки такого обихода, котораго мы не могли уразумѣть... Различный бытъ, различные нравы раскрылись намъ въ русскихъ романахъ; зачастую ихъ различіе равносильно было взаимному антагонизму, но всюду мы все-таки находили нѣчто объединявшее все это разнообразіе быта и нравовъ, нѣчто и насъ приобщавшее къ этому новому міру»...

Почти то же самое могли бы сказать и русскіе писатели и читатели и объ англійской литературѣ. Мы тоже въ ней нашли новый для насъ, своеобразный міръ, неизсякаемый источникъ вдохновенія, различный бытъ и нравы. Чѣмъ больше мы знакомились съ этимъ своеобразнымъ міромъ, тѣмъ онъ намъ становился ближе и дороже. Но какъ для англичанъ въ нашей, такъ и для насъ въ ихъ литературѣ, все еще остается много неожиданныхъ характерныхъ особенностей, постепенное ознакомленіе съ которыми должно служить все большему взаимному пониманію и сближенію.

Въ дальнѣйшемъ будетъ рѣчь о нѣкоторыхъ лишь особенностяхъ, или правильнѣе—о нѣкоторыхъ своеобразныхъ условіяхъ англійской литературы; о своеобразіи, какъ внѣшнемъ, такъ равнымъ образомъ и внутреннемъ. Къ числу особенностей обыкновенно любятъ относить разные курьезы, которыхъ, разумѣется, у англичанъ ничуть не меньше, чѣмъ у русскихъ, прославленныхъ на этотъ счетъ по всему свѣту; но мы коснемся характерныхъ чертъ, какъ слѣдствія національнаго характера или общественнаго строя и развитія.

То, напримѣръ, обстоятельство, что большинство остроумнѣйшихъ англійскихъ писателей, въ родѣ Свифта и Бернарда Шоу, и вдохновеннѣйшихъ поэтовъ, въ родѣ обоихъ Томсоновъ, по происхожденію—ирландцы или шотландцы, является, конечно, чертой національнаго характера; а положеніе и условія литературнаго дѣла естественно характеризуются общественнымъ развитіемъ страны. Национальнымъ своеобразіемъ является и несравненный юморъ англичанъ, придающій ихъ литературѣ особый колоритъ и исключительную цѣнность.

Если нѣмцы—признанные философы, а французы—искони блестящіе литераторы, то англичане не менѣе извѣстны, какъ представители здраваго смысла, энергичные практики. И дѣйствительно, англійское воспитаніе и школа чужды философскихъ задачъ; англійское образованіе не задается цѣлью—подготовлять философовъ или писателей. Англичанину нѣтъ времени предаваться глубокомысленнымъ размышленіямъ или заниматься усидчиво выработкой литературнаго стиля,—онъ гражданинъ цѣлаго міра, и у него масса всякаго дѣла не только у себя дома, но рѣшительно во всѣхъ концахъ земнаго шара. Въ его гигантской столицѣ трепещетъ нервъ дѣловой жизни всѣхъ пяти частей свѣта. Въ теченіе ряда столѣтій англичанинъ «правилъ морями»; философіей и литературой, да и наукой часто, онъ занимался въ часы отдохновенія и развлеченій, какъ и всякимъ другимъ спортомъ.

Многіе прославленные англійскіе мыслители и писатели были прежде всего и главнымъ образомъ дѣловыми людьми и никогда специально не готовились къ литературной или ученой дѣятельности. А между тѣмъ именно Англія родила великихъ поэтовъ, гениальныхъ писателей и не менѣе великихъ мыслителей; и нигдѣ ихъ творенія не издаются съ такою поразительной роскошью и жизнь ихъ не изучается съ такимъ почти благоговѣйнымъ усердіемъ, какъ въ той же самой дѣловой Англіи.

Въ этомъ прямомъ и наглядномъ противорѣчьи и заключается основа тѣхъ непонятныхъ странностей и неожиданностей, какія поражаютъ всякій разъ континентальнаго наблюдателя англійскаго литературнаго міра.

* * *

Для созданія великаго литературнаго произведенія необходима прежде всего великая творческая любовь къ этому произведенію, а черезъ него и вообще къ литературѣ,—это одно изъ выраженій истиннаго призванія; а у англичанъ сплошь замѣчается скорѣе нелюбовь къ литературѣ и какъ бы предубѣжденность.

Наполеонъ говаривалъ, что въ Англіи «слишкомъ сыръ климатъ для поэзіи». Потому ли, что климатъ дѣйствительно сыръ, или по другому, но англійскому народному языку какъ-то не свойственно даже самое слово «поэтъ». Правда, писаніе стихотвореній, переложеніе самой сухой прозы въ стихи, съ давнишнихъ лѣтъ практиковалось въ англійскихъ школахъ; но вѣдь это школьныя упражненія, подобныя всѣмъ остальнымъ письменнымъ упражненіямъ въ языкѣ (склоненіямъ, спряженіямъ и школьнымъ сочиненіямъ). Допущеніе стихотворства въ школѣ означаетъ какъ бы изгнаніе его изъ жизни,—вѣдь страненъ былъ бы человѣкъ, который и по окончаніи школы серьезно занимался бы склоненіемъ, спряженіемъ и составленіемъ витіеватыхъ періодовъ.

Въ англійскомъ дѣловомъ мірѣ весьма невыгодно, небезопасно прослыть поэтомъ,—въ большинствѣ случаевъ это значитъ если не вовсе отрѣзать себѣ путь къ практической дѣятельности, то все же существенно повредить себѣ, испортить репутацію дѣлового человѣка. Завѣдомому поэту трудно найти занятіе въ серьезномъ предпріятіи. Поэтъ, социалистъ и фабрикантъ Вильямъ Моррисъ не можетъ, разумѣется, идти въ счетъ,—онъ былъ самъ предпринимателемъ, да и все-таки слылъ за чудака вмѣстѣ съ Джономъ Рёскинымъ, такимъ же эстетомъ и организаторомъ ручного ткачества въ вѣкъ машинъ и электричества. Теперешнее почтеніе и восхищеніе ими имѣютъ свой особый смыслъ и объясненіе.

Если знаменитый Мэколей и признавался серьезнымъ практическимъ дѣятелемъ въ англійскомъ смыслѣ, то его «Пѣсни древняго Рима» при этомъ или совершенно позабывались, или рассматривались, какъ своего рода причуда, мало замѣтная за монументальной «Исторіей Англии» и политическими рѣчами. То же самое можно сказать и о Чарльзѣ Ламѣ и другихъ.

Современный англійскій поэтъ Уотсонъ въ своемъ новомъ сборникѣ «Муза въ изгнаніи» (The Muse in Exile) характеризуетъ свой вѣкъ слѣдующими характерными стихами:

...an age

That does not stone her prophets, but, alas,
Turns to Weir next of-kin, the singers, oft
An ear of stone.

И поэтъ совершенно правъ, если онъ главнымъ образомъ подразумѣваетъ свою родину: она не побиваетъ своихъ пророковъ камнями, но зато часто къ собратьямъ ихъ, пѣвцамъ, поэтамъ, обращаетъ «каменное ухо».

Въ другомъ, вышедшемъ раньше сборникѣ поэтъ уже прямо обращается къ своей родинѣ. Это обращеніе, озаглавленное «Мать моя, Англія»—England my mother,—такъ проникновенно-прекрасно само по себѣ и, главное,

такъ характерно для затронутой нами темы, что даже простая прозаическая передача его здѣсь можетъ оказаться не лишней и съ пользой замѣнить цѣлыя страницы объясненій.

Поэтъ вопрошаетъ: «Англія, мать моя, хранительница водъ, строительница народовъ, создательница мужей,— есть ли у тебя еще, остается ли время для музъ? Слышишь ли ты, какъ поэтъ-кузнецъ куетъ свою рѣому? Какъ можешь ты слышать, оглушенная шумомъ? Демось вѣдь шумень, крикъ партій пронзительень, Лазарь голодный угрожаетъ богачу Дайвесу, въ тискахъ котораго распаляется трудъ-гигантъ. Пускай однако кователи пѣсенъ не покидаютъ своихъ кузницъ, пусть все куютъ они свои рѣомы на наковальняхъ жизни. Пусть разгораются ихъ восторженные лица у горна, и его дыханіе пусть опалаетъ чело ихъ. Такъ слышишь ли ты ихъ, мать моя? Пусть не напрасно ихъ молотки выковываютъ стихи изъ золота».

Дальше развивается мысль о космическомъ характерѣ пѣсни, музыки, ритма и объ ихъ вѣчности: «Съ древними корнями человѣческой природы переплетается извѣчная страсть пѣсни. Любовь вѣчно раздуваетъ пламя, жизнь вѣчно питаетъ ее; время не можетъ преодолѣть ее, смерть—уничтожить. Она глубоко заложена въ сердцѣ міра, сплетена со всѣми вещами, привита всему сущему. Да и что такое самая сущность природы, какъ не безконечная борьба за музыкальность, порывъ къ благозвучной рѣомѣ? Деревня въ своемъ цвѣтеніи, приливы въ своемъ движеніи, звѣзды въ ихъ круговращеніи—дрожать, трепещутъ пѣсней. Самъ Богъ на своемъ тронѣ—старѣйшій изъ поэтовъ: онъ движетъ все согласно своимъ пѣсеннымъ размѢрамъ.

«Не смѣйся поэтому надъ рѣчью музъ, Англія, мать моя, создательница мужей! Народы смертны, бrenны поколѣнія; счастье можетъ тебя покинуть, пѣсня—никогда. Всеобъемлющая пѣсня не можетъ погибнуть,—человѣкъ всегда будетъ создавать музыку, человѣкъ всегда будетъ ее слушать. Пока хоровая пѣснь творенія стру-

ится отъ всѣхъ вещей міра, льется безостановочно,—мы не перестанемъ слабо вторить ей, этой музыкѣ, подь которую вовѣки танцуетъ весь міръ».

Заключительныя строки звучать убѣдительно-трогательно: «Итакъ, предоставь кователю пѣсенъ упражнять свой пѣснотворческій даръ, Англія, мать моя, создательница мужей! Вѣка дѣлають сѣрымъ твой ликъ; время, какъ сонъ, возсѣдаетъ на твоємъ челѣ: но пѣсня—лѣкарство, обновляющее все, элексиръ юности, фонтанъ вѣчныхъ утръ. На станкѣ міра прядя свое будущее, ты можешь удобно сочетать работу съ отрадой. Думаешь ли, что только трудъ серьезенъ? Серьезна, величава всякая красота; торжественна всякая радость. Пѣснь—не бездѣлка. Не презирай же поэта, кователя пѣсенъ, Англія, мать моя, создательница мужей!»

Приведенныя строки какъ нельзя болѣе ясно, художественно-ярко освѣщаютъ дѣйствительное положеніе вещей—и несомнѣнную наличность предубѣжденности широкихъ англійскихъ массъ противъ литературы, и состояніе нѣкоторой глухоты по отношенію къ пѣснѣ, поэзій, и даже непосредственныя причины этой своеобразной оглушенности. «Демось вѣдь шуменъ, крикъ партій пронзительнъ»,—отмѣчаетъ поэтъ. Онъ знаетъ къ тому же, что передъ его родиной стоятъ міровыя цивилизаторскія задачи, что у нея историческое призваніе хранительницы водъ, строительницы народовъ и странъ, создательницы сильныхъ и мудрыхъ гражданъ. Ей не до пѣснопѣній и заоблачныхъ мечтаній. Передъ кѣмъ широкой и свободный міръ дѣйствительности, тотъ доволенъ и счастливъ полнотой реальныхъ переживаній. Но житейское счастье можетъ покинуть, а пѣсня—никогда; въ ней обновленіе и вѣчная жизнь. И вотъ объ этомъ-то великомъ значеніи пѣсни и литературы поэту и приходится напоминать своимъ дѣловитымъ соотечественникамъ.

Множество практичныхъ цѣнностей англичане ставятъ несравненно выше литературы, которою, быть можетъ, меньше всего гордятся, въ противоположность намъ, русскимъ. Нормы практическаго разума, принятая мораль для нихъ чуть ли не важнѣе самыхъ блестящихъ литературныхъ воплощеній. Намъ поражаетъ аномалія сосуществованія свободы печати и слова въ независимой Англии на ряду съ театральной цензурой, запрещеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и изъятіемъ старыхъ. Знатоки разъясняли намъ, что англійская цензура—нѣчто совершенно безвредное и безобидное, что она существуетъ лишь для формы и ее при желаніи обходятъ безъ всякаго труда. Пусть такъ; но фактъ принесенія идейно-литературныхъ интересовъ въ жертву традиціоннымъ нравамъ и житейской морали, т.-е. цѣлямъ практическимъ, остается все-таки фактомъ несомнѣннымъ и характернымъ для англичанъ. Теперь они, въ лицѣ своихъ писателей, подписавшихъ адресъ, высказываютъ иные взгляды. «Всѣ поэты и пророки,—говорится въ адресѣ,—варвары въ томъ смыслѣ, что они отказываются измѣрять жизнь шаблонами внѣшней культуры; но именно въ такое время, какъ наше, когда матеріалистическая европейская цивилизація какъ бы предаетъ насъ и выказываетъ всю лживость своей сердцевины, — именно въ такое время мы понимаемъ, что поэты и пророки были правы, и что намъ необходимо, подобно русскимъ великимъ писателямъ, вернуться въ нашихъ взглядахъ на жизнь къ простотѣ и искренности дикаря и ребенка, если только мы хотимъ вернуть себѣ миръ и свободу и создать новую, лучшую цивилизацію на развалинахъ той, которая готова рухнуть».

Но до сихъ поръ «варвары» въ англійской литературѣ подлежали изъятію, а «простота и искренность дикаря»—преслѣдованію со стороны публики и критики. Въ Лондонѣ запрещалось ставить цѣлый рядъ превосходныхъ пьесъ. Пьеса Зангвилья «Будущая религія» по требованію цензора, «чтеца короля», передѣлывалась до тѣхъ поръ, пока у

автора не стало терпѣнія. На его просьбу предоставить ему самому отвѣчать за пьесу передъ публикой послѣдовало окончательное запрещеніе постановки. Англійскій переводъ «Пѣсни пѣсней» Зудермана былъ изъятъ изъ библіотекъ по настоянію особаго бдительнаго общества, *vigilance society*, во главѣ котораго стоитъ издатель «Современнаго обозрѣнія». Это общество слѣдитъ за появленіемъ литературныхъ произведеній и указываетъ кому слѣдуетъ на малѣйшія допущенія въ нихъ вольности, большею частью совершенно мнимыя. Въ свое время, по его указаніямъ, были запрещены и «Монна Ванна» Метерлинка, и «Профессія миссисъ Юрень» и др.

Библіотекари, епископы и члены городскихъ совѣтовъ не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ чтеца короля и названнаго общества. Недавно былъ изъятъ изъ одной городской публичной библіотеки извѣстный и уже ставшій классическимъ романъ Джорджа Эллиотъ «Адамъ Бидъ».

* * *

А между тѣмъ книга для англичанина давно уже стала житейской необходимостью. Вообще англичане много читаютъ. Читающими ихъ видишь и на верхушкѣ омнибуса, и въ вагонѣ, и на прогулкѣ. Всякую минуту, какую они не могутъ заполнить «дѣломъ» или спортомъ, они заполняютъ чтеніемъ газетъ, журналовъ и книгъ. Но совершенно безошибочно можно сказать, что классическая англійская литература мало извѣстна низшимъ и среднимъ классамъ.

Въ настоящее время въ англійскихъ журналахъ все чаще обсуждаютъ необходимость реформы образованія на основѣ серьезнаго изученія родного языка и литературы, педагоги усиленно призываютъ къ внимательному чтенію англійскихъ классиковъ, и уже замѣчается нѣкоторый поворотъ въ этомъ направленіи. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что недостаточность литературнаго образованія становится замѣтна для самихъ англичанъ.

Обширный и типичный классъ англійскихъ клерковъ представляетъ поразительный примѣръ отсутствія литературныхъ интересовъ и вкуса. Опубликованныя Джономъ Кокеромъ свѣдѣнія о томъ, что читаютъ клерки ¹⁾, рисуютъ, дѣйствительно, странную на первый взглядъ картину. Низкопробныя повѣсти и дешевые «магазины», полныя сыскныхъ разсказовъ, — вотъ неистощимый матеріалъ для чтенія англійскаго клерка, если не считать газетъ.

Литературные вкусы клерковъ крайне не развиты. Поэзія ихъ не занимаетъ; что касается исторіи, то съ этимъ «они уже давно покончили въ школѣ». — «Шерлокъ Холмсъ», «Три мушкетера» — еще лучшее, что они читаютъ. Если они и дѣлаютъ различіе между писателями, то большею частью не въ пользу дѣйствительно талантливыхъ авторовъ. Вообще же, что Мередитъ, что газетный репортеръ, — для нихъ, видимо, все равно. О даровитыхъ авторахъ клеркъ не имѣетъ представленія. Одного клерка спросили, читалъ ли онъ Чарльза Кинсли. «Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — не читалъ; читаю вотъ книжку — *Westward ho!* — мнѣ очень нравится». Такимъ образомъ клеркъ даже не поинтересовался взглянуть на заглавный листъ своей книги, гдѣ значилось имя Кинсли.

Конечно, не одними клерками исчерпывается весь контингентъ англійскихъ читателей. Но если въ данный моментъ нельзя ничего сказать съ такой же основательностью о литературныхъ вкусахъ другихъ читательскихъ круговъ, то зато можно установить еще болѣе характерный фактъ — ихъ отношеніе къ литературной дѣятельности.

Если спросить средняго англичанина, зачѣмъ пишутся книги, почему нѣкоторые люди стремятся къ авторству, то онъ скорѣй всего отвѣтитъ вамъ, что преимущественно авторы пишутъ изъ любви къ деньгамъ.

¹⁾ „What clerks read,—at strange absence of a literary taste among them“.

Другая категорія отвѣтовъ, не исключаютъ, а только дополняютъ первую, укажетъ вамъ, что важной также двигательной причиною является тщеславіе, суетное желаніе поучать, проповѣдывать истину. Поскольку первая, корыстная причина понятна для дѣловаго англичанина и пріемлема, постольку эта предосудительна,—ибо поученіе есть посягательство на свободу мнѣнія, а само по себѣ тщеславіе лишено практическаго содержанія, будучи напрасной, пустой славой.

* * *

Ясно, что, сводя все къ тщеславію и корыстолюбію, дѣловитый англичанинъ обнаруживаетъ мало склонности къ идеализаціи литературнаго творчества. Но, къ счастью, существуетъ и еще одна побудительная причина авторства, побужденіе чисто внутреннее и совершенно непосредственное—непреодолимое влеченіе истиннаго таланта къ самораскрытію, къ свободному творчеству, доставляющему высшее наслажденіе и награду. Человѣкъ усердно занимается торговлей, политикой и все-таки не въ состояніи бываетъ удержаться отъ литературнаго творчества. Это его забава, его причуда; онъ пишетъ изъ удовольствія, потому что это такъ забавно—*that's so funny!* Отдается своей причудѣ, пишетъ и, почти незамѣтно для самого себя, создаетъ оригинальныя, иногда безсмертныя произведенія. Это чисто по-англійски. Такъ, на примѣръ, писалъ даровитый Чарльзъ Ламъ, котораго и до сихъ поръ читаютъ съ наслажденіемъ, и многія другія знаменитости. Любительское занятіе литературой, поскольку это касается поэзіи и высшихъ родовъ творчества,—весьма обычно въ Англій, и въ такомъ видѣ оно признается законнымъ и пріемлемымъ.

Духъ спорта, любительства замѣчается всюду—въ литературѣ, критикѣ, литературныхъ обществахъ. Ассоціація печати британскихъ любителей литературы, офи-

ціальнымъ органомъ которой служитъ «Британскій Любитель», объединяетъ полупрофессиональныхъ писателей и литературныхъ аспирантовъ, творческія наклонности которыхъ поощряются путемъ совместныхъ упражненій, соревнованія и наградъ. «Поэтическое общество» славится своими фестивалями, банкетами и маскарадами. Оно то созываетъ на поэтическій обѣдъ всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ потомковъ прославленныхъ англійскихъ поэтовъ, при чемъ гостей является такъ много, что ихъ некуда сажать и невозможно установить хоть приблизительно степень родства съ тѣмъ или другимъ поэтомъ; то пиршествуетъ въ знаменитомъ погребкѣ подъ вывѣской «Старый чешайскій сыръ», сохраненномъ отъ давнихъ временъ на Флять-Стритѣ. Поэты удовольствуются здѣсь за дубовымъ столомъ въ обстановкѣ древне-монастырской трапезной, озаренные мерцающимъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Радужный хозяинъ угощаетъ поэтическихъ гостей традиціоннымъ пудингомъ, при этомъ комически извиняется, что, по соображеніямъ чисто сентиментальнымъ, жаворонки не входятъ въ составъ блюда, хотя это и признанная птица поэтовъ. Изъ архаическаго погребка переносятся порой въ современный гоборнскій ресторанъ, — толпы гостей являются разодѣтыми въ костюмы литературныхъ героев: вотъ выступаетъ байроновскій Донъ-Жуанъ подъ руку съ Корсаромъ, за ними — «прекрасныя женщины» Теннисона, героини Россети и другихъ поэтовъ. «Духъ поэзіи» (баронесса Бертушъ) ведетъ эту пышную процессію къ столу. За обѣдомъ всѣ говорятъ въ полномъ согласіи со своею ролью. По-байроновски одѣтый и чрезвычайно на Байрона похожій м-ръ Гейдъ читаетъ соотвѣтственные стихи, а теннисоновскія героини танцуютъ.

Такъ сочетаются у англичанъ забава и литература. Много забавно-оригинальнаго встрѣчается и въ критикѣ, литературныхъ оцѣнкахъ и изслѣдованіяхъ. Своеобразны, на примѣръ, кропотливыя монографіи, педантически уста-

навливающія, сколько тотъ или иной писатель употребилъ словъ въ своихъ произведеніяхъ и какое число строкъ написано имъ; сколько выходитъ въ свѣтъ произведеній, заглавія которыхъ созвучны или сходны по смыслу съ именами ихъ авторовъ, въ родѣ — «*Liquor problem*», by F. N. Wines, — гдѣ заглавіе книги и имя автора одинаково питейнаго характера; сколько неправильныхъ рѣшѣній встрѣчается у разныхъ поэтовъ и т. д. Кстати, оказывается, что неправильныхъ рѣшѣній на тысячу у Шекспира—55, у Драйдена—47, у Попа—38, у Купера, Скотта и Вордсворта—по 36, у Теннисона—32, у Байрона, Кэмбелля и Мура — по 28, у Китса — 20 и всего меньше у Гольдсмита—11.

Все это, правда, почти научныя изслѣдованія; но уозсть темъ и исключительность интереса обнаруживаютъ явно любительскій дилетантизмъ. Едва ли что-нибудь подобное встрѣчается, напримѣръ, во французской литературѣ, — развѣ какъ исключеніе. Французъ Анри Ренье сочинилъ оригинальную книгу для зимнихъ мѣсяцевъ, чтобы читать зимой, — «*Pour les mois d'hiver*», какъ онъ ее дѣйствительно озаглавилъ. И это оригинальное заглавіе даетъ поводъ предполагать, не подъ англійскимъ ли вліяніемъ оно придумано, ибо оригинальные англо-саксы, включая и американцевъ, еще раньше занимались метеорологической поэзіей и литературно-метеорологической критикой. Было установлено, какъ и что читать въ жаркую погоду и что въ прохладную; что болѣе подходит для лѣта и что для зимы. Такъ, напримѣръ, «Принцесса» Теннисона относилась къ категоріи лѣтняго чтенія, равнымъ образомъ стихи Остина Добсона, котораго никогда нельзя такъ хорошо прочувствовать, какъ въ знойный лѣтній день. Но стихи Браунинга припасались на осень или зиму. Сочиненія Теккерера считаются вполне подходящими для жаркаго времени; но Чарльзь Диккенсъ откладывается до Рождества Христова. Чуть ли не одинъ Чарльзь Ламъ оказывается годнымъ для всѣхъ четырехъ

время года. Аддисоновскаго «Зрителя» съ истиннымъ наслажденіемъ можно читать только въ тѣни. Киплинга лучше читать въ студеную зиму. Отъ Томсона и среди зимы можно ощутить жаръ; поэтому ясно, для какого времени года онъ предназначается.

* * *

Не будемъ, однако, сводить своеобразіе къ курьезамъ. Спортсменско-любительское отношеніе къ литературѣ отнюдь не исключаетъ, въ счастливыхъ случаяхъ, великой индивидуальной любви къ ней, а слѣдовательно, и созданія великихъ литературныхъ произведеній. Въ большинствѣ случаевъ такія произведенія отличаются большимъ своеобразіемъ, неожиданной оригинальностью и независимостью отъ какихъ-либо литературныхъ теченій и школъ, ибо англійская литература въ сущности и не знаетъ писательскихъ школъ въ континентальномъ смыслѣ. Въ Англии, согласно одному мѣткому замѣчанію, есть лишь одна большая школа писателей, это—школа издателей, — и главное литературное вліяніе, которому литература замѣтно поддается, — вліяніе издателей. Всѣ такъ называемыя теченія и школы лэкистовъ, пре-рафаэлистовъ, эстетовъ и т. д. являлись порожденіемъ отдѣльныхъ творчески-оригинальныхъ личностей, съ ними жили и съ ними умирали. Только издатель, угадывая жизнеспособное произведеніе, создаетъ ему длительное существованіе и даже безсмертіе. Нужно замѣтить, что въ общемъ англійскіе издатели—довольно образованный народъ, а для чтенія рукописей приглашаютъ часто крупнѣйшихъ писателей въ родѣ Кинсли или Мередита; они знаютъ, что выбрать и въ какомъ видѣ преподнести читателямъ.

Но между англійскимъ писателемъ и читателемъ издатель не всегда единственный посредникъ,—имѣются еще всевозможные литературные агенты и агентства для пере-

говорить съ издательскими фирмами, для сбыта манускриптовъ, для преподанія совѣтовъ новичкамъ, для доставленія темъ, исправленія рукописей и проч. Объявленія литературныхъ агентствъ преисполнены всякихъ соблазновъ:

«Имѣемъ сношенія съ сотнями издательствъ и редакцій,—принимаемъ рукописи по высшей цѣнѣ,—такой-то авторъ сказалъ о насъ то-то», искушаетъ беллетристическое агентство. За нимъ искушаетъ другое, драматическое:

«Пристраиваемъ пьесы на самыхъ выгодныхъ условіяхъ,—позвольте направить вашу пьесу туда, гдѣ, какъ мы знаемъ, въ ней нуждаются...—Имѣю честь заявить,—припечатывается удостовѣреніе,— что до обращенія къ такому-то агентству мои произведенія неизмѣнно возвращались мнѣ, куда бы я ни посылалъ; теперь же они печатаются у такихъ-то и такихъ-то издателей...» и т. п.

Могущество англійскихъ книгоиздательскихъ фирмъ почти равносильно власти разныхъ другихъ королей промышленности. Англійскій издатель на многое въ литературѣ наложилъ свою руку, диктуя собственныя условія и требованія. Онъ устанавливаетъ размѣръ романа, повѣсти, разсказа.

Въ старое время англійскій романъ обыкновенно представлялъ собою довольно увѣсистый томъ. Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ, Теккереи, Джорджъ Эллиотъ, какъ извѣстно, не стѣснялись размѣромъ, писали добросовѣстно, съ походцемъ. Тогда въ большомъ ходу были двухтомные романы и трилогіи. Теперешніе англійскіе романисты значительно сократили размѣръ повѣствованій; только Марія Карелли да Холль Кэнъ поддерживаютъ еще старую манеру многописанія. Появилась даже своего рода философія въ оправданіе короткихъ повѣствованій: въ нашъ скептическій вѣкъ романисту, видите ли, необходимо быть краткимъ; уподобляясь моментальной фотографіи, давать снимки отдѣльныхъ явленій, дабы со-

хранить за ними характеръ истинности, правдоподобія, и проч.

Однако издатели подняли тревогу и высказались за установленіе опредѣленныхъ размѣровъ повѣсти и романа, въ интересахъ читателей и покупающей публики, библиотекъ и самихъ авторовъ. Автору, конечно, интересенъ и важенъ успѣхъ, а дѣйствительный, солидный успѣхъ можетъ имѣть только объемистая книга. Эту мысль подхватилъ и Бернардъ Шоу, хотя и старался по обыкновенію принять шутливый видъ. По его мнѣнію, романы слѣдовало бы продавать на вѣсъ. Устойчивость своего литературнаго заработка и выгоду отъ продажи своихъ книгъ онъ приписываетъ тому, что вѣрно отгадалъ психологію читателя: публика привыкла запасаться матеріаломъ для чтенія совершенно такъ же, какъ она дѣлаетъ всѣ другіе хозяйственные запасы—чая или сыра; она требуетъ, чтобы купленнаго хватало на опредѣленное время. За свои четыре или шесть шиллинговъ она требуетъ повѣсть соотвѣтственной длины.

Нѣкоторые авторы возстали противъ такого пониманія условій литературнаго творчества. «Развѣ геніальную картину слѣдуетъ оцѣнивать по ея размѣрамъ?» спрашиваетъ Гербертъ Уэллсъ. Также и Незбитъ полагаетъ, что предписывать романисту опредѣленное количество словъ, какое онъ долженъ употребить въ своемъ произведеніи, все равно что предписывать художнику размѣръ холста, какой онъ долженъ взять для своей картины. «Публика платитъ деньги за содержаніе книги, а вовсе не за пухлую книгу печатной бумаги», протестуетъ, поддерживая товарищей, Райдеръ Хоггардъ. При томъ, вѣдь, скучную книгу никогда нельзя считать слишкомъ короткой, а интересную—слишкомъ длинной. Эдмундъ Госсъ допускаетъ одно лишь правило касательно размѣра,—чтобы интересная книга была подлиннѣе, а скучная какъ можно короче. Джеромъ-Джеромъ желалъ бы держаться такихъ именно размѣровъ, чтобы не дать чи-

тателю соскучиться. Наконецъ, цѣлый рядъ писателей указываетъ на то, что хорошая, талантливая книга можетъ быть всякаго размѣра, а заурядная и скучная—всего лучше, если покороче.

* * *

Нельзя сказать, чтобы англійскіе авторы, теоретически протестуя, не считались фактически съ указаніемъ издателей,—большинство современныхъ англійскихъ novels-романовъ, повѣстей вполнѣ отвѣчаетъ издательскимъ требованіямъ касательно размѣра: они не больше и не меньше того, что требуется. Только біографическая литература, столь любимая англичанами и въ этомъ отношеніи соперничающая съ литературой беллетристической, не знаетъ никакихъ стѣсненій и правилъ, кромѣ одного—быть какъ нельзя болѣе полнѣе, основательнѣе и роскошнѣе.

Здѣсь тоже передъ нами одно изъ англійскихъ литературныхъ своеобразій—огромное количество біографическихъ сочиненій въ англійской книжной торговлѣ и все возрастающія симпатіи англичанъ къ сочиненіямъ этого рода. За послѣдніе три года было выпущено въ свѣтъ свыше полуторы тысячи различныхъ біографій замѣчательныхъ людей, не считая мемуаровъ, записокъ современниковъ и проч. Англійская литература славится обстоятельными, многотомными и единственными въ своемъ родѣ жизнеописаніями, изъ которыхъ не мало было составлено еще при жизни описываемыхъ лицъ. Біографіи пишутся лучшими авторами,—удачно составленная біографія уже сама по себѣ можетъ составить имя автору,—издаются роскошно и пускаются въ продажу по очень высокой цѣнѣ—отъ шести и болѣе рублей за томъ и часто по гиней.

Въ библіотечныхъ шкафахъ и каталогахъ романы и біографіи занимаютъ всегда видное мѣсто, и многія біографическія сочиненія предпочитаютъ беллетристическимъ. Отчасти въ этомъ выражается практическая складка

здравомыслящаго англичанина и его характерное отношеніе къ литературѣ и жизни. Для него беллетристика—плодь досузей фантазіи; біографія же—живая правда. Кромѣ того, эта живая правда по занимательности часто не уступаетъ самому захватывающему роману.

Жизнь многихъ знаменитыхъ англичанъ—исслѣдователей, мореплавателей, путешественниковъ, политиковъ, реформаторовъ, филантроповъ и даже писателей, т.-е. людей мысли, а не характера и воли,—дѣйствительно бываетъ настолько сама по себѣ поучительна и глубоко интересна, что нужно быть гениальнымъ беллетристомъ, чтобы соперничать съ обыкновеннымъ, добросовѣстнымъ біографомъ. Напримѣръ, жизнь Бекфорда или Бертонна и даже Биконсфильда, третій томъ біографіи котораго только что вышелъ, даетъ такой богатый и разнообразный матеріалъ біографу, какового и не придумать самому изобрѣтательному романисту.

Помимо того, и сами біографы, конечно, вносятъ въ свои работы особую манеру и талантъ, столь отличающіе англійскія жизнеописанія отъ нѣмецкихъ или французскихъ. У англичанъ имѣются единственные въ своемъ родѣ біографіи, безсмертныя уже одной этой единственностью. Старинная Босвелевская «жизнь Самуэля Джонсона» и до сихъ поръ единственна и читается съ неизмѣннымъ интересомъ и любопытствомъ, а начавшій теперь выходить Персоновскій трудъ—«Жизнь, переписка и труды Франсиса Гальтона»—по оригинальности метода и научному интересу тоже, вѣроятно, надолго сохранитъ исключительное мѣсто въ литературѣ.

Англійская жизнь богата и разнообразна, и англійская художественная литература отъ этого, какъ будто нѣсколько страдаетъ; ее выручаетъ только, какъ это ни странно, спортсменскій духъ англичанъ. Во всякомъ случаѣ тенденція въ направленіи отъ романа къ жезнеописанію, отъ вымысла къ факту чрезвычайно характерна для англійской литературы. Газлиттъ писалъ о Вальтерѣ Скоттѣ:

«Сэръ Вальтеръ нашель—рѣдкое открытіе!—что факты лучше выдумки, что никакой измышленный романъ не сравнится съ романомъ дѣйствительной жизни». Но самъ Вальтеръ Скоттъ въ дѣйствительности шелъ дальше и утверждалъ, что «рѣдкія проповѣди принесутъ такую пользу, какъ біографія Бернса, Чаттертона или Сэведжа». Кромѣ того, онъ еще любилъ заявлять,—и это тоже своеобразно и характерно:—«я прежде всего и главнымъ образомъ джентльмень, а потомъ уже литераторъ».

Однимъ русскимъ журналистомъ однажды была высказана положительно англійская мысль по поводу камчатской этнографической экспедиціи Іохельсона: «жизнь всегда была краснорѣчивѣе выдумки, и если бы наши талантливые писатели, вмѣсто того, чтобы изощряться въ напыщенныхъ и вздорныхъ вымыслахъ, взяли себѣ сюжетъ подобнаго отшельника, готоваго ради науки претерпѣть какія угодно лишенія, они дали бы намъ реальный, но рѣдкій по красотѣ образъ, и показали бы намъ рѣдкія сказочныя страны дѣйствительной жизни, съ которыми никогда не сравнится ни одна фантазія» ¹⁾. Англійскими талантливыми писателями эта мысль руководить уже давно, и она стала такой обычной и общепризнанной, что вызвала даже реакцію, между прочимъ, въ лицѣ Оскара Уайльда съ его прославленіемъ творческаго вымысла и противоположеніемъ и подчиненіемъ жизни искусству. Такой же точно реакціей, но длительного характера, нужно считать и чистую фантастику, равнымъ образомъ свойственную англійской литературѣ, въ которой наблюдается такимъ образомъ любопытная дифференціація, такъ сказать, расщепленіе романа на составные элементы—правду и выдумку, при чемъ первый элементъ обособляется и переходитъ въ біографическое повѣствованіе, а второй всецѣло переходитъ въ сказку. Съ одной стороны, такимъ образомъ, оказываются безпристрастные біографы,

¹⁾ М. Новорусскій.

съ другой—изобрѣтательные выдумщики, въ родѣ Льюиса Карроля. Иногда даже одинъ и тотъ же писатель, въ родѣ Герберта Уэльса, въ однихъ своихъ произведеніяхъ сплошь фантастиченъ, въ другихъ—совершенно реаленъ. Даже въ одномъ и томъ же произведеніи фантастическій и реальный элементы часто остаются разъединенными, самостоятелно представленными, какъ у Бирбома или въ «Книгѣ чуда» лорда Дансэни гдѣ здравый смыслъ чередуется съ милой бессмыслицей.

* *
* *

Послѣднее время въ англійской литературѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ французской и русской, идетъ параллельный прогрессъ интеграціи правды и вымысла, сліяніе *Wahrheit und Dichtung*—въ новѣйшемъ психологическомъ романѣ. Наша великая литературная тройца—Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, которыхъ англійскіе писатели серьезно изучали и изучаютъ,—оказала рѣшительное вліяніе въ этомъ направленіи.

Въ упомянутомъ адресѣ англійскихъ писателей къ русскимъ на этотъ счетъ говорится: «У многихъ изъ насъ, англійскихъ писателей, и по прошествіи десяти, двадцати, у кого-нибудь, быть можетъ, даже тридцати лѣтъ неизмѣнно ярки и живы воспоминанія о томъ, какъ восхищенъ, почти ошеломленъ былъ каждый изъ насъ, читая впервые попавшій ему въ руки русскій романъ. Была ли то «Новь», или «Отцы и дѣти», «Война и миръ» или «Анна Каренина», «Преступленіе и наказаніе» или «Идіотъ», или, наконецъ, быть можетъ, даже произведеніе какого-нибудь изъ нынѣ еще здравствующихъ авторовъ,—неизмѣнно многіе изъ насъ переживали при этомъ ощущенія, подобныя тѣмъ, какія испытывалъ нашъ поэтъ Китсъ, впервые читая Гомера. Нѣчто подобное, вѣроятно, чувствуетъ также пылливый созерцатель небесныхъ глубинъ, когда въ поле его зрѣнія выплываетъ новая планета».

Цѣлый рядъ выдающихся англійскихъ писателей—Джорджъ Муръ, Арнольдъ Беннеттъ, Джонъ Гальсворти, Баркеръ, Гарнеттъ и др.,—оказался подъ знакомъ новой для нихъ планеты—русской литературы. Первый изъ нихъ отзывался о Тургеневѣ, какъ о величайшемъ артистѣ, какой когда-либо существовалъ, и «лукавой простотѣ» котораго онъ несомнѣнно слѣдовалъ. Гальсворти, въ романахъ, и Арнольдъ Беннеттъ, въ своихъ повѣствованіяхъ о пяти городахъ, слѣдовали тому же образцу и вообще учились реалистической простотѣ у русскихъ. Вліяніе Достоевскаго замѣчается на Гренвиллѣ Баркерѣ и едва ли еще не больше, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, на Конрадѣ, писателѣ выдающагося таланта,—по крайней мѣрѣ его романы «Тайный агентъ» и «На взглядъ Запада» поразительно напоминаютъ манеру и пріемы нашего романиста-психолога. Второй романъ переведенъ по-русски; читавшіе, навѣрное, не разъ себя ловили на сопоставленіи многихъ его страницъ и цѣлыхъ главъ съ «Преступленіемъ и наказаніемъ».

Наконецъ, послѣднее изъ всѣхъ своеобразій,—послѣднее только въ этой статьѣ, которая далеко не исчерпываетъ ихъ всѣ,—поверхностность стороннихъ вліяній въ англійской литературѣ. Англичанамъ, вапримѣръ, всегда былъ чуждъ славянскій глубокій интересъ къ роковымъ кризисамъ человѣческаго духа,—среди немногихъ, но выдающихся исключеній можно назвать только «Городъ ночи» Томсона да «Гамлета» и еще двѣ-три пьесы меньшаго значенія; но зато все это и наименѣе національно,—напротивъ, общечеловѣчно и сродни намъ, русскимъ. Русское вліяніе этого рода хотя и было воспринято англичанами вмѣстѣ съ русскимъ психологическимъ романомъ, но упрочиться оно едва ли все-таки можетъ, тѣмъ болѣе—создать опредѣленную литературную школу, въ смыслѣ манеры и направленія. «Школы и группы наподобіе континентальныхъ почти немислимы здѣсь,—откровенно говорятъ англичане,—мы слишкомъ независимаго характера

для этого. Вслѣдствіе этого мы создаемъ иногда большихъ художниковъ, но не созидаемъ артистической атмосферы... Это, быть можетъ, сохраняетъ нашу оригинальность, но суживаетъ кругъ образованной публики» ¹⁾.

Позволительно поэтому сказать въ заключеніе, что возвѣщаемое въ англійскомъ адресѣ преклоненіе передъ «варварской» литературой «простоты и искренности» слѣдуетъ понимать условно. Общечеловѣческія цѣнности этой литературы, конечно, вѣчны и всеобщны; но ея вліяніе, въ смыслѣ школы, не избѣжитъ судьбы нѣмецкаго вліянія временъ Кольриджа и Карлейля,—и это, несмотря на то, что англійская литература весьма охотно платитъ дань экзотизму.

Ив. В.

¹⁾ Edward Storer.

О внѣклассномъ чтеніи и литературныхъ бесѣдахъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Что внѣклассное чтеніе—очень важный факторъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія, объ этомъ много распространяться не нужно. Основные задачи чтенія, въ общихъ чертахъ, тѣ же, что и задачи школьнаго преподаванія—это расширеніе духовной жизни, ростъ человѣческой личности, ея выработка и укрѣпленіе. Если школьное преподаваніе имѣетъ цѣлью по преимуществу развитіе душевныхъ силъ учащихся (главнымъ образомъ умственныхъ) посредствомъ методической разработки учебнаго матеріала, то внѣклассное чтеніе должно дополнять и расширять кругъ ихъ знаній; оно должно обогатить дѣтей и юношей высокими идеями и настроеніями, знакомить съ идеалами разумной жизни человѣка, приучать ихъ къ серьезнымъ интересамъ и воспитывать въ нихъ навыкъ къ правильному мышленію.

Но я хотѣлъ бы, говоря о внѣклассномъ чтеніи, имѣть въ виду не чтеніе пособій по тѣмъ или другимъ предметамъ школьнаго преподаванія, напр., по исторіи, географіи, исторіи литературы и друг., рекомендуемымъ специалистами-преподавателями,—такое чтеніе имѣетъ лишь побочную цѣль, мнѣ хотѣлось бы говорить о такомъ внѣклассномъ чтеніи, которое является какъ нѣчто самодовлѣющее, избирается учащимися произвольно и свободно, по крайней

мѣрѣ, съ внѣшней стороны, и, какъ свободное, можетъ всецѣло захватить человѣка и такимъ образомъ содѣйствовать его всестороннему душевному развитію.

Нѣкоторые педагоги говорятъ объ особомъ мѣстѣ, которое должно принадлежать внѣклассному чтенію въ новой школѣ: оно должно объединить между собою отдѣльные предметы школьнаго преподаванія, служить какъ бы спайкой между ними, а теперь они такъ часто оказываются идущими вразбродъ, вразсыпную, какъ будто бы не учатъ пониманію и осмысливанію одной и той же природы и жизни, которая нераздѣльна, цѣльна и едина; внѣклассное чтеніе такимъ образомъ должно служить выработкѣ цѣльнаго, яснаго міросозерцанія. Всѣ мы—и родители, и педагоги и сами учащіеся—признаемъ въ этомъ отношеніи громадную роль, громадное значеніе внѣкласснаго чтенія, когда говоримъ: онъ развитъ—много читаетъ, такой-то неразвитъ—совсѣмъ ничего не читаетъ или читаетъ мало и пр. Особенно для этой цѣли важенъ отдѣлъ книгъ словесныхъ и преимущественно художественныхъ произведеній.

Если чтеніе сочиненій по тѣмъ или другимъ предметамъ курса дастъ свѣдѣнія по той или другой области знанія и можетъ быть рекомендоваемо и руководимо преподавателями отдѣльныхъ предметовъ, заинтересованныхъ въ расширеніи знаній учащихся по ихъ предмету путемъ домашняго чтенія, то цѣль чтенія художественныхъ произведеній другая. Здѣсь уже не узкая область одного преподавателя словесности, здѣсь затрогиваются вопросы общаго развитія и воспитанія, идетъ рѣчь не объ одномъ обогащеніи ума, а о воспитаніи чувствъ и воли, характера, всей личности человѣка. Здѣсь именно приложимо изреченіе: «скажи, что ты читаешь, а я скажу, кто ты». Юный умъ, юное чувство въ высшей степени воспріимчивы, и если задачи искусства вообще и въ частности поэзіи—заражать людей своими идеями и настроеніями, то наиболѣе благодарной почвой для такого «зараженія» оказываются души юныхъ читателей.

Идеи, эмоціи, настроеніе, создаваемое художественными произведеніями, могутъ играть роль весьма важнаго фактора въ дѣлѣ воспитанія, и тутъ-то особенно важна направляющая рука воспитателя, руководство чтеніемъ. Но такое руководство, будучи весьма важнымъ, въ то же время и весьма трудное дѣло. Легко специалисту потребовать усвоенія той или другой книжки, легко преподавателю словесности заставить прочитатъ и усвоить содержаніе извѣстныхъ литературныхъ произведеній и критическихъ статей, необходимыхъ для прохожденія курса, но какъ вмѣшаться въ эту интимную жизнь души, свободно и произвольно выбирающей то, что ей нравится въ чтеніи. Здѣсь мало сказать или указать: «это—хорошая книга»,—несомнѣнно, хорошая книга часто не приноситъ того дѣйствія, на которое мы рассчитывали:—надо умѣть указать учащемуся подходящую книгу, которая прежде всего для него и будетъ хорошей книгой. Вопросъ о вліяніи книги заключается не въ томъ, что хорошаго вложено въ книгу авторомъ, а въ томъ, что выносить изъ нея чтенія такой-то читатель. Чтобы выбрать для ученика подходящее чтеніе и такимъ образомъ сберечь и его силы и время, необходимо знать психическую организацію его, его типъ и индивидуальность, съ которыми и необходимо сообразоваться, предлагая ученику тѣ или другія книги на его собственный выборъ.

Здѣсь необходимъ уже общій, совмѣстный трудъ всего преподавательскаго персонала; возможно даже устройство особыхъ комиссій во главѣ съ класснымъ наставникомъ (для сужденія о личности учащагося, объ его интересахъ и индивидуальности) для контроля надъ чтеніемъ учащихся. Конечно, изъ сказаннаго выше ясно уже, что здѣсь имѣется въ виду не внѣшній контроль, слѣдящій только за тѣмъ, что читается, а то наблюденіе, которое имѣетъ цѣлью войти въ душевную жизнь ученика, въ міръ его интересовъ, помочь ему и оберечь его отъ заблужденій, насколько это возможно и доступно.

Правда, руководство чтеніемъ въ такомъ видѣ является дѣломъ чрезвычайно труднымъ, требующимъ много времени, энергіи и живой мысли. Осуществленіе этого въ достаточно полной мѣрѣ было бы возможно, если бы для внѣкласснаго чтенія были, кромѣ общаго участія всѣхъ лицъ педагогическаго состава школы, все-таки назначены еще особыя руководители, заявившіе себя въ этомъ отношеніи знатоками дѣла.

Прежде же всего для руководства чтеніемъ нужно составить списки книгъ съ группировкой поэтическихъ, историческихъ и др. произведеній такъ, чтобы матеріалъ могъ создать наибольшее разнообразіе впечатлѣній у читающаго. Нужно при этомъ стремиться къ тому, чтобы учащійся по незнанію или личной односторонности не подвергся, напр., вліянію одного отрицательнаго воспроизведенія жизни или же, наоборотъ, не ограничился чтеніемъ, дѣйствующимъ только на фантазію, чувство. При этомъ составленіе такихъ списковъ должно имѣть основаніемъ опредѣленный ученическій типъ и возрастъ: для ученика съ живымъ воображеніемъ и для ученика съ неподвижнымъ, апатичнымъ темпераментомъ не можетъ быть полезна одна и та же группировка произведеній.

Важно также составить и указатель критической литературы въ такой системѣ, чтобы чтеніе опредѣленныхъ статей могло дать наиболѣе разностороннее уясненіе прочитаннаго матеріала, что важно для учащихся старшихъ классовъ. Въ младшемъ и среднемъ возрастахъ вліяніе поэзіи и исторіи носить по преимуществу пассивный характеръ; дѣти въ этихъ возрастахъ относятся еще къ произведенію съ полной непосредственностью и наивностью созерцанія, и поэтому, давая учащимся младшихъ и среднихъ классовъ читать лучшія произведенія поэтовъ и историковъ, нѣтъ надобности принуждать ихъ къ чтенію разборовъ поэтическихъ произведеній и оцѣнокъ историческихъ событій и лицъ: когда въ учащемся пробудится потребность отнестись сознательнѣе ко всему

тому, что онъ узналъ и почувствовалъ, онъ самъ спроситъ объ этомъ руководителя.

Въ высшихъ классахъ эта потребность является уже нормальною и желательною. Въ юношахъ отъ 17 до 20 лѣтъ начинаетъ формироваться міросозерцаніе, которое не можетъ слагаться безъ критической дѣятельности ума. При нормальной постановкѣ дѣла школа обязана помочь и дать удовлетвореніе и надлежащее направленіе критической дѣятельности ума учащихся. Внеклассное чтеніе и здѣсь является превосходнымъ средствомъ: въ младшихъ и среднихъ классахъ питая по преимуществу чувство и воображеніе читателей, здѣсь оно должно на ряду съ этимъ и преимущественно воспитывать въ учащихся привычку къ серьезнымъ умственнымъ интересамъ и къ методичности мышленія въ болѣе сложныхъ его формахъ и приѣмахъ.

Конечно, еще приходится повторить, что внеклассное чтеніе и связанныя съ нимъ работы (о нихъ будетъ рѣчь ниже) должны быть прежде всего актомъ добровольнаго желанія учащагося, обязательность здѣсь ни въ какомъ случаѣ нежелательна. Спрашивается, какъ же этого достигнуть, какъ вообще возможенъ контроль надъ чтеніемъ учащихся и какіе приѣмы удобны для оживленія среди нихъ серьезныхъ интересовъ.

Прежде всего, мнѣ кажется, однимъ изъ способовъ такого контроля можетъ служить выслушиваніе замѣтокъ, конспектовъ или пересказовъ прочитаннаго. Этотъ способъ при надлежащихъ отношеніяхъ къ учащимся можетъ ознакомить руководителя съ преобладающими интересами каждаго изъ нихъ и съ тѣмъ, какъ усвоено ими прочитанное. Тутъ мы подходимъ къ вопросу о такъ называемыхъ литературныхъ бесѣдахъ. Уже при выслушиваніи отчетовъ или литературныхъ дневниковъ учащихся естественно долженъ происходить живой обмѣнъ мыслей, чувствъ между ними и руководителемъ, который путемъ умѣлыхъ вопросовъ будетъ стараться дополнить

представленный отчетъ, разъяснить не вполне понятое, указать наиболѣе цѣнное въ прочитанномъ, — хорошо, конечно, когда ученикъ идетъ навстрѣчу такой бесѣдѣ или даже самъ ищетъ ея. Вообще-то литературныя собесѣдованія съ учащимися, какъ способъ контроля надъ ихъ чтеніемъ и средство къ возбужденію въ нихъ серьезныхъ умственныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ интересовъ, могутъ имѣть самый разнообразный характеръ; важно лишь, чтобы они не были обязательны; важно умѣніе и тактъ руководителя, умѣніе его отыскать поводъ въ такой бесѣдѣ, уловить подходящий моментъ въ настроеніи ученика и многое другое. Пусть эти литературныя бесѣды на первой ступени будутъ простымъ чтеніемъ учителя ученикамъ съ нѣкоторыми поясненіями; въ младшемъ возрастѣ, когда учащіеся часто сами не умѣютъ еще читать надлежащимъ образомъ, такія чтенія очень нравятся учащимся и, несомнѣнно, могутъ принести большую пользу. Далѣе, пусть устраиваются общія чтенія подъ наблюденіемъ и съ участіемъ руководителя: пусть учащіеся сами читаютъ поочередно съ эпизодическими бесѣдами по поводу читаемаго—это будетъ полу-чтеніе, полу-бесѣда, наиболѣе годная для средняго возраста. Наконецъ, возможенъ и несомнѣнно полезенъ и обычный типъ литературныхъ бесѣдъ, когда учащіеся критикуютъ и разбираютъ прочитанное дома, диспутируютъ между собой по поводу тѣхъ или другихъ произведеній. Такія бесѣды могутъ быть, такъ сказать, частными, классными; могутъ носить и публичный характеръ, быть общими, съ участіемъ учениковъ различныхъ классовъ и нѣсколькихъ преподавателей. О такого рода литературныхъ бесѣдахъ можно бы говорить многое; онѣ признавались и рекомендовались въ средней школѣ съ давнихъ поръ. Пироговъ распоряженіемъ по кievскому округу въ 1858 г. издалъ даже правила о такихъ бесѣдахъ, сохранившія свой интересъ и до настоящаго времени; литературныя бесѣды признаются и рекомендуются правилами гимназій 1871 года; въ учебныхъ

планахъ реальныхъ училищъ (отъ 1888 и 1895 гг.) также находимъ указаніе на необходимость организаціи внѣкласснаго чтенія литературныхъ произведеній; въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія дѣлались и дѣлаются попытки къ болѣе или менѣе правильной организаціи такихъ литературныхъ бесѣдъ (существуютъ отчеты о такихъ бесѣдахъ напр., ревельской гимназіи, ставропольской и друг.). Но такого рода бесѣды, какъ имѣющія искусственный характеръ, едва ли по-моему могутъ быть плодотворны и служить тѣмъ цѣлямъ по отношенію къ руководству внѣкласснымъ чтеніемъ учащихся, о которыхъ я сказалъ выше. Въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ чтеніе учащихся, пробужденіе ихъ душевной жизни, ростъ ихъ личности, необходимо вносить больше теплоты, естественности, простоты, а при публичныхъ, внѣклассныхъ бесѣдахъ это едва ли возможно. По моему мнѣнію, для возбужденія умственныхъ интересовъ учащихся, для нѣкотораго руководства и контроля надъ чтеніемъ учащихся особенно старшихъ классовъ было бы удобно устройство литературныхъ кружковъ и библіотекъ-читаленъ при учебныхъ заведеніяхъ а, можетъ быть, совмѣстно того и другого. Устраиваются же у насъ въ послѣднее время «сокольскіе кружки» учащейся молодежи, спортивные, преслѣдующіе цѣли физическаго развитія. Не нужно забывать и о духовномъ развитіи подрастающаго поколѣнія, и мнѣ думается, что школьныя библіотеки-читальни, по крайней мѣрѣ, для старшаго возраста могли бы сыграть здѣсь большую роль. Пусть даже въ этихъ читальняхъ мало читаютъ; пусть лишь знакомятся съ книгами, пусть роются, копаются въ нихъ. Важно воспитать въ юношахъ интересъ къ книгѣ, привить любовь къ ней. Пусть учащійся лишь перелистаетъ какую-нибудь новинку въ области литературы, исторіи; пусть заглянетъ и въ старую книгу — такое общеніе съ книгами, даже внѣшнее, имѣетъ уже громадное воспитательное значеніе. Оно раскрываетъ горизонты, рисуется перспективы, воз-

буждаетъ то тотъ, то другой вопросъ, на который душа
начинаетъ то тамъ, то здѣсь искать отвѣта. Важно изъ
учащихся сдѣлать не только хорошихъ читателей, но и
почитателей книгъ.

Въ такихъ-то собраніяхъ, въ этихъ бібліотекахъ-читаль-
няхъ по-моему и возможны непринужденныя литератур-
ныя бесѣды, живой обмѣнъ мыслей и чувствъ у уча-
щихся между собой и между ними и руководителемъ,
который присутствуетъ въ читальнѣ, лишь бы послѣдній
не подавлялъ ихъ своимъ авторитетомъ; пусть ученики
видятъ въ своихъ руководителяхъ людей, добывающихся
вмѣстѣ съ ними знаній и истины, но только гораздо бо-
лѣе опытныхъ, но не всезнающихъ. Въ такомъ случаѣ и
бесѣды могутъ носить болѣе живой и непринужденный
характеръ, и сами ученики съ большой охотой обратятся
къ своему руководителю.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на различныхъ
причинахъ, обусловливающихъ слабое развитіе правиль-
наго и плодотворнаго внѣкласснаго чтенія учащихся.
Люди по природѣ косны, и если склонность къ пассив-
нымъ состояніямъ душевной жизни, къ воспріятію вне-
чатлѣній, свойственная всѣмъ, и легко дается, то спо-
собность къ активному, сознательному мышленію развита
у большинства очень слабо,—то же и среди учащихся.
Мало того, условія семейной и общественной жизни гро-
маднаго большинства нашихъ учениковъ отнюдь не со-
дѣйствуютъ развитію и возбужденію ихъ умственныхъ
интересовъ, ихъ склонности къ сознательному мышленію
при чтеніи книгъ.

Интересы школы не находятъ себѣ поддержки въ жизни
учащихся внѣ ея стѣнъ, нерѣдко даже встрѣчаютъ про-
тиводѣйствіе въ домашней обстановкѣ, и отъ препода-
вателей требуется много находчивости, энергіи и усилій
воли, чтобы эти потребности въ учащихся возбудить,
развить и воспитать.

Серьезные интересы классныхъ занятій и внѣкласс-

наго чтенія по большей части не находятъ поддержки въ семьѣ и обществѣ, и здѣсь нерѣдко приходится опираться лишь на школу, хотя часто и она ихъ не поддерживаетъ.

Наконецъ, и сама школа можетъ вызвать холодность, апатію къ активной работѣ мысли, переутомленіе учащихся обязательными занятіями. А такое переутомленіе, несомнѣнно, есть, и недостатокъ свободнаго времени у учениковъ для самостоятельной работы мысли, для продуктивнаго чтенія—одинъ изъ главныхъ недостатковъ современной средней школы.

Огромное большинство учащихся, утомленныхъ обязательными занятіями, ищетъ въ чтеніи развлеченія, отдыха и относится къ нему механически, пассивно, хотя и на таксе чтеніе у нихъ остается немного свободнаго времени. Читать - то ученики въ большинствѣ любятъ и ищутъ чтенія, особенно дѣйствующаго на воображеніе и чувство, и уже это одно хорошо и можетъ имѣть важное педагогическое значеніе. Поэтому даже простая выдача книгъ могла бы принести огромную пользу, если бы она была производима въ возможной систематичности, и уже это требуетъ отъ руководителя начитанности, опытности, любви къ этому важному дѣлу. Главное, не будемъ забывать, что окончательная цѣль виѣкласнаго чтенія и связанныхъ съ нимъ литературныхъ собесѣдованій, ведущихся въ той или другой формѣ, это всесторонняя выработка личности учащагося.

Итакъ,

1) виѣкласное чтеніе можетъ и должно играть большую роль въ жизни школы, какъ одно изъ главныхъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія на учащихся.

2) Въ настоящее время виѣкласное чтеніе по большей части не упорядочено, не урегулировано и имѣетъ главнымъ образомъ пассивный характеръ, дѣйствуя лишь на чувство и воображеніе читателей-учащихся и не всегда въ надлежащемъ направленіи.

3) Надлежащая организація внѣкласснаго чтенія съ обращеніемъ вниманія на его индивидуализацію по отношенію къ учащимся—дѣло очень трудное и встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ недостаточной культурности общества, маломъ количествѣ свободнаго времени у учащихся, перегруженныхъ обязательными занятіями и трудностью подыскать опытныхъ и всецѣло преданныхъ этому дѣлу руководителей.

4) Но во всякомъ случаѣ контроль надъ внѣкласснымъ чтеніемъ и руководство имъ должны имѣть мѣсто въ средней школѣ, поскольку они осуществимы при теперешнихъ условіяхъ ея существованія:

а) необходимо составить для каждаго возраста особыя списки книгъ, преимущественно поэтическихъ и историческихъ, на которыя главнымъ образомъ и бываетъ спросъ среди учащихся, имѣя въ виду постепенное образованіе міросозерцанія, складъ личности учащихся, такъ, чтобы они выносили здоровыя и правильныя понятія о мірѣ, о жизни людей, ихъ взаимоотношеніяхъ, воспитывали въ себѣ здоровое и жизнерадостное настроеніе;

б) сообразно съ этимъ должны быть организованы и школьныя бібліотеки, и выдачей книгъ должны завѣдывать опытные и любящіе свое дѣло руководители, хорошо знающіе и своихъ учениковъ. Слѣдуетъ обращать вниманіе на индивидуальность учащихся, рекомендуя имъ для чтенія то или другое произведеніе, но не насилуя ихъ свободы;

в) для руководства и контроля надъ чтеніемъ полезно по отношенію къ отдѣльнымъ ученикамъ веденіе ими литературныхъ дневниковъ или конспектовъ и періодическій просмотръ ихъ съ краткой бесѣдой со стороны руководителя;

г) важны также общія литературныя чтенія-бесѣды, которыя для каждаго возраста должны имѣть свой особый характеръ, но главное требованіе по отношенію къ нимъ—это простота, непринужденность, отсутствіе вся-

кой искусственности; при этомъ важно, воспитывая надлежащимъ образомъ чувство и воображеніе учащихся при помощи чтенія, обогащая ихъ идеями и настроеніями, постепенно расширять кругъ ихъ умственныхъ интересовъ, пробуждать ихъ мысль и въ старшемъ возрастѣ обращать на это особое вниманіе, такъ какъ способность къ активному мышленію учащихся обыкновенно бываетъ слабо развита;

д) для оживленія и поддержанія умственныхъ интересовъ среди учащихся старшихъ классовъ, для сплоченія ихъ на почвѣ этихъ интересовъ и посильнаго руководства ими полезно устройство при учебныхъ заведеніяхъ библіотекъ - читаленъ и литературныхъ кружковъ при этихъ читальняхъ и вообще важно воспитаніе въ учащихся любви къ книгѣ, умѣнія цѣнить ее; важно сдѣлать учениковъ не только хорошими читателями, но и почитателями, цѣнителями книгъ.

Н. Петровъ.

Воскресная школа по отзывамъ ея учениковъ.

Въ одной изъ городскихъ воскресныхъ школъ г. Саратова въ 1914 г. всѣмъ ученикамъ, кромѣ группъ еще только обучающихся грамотѣ и письму, т.-е. 140 ученикамъ, было предложено отвѣтить письменно на вопросы: 1) оказывала ли на васъ воскресная школа какое-либо вліяніе? и 2) помогла ли она вамъ въ жизни? На эти вопросы было получено 53 отвѣта. Изъ нихъ только небольшая часть кратки и лаконичны—именно у тѣхъ, для кого, по ихъ малой грамотности, труденъ самый механизмъ письма. Большинство же настолько обстоятельны, что представляютъ довольно цѣнный матеріалъ для освѣщенія вопроса о вліяніи школы, учениками которой являются, какъ мужчины такъ и женщины различнаго возраста,—не ниже 16 л. Данные анкеты говорятъ сами за себя, и наша работа сводится, главнымъ образомъ, къ группировкѣ полученныхъ свѣдѣній. Прежде всего наше вниманіе останавливаетъ вопросъ, какое представленіе о воскресной школѣ было до поступленія въ нее и каковы первыя впечатлѣнія, полученные при ея посѣщеніи.

Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ изъ учениковъ:

«До посѣщенія мною воскресной школы я на учениковъ оной смотрѣлъ какъ на праздношатающихъ. Я спорилъ съ однимъ ученикомъ, полезно ли посѣщать ее. Я ему доказывалъ, что время зря проводить, амуры тамъ заводить, а онъ доказывалъ свое. «Ты не смотри на пло-

хое, а смотри на хорошее; ты походи, время у тебя есть, и я увѣренъ, что въ школѣ ты приобрѣтешь знаніе и пользу». Послушалъ я ученика. Вѣдь вѣрно,—подумалъ я,—воскресенье у меня свободное—похожу отъ нечего дѣлать. Не забуду, какъ я пришелъ въ первый разъ. Урокъ былъ по географіи. Учитель раньше, чѣмъ приступить къ уроку, выяснилъ намъ свой взглядъ по поводу насъ: «Я думаю, что нѣкоторые изъ васъ проводили свободное воскресенье праздно, или же за бесполезными увлеченіями, или же шатались по базару,—говорилъ онъ.—Теперь же я увѣренъ, что въ это свободное время вы вынесете отсюда хотя малое, но полезное знаніе и пользу».

Въ отвѣтъ другого ученика находимъ слѣдующія строки:

«Я слышалъ, что въ Саратовѣ каждую осень открывается воскресная школа. Не имѣя хорошаго понятія, что такое воскресная школа и какую пользу она даетъ, я всегда для себя считалъ посѣщать ее ненужнымъ и кромѣ того лишнимъ. Окончивъ сельскую школу я считалъ себя многограмотнымъ. Опомнившись наконецъ, благодаря своимъ дѣтямъ, я рѣшилъ идти въ школу, чтобы провѣрить свои знанія и посмотреть, какую пользу даетъ воскресная школа. При первомъ появленіи на урокахъ провѣрилъ и вижу себя вмѣсто грамотнаго совершенно въ лицѣ другихъ безграмотнымъ. На вопросы своихъ преподавателей я отвѣчалъ безотвѣтнымъ столбомъ».

Очень характерно сообщеніе, приводимое ниже:

«Я зналъ, что существуетъ воскресная школа, но понималъ ее совсѣмъ по-другому. Я думалъ, что эта школа одинакова съ земской школой въ деревнѣ, что тамъ есть учитель, что онъ аккуратно спрашиваетъ уроки, требуетъ выправки. Какъ ни смущали эти обстоятельства, я все-таки рѣшилъ поступить, чтобы хоть немного поучиться, такъ какъ меня это интересуеетъ. Походивъ немного, я увидалъ совсѣмъ другую картину. Здѣсь я увидалъ не учителей, дающихъ знать, что они наставники наши, а мы ученики, а простыхъ, симпатичныхъ людей, которые отбрасываютъ

всю казенщину. Обязательныхъ требованій не предъявляютъ, а располагаютъ на волю учениковъ, и ученикъ чувствуетъ себя свободно какъ дома».

Эти замѣчанія учениковъ показываютъ не только смутное представленіе о школѣ до поступленія въ нее, но въ иныхъ случаяхъ даже какъ бы пренебрежительное къ ней отношеніе, которое однако исчезаетъ при первомъ же ея посѣщеніи. Далѣе мы приводимъ тѣ изъ сообщеній, гдѣ отмѣчается случайность поступленія въ школу.

«Шесть лѣтъ тому назадъ,—пишетъ ученикъ высшей группы,—одинъ товарищъ предложилъ мнѣ записаться въ воскресную школу. Я не зналъ раньше, что существуетъ школа, гдѣ можно заниматься по воскресеньямъ, и очень заинтересовался этимъ предложеніемъ. Въ первое же воскресенье я пошелъ и записался. Съ того времени для меня открылась новая жизнь».

«Въ воскресную школу я поступилъ случайно, и она меня въ первое же время ученія заинтересовала въ предметахъ, тамъ преподающихся», сообщаетъ другой ученикъ.

«Кончивши Срѣтенскую школу я надъ желаніемъ учиться думала поставить крестъ, такъ какъ мнѣ надо было работать и добывать средства къ жизни. Но вотъ я услышала, что существуетъ воскресная школа, пришедши въ которую, я узнала, что здѣсь могу пополнить свои большія познанія». И т. п.

Такимъ образомъ, попавши въ школу или по совѣту товарища, или, какъ пишетъ одна ученица, «узнавши про ея открытіе изъ газетъ», или инымъ какимъ-либо, иногда случайнымъ, путемъ, ученики, приглядѣвшись къ ней, начинаютъ живо ею интересоваться.

Что же школа имъ даетъ?

Почти въ каждомъ полученномъ отвѣтѣ указывается на нравственное вліяніе школы. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ болѣе характерные.

Ученикъ пробывшій два года въ школѣ, говорить:

«Я до поступленія въ школу проводилъ праздничное

время самымъ пагубнымъ образомъ, бывая въ порочныхъ мѣстахъ—пивныхъ и пр., и вель компанію съ людьми зараженными алкоголемъ и т. п. Теперь я сдѣлался человекомъ здоровымъ и трезвымъ. Я чувствую, что душа моя развилась, она не сможетъ сотворить грязнаго дѣла. Я не пойду туда, гдѣ раньше считалъ за удовольствіе сидѣть».—«Проходивъ зиму въ школу,—сообщаетъ другой ученикъ,—я увидалъ, что тамъ можно научиться не только грамотности, но и еще чему-то важному и многому. Свободное время я ужъ теперь не убиваю бесполезно, не иду въ разныя увеселительныя мѣста, а большею частью, сижу за книгой или за урокомъ. Не будь воскресной школы, трудно было бы выбраться на путь истинный».

Дальше идетъ рядъ сообщений въ такомъ же родѣ:

«До поступленія въ школу всѣ свободные праздники я проводилъ праздно, въ наслажденіи разныхъ напитков».

Ученикъ, проходившій въ школу пять зимъ, пишетъ такъ: «Съ того времени какъ поступилъ въ школу, отсталъ отъ товарищей по дурнымъ наклонностямъ, пересталъ курить и далъ себѣ слово не пить водки. Слову данному себѣ я до сего времени вѣренъ».

«Годъ отъ году я больше и больше интересовался школой,—говорится въ сообщеніи одного ученика, посѣщающаго школу три года. Сталъ усерднѣе посѣщать уроки, серьезнѣе относиться къ лекціямъ и литературнымъ бесѣдамъ. Все это вмѣстѣ взятое отвлекло меня отъ пьянства и отъ другихъ дурныхъ наклонностей». Еще въ одномъ отвѣтѣ читаемъ: «Какъ я сталъ посѣщать школу, я нѣсколько перевоспитался. У меня были бесполезныя привычки и безъ толку шатался по базарамъ. Въ настоящее время я отъ этого отвыкъ».

Какъ видимъ, всѣ эти отвѣты даются намъ группою учениковъ, бросившихъ пить, курить, праздно проводить время, посѣщать увеселительныя мѣста. Въ чемъ же еще сказывается нравственное вліяніе школы? Изъ ряда ниже приводимыхъ отвѣтовъ мы видимъ, какъ школа постепенно

прививаетъ желаніе быть чище, лучше, вліять на семью и окружающихъ, какъ является потребность въ вѣжли- вомъ обращеніи и отвращеніе къ грубости.

Вотъ эти отвѣты: «школа облагораживаетъ человѣка и наталкиваетъ на знаніе правды и лучшей жизни че- ловѣка».

«Школа не только учить читать и писать, но она со- вершенно перевоспитываетъ учащуюся публику».

«Школа научила, какъ жить и обращаться вѣжливо со всѣми».

Приводимъ дальше болѣе подробные изъ отвѣтовъ. Одна ученица, давшая весьма обстоятельную записку о вліяніи школы, пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Вообще вос- кресная школа играетъ, по-моему, громадную роль въ жизни рабочаго люда. Въ продолженіе цѣлой недѣли во- кругъ себя онъ слышитъ только грубое обращеніе на- чальства и ругань между собой. Благодаря усталости и взвинченнымъ нервамъ, всегда переругиваются. Нравы съ каждымъ днемъ грубѣютъ. Въ воскресной школѣ, видя хорошее отношеніе къ намъ учителей, какъ-то неловко становится относиться плохо другъ къ другу. Слѣдова- тельно, воскресная школа вліяетъ на нравы рабочаго люда, отучаетъ его отъ грубости, за что большое спасибо учи- телямъ воскресной школы».

«Въ школѣ можно научиться не только грамотѣ, а еще чему-то важному и многому,—читаемъ у одного ученика, рабочаго на фабрикѣ:—тамъ можно научиться хорошей, вѣжливой, человѣческой жизни, а то работая на фабрикѣ съ ранняго утра до поздней ноченьки только и слышишь одну грубость и безчеловѣчность, огрубѣешь отъ этой жизни и дѣлаешься совершенно нечувствительнымъ че- ловѣкомъ, если не получишь ничего извнѣ. Приходя въ школу, освѣжаешь свой умъ».

Въ слѣдующемъ затѣмъ отзывѣ отмѣчается желаніе вліять на семью: «Мы пріучаемся, говорится въ немъ,— быть вѣжливыми, и это мы вносимъ и въ внѣшкольную

нашу жизнь. Принимаемое нами въ школѣ невольно передается и въ семейство, и благодаря этому въ ней перерождаются отношенія: грубость уничтожается и становится вѣжливое отношеніе между всѣми».

Итакъ, судя по приведеннымъ отзывамъ, нравственное вліяніе школы нельзя считать незначительнымъ. Литературныя и другія бесѣды, лекціи, чтеніе, наконецъ общеніе съ учителями и товарищами оказываютъ самое благотворное вліяніе. Пробуждается сознание человѣческаго достоинства, развивается общительность, солидарность общихъ интересовъ. Рядъ замѣчаній свидѣтельствуя объ этомъ. Вотъ они:

«Школа приучаетъ быть общительными».

«Воскресная школа объединяетъ слушателей».

«Въ школѣ мы видимъ ласковое и вѣжливое отношеніе учителей, да и между собой насъ связываютъ общіе интересы; можно поговорить о впечатлѣніи полученномъ отъ урока».

«Находясь въ обществѣ учителей и учениковъ, мы получаемъ нѣкоторую выдержку».

Что же еще даетъ воскресная школа посѣщающимъ ее, помимо ея нравственнаго вліянія? Какъ выясняется изъ полученныхъ отвѣтовъ одна изъ главныхъ ея заслугъ заключается въ пробужденіи интереса къ знанію. Она какъ бы даетъ толчокъ даже тѣмъ, кто раньше и не думалъ объ ученіи. Приводимъ здѣсь интересное сообщеніе одного изъ учениковъ:

«У большинства посѣщающихъ школу учениковъ, которые раньше и не думали объ ученіи, явилось желаніе пополнить свои знанія. И сейчасъ среди насъ есть не мало такихъ, которые стали, помимо школы, пополнять свои познанія. И вотъ этотъ толчокъ, даваемый школой, составляетъ ея главную заслугу. И многіе изъ воскресниковъ впоследствии скажутъ ей большое за это спасибо».

«Воскресная школа, — пишетъ ученица, — это первый шагъ, первый толчокъ къ образованію и ко всему хорошему,

свѣтлому. Конечно, многое воскресная школа намъ дать не можетъ въ 30 воскресеній, но спасибо ей за ту искру, которую она зарождаетъ въ насъ, ибо искра эта ужъ у многихъ превратилась въ свѣтящійся огонекъ».

«Я до поступленія въ школу,—сознается одна изъ ученицъ,—рѣдко брала книгу въ руки: то недосугъ ее взять, то времени нѣтъ для чтенія, а теперь, когда стала учиться то стала находить время и читать и писать».

«Я должна вамъ сказать по поводу моей прежней лѣни,—наивно сообщаетъ другая ученица,—я такъ любила спать и бывало жду не дождусь, когда подойдетъ праздникъ, чтобъ спать побольше. Ну, а теперь наоборотъ: я готова сидѣть всю ночь читать, писать и учить уроки, которыхъ я нахожу, мнѣ задають мало».

Разъ пробудился интересъ къ знанію, естественно, что вслѣдъ за этимъ появляется и интересъ къ книгѣ, любовь къ ней. Выбатывается иной, чѣмъ раньше, взглядъ на чтеніе. Выясняется значеніе чтенія для саморазвитія, и книга уже служитъ не только для развлечения, а и для пополненія знаній. Въ одномъ изъ отзывовъ такъ говорится объ этомъ:

«Я очень привыкъ къ чтенію и не могу обходиться безъ книги. Я постепенно сталъ развиваться въ познаніяхъ, и теперь, чѣмъ ни серьезнѣе книга, тѣмъ для меня лучше, а не какъ вначалѣ я считалъ самымъ интереснымъ чтеніемъ о Пинкертонѣ, Никъ-Картерѣ и разныя другія лубочныя произведенія какъ «Буря въ стоячихъ водахъ» С. Пазухина. Теперь они для меня ничего не составляютъ, и когда я вижу, что кто-нибудь читаетъ подобныя вещи, то всячески стараюсь убѣдить въ томъ, что онѣ не даютъ никакой пользы, кромѣ какъ вреда».

У другого ученика читаемъ слѣдующее:

«Я человѣкъ рабочій, я хотя и знаю читать, но я малограмотенъ. До ученія въ воскресной школѣ я брался читать книги, но понятія въ нихъ имѣлъ очень мало. Когда я сталъ ходить въ училище, то выучился, какъ

нужно читать книги съ понятіемъ и толкомъ, и книги для меня стали интересны, и читаю я ихъ теперь съ большимъ наслажденіемъ».

«Конечно, школа не дала мнѣ спеціальнаго образованія, — пишется въ одной изъ нихъ, — но она до нѣкоторой степени развила меня, она расширила мой кругозоръ, она увеличила мое умозрѣніе, она вывела меня на другую, болѣе лучшую дорогу».

«Передо мной какъ бы открылся новый міръ, — читаемъ въ другомъ отзывѣ. — Я много узналъ интереснаго про моря, горы и т. п. Школа открыла мои глаза, и я стала видѣть въ два раза больше, чѣмъ прежде».

«Школа открываетъ какъ бы маленькое зрѣніе какъ мнѣ, такъ и другимъ людямъ», замѣчаетъ одна изъ ученицъ.

Всѣ эти замѣчанія приводятъ насъ къ разсмотрѣнію ряда сообщеній, гдѣ указывается на развивающее вліяніе какъ литературныхъ чтеній и бесѣдъ по разнымъ предметамъ, такъ и различныхъ лекцій.

Приводимъ рядъ сообщеній, какія имѣются на этотъ счетъ:

«Прослушавъ курсъ исторіи или географіи, я увѣренъ, что много, много останется у насъ у каждаго въ душѣ воспоминаній и впечатлѣній, и если кому-либо изъ насъ придется продолжать пополнять знанія, то ему гораздо легче учить будетъ знакомые въ общихъ чертахъ предметы».

Въ другомъ сообщеніи говорится: «Воскресное училище даетъ намъ возможность познакомиться съ помощью географіи съ другими державами, напр., съ Англіей и съ ихъ жизнью, и какъ они развиты, чѣмъ занимаются и какъ у нихъ все доступно, во-первыхъ, образованіе».

И наконецъ еще въ одномъ сообщеніи отмѣчается: «Благодаря чтеніямъ и лекціямъ на разныя темы для насъ, воскресниковъ, мы все болѣе и болѣе знакомимся съ жизнью.»

Особенно отмѣчается учениками воскресной школы значеніе для нихъ литературныхъ чтеній и бесѣдъ, помогающихъ

разбираться въ прочитанныхъ произведеніяхъ, сознательнѣй относиться къ явленіямъ окружающей жизни и выработывающихъ привычку правильно выражать свои мысли.

«Устраиваемыя литературныя чтенія много приносятъ намъ пользы. При чтеніи и разборѣ въ рассказахъ, произведеніяхъ и герояхъ даннаго писателя научаешься узнавать, какую мысль проводить авторъ. Развиваешь свой умъ, мысль и языкъ. Научаешься правильно излагать свою мысль, пріучаешь свой умъ слѣдить и воспринимать чужую мысль и, если не согласенъ, возразить, не сбиться и сказать все что желаешь. А то вѣдь про себя скажу: съ кѣмъ-либо не согласенъ, понимаешь, въ чемъ не согласенъ, но когда встаешь и начинаешь говорить, съ тобой начинается сильное волненіе, въ глазахъ все помутится и ничего не скажешь». Здѣсь приведенъ болѣе характерный отзывъ о значеніи литературныхъ чтеній. Вообще же значеніе ихъ отмѣчается очень часто, напр.: «Благодаря воскресной школѣ, я прослушалъ много лекцій, а главное какъ я признаю по литературѣ», или: «литературныя чтенія даютъ понятіе, какъ надо разбираться въ какихъ-либо сочиненіяхъ» и т. п.

Время отъ времени устраивались лекціи и вечера для учениковъ всѣхъ воскресныхъ школъ въ городѣ.

Что касается этихъ лекцій въ народной аудиторіи, прослушанныхъ совмѣстно съ учениками всѣхъ другихъ воскресныхъ школъ, то и о нихъ имѣется нѣсколько замѣчаній.—«Хорошо, что бываю на лекціяхъ въ аудиторіи, вижу и слышу тамъ все полезное».

«Лекціи въ аудиторіи дали мнѣ понять, какъ нужно обращаться съ самимъ*собой и какъ беречь свое здоровье».

«Всѣ лекціи, которыя мнѣ пришлось слушать, какъ, напр., по анатоміи, физикѣ и др., также пополнили мои знанія.»

«Благодаря воскресной школѣ, я прослушалъ со вниманіемъ много разныхъ лекцій, какъ-то: о человѣкѣ и его питаніи, объ электричествѣ и много другихъ».

«Итакъ,—какъ замѣчаетъ одинъ ученикъ,—воскресная школа даетъ очень много познаній своими лекціями, бесѣдами, литературными чтеніями и библіотекой».

«Чтенія и бесѣды,—читаемъ въ одномъ отвѣтѣ,—научили меня немного понимать, что жить надо не для осуществленія своихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей, но жить надо для служенія обществу, понимать, что истинное счастье заключается не въ счастья одного человѣка, а и въ счастья всѣхъ людей. Мы поняли, что человѣкъ, будь онъ обиженъ судьбой, можетъ быть счастливъ благомъ общества. Все это находить откликъ въ моей душѣ и пробуждаетъ сочувствіе ко всему хорошему, и, быть можетъ, въ будущемъ и я стану въ ряды для осуществленія ихъ... Но я не смѣю мечтать объ этомъ... А впрочемъ...»

По замѣчаніямъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ воскресная школа привлекаетъ не только желаніемъ учиться. Въ ней часто находятъ и отдыхъ отъ повседневныхъ будней, и вечера устраиваемые какъ въ самой школѣ, такъ и въ народной аудиторіи, служатъ разумными развлеченіями. Литературно-музыкальные вечера въ народной аудиторіи, благодаря своей дешевизнѣ, всѣмъ доступны:

«Приходя въ школу, отдыхаешь душой, забываешь на время фабричныя переживанія и впечатлѣнія обыденной жизни, невольно какъ-то дѣлаешься веселъ и радостенъ»,—такъ говорится въ одномъ изъ отвѣтовъ. Въ другомъ находимъ слѣдующее: «Воскресная школа даетъ большую пользу людямъ труда: она даетъ имъ отдыхъ и разумныя развлеченія. Мнѣ удалось побывать на лекціи о музыкѣ. Теперь я знаю, кто первый создалъ музыку». Еще въ одномъ отвѣтѣ читаемъ: «Воскресная школа дѣлаетъ намъ большое удовольствіе, устраиваетъ при народной аудиторіи вечера, чтобъ хоть минутку мы были веселы и отдохнули».

«Я очень довольна, что есть гдѣ отдохнуть», говорить одна изъ ученицъ, а другая замѣчаетъ: «Хорошо, что бываю въ народной аудиторіи. Вижу и слышу тамъ все хорошее и все дешево».

Среди полученныхъ отвѣтовъ встрѣчаемъ и указанія на результаты посѣщенія воскресной школы практическаго свойства. Такимъ, по ихъ словамъ, школа помогла лучше, чѣмъ раньше, устроиться въ матеріальномъ отношеніи. Они сумѣли примѣнить полученные ими знанія въ воскресной школѣ къ занятіямъ, дающимъ имъ средства къ жизни. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ одномъ изъ сообщеній:

«Я хожу уже въ школу 3-й годъ и чувствую, что сравнительно съ прежнимъ стала больше знать. Благодаря воскресной школѣ, я могла поступить на курсы сестеръ милосердія, гдѣ надо было знать четыре дѣйствія ариѳметики, дробныя числа, хоть немного грамотно писать. Если бъ я не ходила въ воскресную школу, какъ бы я ни желала поступить на курсы, я бы не могла, такъ какъ не имѣю средствъ готовиться, а я была почти безграмотной».

Въ слѣдующемъ сообщеніи говорится: «Изучивъ русскій языкъ, я сталъ писать сравнительно грамотно, что для меня, какъ человѣка, занимающагося канцелярскимъ трудомъ, очень и очень важно. Ариѳметика помогла мнѣ разобраться въ разныхъ бухгалтерскихъ работахъ».

Итакъ, прослѣдивъ по мѣрѣ возможности, по даннымъ отзывамъ, эволюцію ученика съ первыхъ дней поступленія въ воскресную школу, отмѣтивъ то или иное вліяніе школы на него, мы замѣчаемъ, что вмѣстѣ съ постепеннымъ въ немъ развитіемъ интереса къ знанію появляется желаніе удовлетворенія этого интереса. «У меня больше появилось знаній и мнѣ хочется продолжать ученіе больше и больше», отмѣчается въ одномъ изъ отвѣтовъ. Пробудившаяся же жажда знаній, естественно, въ виду слишкомъ малаго количества учебныхъ дней въ воскресной школѣ, не находитъ себѣ достаточнаго удовлетворенія. Здѣсь мы подходимъ къ ряду сообщеній, гдѣ выражается недовольство этимъ малымъ количествомъ учебныхъ дней въ году. Вотъ эти сообщенія:

«Особенной пользы отъ воскресной школы я не вижу. Учись, учись, а какъ приступить къ дѣлу, нанимай себѣ учителя. Если бѣ намъ прибавили уроковъ, тогда бы было дѣло другое, видна была бы польза».

Что нѣкоторые изъ учениковъ, не удовлетворяясь только воскресной школой, прибѣгаютъ еще и къ найму учителей, отмѣчается и еще въ двухъ сообщеніяхъ:

«Школа въ 30 ученическихъ дней не можетъ дать того, что можно было бы передать въ цѣлый учебный годъ. Нѣкоторые учащіеся стали готовиться у учителей и пополнять свои знанія, данныя воскресной школой». То же указывается и въ другомъ сообщеніи:

«Сейчасъ среди насъ есть такіе, которые, кромѣ школы, пополняютъ свои познанія у репетиторовъ если на то позволяютъ средства, но много и такихъ, которые, несмотря на желаніе, не имѣютъ возможности получить больше того, что даетъ воскресная школа».

А какъ заявляютъ нѣкоторые ученики: «Много воскресная школа дать не можетъ, да и требовать отъ нея большаго нельзя. 30 дней въ году слишкомъ мало, чтобъ пополнить свои знанія».

«30 дней въ году, изъ которыхъ на каждый предметъ удѣляется по часу, не въ состояніи принести замѣтной пользы для учащихся».

«Желательно, чтобъ съ нами занимались хотя бы по два, по три раза въ недѣлю, такъ какъ одно воскресенье насъ не удовлетворяетъ».

Иснѣ всѣхъ и подробнѣе формулируетъ свое недовольство въ этомъ отношеніи ученикъ, проходившій 6 лѣтъ въ школу и очень къ ней привязанный. Онъ пишетъ:

«Неоспоримымъ фактомъ является то, что воскресная школа приноситъ огромную пользу для трудящихся массъ Саратова. Но она не даетъ спеціальнаго образованія, она почти не имѣетъ программы и никакихъ правъ. И вслѣдствіе этого наблюдается такое явленіе: ходитъ ученикъ нѣсколько лѣтъ очень акуратно и вдругъ переста-

еть посѣщать школу. А какая тому причина? Ему надоѣдаетъ стояніе на одномъ мѣстѣ, у него является потребность большихъ познаній, а воскресная школа настоящаго типа не можетъ его удовлетворить. Собственныхъ средствъ для дальнѣйшаго самообразованія тоже нѣтъ, и ученикъ разочарованный останавливается въ самомъ началѣ пути къ образованію и постепенно теряется въ толпѣ, заражаясь ея пороками. И теперь больше чѣмъ когда-либо является потребность въ воскресной школѣ болѣе повышеннаго типа. Нужна школа, могущая удовлетворить требованія жаждущей знанія молодежи.

Здѣсь, какъ видимъ, уже ясно выражается требованіе школы повышеннаго типа съ правами и опредѣленной программой. Слѣдуетъ отмѣтить тутъ же и пожеланіе одного ученика: «чтобы и существующая школа давала какое-либо удостовѣреніе ученикамъ, посѣщающимъ ее». Иначе, замѣчаетъ онъ, «въ нашей жизни, полной разнаго рода формальностей, гдѣ на каждомъ шагѣ спрашиваютъ васъ объ образовательномъ цензѣ, къ вамъ относятся недовѣрчиво, если вы скажете, что кончили воскресную школу. Ваши слова вамъ на помогутъ и поэтому въ обществѣ ученикъ воскресной школы будетъ на ряду съ тѣми малограмотными, которыми такъ богата матушка Россія».

На это указаніе обращаемъ наше вниманіе потому, что оно даетъ право предположить, что удостовѣреніе объ ученіи въ воскресной школѣ улучшаетъ положеніе ученика въ томъ обществѣ, гдѣ онъ вращается, и оно ему нужно, какъ доказательство ея посѣщенія.

Нельзя не выразить сожалѣнія, что вопросы, поставленные въ анкетѣ, не давали простора для полнаго освѣщенія порядковъ воскресной школы. Вѣроятно, вслѣдствіе этого мы почти не имѣемъ отзывовъ о ней *отрицательнаго характера*. А между тѣмъ были бы интересны и такіе отзывы. Мы можемъ привести только одинъ отзывъ, гдѣ выражается недовольство порядками воскресной шко-

ды, но и этотъ отзывъ кончается теплыми словами по адресу ея. Приводимъ его почти цѣликомъ:

«Очень многое о воскресной школѣ сказать не могу. Учусь я здѣсь первую зиму, а до этого училась на курсахъ, и для меня воскресная школа служить только повтореніемъ пройденнаго. Но впередъ я ни шагу не сдѣлала. Объясняется это тѣмъ, что гг. учащіеся къ своимъ обязанностямъ относятся халатно. Установленныхъ правилъ здѣсь нѣтъ, и каждый ученикъ поступаетъ такъ, какъ ему заблагоразсудится. Гг. педагоги это все отлично видятъ, но почти никакихъ мѣръ не принимаютъ. Была бы искренняя просьба обратить больше вниманія на это и не такъ натянута держать себя съ учениками. Но въ общемъ воскресная школа даетъ человѣку много и служить опорой тому, кто энергично работаетъ и рука объ руку идетъ со школой».

Намъ остается только привести просьбы учениковъ, выраженные въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ, напр., о выдачѣ имъ бесплатно учебниковъ на домъ и о льготныхъ ученическихъ билетахъ въ театры наравнѣ съ другими учащимися.

Въ заключеніе надо указать на теплое отношеніе къ школѣ и учителямъ, какое есть почти въ каждомъ изъ представленныхъ отвѣтовъ. По большей части они оканчиваются благодарностью и всяческими добрыми пожеланіями въ такомъ родѣ: «Дай Богъ силы и здоровья, кто это полезное дѣло началъ». — «Да хранить Богъ васъ, труженники и распространители добра и истины.» — «Я считаю своимъ долгомъ сказать спасибо сердечное тѣмъ сѣятелямъ на нивѣ бесплодной, которые безвозмездно трудятся для пользы народной». — «Желаю существовать школѣ много лѣтъ». — «Кромѣ благодарности за все хорошее, воскресной школѣ можно пожелать счастливаго процвѣтанія въ будущемъ».

3. С.

Отраженіе войны въ дѣтской психикѣ.

Взрослые, отправляясь на войну, говорятъ, что мы идемъ въ походъ противъ германскаго милитаризма, за культуру и свободу. Молодое поколѣніе, конечно, не можетъ такъ глубоко проникнуть въ происходящія событія, но въ то же время оно глубоко чувствуетъ и глубоко воспринимаетъ ихъ.

Мнѣ, быть можетъ, скажутъ, что молодое поколѣніе слѣдуетъ уберечь отъ впечатлѣній военнаго характера и насколько возможно воспрепятствовать тому, чтобы дѣти воспроизводили свои военныя впечатлѣнія, чувствованія на бумагѣ. Мнѣ, быть можетъ, скажутъ, что, фиксируя вниманіе на военныхъ событіяхъ, вы невольно сѣете сѣмена милитаризма, жестокости, черствости. Примѣры же высшаго развитія чувства военнаго дѣла указываетъ проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій: «такъ полководецъ, воспитанный въ традиціяхъ военной службы, испытываетъ своеобразное *эстетическое наслажденіе* при видѣ стройно движущихся полковъ, на удачныхъ маневрахъ, даже на войнѣ, если ея ходъ отвѣчаетъ его стратегическимъ идеямъ. Александръ Македонскій, Цезарь, Ганнибалъ, Наполеонъ I, Суворовъ, Скобелевъ, Драгомировъ, несомнѣнно, видѣли въ военномъ дѣлѣ *эстетическую сторону*, и она въ ихъ дѣятельности играла видную роль: Они были «артистами» войны» ¹⁾.

¹⁾ Овсяннико-Куликовскій, Теорія поэзіи и прозы, стр. 42.

Отъ военныхъ переживаній, вѣяній не уйти молодому поколѣнію, поэтому необходимо во-время проявить свою активность, урегулировать насколько это возможно стихійный потокъ военныхъ впечатлѣній. И тамъ, гдѣ мы можемъ ослабить или вытравить нежелательныя впечатлѣнія, должны приложить свои старанія. Но прежде, чѣмъ приступить къ этой работѣ, мы должны вскрыть и опредѣлить всю массу переживаній, чувствованій, вѣяній, вызванныхъ совершающимися событіями и нашедшихъ свой откликъ въ дѣтской воспримчивой душѣ. Вотъ поэтому дѣтскія сочиненія для насъ имѣютъ значительный интересъ; эти свободныя сочиненія представляютъ интересъ не только для педагога, но и для психолога и даже историка. Необходимо лишь при разсматриваніи дѣтскихъ сочиненій особенно чутко, внимательно подходить къ дѣтскимъ переживаніямъ, такъ какъ ребенокъ въ незамысловатой формѣ ясно и образно передаетъ свои чувствованія. Отбросивъ на время наши обще-литературныя требованія, мы почувствуемъ особенную оригинальность, почувствуемъ художественныя и психологическія цѣнности дѣтской рукописи.

Мною собраны дѣтскія сочиненія, написанныя во внѣурочное время въ тетрадахъ для домашнихъ сочиненій учениками начальной школы 2-го и 3-го (выпускного) отдѣленій.

Ученики—дѣти крестьянъ; деревня находится въ 19 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ приведенныхъ ниже сочиненіяхъ исправлены только лишь орфографическія ошибки. У многихъ изъ учениковъ родные на войнѣ, а у нѣкоторыхъ уже ранены, лежатъ въ лазаретахъ, у немногихъ родные вернулись домой съ поля битвы ранеными.

А. К.—инъ (ученикъ 3-го отд.). «Безъ хозяина и домъ сирота». «Въ комнатѣ глухо, тихо; только одна бабенка на стулѣ сидитъ, передъ ней печка топится, стоитъ возлѣ печки кровать. На кроваткѣ дѣтки сонныя лежатъ, закрыли глазки и другъ къ другу прижались. Только мать ихъ на

стулѣ сидитъ, печально на дѣтокъ глядитъ, думаетъ-гадаетъ, какъ ей будетъ съ дѣтками маленькими жить; ни одинъ на работу не годится, самому старшему восемь лѣтъ. Мужъ вчера вѣсточку съ войны прислалъ, погнали въ бой. Думаетъ про мужа: «живъ ли онъ теперь, Богъ его знаетъ?» а угольки изъ печки попрыгиваютъ, похрястываютъ. Вотъ наступила глухая полночь. Все въ избѣ пріуныло. Одинъ мальчуганъ всталъ съ кровати, бросился къ мамѣ на колѣни.

Мать его утѣшаетъ и по спинкѣ ладошкой постукиваетъ. Вотъ онъ заснулъ у матери на колѣняхъ. Мать тихонько взяла ребенка, положила на кровать; печка истопилась; сама легла и съ дѣтками и уснула спокойнымъ сномъ, и во снѣ ей снилось: мужъ раненъ, лежитъ подъ кустомъ, кровь льетъ ручьемъ изъ раны и некому завязать эту рану».

Б—овъ (ученикъ 2-го отдѣленія). «Проводы солдатъ». «Погнали моего дядю, и стали всѣ плакать, потому что было жалко, и не могли, чтобы не плакать, и всѣ плакали. Мы пошли къ нимъ, осталась у насъ дома одна моя мать да двое маленькихъ. Пошелъ онъ къ намъ прощаться, пришелъ къ намъ и сталъ прощаться. А когда простился съ маленькими, съ Васькой да съ Марфуткой, сталъ съ мамкой прощаться. Моя мать заплакала и мой дядя заплакалъ и пошелъ домой, а моя мать еще плакала и никакъ не уймется. Когда моего дядю проводили, пріѣхали изъ города и все плакали. А когда кто скажетъ: «говорятъ, угоняютъ солдатъ», и поѣдутъ въ городъ, а тамъ выгонять и не думали и поѣдутъ опять назадъ домой. Пріѣдутъ домой и скажутъ: «какого-то стрясло сказать:—выгоняютъ солдатъ, а въ городѣ ничего не слышать».

Ө. Б—инъ (ученикъ 3-го отдѣленія). «Родители и сыновья». «Когда у отца родится сынъ, то онъ ходитъ за нимъ, уважаетъ сына. Когда сыну исполнится лѣтъ восемь, то отецъ сына отдаетъ въ школу. Огучится въ школѣ, отецъ своего сына отдаетъ куда-нибудь въ люди. Когда

сыну исполнится восемнадцать лѣтъ, сынъ скажетъ— «жениться». Сынъ женится. Отецъ что-нибудь скажетъ, грубое слово. Сынъ возгордится и скажетъ: «живи, когда мало тебѣ, а я уйду съ женой, куда знаю». Отецъ тоже въ горячкѣ скажетъ: «ступай». Но, конечно, не надо забывать родителей, потому что они насъ съ малолѣтства ласкаютъ и любятъ. Но когда сынъ уйдетъ отъ отца, то отецъ останется одинъ одинешенекъ, если у него былъ одинъ сынъ. Но есть, конечно, и такіе сыновья— уйдутъ на дальнюю сторону и присылаютъ денегъ родителямъ, когда 15 рублей, когда 20 рублей. У одного старика былъ сынъ. Онъ очень любилъ его, но когда открылась война Германіи съ Россіей, въ это время я шелъ мимо его, онъ и приказываетъ своему сыну: «вотъ что, сынокъ, пойдешь на войну, за людей не хоронись, какъ въ Японскую войну воротился назадъ, такъ и теперь воротись. Ну, прощай, сынокъ, бѣги на войну, побѣждай непріятеля. Такъ и случилось: сынъ пришелъ съ войны раненый въ палецъ».

С—овъ, И. Ал. (ученикъ 3-го отд.). «Раненый». «Въ нынѣшнюю войну взяли много солдатъ. У одной бабы взяли на войну мужа и назначили въ самый бой. Солдатъ нѣсколько разъ сражался съ нѣмцами и былъ невредимъ. Разъ нѣмцы стали подходить къ русскимъ, а русскіе солдаты не захотѣли уважить нѣмцамъ и вступили въ бой. Бой этотъ былъ очень сильный, много побили русскихъ, а нѣмцевъ вдвое болѣе. Въ этотъ сильный бой былъ пораненъ нашъ солдатъ. Онъ былъ пораненъ въ правый бокъ. Какъ только ему влетѣла въ бокъ пуля, онъ какъ вскрикнетъ: «ой, батюшки мои! ой! ахъ, больно бокъ! ой! ой!» и бросился бѣжать, что было силы. Бѣжитъ онъ, ухватился за свой подстрѣленный бокъ, прибѣжалъ на перевязочный пунктъ, перевязали ему рану и положили въ больницу. Когда солдату получило, его опять взяли на войну, но только въ извозъ».

Ө. Б—инъ (ученикъ 3-го отдѣленія) «Война». «Австрія объявила войну Сербіи. За Сербію вступилась Россія.

А за Австрію вступилась Германія. За Россію вступились прочія земли: Англія, Франція, Черногорія, Бельгія, и началась очень сильная битва. Еще за Австро-Венгрію вступилась Турція. Сраженія были на рѣкѣ Вислѣ и на другихъ рѣкахъ за границей, названія очень мудренныя. Бельгія потопила 150 тысячъ нѣмцевъ около города Анверпена. Она изловчилась такимъ образомъ, провела изъ моря и рѣки воду и загородила плотинами, шлюзами. Нѣмцы стали подступать къ городу и шли черезъ шлюзы. Ихъ вожакъ думалъ, что это у бельгийцевъ окопы. Бельгийцы отпустили свою запруду и потопили 150 тысячъ нѣмцевъ.

«Если бы не Бельгія, то нѣмцы пришли бы въ Петроградъ. Почему? Потому что Россія не была готова къ войнѣ. А Бельгія знала, потому что Вильгельмъ звалъ ее въ союзники, но Бельгія не хотѣла идти противъ Россіи и пошла противъ Германіи. Русскія войска освободили Парижъ отъ нѣмцевъ. Нѣмцы находились отъ Парижа за 10 верстъ, и тогда нашъ Главнокомандующій Николай Николаевичъ перекинулъ свои войска къ Кракову. Нѣмцы и австрійцы испугались этого и отступили отъ Парижа. Тогда императоръ Франціи Пуанкаре поблагодарилъ русскаго императора Николая Александровича и охотно сталъ воевать противъ Германіи. Столица Сербіи — Бѣлградъ былъ взятъ австрійцами, а потомъ опять освобожденъ отъ австрійскаго ига. Англія хорошо сражается на морѣ, потому что она стоитъ на островѣ, который называется Великобританіей, и народы тамъ живутъ англичане, очень хитрые. Японія очень ловка брать крѣпости. Она устроила машины зарывать тѣла убитыхъ. Сначала эта машина роетъ ямы, потомъ подбираетъ убитыхъ и, наконецъ, все заравниваетъ, какъ бороной. И это для насъ очень полезно, такъ какъ, говорятъ, будетъ морѣ скоро. А Америка подарила Россіи сто автомобилей».

Б—овъ (ученикъ 2-го отдѣла.) «Какъ пишутъ письма солдаты съ войны». «Однажды у насъ ѣздили въ городъ, и моя крестная ѣздила. Приѣхала она и пошла туда, гдѣ

жила въ кухаркахъ. Она тамъ услышала, что одной женщиной городской солдатъ прислалъ письмо. И она понесла читать прямо въ трактиръ. Когда стали читать и дочитались до того мѣста, гдѣ написано, что я хочу сдаться въ плѣнь. Сейчасъ подошелъ къ ней стражникъ и понесъ письмо къ военачальнику. Военачальникъ сказалъ этой женщинѣ, что твой мужъ будетъ на завтра повѣшенъ. И пошло письмо это дальше. Потому онъ такъ прислалъ, что онъ думалъ будетъ читать его письмо сынъ, который ходитъ учиться въ гимназію. И она не дождала десять минутъ, и сынъ пришелъ изъ гимназіи.

П. К.—овъ (ученикъ 2-го отд.) «Зачѣмъ люди воюють». «Люди зачѣмъ воюють, чтобы защищать свое отечество и Царя-батюшку и Царицу-матушку. Отечество есть наша родина; она называется родиной оттого, что издавна въ ней жили наши отцы и дѣды и прадеды. А царь—нашъ отецъ и самодержецъ. Если бы не было царя, тогда бы народъ взбунтовался и между собой ссориться изъ земли сталъ бы. За всѣхъ намъ нужно молиться Богу во время войны, чтобы Богъ далъ намъ покорить врага супостата. Когда мы молимся Богу, намъ нужно помнить и не забывать царя и нужно молиться объ родинѣ, чтобы въ ней не сдѣлался моръ за наше беззаконіе и непочтительность къ старшимъ».

А. З.—овъ (ученикъ 2-го отд.) «За чѣмъ люди воюють». «Сперва Россія давала нѣмцамъ хлѣбъ, но теперь не стала давать. Тогда нѣмецъ осерчалъ и объявилъ войну. Нашъ Государь сталъ набирать войско. Онъ набралъ очень много войска, и стали воевать. Германецъ воевалъ на нашей землѣ, потомъ наши ихъ оттуда оттолкнули. Войска сказали: «когда Львовъ возьмемъ и все будетъ наше». Львовъ взяли и ничего не помогло. Вотъ теперь, когда взяли Перемышль, всѣ стали рады; всѣ говорятъ—въ этомъ городѣ было нашихъ 30.000 тысячъ, потомъ никто не вѣрить».

Ив. З.—овъ (ученикъ 2-го отд.) «Война». «Однажды меня посылають за газетами къ свату. Однава пришелъ—не

пріѣхаль (изъ города), потомъ пошелъ къ Акиму, пришелъ, у нихъ тоже не пріѣхали. Пришелъ домой, я сказалъ: «не удастся». Потомъ черезъ часъ опять пошелъ къ свату за газетой; онъ пріѣхаль. Я взялъ у него газету и принесъ домой и далъ браткѣ. Братка сказалъ: «ступай за дядей Василюмъ». Я сбѣгалъ. Онъ спѣшитъ, идетъ, радуется. Братка сталъ читать газету, и попалось ему на глаза—больно много взяли австрійцевъ—5 тысячъ, 100 офицеровъ и много орудій и нѣсколько пулеметовъ, потомъ—французъ больно пощипаль, а аэропланъ французскій леталь, оглядываль, много ли тамъ войска, потомъ аэропланъ прилетѣль (обратно). Французскій главнокомандующій сказалъ: «что тамъ много ли войска?» Французъ сказалъ: «10 тысячъ будетъ».—«Ну это ничего, мы ихъ живо перебьемъ».

«Потомъ закричали: ура, ура! и всѣхъ перебили.

«Потомъ онъ (нѣмецъ) пошелъ въ наступленіе на русскихъ. Русскіе какъ на нихъ бросятся на штыки; наши ихъ перебили; они бѣжать, бѣжали, наши какъ изъ пулеметовъ, они лишь валяются».

А. С—ва (ученица 2-го отд.) «Отецъ на войнѣ». «У однихъ угнали отца, и они были очень бѣдны. А отца угнали, они и вовсе стали бѣдны, а у нихъ было шестеро дѣтей. Одинъ разъ сидѣли они за чаемъ. Мать и говоритъ: «эхъ! вы дѣтки-сиротки, кто вамъ будетъ доставать хлѣбъ?»

«Одинъ—самый большой мальчикъ и говоритъ: «мама, я пойду въ пастухи, въ лѣто заработаю рублей пятьдесятъ, а вы пятеро небось прокормитесь». А самый маленькій мальчикъ и говоритъ: «а я пойду въ городъ въ пекаря, буду носить хлѣбъ мамкѣ». Мать и говоритъ: «всѣ вы работники, а отца у васъ нѣту». Одна дѣвочка сказала: «я пойду въ няньки, поработаю мѣсяца три и принесу на хлѣбъ». Мать сказала: «всѣ вы уйдете, а меня одну оставите». Всѣ закричали: «не оставимъ».

Е. З—ова (ученица 2-го отд.) «Отець на войнѣ». «Вотъ разъ моего тятку угнали на войну. Его тамъ поранили; потомъ онъ просился домой, его отпустили домой. Онъ пришелъ домой и говорить: «меня очень шибко поранили въ бокъ». Его отпустили на три мѣсяца, потомъ онъ отжилъ три мѣсяца и опять пошелъ на войну. Всѣ плакали».

Можно и еще приводить примѣры дѣтскихъ сочиненій, написанныхъ во виѣурочное время, но я думаю, что и этими сочиненіями нарисована до нѣкоторой степени объективная картина дѣтскихъ переживаній, впечатлѣній, вызванныхъ войной.

Военныя впечатлѣнія могучей волной хлынули въ дѣтскую душу. Совершенно новыя, неизвѣстныя настроенія охватываютъ молодое поколѣніе. Необычныя сцены проводовъ на войну отца, брата, родныхъ, знакомыхъ, возвращеніе раненыхъ, всевозможные споры, бесѣды на военныя темы, чтеніе газетъ, писемъ, присланныхъ съ театра военныхъ дѣйствій,—все это проходитъ передъ взоромъ дѣтей, и неволью впитываетъ въ себя душа ребенка вѣянія военныхъ событій. Всѣ колебанія общественныхъ переживаній, настроеній находятъ свой отзвукъ въ дѣтской психикѣ.

Въ связи съ этимъ въ наше время особенно чутко слѣдуетъ отнестись къ дѣтскимъ переживаніямъ, чувствованіямъ. Для того, чтобы въ состояніи успѣшно бороться съ отрицательными вліяніями войны, необходимо особенно внимательно проникнуть въ индивидуальныя переживанія каждаго ребенка. Всякому извѣстно, что каждое дитя имѣетъ опредѣленную группу наклонностей, психическихъ свойствъ, поэтому-то и воспріятіе военныхъ событій будетъ имѣть свои отѣнки въ связи съ индивидуальными особенностями ребенка. Отмѣтивъ индивидуальныя особенности военныхъ переживаній, мы все-таки не въ силахъ прямо подавить отрицательныя вліянія, мы только можемъ на мѣсто отрицательныхъ вліяній поставить болѣе

достойное чувствованіе, такимъ образомъ, мы можемъ отвлекать особенное вниманіе отъ предметовъ военнаго характера и въ то же время помогать культивированію положительныхъ чувствованій. Присматриваясь въ начальной школѣ къ дѣтскимъ переживаніямъ въ связи съ военными событіями, приведу конкретные примѣры индивидуальныхъ переживаній.

Средній возрастъ наблюдавшихся нами учениковъ третьяго отдѣленія начальной школы 12—13 лѣтъ. Ученики—всѣ дѣти крестьянъ, живутъ въ деревнѣ, недалеко отъ уѣзднаго города; у нѣкоторыхъ изъ нихъ на войнѣ братья, а у другихъ родные.

А. К.—нѣ—ученикъ 12 лѣтъ, два брата на войнѣ, особенно тонко чувствуетъ красоту природы, эстетическія переживанія, натура съ словеснымъ художественнымъ дарованіемъ, въ душѣ поэтъ.

Ему кажется, что вмѣстѣ съ людьми и природа какъ бы оплакиваетъ тѣхъ солдатъ, которые отправляются на войну. Изъ нѣсколькихъ сочиненій, написанныхъ во внѣурочное время, приведу одно подъ заглавіемъ «Грустные люди» ¹⁾. «Объявила Германія войну. Изъ городовъ тронули солдатъ, которые не отслужили начальную службу. Пошелъ слухъ по всѣмъ деревнямъ, стали набирать солдатъ и ополченцевъ. Жены и матери услышали, стали плакать да вопить. По всей деревнѣ пошелъ вопль, крикъ, а мужики ходятъ печальные, на глазахъ слезы. На другой день повезли солдатъ въ городъ, а жены плачутъ, обнимаютъ мужьевъ, не пускаютъ ихъ, а они утѣшаютъ женъ. Послѣ этой наборки въ деревнѣ стало скучно, грустно. Деревня стоитъ, какъ лѣсъ дремучій. Бабы на колодцахъ говорятъ про войну, про мужьевъ, кого куда назначили. Всѣ бабы и мужики невеселые, какъ будто осенній цвѣтъ. У оконъ деревья стоятъ, по верхушкамъ вѣтеръ плыветъ, словно волна. Въ деревнѣ тихо, смирно, ни одной

¹⁾ Исправлены только лишь грамматическія ошибки.

птицы не слышенъ звукъ, а по улицѣ широкой пыль идетъ, взвивается столбомъ».

Въ незамысловатой формѣ, небольшими штрихами обрисовано настроеніе скорби, тоски, вызванной зловѣщимъ пожаромъ войны.

Ив. Ал. С—въ—ученикъ съ задатками будущаго практическаго дѣльца, хорошаго хозяина, и переживанія военныхъ событій носятъ уже другую окраску; онъ старается найти причину войны, на всѣ событія имѣетъ свое собственное мнѣніе. На вопросъ: Какой вредъ приносить война? онъ пишетъ:

«Каждой семьѣ приносить война вредъ, потому что хлѣбъ сейчасъ очень дорогъ по случаю войны. Если бы войны не было, то и хлѣбъ былъ бы, какъ и прежде». Причину войны онъ объясняетъ такимъ образомъ: «Въ нѣмецкомъ государствѣ былъ хлѣбъ очень дорогъ. Нѣмецкій государь и объявилъ Русскому Государю войну. Русскій Государь и говорить: «такъ что жъ? у меня войска на тебя готовы». Вотъ и началась сильная война».

А. Б—евъ—ученикъ очень способный, но, благодаря тому, что отецъ у него очень долгое время былъ фельдфебелемъ на сверхсрочной службѣ, заразился въ семьѣ военными интересами, любить писать про войну, рисовать, любить солдатъ въ боевомъ снаряженіи, въ рядахъ и т. п., хотѣлось бы быть ему командиромъ. Приведу написанное имъ стихотвореніе про войну; не будемъ особенно строги къ дѣтскому стихотворенію.

Вильгельмъ хотѣлъ быть царемъ міра,
чтобы подчинялись ему вси,
и для такой прегнусной цѣли
онъ объявилъ войну Руси.
Какъ неожиданъ былъ тотъ жребій,
попавшій Руси въ этотъ годъ.
Однако русскій Царь Державный
сталъ созывать русскій народъ.
Онъ издалъ манифестъ народу
объ объявленіи войны.

Онъ манифестомъ звалъ Россію,
глася, что къ намъ пришли враги.
Съ какимъ сочувствіемъ отнесся
народъ къ гласу царя Руси,
сталъ провожать сыновъ и братьевъ,
чтобъ быть свободнымъ отъ Пруссіи.
И вотъ Вильгельмъ, лежа въ постели,
чтобъ веселить пруссаковъ,
велѣлъ писать въ газетахъ сплетни,
что нѣмцы взяли Анверпенъ.
Но не повѣрили австрійцы,
что Анверпенъ давно ужъ взятъ,
стали просить царя австрійцы:
„сейчасъ же мира заключить“.
Но сталъ противиться Іосифъ,
говоря, что кайзеръ—другъ,
обѣщая награжденіе,
воевать съ нимъ вмѣстѣ просить.
Тутъ австрійцы ужъ за-правду
озлобились на царя,
тутъ же бросились на Франца,
стали мять ему бока.
Весь ошпаннанный Іосифъ
безъ пальто бѣжалъ въ замокъ,
извергая на кайзера
проклятьевъ цѣлый потокъ.
И австрійцы съ этихъ поръ
не стали слушаться его.
Какъ идетъ онъ лишь по улицѣ,
кричатъ ему: „измѣнникъ, воръ!“
Тутъ ужъ Францъ не отвѣчаетъ
на возгласы австріяковъ,
но скорѣй закрывшись платьемъ,
отъ австрійцевъ удираетъ.
Но австрійскій народъ
въ замкѣ спокою не даетъ.
Согласившись вмѣстѣ трое,
топоры въ руки берутъ,
съ топорами полнымъ ходомъ
ко дворцу царскому идутъ
съ громкимъ крикомъ: „ахъ, измѣнникъ!“
Все колотятъ, все гребутъ,
тутъ ужъ Францу не въ терпѣнье

все обиды переносить.
Онъ возьми да и уѣхай
къ нѣмцу, горю пособить.
Но Вильгельмъ не радъ онъ Францу,
назадъ гонить онъ его,
говорить: „ты собери-ка
больше народу своего.
Тутъ ужъ грянемъ мы на русскихъ,
много пушекъ зарядимъ
и дружно, многолюдно
всѣ на русскихъ навалимъ“.
Но растроганный Іосифъ
не хочетъ войска онъ созвать.
Только въ мысляхъ онъ кайзера
съ тѣхъ поръ началъ проклинать.

Благодаря тому, что ученикъ особенно интересуется всѣми свѣдѣніями о военныхъ событіяхъ, онъ уже иначе совершенно объясняетъ и причины войны и положеніе австрійскаго императора Францъ Іосифа.

Ө. Б—инъ,—ученикъ интересуется историческими явленіями, любитъ читать книги историческаго характера, въ связи съ этимъ у него проявился интересъ и къ современной войнѣ, но отношеніе къ врагамъ гуманитарное. Онъ хорошо знаетъ и города и рѣки, гдѣ происходитъ современная война, и обнаруживаетъ довольно вѣрные свѣдѣнія о союзныхъ съ нами державахъ, интересуется положеніемъ Италіи и Румыніи по отношенію къ союзнымъ державамъ. Имъ во внѣурочное время написано довольно много сочиненій о войнѣ. На вопросъ о томъ, что рассказываютъ раненые, которые были на войнѣ, онъ пишетъ: «раненые говорятъ, что на войнѣ страшно лишь въ первый разъ схлестнуться. Когда начнется битва, тогда безъ страха ужъ бросаешься на нѣмцевъ, какъ разъяренный левъ или тигръ».

П. К—овъ, ученикъ 2-го отдѣленія, живетъ въ патриархальной и очень религіозной семьѣ. Онъ пишетъ: «Люди затѣмъ воюютъ, чтобы защищать свое отечество и Царя-батюшку и Царицу-матушку. Отечество есть наша ро-

дина оттого, что издавна въ ней жили наши отцы и дѣды и прадеды. А царь—нашъ отецъ и самодержецъ. Если бы не было царя, тогда бы народъ взбунтовался и между собой ссориться изъ земли сталъ бы. За всѣхъ намъ нужно молиться Богу во время войны, чтобы Богъ далъ намъ покорить врага супостата. Когда мы молимся Богу, намъ нужно помнить и не забывать царя и нужно молиться объ родинѣ, чтобы въ ней не сдѣлался моръ за наше беззаконіе и непочтительность къ старшимъ».

В. Б—овъ—этотъ ученикъ любитъ ходить на охоту съ ружьемъ, ему 14 лѣтъ, къ ученью способности имѣеть плохія, въ школѣ любитъ устраивать войну, драки съ одѣльными учениками, поэтому и отношеніе къ войнѣ у него своеобразное. На вопросъ о томъ, любитъ ли онъ войну, пишетъ: «я войну очень люблю, да только боюсь убьютъ», всѣ же остальные ученики пишутъ на этотъ вопросъ, что они войну не любятъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось наблюдать цѣлыхъ пять типовъ дѣтскихъ переживаній въ связи съ военными событіями.

Что же касается до остальныхъ учениковъ, то переживанія ихъ, чувствованія, вызванныя военными вѣяніями, приближаются къ какому-нибудь изъ разобранныхъ типовъ. Богатый матеріалъ для наблюденій надъ дѣтской психикой дали мнѣ внѣурочныя свободныя сочиненія, свободные рисунки на военныя темы, игры дѣтей, ихъ любовь къ чтенію тѣхъ или иныхъ книгъ и анкета. Мы видимъ, что міровыя событія врѣзались глубоко въ дѣтскую психику, и передъ нами встаетъ въ высшей степени отвѣтственная задача о воспитаніи молодого поколѣнія для будущей жизни, такъ какъ ядро жизни такъ или иначе закладывается въ молодости.

Деревенскій ребенокъ раскрываетъ свои глазенки, смотритъ, смотритъ на происходящую міровую трагедію, вотъ онъ какъ будто бы забылся въ своихъ играхъ, но нѣтъ

опять заблестѣли глазенки, забѣгала мысль, опять прислушивается къ военнымъ разговорамъ въ семьѣ, на улицѣ, прислушивается къ чтенію солдатскихъ писемъ, къ чтенію шовинистическихъ газетъ. Смотришь и чувствуешь, какая работа творится въ дѣтскомъ, еще неокрѣпшемъ мозгу. Никто не будетъ отрицать, что современная война ужасна. Еще болѣе она ужасна тѣмъ, что въ человѣчскія сердца вноситъ ожесточеніе. Жестокость, грубость, черствость—вотъ неизмѣнные спутники войны. На насъ, взрослыхъ это не такъ еще отражается. Отражается это на нашихъ дѣтяхъ, юношахъ, которые воспитываются въ атмосферѣ военныхъ вѣяній. И всѣ эти слѣды военного времени могутъ остаться и въ послѣдующей жизни. Вотъ почему совершающіяся событія налагаютъ особенныя обязанности—воспитать молодое поколѣніе такъ, чтобы въ дѣтскую душу не закралась грубость, черствость, ожесточеніе. И какъ глубоко справедливы были слова Достоевскаго: «Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливой душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя, и образъ твой, неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй, а все потому, что ты не уберегся предъ дитятей, потому что любви осмотрительной, дѣятельной не воспиталъ въ себѣ». Вотъ поэтому-то для учителей, воспитателей, родителей переживаемое время несетъ особенныя заботы, особенное чуткое вниманіе къ проявленію дѣтскихъ переживаній, чувствованій. Великій педагогъ К. Д. Ушинскій въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, какъ бы отвѣчая на вопросы современнаго воспитанія, говорить: «Богъ знаетъ, какъ много принесли человѣчеству вреда картины войнъ, рассказанныя дѣтямъ съ увлеченіемъ, гдѣ излагалось торжество побѣдителей, а не страданіе побѣжденныхъ, или картины пустого величія, стоившаго людямъ столько слезъ, трудовъ, крови и жертвъ».

Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы передѣлать не одну страницу въ нашихъ историческихъ учебникахъ»¹⁾.

Весь матеріалъ о военныхъ впечатлѣніяхъ въ высшей степени необходимо использовать въ цѣляхъ развитія гуманитарныхъ чувствованій, чувства состраданія, любви къ человѣчеству. Только, такимъ образомъ, воспитанники будутъ на правильной дорогѣ въ переживаемое время и будутъ стойкими поборниками, сѣятелями правды, истины, любви и мира, а вмѣстѣ съ этимъ мы будемъ служить обновленной молодой Россіи, и эти свѣтлыя перспективы будущаго должны одушевлять наше сердце, нашъ умъ и нашу волю.

И. Е. Потемкинъ.

¹⁾ Собраніе педаг. сочин. К. Д. Ушинскій, томъ II, стр. 210.

Къ пересмотру „правиль о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ“.

Утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія еще 5 августа 1875 г «правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ» давно уже устарѣли и далеко отстали отъ современныхъ требованій жизни, какъ это не разъ отмѣчалось не только педагогической, но и общей прессой. Нѣкоторыя земства, устраивающія курсы для учителей, стремились всячески обойти указанныя «правила», въ виду тѣхъ стѣсненій, какія вытекали изъ этихъ правилъ для инициативы устройствелей курсовъ, ограничивая чуть ли не все участіе ихъ въ дѣлѣ устройства курсовъ лишь ассигнованіемъ средствъ для нихъ. Однако же большинство земствъ до самаго послѣдняго времени устраивали курсы именно по правиламъ 5 августа 1875 г., такъ какъ другія основанія и правила, по которымъ можно было бы собирать учителей и учительницъ, не давали возможности въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени сдѣлать работу учащихъ въ начальныхъ школахъ строго-педагогической и жизненно-продуктивной для нихъ. Я разумѣю работу главнымъ образомъ по методикамъ преподаваемыхъ въ начальной школѣ предметовъ и по самому этому преподаванію во временной курсовой начальной школѣ.

Стѣсняють, далѣе, эти правила и слушателей курсовъ, ставя ихъ на положеніе «учащихся»; стѣсняють и руководителей курсовъ, которымъ было бы гораздо пріятнѣе дѣлиться своимъ опытомъ и знаніями передъ свободно собравшейся аудиторіей, чѣмъ изображать изъ себя «наставниковъ» по отношенію къ «учащимся»—слушателямъ и слушательницамъ курсовъ. Стѣсняють, наконецъ, правила 5 августа 1875 г. и самихъ «главныхъ наблюдателей» за курсами, обязанныхъ чуть ли не со спискомъ въ рукахъ провѣрять наличность слушателей и слушательницъ, занятія на курсахъ для которыхъ *совершенно обязательны*, какъ гласятъ правила. И развѣ лишь особенно ярые формалисты-инспектора народныхъ училищъ или инспектора высшихъ начальныхъ училищъ, которымъ поручается главное наблюденіе за курсами, не чувствовали себя стѣсненными, а наоборотъ, получали даже удовлетвореніе для своего самолюбія, очутившись импровизированными «начальниками заведенія», которымъ подчиняются не только съѣхавшіеся учителя и учительницы, но и руководители (зачастую директора учительскихъ семинарій и институтовъ или директора народныхъ училищъ) и которымъ «правилами» предоставлено право, въ случаѣ неисполненія ихъ требованій, устранять отъ занятій не только учителей, учительницъ и учительскихъ кандидатовъ, но и руководителей (см. пп. 13 и 14 правилъ).

Наконецъ, само министерство народнаго просвѣщенія сознало устарѣлость правилъ о временныхъ курсахъ, и попечителями учебныхъ округовъ въ самое послѣднее время рассылаются директорамъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій циркуляры, гласящіе, что «министерство народнаго просвѣщенія, находя правила 5 августа 1875 г. о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ въ настоящее время значительно устарѣвшими и несоотвѣтствующими современнымъ требованіямъ жизни, предполагаетъ подвергнуть означенныя правила переработкѣ».

Нельзя не порадоваться, что правила 5 августа 1875 г. перестанутъ, наконецъ, регулировать одно изъ наиболѣе жизненныхъ и полезныхъ для учительства учреждений. Изъ личныхъ впечатлѣній по работѣ на педагогическихъ курсахъ я выносилъ опредѣленное и неизмѣнное убѣжденіе, что, даже устраиваемые по пресловутымъ правиламъ 5 августа 1875 г., курсы эти (при отсутствіи придирчивости въ смыслѣ строгаго соблюденія правилъ и при наличности, наоборотъ, пониманія современныхъ жизненныхъ требованій со стороны достаточна чуткихъ и тактичныхъ «главныхъ наблюдателей») приносили огромную пользу учительству, надолго и глубоко запечатлѣваясь въ его памяти. Тѣмъ болѣе полезнымъ будетъ это учрежденіе, когда будутъ устранены многія стѣсняющія условія, поставляемые правилами 5 августа.

Прежде всего правила эти излишне осложняютъ самую процедуру устройства и открытія курсовъ, указывая рядъ инстанцій для ходатайства объ открытіи курсовъ. Немудрено поэтому, что бываютъ такіе случаи: ходатайство возбуждено еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ январѣ уже приглашены лекторы-руководители, которые заблаговременно намѣчаютъ программы, посылаютъ анкетные листы будущимъ слушателямъ, ведутъ переписку съ наблюдателями курсовъ о времени своихъ занятій, но въ маѣ, незадолго до предполагаемаго открытія этихъ занятій, становится извѣстнымъ, что курсы въ текущемъ году администраціей не разрѣшены.

Другимъ изъ наиболѣе стѣсняющихъ инициативу устроителей курсовъ обстоятельствъ является требованіе правилъ по вопросу о программѣ курсовъ и приглашеніи лекторовъ-руководителей. Въ послѣднемъ отношеніи чаще всего возможны конфликты между представителями земствъ, ассигнующихъ извѣстныя суммы на устройство курсовъ, и «главными наблюдателями» курсовъ или директорами народныхъ училищъ. Право приглашенія руководителей предоставляется «правилами» или директору учительской

семинаріи, какъ главному наблюдателю курсовъ, если таковыя устраиваются при учительской семинаріи, или же директору народныхъ училищъ, если курсы устраиваются не при учительской семинаріи. Было бы болѣе цѣлесообразнымъ предоставлять указанное право не единолично «главному наблюдателю» или директору народныхъ училищъ, а особой коллегіи лицъ, избираемыхъ для временнаго «совѣта» или «бюро» педагогическихъ курсовъ изъ представителей земства и лицъ учебнаго вѣдомства. Этотъ же временный совѣтъ или бюро курсовъ могъ бы взять въ свои руки вообще всю организацію курсовъ: ему бы, а не единолично инспектору народныхъ училищъ, какъ требуетъ п. 11 «правиль», могло быть предоставлено право приглашенія къ слушанію курсовъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ, а равно и право допущенія къ слушанію кандидатовъ на учительскія должности и вообще лицъ, допущеніе которыхъ «правилами» ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія главнаго наблюдателя за курсами (см. п. 16 правилъ). Количество допускаемыхъ къ слушанію лицъ опредѣлялось бы опять-таки тѣмъ же временнымъ совѣтомъ, въ зависимости отъ размѣровъ помѣщенія и другихъ мѣстныхъ условій. Между тѣмъ какъ по «правиламъ» этой сторонѣ курсовъ придана излишняя громоздкость: «число слушателей на курсахъ», читаемъ мы въ п. 12 правилъ, «опредѣляется каждый разъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа тѣмъ лицомъ, которое имѣетъ быть наблюдателемъ за курсами, съ тѣмъ, чтобы количество слушателей на курсахъ было соразмѣряемо съ числомъ приглашенныхъ руководителей, дабы послѣдніе имѣли полную возможность правильно и успѣшно вести свои занятія на курсахъ и не были затрудняемы многочисленностью слушателей и чтобы число руководителей ни въ какомъ случаѣ не было менѣе двухъ, если количество слушателей будетъ простираться до 40 лицъ». Поставленіе количества слушателей въ зависимость отъ

числа руководителей, понятно, совершенно не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія современной постановки работы на педагогическихъ курсахъ: число руководителей теперь опредѣляется не количествомъ слушателей, а числомъ отдѣльныхъ предметовъ, намѣчаемыхъ программой курсовъ.

Временный же совѣтъ курсовъ разрѣшалъ бы вопросы о срокахъ и продолжительности занятій на курсахъ, по соглашенію съ лекторами и руководителями курсовъ,— и тогда не было бы надобности такъ точно регламентировать часы занятій, какъ это дѣлается пп. 20 и 21. Тотъ же совѣтъ курсовъ могъ бы намѣтить и самую программу предметовъ занятій на педагогическихъ курсахъ.

Предусматриваемая правилами 5 августа программа занятій на педагогическихъ курсахъ (см. п. 24-й) является настолько устарѣлой, что не можетъ удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ современнымъ педагогическимъ курсамъ. Не даромъ многія земства съ большою неохотой соглашаются на устройство курсовъ по правиламъ 1875 г.

Съ точки зрѣнія правилъ 5 августа какъ эта программа, такъ вообще все направленіе курсовой работы, совершенно неприемлемое въ настоящее время, является вполне понятнымъ. Вѣдь курсы по этимъ правиламъ устраивались для «мало подготовленныхъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ» и притомъ же 40 лѣтъ тому назадъ. Что представлялъ изъ себя «мало подготовленный учитель» въ то время, можно судить по тому, что лишь при повторныхъ курсахъ два года сряду можно было бы, по мысли составителя правилъ (см. п. 32), «въ видахъ болѣе солиднаго подготовленія учителей и учительницъ... нѣсколько расширить кругъ занятій ихъ, и именно: кромѣ предметовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ начальному училищу, обратить вниманіе также на русскую исторію, въ объемѣ курса учительскихъ семинарій, на главнѣйшія свѣдѣнія, необходимыя для

пониманія явленій природы». Иначе говоря, лишь при повторныхъ курсахъ можно было для объема сообщаемыхъ знаній ставить цѣлью приближеніе къ курсу учительской семинаріи того времени, съ трехлѣтнимъ курсомъ обученія въ ней и при условіи поступленія въ нее чуть ли не съ простымъ знаніемъ грамоты и первыхъ четырехъ ариметическихъ дѣйствій. Не даромъ учительскія семинаріи до недавняго времени давали меньшія права, чѣмъ городскія по положенію 1872 г. училища (теперешнія «высшія» начальныя училища).

Понятно поэтому, что для подобнаго контингента слушателей совсѣмъ не требовались особые спеціалисты-лектора или руководители, и число ихъ опредѣлялось не въ зависимости отъ предмета, который онъ могъ бы преподавать (при миниатюрной программѣ курсовыхъ занятій, предполагалось, одинъ и тотъ же руководитель справится съ разными предметами), а просто-напросто количествомъ слушателей—по 20 человекъ на руководителя.

Самое направленіе курсовой работы по правиламъ 1875 года объясняется именно указаннымъ контингентомъ слушателей, идеальная программа занятій для которыхъ—приближеніе къ объему программъ учительскихъ семинарій. Самые курсы какъ бы изображаютъ изъ себя въ миниатюрѣ учительскую семинарію: «Педагогическіе курсы», читаемъ въ правилахъ (п. 13), «представляя собою кратковременное учебное заведеніе, имѣютъ: въ лицѣ главнаго наблюдателя за курсами—начальника заведенія, въ лицѣ руководителей—наставниковъ, а въ лицѣ приглашенныхъ на курсы учителей и учительницъ—учащихся. На этомъ основаніи опредѣляются взаимныя отношенія лицъ, участвующихъ на курсахъ, и подчиненіе руководителей и съѣхавшихся учителей и учительницъ главному наблюдателю за курсами».

Отсюда—почти урочная, а не лекціонная система преподаванія на курсахъ (см. требованіе п. 24 правилъ).

Временная школа при курсахъ—практическая школа для занятій учителей и учительницъ, въ которой они упражняются въ преподаваніи подъ руководствомъ наставниковъ-руководителей.

Совершенно ясно, что типъ педагогическихъ курсовъ при современныхъ условіяхъ долженъ быть совершенно иной. На педагогическіе курсы теперь являются учителя и учительницы въ большинствѣ уже со среднимъ общимъ образованіемъ, т.-е. въ отношеніи общеобразовательнаго уровня современные слушатели и слушательницы стоятъ не ниже, а выше окончившихъ курсъ даже въ теперешней четырехклассной учительской семинаріи. Для нихъ уже требуется не сообщеніе свѣдѣній «по русской исторіи въ объемъ курса учительскихъ семинарій», а гораздо болѣе солидные курсы по общеобразовательнымъ предметамъ. А для чтенія подобныхъ курсовъ нужны уже спеціальныя работники въ той или иной области. Теперь уже нельзя возлагать на одного и того же руководителя и веденіе занятій по русскому языку съ методикой и сообщеніе свѣдѣній по педагогикѣ съ дидактикой, какъ это было даже сравнительно недавно (напр., курсы покойнаго Н. О. Бунакова въ 1890, даже въ позднѣйшіе годы). Если еще совсѣмъ недавно устроители курсовъ по правиламъ 5 авг. 1875 года довольствовались двумя руководителями—по русскому языку и ариѳметикѣ, то теперь требуется значительно большее число отдѣльныхъ руководителей. На многихъ педагогическихъ курсахъ самаго послѣдняго времени выступаютъ уже особые руководители: по педагогикѣ или педагогической психологіи, по исторіи русской литературы, по методикѣ русскаго языка, по методикѣ ариѳметики, по методикѣ естествовѣдѣнія, по міровѣдѣнію, по исторіи и методикѣ ея и т. д...

Самыя занятія по методикамъ предметовъ преподаванія въ начальной школѣ съ показательными уроками должны теперь совершенно измѣнить свой видъ, сравнительно съ требованіями правилъ 1875 года. Центръ тяжести занятій

во временной школѣ долженъ лежать отнюдь не на урокахъ слушателей и слушательницъ курсовъ, а на «показательныхъ» урокахъ самого руководителя. Уроки во временной школѣ должны быть именно «показательными», а не «практическими», даже и въ томъ случаѣ, когда они будутъ даваться слушателями. Такихъ уроковъ слушателей не можетъ быть много: они могутъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, если у кого-либо изъ слушателей или слушательницъ имѣются какіе-либо своеобразные, выработанные опытомъ, приемы, которые интересно было бы продемонстрировать передъ аудиторіей, а потомъ обмѣняться по поводу ихъ мыслями. Главное же мѣсто должно быть отведено показательнымъ урокамъ самого руководителя-лектора по методикѣ предмета. Его уроки будутъ имѣть значеніе иллюстрацій къ тѣмъ положеніямъ, которыя онъ будетъ развивать передъ аудиторіей въ теоретическихъ своихъ бесѣдахъ по методикѣ.

Что уроки во временной школѣ не могутъ имѣть значенія «практическихъ» для самихъ слушателей и слушательницъ, совершенно будетъ очевидно, если принять во вниманіе количество слушателей на теперешнихъ курсахъ: число ихъ доходить до 150 и 200 даже на уѣздныхъ курсахъ. Ясно, что не только каждый изъ участниковъ курсовъ не можетъ дать по нѣскольку уроковъ въ школѣ, но даже и по одному уроку можетъ дать совсѣмъ незначительная часть слушателей: никакой рѣчи не можетъ быть объ «упражненіяхъ», въ даваніи уроковъ подъ наблюденіемъ руководителей; какъ это требуется правилами 1875 года.

Разсмотрѣніе правилъ 5 августа 1875 года въ цѣломъ приводитъ, такимъ образомъ, къ тому заключенію, что они нуждаются не въ поправкахъ только или частичныхъ измѣненіяхъ, а въ совершенной замѣнѣ ихъ новыми правилами, построенными на началахъ большаго упрощенія въ формальной сторонѣ вопроса объ открытіи курсовъ, большаго предоставленія правъ мѣстнымъ коллегіальнымъ

учрежденіямъ въ вопросѣ объ организаціи ихъ. Долженъ быть совершенно видоизмѣненъ, какъ типъ курсовъ, такъ и характеръ занятій на нихъ, основанный не столько на «совершенной обязанности» этихъ занятій «для учителей, учительницъ и учительскихъ кандидатовъ», какъ гласятъ правила 1875 года (см. п. 15), сколько на непринужденномъ и живомъ интересѣ къ работѣ со стороны съѣхавшихся на курсы слушателей, каковой, обычно, всегда и проявляется у нихъ при мало-мальски удовлетворительной постановкѣ курсовъ.

Было бы желательно, помимо этого, подраздѣленіе временныхъ курсовъ для учащихся въ начальныхъ училищахъ на *общеобразовательные* и *собственно-педагогическіе*, какъ на это не разъ указывалось и въ педагогической литературѣ по вопросу о курсахъ для учителей и учительницъ. Первый типъ курсовъ имѣлъ бы главной цѣлью поднятіе общеобразовательнаго уровня учащихся и составлялся бы изъ цикловъ общеобразовательныхъ чтеній по разнымъ областямъ знаній, второй же типъ курсовъ ставилъ бы главную цѣлью поднятіе профессиональной подготовки учащаго персонала и составлялся бы изъ занятій по педагогикѣ и методикамъ предметовъ съ показательными уроками во временной курсовой школѣ. Первые курсы, общеобразовательные, могли бы быть болѣе многочисленными и устраиваться губернскими земствами для учащихся въ начальныхъ училищахъ всей губерніи, вторые, собственно педагогическіе, были бы менѣе многочисленными и устраивались бы уѣздными земствами для учащихся даннаго уѣзда. Желательно было бы, однако, установить извѣстную плановѣрность въ чередованіи тѣхъ и другихъ курсовъ, такимъ образомъ, напримѣръ, чтобы въ извѣстный годъ функционировали губернскіе общеобразовательные курсы съ извѣстнымъ цикломъ общеобразовательныхъ чтеній, на другой же годъ функционировали бы поуѣздные педагогическіе курсы. Слѣдующіе губернскіе курсы могли бы устраиваться съ другимъ цик-

ломъ общеобразовательныхъ чтеній, потому опять могли бы чередоваться съ поуѣздными курсами и т. д. Одновременное открытіе и устройство губернскихъ общеобразовательныхъ и поуѣздныхъ, собственно педагогическихъ, курсовъ было бы нежелательнымъ, дабы не разбивать учительства и дать возможность всѣмъ желающимъ слушать и тѣ и другіе курсы. Такимъ чередованіемъ курсовъ можно было бы придать имъ характеръ болѣе или менѣе устойчиваго и планомѣрно функционирующаго, а не случайнаго учрежденія.

П. О. Аванасьевъ.

Критика и бібліографія.

А. Ф. Лазурскій. *Классификація личностей. Журнал Мин. Нар. Просв. 1915 г., май—августъ.*

Уже давно специализировавшийся на изученіи сложныхъ проблемъ характерологій, проф. Лазурскій выступаетъ теперь съ новой работой, напечатанной въ лѣтнихъ книгахъ министерскаго журнала. Разбирая прежде классификаціи своихъ предшественниковъ, авторъ находилъ, что всѣ онѣ еще преждевременны и потому неизбежно формальны и односторонни. Отвѣчая настоятельной потребности нашего ума—изучать, кромѣ общихъ проявленій нашей психики, еще и ея индивидуальныя различія, эти классификаціи не соответствовали нашимъ познаніямъ этихъ дифференціальныхъ отличій, являлись поэтому продуктомъ скорѣе лишь отвлеченныхъ дедукцій. И тотъ же А. Ф. Лазурскій главной задачей науки о характерахъ признавалъ построение *естественной* классификаціи характеровъ, вѣнчающей наши познанія о человѣкѣ. Понятно, слишкомъ юная, еще только создающаяся наука индивидуальной психологійи ни въ коемъ случаѣ не можетъ претендовать теперь же построить эту естественную классификацію: сама наука находится еще только въ стадіи накопленія своего эмпирическаго матеріала. Но это не исключаетъ возможности создавать гипотетическія классификаціи, носящія характеръ чего-то предварительнаго, неполнаго, несовершеннаго, далеко не исчерпывающаго безконечное разнообразіе индивидуальныхъ типовъ. Такъ, и большинство современныхъ классификацій, все еще далеко стоящихъ отъ жизни, даютъ

намъ лишь „странныя, болѣе или менѣе отвлеченныя схемы, пригодныя для общаго, теоретическаго обзора различныхъ разновидностей характера, но въ то же время совершенно не исчерпывающія богатаго, сложнаго и разнообразнаго содержанія личности въ каждомъ данномъ, конкретномъ случаѣ“ (V, 27).

Въ своемъ новомъ трудѣ проф. Лазурскій пытается вступить на иной путь. Не претендуя на „совершенство или законченность“ своей классификаціи, онъ предпринимаетъ новый опытъ, желая сдѣлать послѣднюю болѣе естественной и жизненной. Онъ не хочетъ разсматривать личность человѣка лишь саму по себѣ, въ ея изолированномъ отъ среды положеніи; напротивъ, въ основу своей классификаціи онъ кладетъ принципъ *активнаго приспособленія личности къ окружающей средѣ*, понимая терминъ „среды“ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, включая сюда не только вещи, природу, людей и ихъ отношенія, но также идеи, духовныя блага, эстетическія, моральныя и религіозныя цѣнности и т. п. Наша личность въ конечномъ итогѣ всяческихъ вліяній является равнодѣйствующей нашихъ личныхъ, природныхъ реакцій и воздѣйствій среды. Авторъ вводитъ два новыхъ научныхъ термина: *эндопсихика* и *экзопсихика*. Подъ эндопсихикой онъ разумѣетъ нервно-психическую организацію человѣка, совокупность основныхъ психо-фізіологическихъ функций и способностей. Содержаніе же экзопсихическихъ проявленій опредѣляется отношеніемъ личности къ виѣшнимъ объектамъ, къ средѣ, понимаемой въ указанномъ широкомъ смыслѣ. И тѣ и другія проявленія нашей психики внутренне объединены, и трудно ихъ разсматривать изолированно. Живую личность человѣка, вырастающую въ опредѣленныхъ вліяніяхъ среды, и нужно изучать съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія.

Прежде чѣмъ классифицировать типъ личностей по основному признаку дѣленія, насколько человѣкъ приспособляется къ той или иной средѣ, авторъ выясняетъ понятіе „психическаго уровня“, который у каждаго изъ насъ имѣетъ свою предѣльную высоту и характеризуетъ нашу одаренность,

активность, широту и устойчивость наших интересов, сознательность и идейность наших жизненных целей. Этот „психический уровень“ может быть низшим, средним или высшим, предопределяя тем самым наше отношение к средь, ту или иную к ней приспособляемость. Наконец, по этому последнему признаку автор различает чистые типы, когда экзо- и эндо-психика взаимно соответствуют друг другу и психо-социальный комплекс личности отличается большей цельностью, типы *смешанные или комбинированные*, когда такого соответствия нѣтъ, и, наконец, типы *извращенные*, биологически-нецѣлесообразные и даже вредные.

Установивъ эти свои принципы, авторъ конкретно истолковываетъ каждый типъ, широко пользуясь литературными образцами. Въсто „схемы“ въ его построении и психологическомъ анализѣ личностей чувствуется живой человекъ съ его преобладающими основными наклонностями, неуловимо переплетающимися съ различными влияніями среды.

Мы думаемъ, для педагога знакомство съ новымъ изслѣдованіемъ г. Лазурскаго можетъ имѣть особое значеніе. Мы чаще всего склонны разсматривать учащихся съ какой-то предубѣжденно-внѣшней точки зрѣнія. Мы не заглядываемъ глубже ни въ природныя особенности его индивидуальнаго я, ни въ тѣ социальныя условія, въ какихъ это я вырастаетъ, мало интересуемся и тѣмъ, какъ перекрещиваются въ ихъ личности оба этихъ основныхъ фактора. А между тѣмъ для вдумчиваго педагога здѣсь открывается широкое поле для цѣнныхъ наблюдений. Для него открыты пути не только для изученія природныхъ свойствъ эндопсихики учащагося, но и для изученія всей суммы школьныхъ влияній, а нерѣдко для него пріоткрывается и домашняя обстановка дѣтей. Для изслѣдованія всѣхъ этихъ важныхъ и очень сложныхъ проблемъ такому педагогу будетъ полезенъ и другой трудъ того же автора—„Программа изслѣдованія личности въ ея отношеніяхъ къ средь“, напечатанный въ „Русской Школѣ“ (1912 г. январь—февраль).

И. Соловьевъ.

Библиотена для классныхъ и внѣклассныхъ бесѣдъ. Подъ редакціей П. Н. Сакулина. Подвижная хрестоматія для I класса, составленная Е. Д. Домашевской и И. Н. Розановымъ. 400 стр. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 коп.—То же для II класса. 394 стр.—Подвижная хрестоматія для III класса, составленная И. П. Казанскимъ и И. Н. Розановымъ. 493 стр. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 коп. Иллюстраціи Л. Н. и В. И. Кашиаровыхъ. М., 1914—15 и. Изд. т-ва И. Д. Сытина.

Въ нашей современной педагогической литературѣ настойчиво высказывается опредѣленное желаніе—шире использовать художественно-литературныя произведенія въ цѣляхъ какъ изученія родного языка, такъ и сознательнаго воспитательнаго чтенія. Сама школьная хрестоматія за послѣдніе годы замѣтно преобразилась, и все менѣе удовлетворяетъ современныхъ педагоговъ прежній ея типъ: искусственный подборъ отрывочнаго матеріала, порой совсѣмъ не соответствующаго дѣтскимъ интересамъ. Составители хрестоматіи пытаются освѣтить эту учебную книгу введеніемъ цѣльныхъ художественныхъ произведеній, тѣмъ болѣе, что современная литература представляетъ въ этомъ отношеніи довольно обширный выборъ. Но даже и подобная „обновленная“ хрестоматія не можетъ удовлетворить всѣхъ потребностей учащихся при обученіи ихъ родному слову: для литературныхъ бесѣдъ и для домашнихъ работъ приходится пользоваться отдѣльными произведеніями, иногда слишкомъ объемистыми, чтобы они могли быть включены въ ту или иную хрестоматію.

Составители данной „Библиотеки“ имѣли въ виду обогатить нашу учебную литературу нужнымъ пособіемъ. Съ одной стороны, они думаютъ, что такая „Библиотека“ можетъ если не всецѣло, то въ значительной степени замѣнить хрестоматію на урокахъ „объяснительнаго чтенія“, а съ другой—она будетъ полезна для литературныхъ бесѣдъ въ младшихъ классахъ средней школы, „будутъ ли онѣ приурочены къ класснымъ работамъ по русскому языку или выдѣлены въ качествѣ необязательныхъ внѣклассныхъ занятій“.

Настоящее пособіе можетъ удовлетворить и той и другой

цѣли. Литературный матеріалъ его подобранъ умѣлой рукой и продуманно систематизированъ. Въ основу его легли, съ одной стороны, произведенія общепризнанныхъ классиковъ (Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Л. Толстой, Некрасовъ, Чеховъ), а съ другой стороны—скуда законно вошли позднѣйшіе и современные авторы, какъ Маминъ-Сибирякъ, Чириковъ, Л. Андреевъ, М. Горькій, Серафимовичъ, Телешовъ, Баранцевичъ, Гусевъ-Оренбургскій и др. Произведенія послѣднихъ авторовъ до сихъ поръ упорно игнорируются составителями многихъ хрестоматій, ревниво прислушивающимися къ отжившимъ требованіямъ ученаго комитета, къ его шаблонной критикѣ. Школа, чутко прислушивающаяся къ властному голосу жизни, уже давно признала эти имена своими, народными—наши дѣти знаютъ ихъ хорошо.

Тремя выпусками „Библиотеки“, повидимому, отнюдь не исчерпывается все содержаніе задуманнаго изданія. Лишь нѣкоторыя стороны жизни нашли здѣсь свое правдивое освѣщеніе, но стороны важныя съ личной и общественной точекъ зрѣнія. При этомъ составители стремились преимущественно связать содержаніе всѣхъ изданныхъ выпусковъ, предназначая ихъ послѣдовательно для трехъ младшихъ классовъ средней школы, благодаря чему самый матеріалъ постепенно усложняется.

Въ каждый выпускъ вошли 14—16 отдѣльныхъ произведеній, сброшюрованныхъ отдѣльными тетрадочками и вложенныхъ въ общую папку, куда включенъ также самостоятельный томикъ стихотвореній. Такъ дѣйствительно удобнѣе прочитывать и разбирать каждое изъ произведеній, представляющее большую цѣльность и самостоятельность,—разказы меньше мѣшаютъ одинъ другому, меньше дробятъ впечатлѣніе читателя. Каждый разказъ снабженъ вопросами, что даетъ возможность каждому изъ учащихся лучше и сосредоточеннѣе подготовиться къ общей классной бесѣдѣ; а такая предварительная разработка разказовъ дома сдѣлаетъ и классную бесѣду болѣе осмысленной и содержательной.

Не мало разказовъ взято изъ жизни самихъ дѣтей разныхъ общественныхъ положеній и различнаго душевнаго

склада. Дана разнообразная галерея дѣтскихъ типовъ, чаще всего съ раннихъ лѣтъ извѣдавшихъ горечь земного существованія („Рыжій“ Чирикова, „Въ ученьи“, „Подъ землю“ Мамина-Сибиряка, „Шахты“, „Домой“ Телешева, „Ванька“ Чехова, „Елка“ Станюковича, „Подъ праздникъ“ Серафимовича). По тяжелому тону сюда же примыкаютъ и содержательные по темѣ, но слабые въ художественномъ отношеніи рассказы Засодимскаго изъ школьной жизни — „Памятный день“ и „Антонъ Поповъ“. Одностороннѣе и бѣднѣе представлено дѣтство счастливое, жизнерадостное („Дѣтвора“ Чехова, „По теченію“ Гусева-Оренбургскаго, „Въ нянькахъ“ Станюковича). Много грустнаго найдетъ читатель и въ рассказахъ изъ жизни взрослыхъ („Муму“ Тургенева, „Сигналъ“ Гаршина, „Послѣдняя треба“, „Кара-Ханымъ“ Мамина-Сибиряка, „Исайка“ и „Человѣкъ за бортомъ“ Станюковича, „Бобыль“ Григоровича, „Вьюга“ Тимковскаго и др.). Думается намъ, больше слѣдовало бы ввести рассказовъ комическихъ, бодрыхъ, жизнерадостныхъ, а такіе есть и у Мамина-Сибиряка, и у Чирикова, и у Горькаго, не говоря уже про Чехова. Мало удачно представленъ „Пропавшей грамотой“ Гоголь. Почему-то совѣзмъ отсутствуетъ Короленко. Среди стихотвореній преобладаютъ обычные, неизбѣжно фигурирующія во всѣхъ хрестоматіяхъ. Современные поэты мало использованы.

Думаемъ, что настоящіе выпуски „Библиотеки“ встрѣтятъ сочувственный откликъ въ семьѣ и школѣ.

И. Соловьевъ.

Ө. Зѣлинскій. Заслуженный профессоръ Императорскаго петроградскаго университета. Исторія античной культуры. Курсъ VIII класса мужскихъ гимназій. Составлено примынительно къ программамъ, утвержденнымъ мин. нар. пр. 13 июля 1913 г. Часть 1-ая. Цѣна 60 к. Часть II. Цѣна 60 к. Стр. (въ обѣихъ частяхъ) 393. Москва, 1915.

Книга проф. Зѣлинскаго и по методу и по содержанію совершенно не похожа на всѣ другіе учебники по исторіи для

средней школы, можно сказать даже болѣе—непохожа вообще на учебникъ. Авторъ поставилъ себѣ въ высокой степени интересную задачу—изложить исторію античной культуры съ идеологической точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія достиженія греками и римлянами идеаловъ истины, красоты и добра. Такое построеніе исторіи, по мнѣнію автора, наиболѣе удобно, во-первыхъ, потому, что „опытъ доказалъ практическую исполнимость подчиненія экономическаго принципа идеологизму, а не наоборотъ“, а во-вторыхъ, потому, что „спеціально античная культура именно своими духовными достижениями наиболѣе рѣшающимъ образомъ повліяла на культуру новыхъ временъ“. Поэтому авторъ находитъ, что только идеологическая исторія даетъ возможность, съ одной стороны, представить „единое и послѣдовательное изложеніе культурнаго развитія народа“, а съ другой—„выдвинуть тѣ стороны античной культуры, которыя для насъ особенно драгоцѣнны“. Изъ этого вытекаетъ и тотъ оригинальный планъ, который авторъ кладетъ въ основу своего учебника-книги: каждому отдѣлу предшествуетъ *вводная* глава, содержащая краткія свѣдѣнія по „виѣшной“, главнымъ образомъ, политической исторіи; по объему глава эта, по большей части, очень невелика, такъ, „виѣшняя“ исторія балканской Греціи за „аттическій періодъ“, т.-е. за время отъ начала греко-персидскихъ войнъ до Александра Македонскаго, изложена всего на 4-хъ страницахъ; виѣшняя исторія Рима за весь республиканскій періодъ занимаетъ всего 7 стр. (а если выкинуть 4 стр., посвященныхъ политико-географическому описанію Апеннинскаго полуострова и прилегающихъ къ нему земель,—то всего на 3-хъ); о виѣшной исторіи „языческой имперіи“ (отъ Августа до Константина) рассказано также только на 3-хъ стр.; императорамъ отъ Константина до Юстиніана посвящено всего 2 стр. Въ предѣлахъ этихъ краткихъ политическихъ очерковъ авторъ, конечно, успѣваетъ только напомнить читателямъ тѣ факты, которые имъ уже должны быть извѣстны изъ учебниковъ обычнаго типа, иногда давая имъ, однако, въ одной-двухъ фразахъ оригиналь-

ное и неожиданно яркое освѣщеніе. Вслѣдъ за этой краткой вводной главой въ каждомъ отдѣлѣ „слѣдуетъ уже гораздо болѣе пространныя главы о „нравахъ“. Слову „нравы“ авторъ даетъ оригинальное (какъ и все въ его учебникѣ) толкованіе: это—„совокупность созданныхъ нами для носильнаго воплощенія идеала добра бытовыхъ формъ и условій“. Къ „нравамъ“ авторъ относитъ, помимо быта семейнаго, правового, военнаго, государственнаго, а также и нравственнаго сознанія людей описываемой эпохи, также и всѣ общественно-экономическія отношенія, „такъ какъ всѣ его формы и условія созданы людьми для обезпеченія возможно большаго благосостоянія себѣ и своимъ“. Путемъ такого методологическаго приѣма авторъ подчиняетъ экономическій принципъ идеологическому.

Такъ какъ общественно-экономическія отношенія занимаютъ въ учебникѣ проф. Зѣлинскаго подчиненное мѣсто, а также въ виду того, что въ отдѣлѣ „нравовъ“ помимо этихъ отношеній включено вообще очень широкое содержаніе, то, естественно, авторъ не могъ удѣлить социальной хозяйственной жизни Греціи и Рима особенно много мѣста и вниманія.

Въ особенности это относится къ исторіи Рима. Вся хозяйственная эволюція республиканскаго Рима изложена всего на 4½ стр.; экономическимъ отношеніямъ „языческой“ имперіи посвящено 3 съ небольшимъ страницы; хозяйственныя отношенія „христіанской“ имперіи не выдѣлены даже въ отдѣльную главу и лишь сказано нѣсколько словъ о колонатѣ въ связи съ принципомъ наслѣдственности, который авторъ находитъ наиболѣе характеристическимъ признакомъ для общественнаго строя этой эпохи. Гораздо болѣе вниманія авторъ удѣляетъ проявленіямъ чисто духовной жизни грековъ и римлянъ; имъ посвящены въ каждомъ отдѣлѣ цѣлыхъ три главы: о наукѣ, искусствѣ и религіи. Съ точки зрѣнія идеологической теоріи автора научная мысль разсматривается имъ, какъ стремленіе къ осуществленію идеала истины, а созданія искусства—какъ проявленія стремленія къ идеалу красоты. Что касается до религіи, то авторъ видитъ въ ней

объединеніе всѣхъ трехъ идеаловъ человѣческой души, ибо въ ея предметѣ—божествѣ—„совмѣщаются понятія высшей истины, высшей красоты и высшаго добра“.

Такова та схема, которую авторъ проводитъ черезъ весь свой учебникъ и согласно съ которой онъ, подчиняя экономическій принципъ идеологическому, находитъ возможнымъ вывести всю исторію культуры изъ одной основной идеи—изъ стремленія къ идеаламъ.

Въ краткой рецензіи, конечно, не мѣсто вступать въ историко-философскую полемику съ авторомъ по существу. Будучи совершенно несогласны съ тѣмъ опредѣленіемъ движущихъ силъ исторіи, которое даетъ проф. Зѣлинскій, мы тѣмъ не менѣе находимъ, что авторъ сумѣлъ интересно поставить вопросъ о культурномъ развитіи грековъ и римлянъ и оригинально его разработать.

Въ тѣхъ яркихъ картинахъ, которыми пестрятъ страницы учебника проф. Зѣлинскаго, въ тѣхъ обобщеніяхъ, которыя иногда яркимъ свѣтомъ освѣщаютъ отдѣльныя культурныя эпохи, свѣтится глубокое знаніе эпохи и способность къ оригинальной, самостоятельной мысли.

Тѣ, кто интересуется исторіей античной культуры, найдутъ много интереснаго для себя въ краткихъ и конспективныхъ, но выразительныхъ и богатыхъ содержаніемъ опредѣленіяхъ и характеристикахъ, которыми обильна книга автора. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что авторъ не достигъ своей основной цѣли—вывести всю исторію культуры „изъ одной основной идеи“, именно изъ стремленія къ идеаламъ, и построить культурное развитіе грековъ и римлянъ, какъ единый и послѣдовательный процессъ. При всей яркости и полнотѣ отдѣльныхъ нарисованныхъ авторомъ картинъ, при всей несомнѣнной глубинѣ его обобщеній въ его учебникъ мало движения и слабо протянуты нити, связующія его картины и характеристики другъ съ другомъ. Авторъ прекрасно изображаетъ *состояніе* нравовъ (въ его смыслѣ), наукъ, искусствъ, религіи въ каждую данную эпоху, съ большой оригинальностью и очень четко проводитъ границы между отдѣльными куль-

турными эпохами, но или недостаточно, или совсѣмъ не выясняетъ причины перехода однихъ состояній въ другія, ихъ замѣнившія. Такъ было въ одну эпоху, — иначе стало въ другую, говоритъ проф. Зѣлинскій, но почему появилось это „иначе“, это, кажется намъ, во многихъ случаяхъ останется неяснымъ или недостаточно яснымъ для читателей книги проф. Зѣлинскаго, особенно для тѣхъ юныхъ читателей, для которыхъ онъ предназначалъ свою книгу, т.-е. для учениковъ VIII класса. Такъ въ общественномъ быту „ахейскаго періода“ авторъ находитъ перевѣсъ семейной жизни и семейныхъ интересовъ надъ всеми другими, въ „эллинскомъ періодѣ“ жизнь человѣка протекаетъ уже въ кружкѣ, „семья же доведена до минимума своего значенія какъ біологической и хозяйственной единицы“; особенно рѣзкое выраженіе кружковый принципъ нашелъ себѣ въ Спартѣ; онъ доходитъ тамъ до прямого изытія малолѣтнихъ (и нѣкоторой части взрослыхъ мужчинъ) изъ семейной обстановки. Это — интересное обобщеніе.

Въ обычныхъ учебникахъ казарменное воспитаніе дѣтей въ Спартѣ разсматривается, какъ исключительное явленіе спартанской исторіи, которая въ этомъ случаѣ даже противопоставляется исторіи другихъ государствъ. Проф. Зѣлинскій признаки этого „кружковаго принципа“ находитъ не въ одной Спартѣ, но и въ другихъ греческихъ государствахъ, признавая за нимъ, такимъ образомъ, общее значеніе для всей греческой жизни „эллинскаго періода“. Но почему семейное начало перешло въ начало кружковое, этого проф. Зѣлинскій не выясняетъ. Намъ кажется, что если бы проф. Зѣлинскій отступилъ въ данномъ случаѣ отъ своего „идеологизма“ и искалъ бы основаніе этому переходу въ социально-хозяйственныхъ явленіяхъ, то онъ нашелъ бы возможнымъ дать вполне понятное для юношей VIII класса объясненіе ¹⁾.

¹⁾ См. о „кружковомъ“ началѣ и казарменной жизни интересную статью Nilsson'a: Die Grundlage des Spartanischen Lebens въ Klio, II Band, Heft 3.

Такихъ примѣровъ необъясненныхъ переходовъ можно было бы найти довольно много въ учебникѣ проф. Зѣлинскаго и намъ кажется, что имъ можно было бы привести, не выстукая изъ рамокъ учебническаго изложенія вполне удовлетворительныя объясненія, если бы авторъ не придавалъ соціально-экономическимъ явленіямъ столь подчиненнаго значенія.—Нельзя не отмѣтить также, что въ его учебникѣ мало связи и между различными сторонами греческой и римской жизни въ одинъ и тотъ же хронологическій періодъ. За немногими исключеніями быть семейный, общественный, хозяйственный, правовой, государственный, наука, искусство, религія представлены въ довольно изолированномъ видѣ; нити, соединяющія развитіе наукъ, искусствъ и религіи съ общественными, экономическими и политическими явленіями, не протягиваются авторомъ почти нигдѣ въ угоду идеологической точкѣ зрѣнія, не допускающей подчиненія фактовъ духовнаго порядка явленіямъ матеріальной культуры. Здѣсь страдаетъ тотъ самый принципъ единства, въ возможности осуществленія котораго проф. Зѣлинскій видитъ одно изъ главныхъ достоинствъ идеологической теоріи.

При всемъ томъ мы должны признать книгу проф. Зѣлинскаго высокоинтереснымъ явленіемъ въ нашей античной литературѣ. Помимо уже указанныхъ достоинствъ—яркости картинъ, точности и четкости хронологическихъ раздѣленій, оригинальности частныхъ обобщеній и выводовъ, учебникъ отличается значительной полнотой, ибо въ немъ затронуты всѣ главнѣйшія проявленія античной жизни,—конечно, съ значительнымъ перевѣсомъ въ сторону явленій духовной культуры. Исторія греческой культуры изложена значительно подробнѣе исторіи культуры римской; первой посвящено 260 стр., а вторая изложена всего на 129 стр. Особенно мало мѣста удѣлено „христіанской исторіи“ (отъ Константина до Юстиніана)—всего 19 стр. Съ точки зрѣнія идеологической теоріи автора это вполне понятно: вѣдь „духовныя достиженія“ греческой культуры были гораздо богаче и разностороннѣе, чѣмъ „духовныя достиженія“ культуры рим-

ской, а въ римской исторіи самымъ бѣднымъ въ духовномъ отношеніи періодомъ былъ именно періодъ „христіанской имперіи“.

Признавая большой интересъ за книгой проф. Зѣлинскаго, мы не думаемъ, однако, чтобы его книга была доступна для учениковъ средней школы. Авторъ думаетъ, что, при преподаваніи по его учебнику, его надо раздѣлить на 2 части: „спеціально задаваемую“, которая не должна превышать силъ средняго ученика (около 200 стр.), и часть болѣе трудную, въ которой „найдутъ пищу для своего ума“ только болѣе „вдумчивые и ищущіе ученики“.

Мы опасаемся, что учебникъ проф. Зѣлинскаго почти во всѣхъ своихъ частяхъ превзойдетъ силы и способности среднихъ учениковъ. Самыя полнота и богатство содержанія, которыя для книги вообще являются достоинствомъ, превращаются въ недостатокъ въ учебникѣ, если принять во вниманіе краткую выразительность опредѣленій автора и конспективный характеръ его изложенія. Многія изъ тѣхъ опредѣленій и терминовъ, которые сами говорятъ о себѣ для подготовленнаго читателя, ученику окажутся мало понятными и сильно затруднятъ его. Напр., опредѣляя нравственное сознаніе грековъ въ ахейскій періодъ, авторъ употребляетъ такую фразу: „нравственность ахейскаго періода, поскольку она не была чисто императивной, сводится къ нерелигіозному біологическому евдемонизму съ общественной санкціей“.

Правда, каждое слово этой мудреной фразы объяснено авторомъ, но мы думаемъ, что даже при наличности объясненія она встрѣтитъ довольно значительныя затрудненія для учениковъ хотя бы и VIII класса. Въ книгѣ проф. Зѣлинскаго и вообще много специфическихъ античныхъ терминовъ и понятій, которыя, не будучи недостаткомъ для книги вообще, для учебника являются затрудняющимъ пониманіе матеріаломъ. Много въ ней также деталей и подробностей, которыя болѣе уместны въ курсѣ по теоріи древностей, чѣмъ въ учебникѣ. Говоря о римскихъ праздникахъ, авторъ подробно ихъ всѣ перечисляетъ, точно то же надо сказать объ играхъ, празднествахъ, формахъ дохода, жрецахъ и т. п.

Много излишнихъ (для учебника) подробностей, намъ кажется, и въ перечисленіяхъ представителей (часто второстепенныхъ) разныхъ отраслей наукъ и искусствъ, въ обильныхъ географическихъ названіяхъ, въ перечняхъ колоній.

Все это, конечно, не умаляетъ достоинствъ труда проф. Зѣлинскаго, какъ книги для чтенія. Въ бібліотекахъ преподавателей и всѣхъ интересующихся античной культурой она займетъ почетное и заслуженное ею мѣсто.

В. Перцевъ.

Проф. М. Богословскій. *Учебникъ русской исторіи. Курсъ VI класса гимназій и реальныхъ училищъ. М., 1915 г. Изд. Сяткина. Цѣна. 65 коп.*

При чтеніи 3-ей части учебника проф. М. М. Богословскаго все время преслѣдуетъ та же мысль, что и при чтеніи 2-хъ первыхъ частей: какой хорошій учебникъ по русской исторіи могъ бы написать проф. Богословскій, если бы только онъ иначе поставилъ свою задачу! Языкъ проф. Богословскаго очень точный, мѣткій; у него нѣтъ, кажется, ни одного лишняго слова; періоды рѣчи кратки и ясны; однимъ словомъ, проф. Богословскій умѣетъ сказать очень много въ немногихъ словахъ. Но не только въ этихъ виѣшнихъ качествахъ изложенія проф. Богословскаго достоинство его учебника; не менѣе важнымъ его преимуществомъ передъ другими учебниками является и то, что проф. Богословскій умѣетъ въ изображаемыхъ имъ явленіяхъ выдѣлить дѣйствительно главное, дѣйствительно существенное; мелочей, излишнихъ подробностей въ его учебникѣ нѣтъ, и потому въ примѣненіи на практикѣ преподавателямъ не придется его „сокращать“. И тѣмъ досадиѣе при этомъ сознаніе, что учебникъ проф. Богословскаго не даетъ всего того, что долженъ, по нашему мнѣнію, давать учебникъ систематическаго курса русской исторіи. Дѣло въ томъ, что проф. Богословскій въ своемъ учебникѣ совсѣмъ не даетъ исторіи русскаго общества въ XVIII—XIX вв. Излагая событія за время съ 1762 г. по

1894 г., онъ говоритъ о томъ, что дѣлало за это время правительство въ области внутренней и внѣшней политики, кто стоялъ во главѣ этого правительства въ различные моменты этого періода нашей исторіи, но не говоритъ почти о томъ, что дѣлало въ это время общество, какъ оно воспринимало правительственныя мѣропріятія, какіе контръ-проекты выдвигало со своей стороны, какъ оно жило и чувствовало. Этотъ пробѣлъ имѣется и въ двухъ первыхъ выпускахъ учебника проф. Богословскаго, на что намъ уже приходилось въ свое время указывать, но тамъ этотъ пробѣлъ чувствовался какъ-то менѣе ощутительно. Съ одной стороны, болѣе низкій возрастъ учащихся (IV—V класса), съ другой стороны, недостаточность матеріаловъ по многимъ вопросамъ и эпохамъ, и т. п.,—все это, можетъ быть, еще могло какъ-либо объяснить то построеніе систематическаго курса русской исторіи, которое избралъ проф. Богословскій. Но эти или подобныя имъ соображенія, казалось бы, совсѣмъ отпадаютъ примѣнительно къ курсу VI класса, охватывающему вторую половину XVIII вѣка и XIX вѣкъ. Вѣроятно, у проф. Богословскаго были какія-либо принципиальныя соображенія совсѣмъ иного рода, но онъ ихъ, къ сожалѣнію, не изложилъ въ предисловіи къ своему труду. Не гадая о нихъ, будемъ считаться съ имѣющимся налицо фактомъ.

Указанный пробѣлъ въ содержаніи разсматриваемой 3-й части учебника проф. Богословскаго даетъ себя чувствовать съ первыхъ же ея §§-овъ. Рассказывая о законодательной комиссіи 1767 г. (§§ 4—6), проф. Богословскій говоритъ о томъ, почему и для чего была собрана эта комиссія, какъ она была организована и какъ работала, и, наконецъ, какіе результаты она дала; но о томъ, какіе взгляды тамъ высказывались, въ чемъ именно разошлась Екатерина II съ народными представителями (проф. Богословскій всѣхъ ихъ беретъ за одну скобку, не различая даже дворянскихъ депутатовъ отъ городскихъ, городскихъ отъ крестьянскихъ, не говоря уже о существованіи мнѣній разныхъ оттѣнковъ въ средѣ хотя бы одного дворянства),—объ этомъ учащіеся изъ учебника проф.

Богословскаго узнають очень мало (стр. 14): Екатерина стояла за гуманность и вѣротерпимость, депутаты—за самыя суровыя пытки и за гоненія на старообрядцевъ. Такимъ образомъ проф. Богословскій почему то не указываетъ на расхождение императрицы и большинства депутатовъ по кардинальнѣйшему вопросу—о крѣпостномъ правѣ. Не восполняетъ этого пробѣла проф. Богословскій и въ § 10: „Крѣпостное право при Екатеринѣ II“,—онъ ограничивается здѣсь по этому вопросу буквально одной фразой (стр. 22): „...эти ея свободолюбивыя намѣренія нашли сильный отпоръ въ большинствѣ дворянства и остались безъ осуществленія“. Выдерживая, такъ сказать, позицію, проф. Богословскій въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи лишь нѣсколько строкъ посвящаетъ Радищеву и его знаменитой книгѣ; равнымъ образомъ почти забыть Новиковъ и его кружокъ, и т. п. Итакъ, повторяемъ, изъ изложенія проф. Богословскаго мы видимъ, что дѣлало правительство Екатерины II, вѣрнѣе, она сама, такъ какъ проф. Богословскій постоянно выдвигаетъ на первый планъ именно самое императрицу, но не видимъ, что дѣлало тогдашнее общество или хотя бы только верхній слой его—дворянство. То же самое наблюдается и въ дальнѣйшемъ изложеніи. Все общественное движеніе александровской эпохи изложено на 1½ страницахъ и сведено къ образованію тайныхъ обществъ (§ 46). Умственнымъ движеніямъ николаевскаго царствованія отведено нѣсколько больше мѣста—4½ страницы, но вся его характеристика ограничивается лишь изложеніемъ взглядовъ западниковъ и славянофиловъ, что, конечно, односторонне. Характеристики общественнаго движенія при Александрѣ II въ учебникѣ проф. Богословскаго собственно нѣтъ совѣтъ, такъ какъ нельзя же, конечно, признать за такую характеристику маленькій § 77-й, носящій заглавіе: „Революціонное броженіе. Кончина Александра II“.

Но есть и еще одинъ пробѣлъ въ учебникѣ проф. Богословскаго, не менѣе существенный, чѣмъ только что указанный: проф. Богословскій въ своемъ изложеніи совершенно обходитъ исторію экономическаго развитія Россіи съ 1762 г.

по 1894 г. Читатель видитъ, какъ растутъ границы Россіи, какъ растетъ ея населеніе (такое заключеніе онъ, конечно, естественно сдѣлаетъ самъ, но насколько именно и когда выросло населеніе Россіи, онъ отъ проф. Богословскаго не узнаетъ), но происходятъ ли одновременно съ этимъ или въ зависимости отъ этого перемѣны въ ея экономическомъ строѣ, мѣняется ли характеръ торговли и промышленности, какъ все это отражается на внутренней и внѣшней политикѣ правительства (а такая связь, конечно, несомнѣнна) и т. п., — на всѣ эти вопросы учебникъ проф. Богословскаго отвѣта не даетъ. Лишь два §§ во всей 3-й части учебника проф. Богословскаго посвящены вопросамъ государственнаго хозяйства: § 51-й — „Денежная реформа и гр. Канкринъ“ (укажемъ кстати, что только изъ этого § читатель узнаетъ, что Екатерина II ввела ассигнаціи) и § 79-й — „Государственное хозяйство“ (при Александрѣ III).

Чѣмъ объяснить этотъ второй пробѣлъ въ учебникѣ проф. Богословскаго, судить не беремся, но не можемъ не указать, что онъ не вызывается (какъ и первый пробѣлъ) новыми программами по исторіи. Правда, если взять только текстъ новой программы по русской исторіи для VI класса, то въ немъ мы не найдемъ такихъ заглавій §§-овъ, какъ „Экономическое развитіе Россіи при Екатеринѣ II“ или „Общественное движеніе при Александрѣ II“, но, во-первыхъ, и программа говоритъ о „финансовыхъ мѣропріятіяхъ“ Екатерины II, а во-вторыхъ, объяснительная записка къ ней не оставляетъ сомнѣній, что указанные вопросы въ учебникѣ для VI класса должны быть. Такъ, она говоритъ (цитируемъ по тексту, приложенному къ программамъ исторіи для реальныхъ училищъ), что „полнота, цѣльность и систематичность курса требуютъ того, чтобы въ немъ нашли себѣ мѣсто всѣ главныя стороны исторической жизни: войны, дипломатическія сношенія, факты *экономическаго, общественнаго и культурнаго быта...*“ (курсивъ нашъ). Далѣе записка говоритъ, что „при изученіи внѣшней исторіи необходимо отмѣчать и подчеркивать связь, которая существуетъ между

вѣдѣній политикой и внутреннимъ состояніемъ государства“, чего какъ разъ часто не дѣлаетъ проф. Богословскій. При изученіи XVIII — XIX вѣковъ записка рекомендуетъ, поскольку возможно, событія русской жизни приводить въ связь съ событіями Западной Европы и отмѣчать то вліяніе, какое оказывали идеи западно-европейской литературы на настроеніе русскаго общества,—а значить, нужно говорить и о самомъ этомъ настроеніи. Наконецъ, объяснительная записка говоритъ: „Внутренняя исторія, хотя и является наиболѣе трудной для учащихся этого возраста, тѣмъ не менѣе должна занимать тоже очень видное мѣсто въ курсѣ: народное хозяйство, общественные классы, политическій строй и культурныя движенія... должны быть обстоятельно изучены при прохожденіи соответствующихъ періодовъ“. Такимъ образомъ выходитъ что, строго говоря, учебникъ проф. Богословскаго не вполне соответствуетъ новымъ программамъ по исторіи: онъ даетъ меньше, чѣмъ этого требуютъ программы.

Къ 3-й части учебника проф. Богословскаго приложены 2 карты: 1) Карта Россіи съ 1762 г. по 1894 г. и 2) Карта Азіатской Россіи въ 1894 году. Обѣ онѣ неудачны. Первая показываетъ только пріобрѣтенія Россіи по 3 польскимъ раздѣламъ и границу Россіи въ 1894 г.; такимъ образомъ ея содержаніе не соответствуетъ заглавію, такъ какъ съ 1762 г. по 1894 г. Россія сдѣлала не мало и другихъ пріобрѣтеній—хотя бы только въ Европѣ, и карта въ учебникѣ должна эти пріобрѣтенія показать, не ограничиваясь одними польскими раздѣлами. Вторая карта даетъ обозначенія границъ Азіатской Россіи въ 1686 г. и въ 1894 г.; сдѣлано это такъ, что, вѣроятно, внушить учащимся неправильную мысль, что разница между этими границами очень невелика, что Россія получила въ Азіи послѣ 1686 года лишь Пріамурье, такъ какъ желтая линія, показывающая ея границу въ Азіи въ 1686 г., проведена лишь отъ океана (у Шантарскихъ о-вовъ, на 55-й параллели) до раздѣленія Амура на Шилку и Аргунь; какъ вести эту линію дальше на западъ, учащіяся изъ

карты не видятъ, и, пожалуй, подумаютъ, что въ этомъ направленіи она совпадаетъ съ красной линіей, которая показываетъ границы 1894 г.

К. Сивковъ.

П. М. Дрейманъ. *Методика исторіи, ч. I (теоретическая)*.
Рига, 1915 г. Стр. 76. Цѣна не обозначена.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Дрейманъ общается, систематизируя всѣ завоеванія, сдѣланныя въ области преподаванія исторіи, подѣлиться съ коллегами по предмету результатами своего педагогическаго опыта. И дѣйствительно, книга г. Дреймана прежде всего—книга педагога-практика. Читатель съ интересомъ пробѣжитъ ея страницы, посвященныя классной и виѣкклассной работѣ преподавателя. Въ своихъ часто цѣнныхъ замѣчаніяхъ г. Дрейманъ, дѣйствительно, останавливается на всѣхъ новѣйшихъ завоеваніяхъ въ области методовъ преподаванія исторіи; такъ, напр., въ замѣчаніяхъ о пользованіи книгами, наглядными пособіями, о историческихъ кабинетахъ, историческихъ экскурсіяхъ. Но всѣ новыя завоеванія метода разсматриваются г. Дрейманомъ лишь подъ угломъ зрѣнія преподавательской техники въ связи съ тѣми общими педагогическими теченіями, которыми и были вызваны къ жизни новые методы.

Въ связи съ такимъ общимъ направленіемъ вниманія книги г. Дреймана въ ней крайне слаба ея первая часть, гдѣ дается пониманіе исторіи, какъ науки, и говорится о цѣляхъ изученія исторіи въ школѣ. Здѣсь крайне категоричныя сужденія г. Дреймана не позволяютъ читателю и заподозрѣть сложности и спорности тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ г. Дрейманъ отдѣляется двумя-тремя фразами. Такъ догматически проведена г. Дрейманомъ культурно-историческая точка зрѣнія въ пониманіи исторіи, какъ науки; таковы случайныя замѣчанія г. Дреймана о факторахъ историческаго процесса. Оригинальна вѣра автора въ благотворное значеніе школьнаго изученія исторіи, которое и разовьетъ въ учащихся здравый

патріотизмъ, и „воздержитъ будущихъ гражданъ отъ революціонныхъ выступленій и предохранитъ ихъ отъ утопической увѣренности въ томъ, что группа людей можетъ ускорить или задержать ходъ историческаго развитія“. То же изученіе исторіи предохранитъ отъ пессимизма („исторически образованный человѣкъ не придетъ въ уныніе въ минуты тяжкихъ испытаній, не наложитъ на себя руку, а съ вѣрою въ свѣтлое будущее исполнитъ свой долгъ предъ родиной и по отношенію къ самому себѣ и безъ ропота перенесетъ всѣ удары судьбы, вѣря, что будущность принадлежитъ правдѣ и справедливости“) и воспитаетъ нравственную личность ученика.

Итакъ, слабая въ теоретическомъ отношеніи книга г. Дреймана можетъ дать рядъ цѣнныхъ практическихъ указаній преподавателю исторіи.

Вл. Сыроѣчковскій.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. *Томъ I.*
Петроградъ, 1914 г.

Настоящее изданіе, въ которомъ сгруппированы свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ украиновѣдѣнія, имѣетъ въ виду дать итоги научнаго знанія по различнымъ сторонамъ жизни украинскаго племени въ Россіи и Австро-Венгріи, познакомить съ историческими условіями, опредѣлившими его современный обликъ, и съ современными экономическими, социальными, культурными и политическими условіями его жизни. Редакція изданія состоитъ изъ крупныхъ именъ, знатоковъ своей спеціальности. Отдѣлъ исторіи, географіи и статистики редактируется проф. М. С. Грушевскимъ, отдѣлы антропологии и этнографіи—проф. Ѳ. К. Волковымъ, отдѣлы языка и литературы—академиками покойнымъ Ѳ. Е. Коршемъ и А. А. Шахматовымъ и проф. А. Е. Крымскимъ, отдѣлъ искусства—академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ и проф. Ѳ. К. Волковымъ, отдѣлъ экономики—проф. М. М. Ковалевскимъ и проф. М. И. Туганъ-Барановскимъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, подъ общей редакціей упомянутыхъ лицъ, будетъ данъ очеркъ современной культурной и общественной жизни на Украинѣ.

Потребность въ такомъ энциклопедическомъ изданіи настоятельно чувствовалась давно. Украинскій народъ очень близокъ къ великорусскому и тѣсно связанъ съ нимъ историческимъ прошлымъ и современными отношеніями; но въ широкихъ, даже вполне интеллигентныхъ, кругахъ русскаго общества замѣтно отсутствіе элементарнаго знакомства съ Украиной и ея населеніемъ. Для большинства—это край поэтическихъ гоголевскихъ образовъ, край, „гдѣ рѣютъ призраки Вакулы и Оксаны“, „гдѣ все обиліемъ дышетъ“; но реальныя условія жизни этого края большинству извѣстны не болѣе, чѣмъ какая-либо отдаленная и совершенно чуждая намъ мѣстность. Если свѣдѣнія изъ исторіи Малороссіи обычно ограничиваются эпизодомъ казацкихъ войнъ Богдана Хмельницкаго, то свѣдѣнія по украинской литературѣ еще болѣе ограничены и не идутъ далѣе случайно прочитаннаго въ повременной русской прессѣ библіографическаго отзыва о новой украинской книгѣ, перевода украинскаго разсказа или стихотворенія. Объ условіяхъ же экономической и общественной жизни этого богатаго, обширнаго и густо населеннаго края, какъ цѣлаго, въ его историческомъ развитіи, извѣстно широкимъ кругамъ публики, пожалуй, еще менѣе. А между тѣмъ народъ, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ собою наиболѣе крупную, послѣ великорусскаго племени, этнографическую особь среди народовъ Россіи; народъ этотъ жилъ очень сложною и содержательною историческою жизнью, отлившеюся въ чрезвычайно характерныя демократическія формы, которыя легли въ основу украинскаго возрожденія и опредѣлили основныя черты его общественности; въ теченіе своего историческаго существованія онъ выработалъ сумму особенностей, составившихъ его національную культуру, создалъ литературу, которая недавно отпраздновала столѣтіе новаго періода своего развитія; въ общемъ экономическомъ оборотѣ Россіи онъ играетъ крупную роль, заслуживающую глубокаго вниманія и серьезнаго изученія.

Если неясны и неполны представленія русскаго общества относительно русской Украины, то еще болѣе это нужно ска-

зять объ Украинѣ зарубежной, входящей въ составъ Австро-Венгрии: свѣдѣнія о ней до послѣдней степени скудны и сбивчивы, представленія о ней среди русской интеллигенціи встрѣчаются сплошь да рядомъ самыя неосновательныя. Между тѣмъ эта часть украинской территоріи, тѣсно связанная въ культурномъ и этнографическомъ отношеніи съ остальною Украиной, заслуживаетъ полнаго вниманія русскаго общества.

Первый томъ изданія состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ одномъ, вводномъ, представлено развитіе украинскихъ изученій въ XIX вѣкѣ, въ другомъ данъ историческій очеркъ украинскаго народа. Обѣ работы принадлежатъ перу проф. М. Грушевскаго.

Содержаніе перваго очерка шире его заглавія. Здѣсь находимъ не только исторію украиновѣдѣнія, но и исторію кристаллизаціи украинской народности и исторію украинскаго національнаго самосознанія. Все это вопросы, которые еще не трактовались въ русской исторической литературѣ и потому представляютъ большой интересъ новизны. Остановимся на одномъ изъ нихъ—на формации украинской народности, по взглядамъ упомянутаго автора.

Въ началѣ нашей исторіи имена Русь, русинь, русскій въ тѣснѣйшемъ ихъ значеніи обнимаютъ только центръ политической и культурной жизни украинскаго народа (кіевскую землю) и въ широкомъ—всѣ славянскія племена, входившія въ составъ „русскаго“ государства. Съ политическимъ отдѣленіемъ Руси сѣверной отъ южной исторія послѣдней, несмотря на нѣкоторые факторы, поддерживавшіе прежнее единство (единая церковная организація, пережившая политическое единство, династическая политика, ставившая своею задачею собраніе былыхъ волостей династій), пошла своимъ особымъ путемъ, въ лучшемъ случаѣ—лишь въ отдаленной и случайной связи съ исторіей сѣверной Руси. На своемъ новомъ историческомъ пути украинскій народъ встрѣчалъ условія, далеко не благоприятствовавшія его національной кристаллизаціи. Утративъ политическое единство, онъ входитъ въ составъ двухъ соперничающихъ государствъ, вел. кн. Литов-

скаго и Польши (а своимъ закарпатскимъ отрѣзкомъ еще и въ составъ Венгріи), а въ XVI в. часть украинской территоріи (Сѣверщина) отходитъ еще въ составъ Московскаго государства. Политическія, церковныя и другія отношенія, раздѣлявшія украинскую территорію на нѣсколько отдѣльныхъ частей, общностью интересовъ влекли ихъ нерѣдко къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ къ другимъ иноплеменнымъ областямъ и группамъ. Такъ, когда западная Украина, входившая въ составъ Польши, искала поддержки въ сосѣдней единовѣрной Молдавіи, связанной также съ Польшею политическою зависимостью (вассальствомъ),—условія политической и національной борьбы связывали еще болѣе тѣснымъ узломъ восточно-украинскія области съ бѣлорусскими землями, входившими въ составъ того же вел. кн. Литовскаго. Московско-польскіе договоры второй половины XVII вѣка, окончательно отдѣлившіе Задніпровье и Кіевъ отъ Правобережья, готовили новый культурный, а затѣмъ и религіозный расколъ. Восточная Украина приводится все въ болѣе тѣсную связь, не только политическую, но и культурную, съ міромъ великорусскимъ, рядомъ непосредственныхъ принудительныхъ мѣръ и косвенныхъ вліяній вводится въ кругъ великорусской культуры, между тѣмъ какъ остальные украинскія земли продолжаютъ жить въ тѣсномъ общеніи съ землями бѣлорусскими и польскими, подъ сильнымъ воздѣйствіемъ культуры польской, а введеніе уніи въ Правобережной и Западной Украинѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка преобладаетъ еще и конфессіональную границу къ политическимъ и культурнымъ различіямъ, раздѣлявшимъ украинскій востокъ и западъ. Всѣ эти условія замедляли кристаллизацию понятія украинской національности. Они обязываютъ намъ медленность этого процесса, не завершившагося еще и по настоящее время. Однако, — говоритъ проф. Грушевскій, — не успѣвъ разрушить статическое единство украинскаго народа, спереть основные признаки, связывавшіе и связывающіе его въ одно цѣлое, эти неблагоприятныя для національнаго единства условія не были въ состояніи никогда ослабить въ концѣ силу

сдѣленія, связывавшую эту національную массу,—живую связь, соединявшую ея части и оживлявшую сознание единства, несмотря на громадность этнографической территоріи и все отличія, раздѣлявшія ее. Единство и непрерывность территоріи, память кровнаго родства и общаго прошлаго, общія черты психо-физическаго типа, экономическихъ и общественныхъ условій быта брали верхъ надъ условіями, вносившими раздѣленіе въ національное дѣло. Въ старой Руси можно подмѣтить противоставленія великорусскаго сѣвера украинскому югу, какъ Руси въ собственномъ смыслѣ, тѣсно связанной съ ея старымъ національнымъ центромъ, Киевомъ. И позже живое чувство единства „Руси што короля слушаетъ“ и „Руси што Литвы слушаетъ“ брало верхъ надъ политическими дѣленіями. А въ моментъ наивысшаго пробужденія народной стихіи, въ великой національной борьбѣ, въ проектахъ украинскаго государства времяя Хмельницкаго, Выговскаго, Дорошенка, единство украинскаго народа на всей этнографической территоріи выступаетъ вполне ясно и сознательно, хотя этнографическо-политическія границы этого національнаго украинскаго государства (отъ Вислы до Нѣмана, до Сѣвска и Путивля) не отличаются особою точностью съ точки зрѣнія современной этнографіи. Въ болѣе мелкихъ явленіяхъ обыденнаго быта также на каждомъ шагѣ встречаемся съ живыми связями, постояннымъ эндосмосомъ и экзосмосомъ народной жизни, не останавливающимся предъ официальными, политическими и даже религіозными границами“...

Такъ кристаллизовалось, несмотря на все препятствія, южно-русское племя въ единое національное тѣло. Идея національнаго единства этого племени на протяжении тысячелѣтней его исторіи, идея непрерывности его культурно-национальныхъ традицій и является руководящей идеей, проникающей дальнѣйшей обширнѣй (свыше 20 печатныхъ листовъ) трудъ того же автора—„Исторію украинскаго народа“. Здѣсь находимъ исторію развитія экономическихъ и социальныхъ отношеній народа и, въ зависимости отъ этого, отношеній политическихъ, исторію культурнаго его развитія, которое

въ началѣ XIX вѣка привело къ національному возрожденію и къ новому духовному объединенію отдѣльныхъ частей народнаго организма, раздѣленнаго государственными и социальными перегородками, и, наконецъ, исторію общественнаго движенія на Украинѣ въ теченіе послѣдняго столѣтія. Изложеніе сжатое, — весь очеркъ представляетъ компендіумъ монументальнаго, многотомнаго труда того же автора на украинскомъ языкѣ.

Книга снабжена иллюстраціями—репродукціями картинъ, имѣющихъ отношеніе къ украинскому быту, и портретами историческихъ дѣятелей Малороссіи.

А. Л.

В. И. Архангельская. Курсъ популярной гііены въ связи съ анатоміей и фізіологіей человѣка, читанный въ женскихъ гимназіяхъ въ Москвѣ. Въ 2-хъ частяхъ. Съ 144 рис. и 6 діаграммами. Изданіе Панафидиной. 1914 г. Цѣна 1 р. 50 к. Стр. 512 + XX.

Г-жа Архангельская въ предисловіи къ своей книгѣ заявляетъ, что ея цѣль „дать, насколько возможно, въ доступной формѣ подробное изложеніе личной гііены въ связи съ анатоміей и фізіологіей человѣка и краткій курсъ популярной общественной гііены“. Получилась объемистая книга, содержаніе которой, вѣроятно, совпадаетъ съ содержаніемъ уроковъ или лекцій, предлагаемыхъ авторомъ ученицамъ 7-го и 8-го классовъ женскихъ гимназій. Планъ курса таковъ: въ 1-ой части и въ 1-хъ главахъ 2-ой части излагаются различные отдѣлы анатоміи и фізіологіи и параллельно соотвѣтствующія каждому изъ отдѣловъ правила гііены; такъ, напр., послѣ описанія мышечной системы выясняется значеніе физическихъ упражненій и гимнастики, послѣ описанія органовъ дыханія говорится о значеніи чистоты воздуха и т. п. 2-я часть содержитъ тѣ главы, которыя авторъ не совсѣмъ правильно называетъ общественной гііеной: гііену дѣтскаго и школьнаго возраста, ученіе о водѣ, почвѣ, воздухѣ, жилищѣ и т. д.

Въ эту часть включены также правила подачи первой медицинской помощи. Приемъ излагать правила личной гигиены параллельно съ описаніемъ анатоміи и физиологіи соответствующихъ органовъ примѣняется авторами многихъ популярныхъ книжекъ по гигиенѣ; отъ этихъ аналогичныхъ ей по плану книжекъ курсъ г-жи А. выгодно отличается тѣмъ, что въ немъ гигиена не поглощается анатоміей и физиологіей, а занимаетъ довольно видное мѣсто, не смотря даже на то, что анатомическія и физиологическія данныя сообщаются довольно подробно. Другимъ выгоднымъ отличіемъ книги является то, что въ ея содержаніе введены главы объ анатоміи, физиологіи и гигиенѣ женскихъ половыхъ органовъ и даются свѣдѣнія о размноженіи и объ условіяхъ, „вліяющихъ на здоровье потомства“.

Такія достоинства книги могли бы сдѣлать ее полезнымъ руководствомъ въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, если бы они не ослаблялись въ весьма значительной степени рядомъ серьезныхъ и существенныхъ недостатковъ. Прежде всего отмѣтимъ недостаточно тщательный и продуманный подборъ матеріала. Г-жа А. далеко не всегда принимаетъ во вниманіе, что она обращается къ опредѣленному кругу читательницъ или слушательницъ, для которыхъ нуженъ спеціальныи подборъ матеріала. Поэтому на ряду съ свѣдѣніями вполне подходящими къ пониманію и потребностямъ ученицъ, мы находимъ и такія, которыя нужны для лицъ, уже вступившихъ въ практическую жизнь, напр., учительницъ гимнастики, руководительницъ и устроительницъ школъ или женщинъ, уже практически осуществляющихъ задачи материнства; напр., указанія о выборѣ кормилицы, о томъ, „когда мать не должна кормить ребенка“, какое положеніе занимать при кормленіи. Такого рода свѣдѣнія, весьма важныя для матерей и нужны имъ въ гораздо болѣе подробной формѣ, матери, конечно, не будутъ черпать изъ своего гимназическаго курса, а потому въ гимназическомъ курсѣ они являются бесполезнымъ балластомъ; бесполезный же балластъ въ учебномъ курсѣ не безразличный, а вредный элементъ. Второй

недостатокъ относится къ формѣ изложенія—это неумѣніе выражаться кратко: то, что можно сказать въ нѣсколькихъ строкахъ, растягивается на страницу, въ текстъ вводятся совершенно излишнія поученія и разсужденія, напр., о томъ, что было бы, если бы не было искусственнаго освѣщенія, если бы воздухъ содержалъ больше кислорода, чѣмъ онъ дѣйствительно содержитъ и друг. Въ качествѣ характернаго примѣра неумѣнія экономить слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умственную энергію своихъ читателей или слушателей, можно привести слѣдующую выписку изъ предисловія. „Личная, индивидуальная гигиена даетъ совѣты легко выполнимые для пользы человѣка, наставляетъ, какъ проводить гигиеническіе совѣты въ цѣляхъ сохраненія личнаго здоровья. Гигиена стремится, создавъ благопріятную внѣшнюю обстановку, сдѣлать человѣка наиболѣе выносливымъ, устойчивымъ въ жизненной борьбѣ, поднять сопротивляемость его организма вреднымъ вліяніямъ и увеличить его шансы въ борьбѣ за существованіе“. Приведенная выписка какъ будто противорѣчитъ только что сказанному: въ ней имѣются, правда повторенія, но въ предѣлахъ волюнѣ допустимыхъ для болѣе полной иллюстраціи послѣдовательно развиваемой мысли. Но дѣло въ томъ, что между 1-й и 2-й половинами приведенной выписки выпущена цѣлая страница, имѣющаяся въ текстѣ книги, страница, заполненная мало относящимися къ данному мѣсту фразами, пропускъ которыхъ нисколько не повредилъ общему смыслу выписки. Конечно, текстъ учебнаго курса не долженъ быть сухимъ и скучнымъ перечисленіемъ фактовъ, цифръ, предписаній; онъ долженъ быть живымъ и образнымъ, но нельзя смѣшивать оживленіе и ясность съ многословіемъ, а это смѣшеніе мы и встрѣчаемъ въ книгѣ г-жи А. Важнымъ недостаткомъ для учебника необходимо считать небрежное отношеніе къ рисункамъ и ихъ объясненію и къ языку текста. Въ книгѣ мы находимъ необъясненныя діаграммы и притомъ довольно сложныя, (V и VI), діаграммы съ совершенно бессмысленными подписями (рис. 62), рисунки, поставленные бокомъ и вверхъ ногами (124 и 81), рисунки,

неправильно объясненные (рис. 12 — изображена грудная кость, а подпись при соответствующей литерѣ „копчиков. позвонки“). Что касается текста, то онъ недостаточно очищенъ отъ такихъ, напр., выражений, какъ „соединительная ткань чрезвычайно важная для организма ткань, такъ какъ изъ нея образуется и она входитъ въ составъ всѣхъ органовъ“... „Непривычный къ физической работѣ съ трудомъ, медленно и непродуктивно ее производить, какъ полевая работа, рубка лѣса и др.“... „Упражняя свои мышцы мы достигаемъ полную гармонію въ развитію тѣла и духа“... „при обыкновенной ходьбѣ, которая происходитъ автоматически, то тутъ сказывается участіе спинного мозга“... „горе, страхъ, несчастіе сказываются на работу сердца“... „Ясно, что всякій человѣкъ долженъ воздерживать себя близкихъ и знакомыхъ отъ вредной привычки“... Примеровъ такихъ рѣзкихъ убогостей, не составляющихъ, конечно, украшенія для учебника, можно было бы выписать болѣе чѣмъ достаточно.

Все, до сихъ поръ сказанное, относилось къ 1-ой части и къ 3-мъ первымъ главамъ 2-ой, попавшимъ во 2-ю часть по какимъ-то мало понятнымъ соображеніямъ. Говоря объ анатомическихъ и фізіологическихъ фактахъ и выводахъ изъ нихъ указанія для личной гігіены, г-жа А. имѣетъ несомнѣнно дѣло съ хорошо ей знакомымъ, продуманнымъ предметомъ, о которомъ у ней сложились совершенно опредѣленные убѣжденія и мнѣнія. Правда, попадаются нѣкоторые недостаточно доказанные или рискованные утвержденія, напр., что кровь находится въ жидкомъ состояніи, благодаря щелочной реакціи, что человѣкъ созданъ въ высшей степени цѣлесообразно, разумно и совершенно и друг., но эти утвержденія касаются частныхъ и ихъ сравнительно очень немного. Совсѣмъ иное впечатлѣніе получается отъ 2-ой части, гдѣ излагаются данныя общей гігіены. Здѣсь встрѣчаются такія грубыя ошибки, такая неправильная терминологія и неясности въ изложеніи, которыя невольно наводятъ на мысль о самомъ поверхностномъ знакомствѣ автора съ пред-

метомъ. Въ качествѣ характерныхъ образцовъ можно указать совершенно невѣрное объясненіе понятій объ абсолютной и относительной влажности воздуха, полное незнаніе того, какъ понимается гигиеною значеніе количества углекислоты въ воздухѣ закрытыхъ помѣщеній, утверженіе, что въ комнатной пыли можно найти микробы оспы, и что почва содержитъ возбудителей лихорадки. Главы о школьной гигиенѣ, объ освѣщеніи, въ особенности искусственномъ, также содержатъ цѣлый рядъ неправильныхъ терминовъ, противорѣчій, весьма смутныхъ объясненій. Такъ, напр., единицею „свѣта“ г-жа А. считаетъ метросвѣчу, яркость пламени стеариновой свѣчи, по ея мнѣнію, „довольно значительна“, электрическій свѣтъ объявляется „тождественнымъ“ съ дневнымъ свѣтомъ, потому что въ немъ много синихъ и фіолетовыхъ лучей и нѣтъ желтыхъ и красныхъ лучей, въ классной комнатѣ верхній откосъ окна рекомендуется дѣлать „совершенно горизонтальнымъ“, а „самыя окна дѣлать „ближе къ потолку“, дистанція партъ опредѣляется какъ „разстояніе между отвѣсной линіей стола и сидѣніемъ“. Кромѣ того, самое содержаніе нѣкоторыхъ главъ 2-ой части—умолчаніе о важномъ и существенномъ, упоминаніе о второстепенныхъ подробностяхъ, смутное изложеніе—заставляетъ думать, что г-жа А. имѣла лишь отдаленное отношеніе къ санитарному дѣлу и что все ея знакомство съ гигиеною и санитарнымъ дѣломъ чисто книжное. Нужно ли доказывать, что авторъ знакомый съ предметомъ только по книжкамъ, которыя къ тому же онъ, можетъ быть, не далъ себѣ труда достаточно продумать, не можетъ составить удовлетворительнаго курса по данному предмету. Г-жа А., по нашему мнѣнію, поступила бы гораздо правильнѣе, если бы издала только 1-ю часть своей книги, прибавивъ изъ 2-ой части главы объ одеждѣ, о дѣтской гигиенѣ и о подачѣ первой помощи.

Нѣ г-жа А. не только авторъ книги, но и преподавательница гигиены въ гимназіяхъ. Ея ученицы, какъ она „съ чувствомъ удовлетворенія“ заявляетъ въ предисловіи, обнаружили полный интересъ къ предмету и обстоятельно занимались

имъ. Очевидно г-жа А. обладает даромъ увлекать своихъ ученицъ и возбуждать въ нихъ „жажду знаній“. Въ виду этого ей, можетъ быть, было бы полезно нѣсколько пересмотрѣть, пополнить и обработать тотъ матеріаль по гигиенѣ, который она предлагаетъ своимъ ученицамъ. Въ настоящемъ видѣ этотъ матеріаль—насколько можно судить по книгѣ—не весь состоитъ изъ здоровой, гигиенической пищи: въ немъ содержится порядочная доза суррогатовъ весьма сомнительнаго достоинства.

Данилевскій, В. Я. проф. *Народный домъ, его задачи и общественное значеніе. 2-е дополн. изданіе. Съ приложеніемъ „Указателя“ литературы о народныхъ домахъ, составлен. А. А. Богомоловымъ. Харьковъ, 1915 г. 60 стр. Ц. 50 к.*

Въ настоящее время, когда сильно повысился интересъ къ виѣшкольному образованію, когда устройство народныхъ домовъ стало лозунгомъ дня, весьма своевременно появленіе вторымъ изданіемъ доклада проф. Данилевскаго, сдѣланнаго харьковскому обществу грамотности еще въ 1889 году. Первое изданіе этой брошюры давно разошлось; между тѣмъ она представляетъ трудъ, дающій научное обоснованіе устройству разумныхъ развлеченій.

Авторъ, извѣстный физиологъ, доказываетъ, что законъ равновѣсія въ видѣ чередованія работы и покоя, труда и отдыха проявляется во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности и прежде всего въ самомъ тѣлѣ человѣка. Въ силу этого безсмѣнный, непрерывный трудъ ведетъ къ усталости, обезсиленію, пониженію работоспособности. Съ другой стороны, постоянный покой тоже не проходитъ даромъ. Если мускулы перестаютъ работать, то они перерождаются, утрачиваютъ нормальныя свойства. Аналогичное состояніе наблюдается въ нервной системѣ и въ органахъ чувствъ. Правильная смѣна работы и отдыха какъ для мозга, такъ и для мускуловъ есть основное цѣлесообразное условіе для сохраненія силъ и здоровья этихъ важнѣйшихъ органовъ. Чередованіе

дневного труда и ночного покоя является естественнымъ выраженіемъ упомянутаго фізіологическаго закона.

Кромѣ закона равновѣсія, на работоспособность вліяетъ еще одинъ факторъ—душевное настроеніе. Трудъ человѣка жизнерадостнаго, веселаго всегда производительнѣе и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Что касается фізическаго труда, то его продуктивность еще обуславливается участіемъ ума, наличностью знаній и работою мысли.

Всякій тяжелый трудъ, какъ физическій, такъ и умственный, въ видѣ реакціи вызываетъ стремленіе развлечься, забытья. Чѣмъ тяжелѣе, однообразнѣе, утомительнѣе трудъ, тѣмъ сильнѣе будетъ реакція, на основаніи того же закона равновѣсія. И грубый праздничный разгулъ въ основѣ своей является не столько результатомъ злой воли и порочныхъ наклонностей, сколько „инстинктомъ, естественнымъ протестомъ противъ отупляющаго труда“.

Подкрѣпляя свою точку зрѣнія многочисленными цитатами и примѣрами изъ практики, авторъ приходитъ къ выводу, что необходимо направить въ надлежащее русло то естественное стремленіе къ заполненію праздничнаго досуга, которое является у трудового человѣка. Наилучшимъ разрѣшеніемъ этой задачи онъ считаетъ устройство народнаго дома, объединяющаго въ себѣ различные виды разумныхъ развлеченій и учрежденій по внѣшкольному образованію. Изъ учрежденій, которыя могли бы найти мѣсто въ народномъ домѣ, при чемъ выборъ ихъ, конечно, можетъ варіировать въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, авторъ называетъ слѣдующія: 1) бесплатная читальня и бібліотека; 2) аудиторія для народныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ и кинематографомъ; 3) продажа книгъ, газетъ и картинъ; 4) залъ для театральнаго и музыкальнаго развлеченія (пункты 2 и 4 могутъ быть совмѣщены); 5) общедоступные курсы и чтенія общеобразовательные и спеціальныя; 6) музеи и выставки; 7) справочныя и посредническія бюро и юридическая консультація; 8) чайная; 9) кружки хоровые, литературныя, спортивныя; 10) общества взаимопомощи, просвѣтительныя и др.; 11) санитар-

ное попечительство, и 12) кооперативы. Управление и завѣдываніе народными домами, по мысли автора, должно сосредоточиться въ рукахъ объединенныхъ общественныхъ силъ. Онъ подчеркиваетъ, что за время войны русское общество доказало, какія огромныя организаторскія силы въ немъ таятся: при свободѣ почина, при устраненіи слишкомъ строгой, вѣчно подозрѣвающей и недоверчивой опеки сразу обнаружались цѣнные таланты и способности къ разумной самодѣятельности и организованности. Поэтому „и государство, и общество должны всемѣрно заботиться о развитіи соціальныхъ силъ и богатствъ, заложенныхъ въ глубокихъ нѣдрахъ населенія, и устранять всякія преграды и препоны на пути культурнаго роста“...

Авторъ разбираемой брошюры—самъ крупный общественный дѣятель, поэтому соединеніе научнаго анализа съ практическимъ опытомъ дѣлаетъ ее чрезвычайно цѣннымъ пособіемъ, необходимымъ для всякаго „внѣшкольника“. Нынѣшнее ея изданіе пріобрѣтаетъ еще больше значенія, благодаря приложенному указателю литературы о народныхъ домахъ, который составленъ другимъ харьковскимъ общественнымъ дѣятелемъ, А. А. Богомолowymъ, съ большою добросовѣстностью. Указатель занимаетъ 25 страницъ и распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) книги и журнальныя статьи въ общей литературѣ, 2) книги и журн. статьи въ специальной литературѣ (а—земской и б—кооперативной) и 3) справочныя изданія. Въ немъ нѣтъ ни существенныхъ пропусковъ, ни балласта. Пожалуй, можно было бы включить еще повѣсть Безанта („Тайна богатой наслѣдницы“), подавшую впервые идею народнаго дома, и въ справочный отдѣлъ добавить: „Вѣстникъ Народнаго Образованія“, періодическій органъ, продолжающій работу „Ежегодника по Внѣшкольному Образованію“, названнаго въ указателѣ, да еще „Практическую Школьную Энциклопедію“ и „Общее Дѣло“ (сборникъ по вопросамъ образованія среди взрослыхъ). Нельзя не пожелать, чтобы наша литература поскорѣе обогатилась столь же удачными указателями и по другимъ вопросамъ внѣшкольнаго образованія.

Медынскій, Е. Н. *Методы внѣшкольной просвѣтительной работы. Опытъ методики для и. бібліотечарей, лекторовъ, лицъ, ведущихъ занятія со взрослыми, заведующихъ народными домами и пр. П., 1915, 114 стр. Ц. 85 к.*

Указывая въ предисловіи на огромную важность внѣшкольной просвѣтительной работы, авторъ отмѣчаетъ, что отдѣльные мѣропріятія по части внѣшкольнаго образованія у насъ мало координированы, а дѣятели въ этой области—большою частью самоучки, такъ какъ специальной подготовки почти негдѣ получить. Стремясь придти на помощь *мѣстнымъ* и особенно *сельскимъ* дѣятелямъ, онъ въ разбираемой книжкѣ даетъ обзоръ методовъ внѣшкольной просвѣтительной работы, раздѣляя ихъ на основные и частные.

Основными методами онъ называетъ тѣ, которые одинаково примѣнимы ко всѣмъ видамъ внѣшкольнаго образованія и которые, „не касаясь подробностей, лишь опредѣляютъ общее направленіе просвѣтительной работы“. Онъ справедливо замѣчаетъ, что „внѣшкольникъ“ долженъ давать населенію не столько запасъ фактическихъ знаній, сколько общее развитіе.

Въ качествѣ основныхъ методовъ авторъ особенно рекомендуетъ *локализацию* и *индивидуализацию*, т.-е. предпочтительное примѣненіе мѣстнаго матеріала и приспособленіе къ особенностямъ каждой отдѣльной личности. Относительно индивидуализации авторъ говоритъ: „всецѣло удовлетворить запросы каждаго, отвѣтить индивидуальности его въ часы служебной, такъ сказать, работы не можете. И лишь въ этихъ часовъ можно разрѣшить сомнѣнія каждаго отдѣльнаго лица въ частной бесѣдѣ“ (стр. 14). Такой способъ индивидуализации намъ представляется слишкомъ громоздкимъ. Сколько же часовъ отъ своего скуднаго досуга долженъ будетъ удѣлять „внѣшкольникъ“ на частныя бесѣды и не придется ли ему много разъ повторять одно и то же разнымъ лицамъ въ отдѣльности? А въ результатѣ не окажется ли, что люди, привыкшіе къ извѣстному вліянію своего руково-

дителя, безъ него попрежнему будутъ чувствовать себя безпомощными? О другихъ приемахъ индивидуализаціи въ разбираемой книгѣ не говорится.

Подъ частными методами авторъ разумѣетъ приемы работы по каждой отдѣльной отрасли виѣшкольнаго образованія. Онъ разбираетъ изъ отраслей виѣшкольнаго образованія только три: народныя чтенія, бібліотеки и школы для взрослыхъ, какъ главные составные элементы народнаго дома. Кромѣ того, къ книгѣ приложена статья П. П. Гайдебурова: „Виѣшкольное образованіе и театр“, излагающая принципы дѣятельности народнаго театра. Статья эта, принадлежащая перу одного изъ извѣстныхъ дѣятелей общедоступнаго театра, представляетъ большой интересъ.

Глава, излагающая приемы работы въ народной аудиторіи, составлена весьма удачно. По нашему мнѣнію, только трудно осуществимъ совѣтъ автора, чтобы при демонстраціи кинематографовъ показывать также нѣсколько раскрашенныхъ діапозитивовъ, сдѣланныхъ съ *того же самого негатива*. Вѣдь картины для волшебнаго фонаря и ленты для кинематографа рѣдко исполняются одной и той же фирмой.

Глава о бібліотекахъ содержитъ рядъ полезныхъ указаній, но авторъ не правъ, утверждая, что ни въ одномъ изъ русскихъ руководствъ по бібліотечовѣднію „мы не найдемъ указаній на методы работы въ народной бібліотекѣ“. Приемы, рекомендуемые авторомъ, какъ-то: оповѣщенія о бібліотекахъ, принципъ бесплатности и отсутствія залоговъ, книжныя выставки, выставка обложекъ книгъ, рекомендательные стихи, особыя формы каталога для мало-подготовленныхъ читателей, анкеты и т. д.,—все это есть въ руководствахъ для народныхъ бібліотекъ, только расположеніе матеріала иное. Въ руководствахъ эти свѣдѣнія распределены по разнымъ главамъ въ порядкѣ описанія функций бібліотеки и видны, такъ сказать, въ вертикальномъ разрѣзѣ, а г. М. выдѣлилъ ихъ въ одну плоскость и представилъ ее въ горизонтальномъ разрѣзѣ.

Слабѣ другихъ—глава о школахъ для взрослыхъ. Нѣсколько разъ упоминая въ разбираемомъ трудѣ о томъ, какая ошибка, что у насъ „сплошь да рядомъ для взрослыхъ примѣняютъ приемы преподаванія, выработанные для дѣтской школы“, авторъ, однако, самъ рекомендуетъ въ числѣ учебниковъ для взрослыхъ „Первую книгу для чтенія“ Толстого и „Хрестоматію для старшаго отдѣленія начальныхъ училищъ“ Воскресенской, гдѣ матеріалъ приуроченъ къ уровню дѣтскаго пониманія.

Для преподаванія въ школахъ взрослыхъ авторъ предлагаетъ программу, рассчитанную на два года. Въ первомъ году (для неграмотныхъ)—законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика; во второмъ (для малограмотныхъ)—русскій языкъ, ариѳметика, исторія, географія, естествознаніе. Эта программа по предметамъ та же, что и въ начальной дѣтской школѣ, хотя преподаваніе будетъ вестись въ ней по инымъ методамъ. Однако взрослый человѣкъ, даже и неграмотный, интересуется и другими областями знанія. Во многихъ вечерне-воскресныхъ школахъ и городскихъ, и сельскихъ съ успѣхомъ варьируютъ программу различными бесѣдами: по гигиенѣ, по физикѣ, по литературѣ, по исторіи культуры, по коопераціи и т. д. Это вовсе не тѣ утилитарныя знанія, противъ которыхъ г. М. справедливо возстаетъ для подобной школы; это не ремесло, не земледѣліе, не ручной трудъ, а развивающіе и чрезвычайно важные для взрослога человѣка предметы (цѣлый рядъ такихъ программъ имѣется въ „Хроникѣ воскресныхъ школъ“, которая въ числѣ пособій авторомъ не указана).

Бесѣды этого типа были бы тѣмъ умѣстиѣе для предложенной программы, что авторъ ограничиваетъ уроки чтенія исключительно беллетристикой, повидимому, совершенно исключая дѣловыя статьи, которыя въ хорошемъ подборѣ и съ хорошими иллюстраціями даетъ, напримѣръ, „Книга взрослыхъ“. Не говорятъ онъ также о примѣненіи наглядныхъ пособій въ занятіяхъ со взрослыми. Въ сущности чтеніе въ программѣ г. М. почти отпадаетъ. Онъ совѣтуетъ съ пер-

ваго же года (приблизительно со второго полугодія) приступить на урокахъ чтенія къ ознакомленію съ литературными произведеніями и притомъ такъ, чтобы ихъ въ классѣ читалъ вслухъ преподаватель, а не учащіеся. Это выйдутъ занятія по литературѣ, сами по себѣ интересныя и цѣбныя, но уроковъ чтенія они все же не замѣнятъ. А взрослый учащійся, какъ намъ извѣстно изъ личнаго пятнадцатилѣтняго опыта занятій со взрослыми, чрезвычайно дорожить тѣмъ, чтобы школа помогла ему овладѣть механизмомъ чтенія, который ему дается труднѣе, чѣмъ малолѣтнему. Нѣсколько необычны для школы взрослыхъ предлагаемые авторомъ уроки чистописанія. Не указаны, къ сожалѣнію, ни методы, ни руководства для преподаванія грамоты взрослымъ. Въ числѣ пособій, вѣроятно, случайно пропущено все, что относится къ преподаванію географіи.

Хорошо выяснены въ разбираемой книгѣ взаимоотношеніе различныхъ видовъ внѣшкольнаго образованія и ихъ тѣсная внутренняя связь. Мы вполне присоединяемся къ автору во взглядѣ, что „внѣшкольнику“ необходимо знать, въ чемъ сущность и задачи внѣшкольнаго образованія. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что для Россіи не нужны спеціалисты: только лекторы, только библіотекари, только завѣдующіе театромъ и т. д. Мы полагаемъ, что энциклопедистомъ „внѣшкольникъ“ можетъ быть только на первой, элементарной ступени работы. Какъ только дѣятельность разрастается, расширяется, такъ одинъ человекъ физически не можетъ всего выполнить. Въ то же время развитіе той или иной отрасли внѣшкольнаго образованія требуетъ и углубленія знаній по ней, т. е. специализации. Въ этомъ смыслѣ составленъ интересный проектъ уфимскаго земства объ институтѣ внѣшкольнаго образованія: предполагается, что всѣ слушатели будутъ получать основную подготовку по внѣшкольному образованію и, по своему выбору, специализироваться на отдѣльных факультетахъ.

X.-Г.

В. В. Огарнова. „Къ свѣту“. Для старшаго возраста. М. 1915.
Изд. И. Д. Сытина. Цѣна 1 руб.

Разказы г-жи Огарковой предназначаются, какъ указываетъ самъ авторъ, для дѣтей старшаго возраста. И дѣйствительно, большинство этихъ разказовъ можетъ быть вполне оцѣнено болѣе сознательными и развитыми дѣтьми, способными разобраться въ тѣхъ мысляхъ, какія хочетъ провести авторъ, и въ тѣхъ житейскихъ явленіяхъ, которыхъ онъ касается. Наряду съ этимъ, нныя вещи, вошедшія въ составъ этого сборника, нѣсколько элементарны для интересующей автора категоріи юныхъ читателей и скорѣе имѣютъ въ виду дѣтей младшаго возраста; правда такихъ вещей въ книгѣ немного. Нныя разказы, наоборотъ, являются слишкомъ тяжелыми и мрачными для дѣтскаго чтенія вообще, даже если рѣчь идетъ о дѣтяхъ 12—13 лѣтъ,—т.-е., конечно о среднемъ уровнѣ ихъ, такъ какъ съ исключеніями можно въ данномъ случаѣ не считаться. Это замѣчаніе относится, напримѣръ, къ разказу „Старый домъ“. Отнюдь не утверждая, что отъ дѣтей нужно скрывать всѣ тѣневныя стороны жизни, и что въ разказахъ для дѣтскаго чтенія слѣдуетъ все болѣе грустное и непривлекательное умышленно замалчивать, нельзя все же признать подходящими для юныхъ читателей нныя страницы этого разказа. Здѣсь говорится, между прочимъ, о юношѣ, который постепенно все болѣе падаетъ нравственно, предается пьянству и опошляется, все проматываетъ, затѣмъ подъ вліяніемъ своей безпутной жизни сходитъ съ ума и въ этомъ состояніи исписываетъ безчисленные клочки бумаги фразами вродѣ „смерть водкѣ“ и т. п., собираясь подать эти клочки какому-то „министру“, при чемъ старушка-мать должна ухаживать за своимъ тридцатилѣтнимъ сыномъ, какъ за ребенкомъ. Авторъ описываетъ признаки тихаго помѣшательства, въ которое впадаетъ несчастный пропойца, приводит насъ даже въ домъ для умалишенныхъ, гдѣ онъ оканчиваетъ свои дни, говоритъ о паническомъ страхѣ, какой овладѣваетъ его большимъ мозгомъ при мысли о томъ, что его драгоцѣн-

ныя бумажки могутъ быть кѣмъ-то похищены и не дойти по назначенію. Въ общемъ по фабулѣ и отдѣльнымъ сценамъ, въ немъ попадающимся, рассказъ этотъ не можетъ быть признанъ пригоднымъ для дѣтскаго чтенія.

Не для дѣтей написанъ и рассказъ „Мечтатель“; здѣсь выступаетъ непрактичный, вѣчно живущій въ царствѣ грезъ и иллюзій человѣкъ, который постепенно разоряется, при чемъ въ этомъ немало виноваты его жена и дочь, требующія все больше денегъ на свои разнообразныя расходы. „Мечтатель“ порою бьется, какъ рыба объ ледъ, закладываетъ домъ, имѣніе, предается совершенно фантастическимъ планамъ относительно какихъ-то новыхъ источниковъ дохода, которые должны обезпечить его семью. Старикъ становится нерѣдко свидѣтелемъ и жертвою безобразныхъ домашнихъ сценъ, во время которыхъ жена и дочь иронизируютъ надъ его непрактичностью, настойчиво требуютъ денегъ на свои наряды или устройство какаго нибудь бала, не обращая вниманія на то, что здоровье несчастнаго „мечтателя“ окончательно распалось подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ передрыгъ. Постоянныя мытарства и осложненія матеріальнаго характера, наконецъ, сводятъ одинокаго въ кругу своей семьи человѣка въ могилу... Только передъ самымъ концомъ въ сердцѣ его юной дочери, еще не вполне испорченной, пробуждается запоздалое раскаяніе при мысли о томъ, сколько страданій онѣ съ матерью причинили подавленному жатейскою прозою отцу.— Трудно опредѣлить, въ какомъ возрастѣ дѣти могутъ прочесть съ удовольствіемъ или пользою эту невеселую исторію, затрогивающую такія явленія, которыя еще долго могли бы остаться имъ незнакомыми!

Преобладающій характеръ книги, однако, другой. Видное мѣсто занимаютъ въ ней гуманныя мотивы (представленные, конечно, и въ „Мечтателѣ“), проповѣдь любви къ ближнимъ и активнаго служенія имъ, характеристики маленькихъ, незамѣтныхъ людей, къ которымъ авторъ хочетъ пробудить симпатію въ душѣ читателя. Первый же рассказъ—„Блаженная страна“—въ этомъ отношеніи характеренъ для всего

сборника. Мальчику снится сонъ, будто ангель уноситъ его вдаль отъ родного города, показываетъ ему различныя страны, знакомить съ жизнью людей, съ ихъ страданіями, но утѣшаетъ его тѣмъ, что, рано или поздно, „все это исчезнетъ, и тюрьма, и нищія, и наступитъ на землѣ царство любви“. Издали видитъ Володя со своимъ воздушнымъ спутникомъ „Блаженную Страну, въ которую онъ еще не можетъ проникнуть, но которая кажется ему необыкновенно заманчивою и привлекательною. „Если ты полюбишь людей, какъ братьевъ,—говоритъ ему ангель,—отдашь свои силы для пользы ихъ, если ты будешь идти впередъ, вырывая у природы ея тайны и открывая ихъ людямъ, ты будешь въ той странѣ. Отдай свое сердце любви, умъ—знанію, и ты станешь жить въ Блаженной Странѣ“. И мальчикъ пробуждается съ горячимъ желаніемъ „всѣхъ любить, всѣхъ“.

Не нужно думать, однако, чтобы другіе рассказы г-жи Огарковой, проникнутые гуманными идеями, были, подобно только что отмѣченному, выдержаны въ полуфантастическомъ жанрѣ или, по крайней мѣрѣ, непременно затрогивали область сновидѣній и грезъ. Исключеніемъ является только одинъ изъ второстепенныхъ рассказовъ, „О томъ, что говорила звѣздочка“, гдѣ крестьянской дѣвчкѣ Машѣ снится, будто съ нею бесѣдуетъ маленькая звѣздочка, нарочно спустившаяся съ неба и утѣшающая ее тѣмъ, что скоро у нихъ будетъ много хлѣба, что ей купить башмаки, красный платокъ и пряниковъ. Въ сказкѣ „Рассказъ ржаного колоса“ авторъ хотѣлъ обрисовать крестьянскую нужду и пробудить въ душѣ юнаго читателя состраданіе къ судьбѣ несчастной, едва перебивающейся семьѣ, при чемъ объ этой судьбѣ мы узнаемъ изъ словъ колоса, сознающаго, что онъ и его братья могутъ стать источникомъ, если не богатства, то большей обезпеченности для этихъ несчастныхъ людей. Замыселъ, не лишенный оригинальности, хотя и не новый. Все это небольшое произведеніе вообще не лишено достоинствъ въ литературномъ и идейномъ отношеніи; мѣстами только авторъ не вполне справился съ не особенно легкою задачею—опи-

сывать челоѣческую жизнь отъ имени колоса, и приписаль послѣднему инныя фразы, которыя носятъ слишкомъ *человѣчскій* характеръ... „Пусть я послужу удобреніемъ для этой полосы и внесу свою лепту для друга-пахаря, взрастившаго и взлелѣявшаго меня“, говорить въ одномъ случаѣ колосъ. Говоря о пожарѣ, жертвою котораго стала деревня, „колосъ“ выражается такъ: „Какъ громадный жертвенникъ, взвивалось пламя пожара къ ночнымъ небесамъ“. Немного ниже колосъ упоминаетъ о томъ, какъ мимо него проѣхали въ село *становой и исправникъ*: „я ихъ узналъ по тому, что имъ всѣ низко кланялись“. Несомѣнно, что въ подобныхъ случаяхъ авторъ иногда забываетъ о томъ, отъ чьего имени ведется разсказъ.

Стремленіе г-жи Огарковой пробуждать гуманныя чувства сказывается и въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ выступаютъ скромные, незамѣтные люди, заслуживающіе, однако, уваженія своими душевными свойствами, отзывчивостью или незлобностью. Таковъ старый церковный сторожъ Архипычъ („Церковный сторожъ“), съ его воспоминаніями о севастопольской оборонѣ, тревожными мыслями объ одномъ сынѣ, ушедшемъ на войну, и скорбью по поводу „непутевой жизни“ другого, который отбился отъ рукъ и разоряетъ отца.

Такова старушка Родіоновна (въ разсказѣ того же имени), побывавшая въ Іерусалимѣ и различныхъ монастыряхъ, знающая много легендъ и преданій, увлекающая дѣтей своими безконечными повѣствованіями обо всемъ, что она видѣла и слышала, и любимая ими за свою доброту и сердечное отношеніе къ нимъ. Въ одномъ случаѣ авторъ выводитъ стараго двороваго Вуколыча, дожившаго до новыхъ временъ, до освобожденія крестьянъ, но такъ и не пожелавшаго разстаться съ тою семьею, которую онъ давно полюбилъ, не видя съ ея стороны ничего плохого; трогательное впечатлѣніе производитъ его тревога за тяжело больную жену, которой, онъ это чувствуетъ, скоро не станетъ, и забота о двѣнадцатилѣтнемъ сынѣ, подающемъ большія надежды, ревностно отдавшемся ученію, — при чемъ мысли объ его дальнѣйшей судьбѣ

скрашиваютъ печальное угасаніе старика. Въ небольшомъ разсказѣ „Радостный день“ авторъ хочетъ пробудить симпатію и уваженіе къ старому профессору, который въ теченіе всей своей дѣятельности стремился будить въ молодежи благородныя влеченія и любовь къ людямъ, и послѣ временнаго приступа меланхоліи и разочарованія, вызваннаго мыслью о томъ, что онъ одинокъ и забытъ всѣми, получаетъ награду и утѣшеніе въ видѣ неожиданнаго прихода бывшихъ учениковъ его, которые рѣшили навѣстить его въ день его рожденія и поблагодарить его за то, что онъ училъ ихъ быть хорошими, честными людьми, „сѣялъ въ ихъ сердца любовь къ правдѣ и ближнему“, побуждалъ ихъ итти дорогою, озаренною свѣтомъ науки. Къ сожалѣнію, этотъ разсказъ, при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ автора, слабъ въ художественномъ отношеніи и нѣсколько сбивается на прописную мораль.

Особую группу произведеній г-жи Огарковой составляютъ тѣ разсказы, которые переносятъ насъ на фабрики, заводы, въ мастерскія или лавки, гдѣ служатъ и работаютъ не по силамъ дѣти и подростки („Смѣльчакъ“, „Озорникъ“, „Изъ мрака къ свѣту“, „Подъ землей“). Нѣкоторыя картины фабрично-заводской жизни удались автору и могутъ быть прочитаны дѣтьми старшаго возраста даже не безъ пользы, такъ какъ набросаны съ видимымъ знаніемъ изображаемой обстановки, особенно, когда рѣчь идетъ, напримѣръ, о чугунолитейномъ производствѣ или о работахъ въ рудникахъ. На фонѣ этихъ картинъ тяжелаго изнурительнаго труда авторъ показываетъ подчасъ яркія фигуры даровитыхъ, сильныхъ и энергичныхъ подростковъ, которые стремятся „къ свѣту“, хотятъ, проложить себѣ дорогу своимъ упорнымъ трудомъ, обнаруживаютъ нерѣдко блестящія способности, по большей части (авторъ не свободенъ отъ извѣстнаго оптимизма) находящія должную оцѣнку, поощреніе и награду. Къ той же группѣ вещей относится и разсказъ „Мастеричка“, героинею котораго является дѣвочка, доведенная хозяйкою бѣлошвейной мастерской до того, что у нея является мысль о самоубійствѣ. Изображая „смѣльчаковъ“, выходцевъ изъ бѣдныхъ

семей, поражающих своею выдержкою и трудоспособностью, авторъ иногда вдается въ повтореніе сходныхъ мотивовъ,— недостатокъ, который сказывается и въ нѣкоторыхъ разсказахъ съ другимъ содержаніемъ. По языку сборникъ г-жи Огарковой можетъ быть названъ довольно удачнымъ; большинство разсказовъ написано вполнѣ литературно. Если откинуть вещи, непригодныя для дѣтскаго чтенія или нѣсколько отзываются прописною моралью, въ сборникѣ останется все же достаточно произведеній, которыя могутъ быть прочитаны не безъ интереса дѣтьми старшаго возраста. Приложенные къ книгѣ рисунки, въ общемъ,—средняго достоинства.

Ю. Веселовскій.

Военная дѣтская литература ¹⁾).

Едва ли не самымъ большимъ факторомъ воспитанія является сама жизнь. Укладъ окружающей обстановки, начиная съ узкаго круга семьи и кончая жизнью въ обществѣ и государствѣ, кладетъ свою печать на все формированіе человѣческой личности. Съ самаго начала жизнь ребенка, про-

¹⁾ Изданія т-ва И. Д. Сытина. М., 1915 г. Разказы о великой войнѣ. Для семьи и школы. „Наши раненые“, ц. 15 к.; „Наши герои“, ц. 15 к.; „Всѣ въ войнѣ“, ц. 15 к.; „На войнѣ“, ц. 15 к.; „По слѣдамъ войны“, ц. 15 к.; *Лукашевичъ, Кл.* „Патріотическое школьное литературное утро“. Хрестоматія. 1514—15 г., 174 стр. Ц. 1 р. 25 к. *Ея же.* „Великая война“. Поэтическая хрестоматія для семьи и школы. Сборникъ стихотвореній современныхъ поэтовъ. Со множ. иллюстрацій. 246 стр. Ц. 1 р. 50 к. *Барановъ, Ев.* „Въ горахъ Турціи“. Рис. П. В. Абрамова. 70 стр. Ц. 25 к. *Малиновская, С.* „Развѣдка“. Рис. М. Н. Быковской. 27 стр. Ц. 15 к. *Ея же.* „Съ войны“. Рис. А. Н. Комарова. 27 стр. Ц. 15 к. *Ульяновъ, А.* „Въ плѣну“. Рис. Г. Д. Алексѣева. 52 стр. Ц. 20 к. *Ея же.* „Разоренное гнѣздо“. Рис. Г. Д. Алексѣева. 52 стр. Ц. 20 к. *Ея же.* „Баба“. Рис. Г. Алексѣева. 54 стр. Ц. 20 к. *Ея же.* „За родной могилкой“. Рис. В. И. Комарова. 48 стр. Ц. 20 к. *Шведеръ, Ев.* „За родину“. Рис. Б. В. Зворыкина. 79 стр. Ц. 25 к. *Ея же.* „Около войны“. Рис. В. Е. Егорова. 46 стр. Ц. 25 к. *Ея же.* „Въ заревѣ пожара“. Рис. В. Н. Курдюмова. 47 стр. Ц. 20 к.

стая физическая жизнь организма, находится въ рукахъ окружающихъ его близкихъ. По мѣрѣ роста ребенокъ все болѣе освобождается отъ этой зависимости, но не освобождается онъ отъ огромнаго вліянія окружающихъ. Подъ вліяніемъ товарищей, подъ вліяніемъ окружающихъ взрослыхъ совершается въ немъ работа постепенной выработки міросозерцанія и міропониманія. Какъ и взрослый человекъ, ребенокъ находится въ живой и неразрывной связи съ обществомъ, и факты общественнаго значенія, факты, переживаемые всѣмъ обществомъ, не проходятъ мимо маленькихъ членовъ этого общества. Переживаются они только ими по-своему, не по-взрослому.

Въ настоящее время факторомъ, которымъ глубоко затронуто все общество, является война. И, конечно, эта война не могла пройти и мимо дѣтей. Одни изъ дѣтей захвачены войной черезъ личныя связи, другія не могли остаться безучастными, видя вторгшуюся въ повседневную жизнь войну, третьи, наконецъ, стали сами невольными участниками великаго исхода, исхода изъ родныхъ, любимыхъ, близкихъ съ первыхъ дней ихъ дѣтства мѣсть.

Какое вліяніе окажетъ все пережитое на ребенка, какія стороны души его вырастутъ и разовьются на фонѣ пере-

Книжки серіи „Миръ и война“ кн-ства „Общее дѣло“. М., 1914—1915 г. *Шмелевъ, И.* „На войну“. 24 стр. Ц. 10 коп. *Андреевъ, Леонидъ.* „Бельгійцамъ“. 7 стр. Ц. 5 коп. *Рындина, Л. и Бывалый, Н.* „Въ тылу арміи“. 6 стр. Ц. 8 к. *Бывалый, Н.* „Съ боевыхъ позицій“. 24 стр. Ц. 10 к. *Калеминъ, Вис.* „Первые выстрѣлы“. 16 стр. Ц. 8 к.

Изданія журнала „Юная Россія“. М., 1915 г. *Шведеръ, Е.* „На войну“. Съ рис., 46 стр. Ц. 20 к. *Ело же.* „Въ лазаретѣ“. Съ рис. худ. К. Фридберга. 56 стр. Ц. 25 к.

Изданія т-ва М. О. Вольфъ. М.—Пг. 1914—15 г. *Русаковъ, Викторъ.* „Юные русскіе герои“. Очерки и рассказы о военныхъ подвигахъ русскихъ мальчиковъ. Съ портр. и рис. 112 стр. Ц. не указ. *Чарская, Л.* „Игорь и Милица“ („Соколята“). Повѣсть для юношества изъ великой европейской войны. Съ ил. Н. Герардова. 338 стр. Ц. 3 р.

Каринцевъ, Ник. „За родину“ (картины войны). Изд. Панафидиной. Съ рис. М., 1915 г. 168 стр. Ц. 75 к. *Сверцевъ-Полиловъ, Г. Т.* „На полѣ брани“. Эпизоды и рассказы изъ первой половины нынѣшней войны. Изд. не указ. Пг. 232 стр. Ц. 1 р. 25 к.

живаемыхъ событій? Этотъ вопросъ, естественно, остро стоитъ передъ всякимъ, кому дорого воспитаніе „человѣка“, высшихъ началъ человѣчности въ лицѣ современнаго ребенка.

Жизнь съ ея культурными и этическими цѣнностями шире войны, но въ то же время война какъ бы подчиняетъ себѣ жизнь. Она производитъ переворотъ во внѣшней структурѣ жизни такъ же, какъ и во внутренней. Колеблются многія понятія высшей морали и нравственности и на мѣсто ихъ встаютъ царящій ужасъ разрушенія, попраніе элементарныхъ правъ человѣческой личности, отнимается у человѣка даже право на жизнь, простую физическую жизнь,—право, казалось бы, ему одному принадлежащее. Картины, въ которыхъ все это отражается, у всѣхъ передъ глазами. И дѣти, какъ и взрослые, видятъ эти картины, ибо война не гдѣ-то тамъ, но вездѣ, внутри страны, на ея окраинахъ. Внутри страны вливаются потоки бѣженцевъ, внутри страны живые примѣры ужасовъ войны—наши калѣки.

Но не на примѣрахъ и факторахъ отрицательной цѣнности строится міросозерцаніе человѣка, а на факторахъ, имѣющихъ глубокой моральный смыслъ и значеніе. И потому обязанностью взрослыхъ является не развивать интересы ребенка къ войнѣ, но такъ подойти къ ребенку, чтобы, отбѣняя положительное, парализовать влияніе на его душу опустошающихъ и разрушающихъ картинъ войны, парализовать, направляя проявляемый въ отдѣльныхъ случаяхъ интересъ ребенка къ войнѣ на то, что можетъ для него въ будущемъ имѣть положительное значеніе. Воспитатель можетъ использовать интересъ ребенка къ войнѣ въ цѣляхъ знакомства его съ многообразными формами государственной и экономической жизни народовъ, у него есть достаточный поводъ для знакомства ребенка съ литературой, искусствомъ народовъ. Знакомясь съ историческими судьбами народовъ, ихъ культурными пріобрѣтеніями, ребенокъ научится видѣть и цѣнить истинно цѣнное, невзирая на то, гдѣ и на какой почвѣ это цѣнное выросло. Вѣрнымъ помощникомъ воспитателю въ этомъ дѣлѣ можетъ служить хорошая книга. Указанія на

эти спеціальныя книги, списки ихъ имѣются въ рядѣ педагогическихъ журналовъ. („Народный учитель“, № 24, 1914 г. „Народное образованіе отд. Извѣстій Моск. Гор. Думы“ № 7—8, 1914 г. „Новости Дѣтской Литературы“, № 1, 1915 г. „Родной языкъ въ школѣ“, № 4—5, 1914—15 г. „Русская Школа“, № 12, 1914 г.).

Но кромѣ вопросовъ вышеназванной области, война ставитъ остро вопросы и въ области чисто-нравственной. Въ этой области въ войнѣ многое принимается изъ того, что по законамъ высшей морали казалось непріемлемымъ. И кажется, единственнымъ вопросомъ этой области, на который могло бы быть обращено вниманіе дѣтей (конечно, дѣтей болѣе старшаго возраста, живущихъ сознательной жизнью) является фактъ принесенія отдѣльной личностью въ жертву всего близкаго во имя далекаго, всего личнаго во имя общаго. Война требуетъ отъ человѣка, на ряду съ отрѣшеніемъ отъ самой жизни, отрѣшенія отъ многихъ духовныхъ цѣнностей составляющихъ достояніе его духовнаго я. И въ этомъ отрѣшеніи отъ всего личнаго я есть, можетъ быть, то наибольшее величіе, проявленіе котораго когда-либо было присуще человѣческому духу. Во имя идеаловъ общества, во имя идеаловъ того народа, котораго онъ сынъ, человѣкъ полагаетъ душу свою. Онъ идетъ на защиту культуры своего народа, на защиту его искусства, его самобытности, его народной индивидуальности. И это осознаніе общей съ народомъ задачи сближаетъ его съ человѣчностью, т.-е. именно съ тѣмъ, что, по выраженію Бѣлинскаго, создаетъ изъ человѣка— „человѣка“. Это сознаніе общей цѣли служитъ прочной спайкой между отдѣльными личностями и является основой чувства солидарности, единства, т.-е. того чувства, которое является движущимъ стимуломъ для развитія общественной жизни на началахъ правды и добра.

Ввести это въ сознаніе дѣтей, конечно, трудная задача. Для положительнаго разрѣшенія ея требуется, съ одной стороны, отъ воспитателя большой педагогическій тактъ, съ другой— развитое сознаніе дѣтей. Большую помощь въ этомъ

отношеніи воспитатель могъ бы имѣть со стороны художественной литературы. Истинно-художественное произведеніе, будучи написано, хотя и на современную, интересующую ребенка тему, можетъ тѣмъ не менѣе оказать на ребенка такое вліяніе, что его интересы къ частнымъ переходящимъ случаямъ замѣнятся интересомъ къ болѣе общему и цѣнному.

Вѣдь истинный художникъ и великъ именно тѣмъ, что за всѣмъ видимымъ, частнымъ умѣетъ видѣть, а также и показать другимъ то большое и цѣнное, что скрыто за мелькающей дѣйствительностью отъ насъ—простыхъ зрителей событій. Воспользовавшись такъ называемыми „военными“ темами, истинный художникъ можетъ расширить и углубить пониманіе ребенка, обогатить его душу вѣчно-живыми и цѣнными образами.

Возможно,—не наступило еще то время, когда бы художникъ могъ отъ остро переживаемой дѣйствительности обратиться вглубь событій, вглубь „всего“; возможна тутъ и другая причина, но во всякомъ случаѣ та литература на современныя, такъ называемыя, военныя темы, за исключеніемъ лишь единичныхъ случаевъ, далека отъ художественности. Въ большинствѣ случаевъ это все пересказы, пересказы случаевъ и событій изъ дѣйствительной современной жизни, слабыя и ненужныя копіи дѣйствительности, которыя не только не отвлекаютъ, но, наоборотъ, приковываютъ вниманіе ребенка къ тому, что ему не подъ силу понять и осознать до конца.

Въ количественномъ отношеніи эта специально „военная“ литература для дѣтей—богата. Большая часть ея до сихъ поръ выпущена издательствомъ т-ва И. Д. Сытина и входитъ въ составъ серіи „Разсказовъ о великой войнѣ“ для семьи и школы. Первыми по времени являются книжки: „Наши раненые“, „Наши герои“, „Всѣ въ войнѣ“, „На войнѣ“, „По слѣдамъ войны“. Всѣ эти книжки однородны по общему своему построенію: во всѣхъ нихъ собраны воедино отрывочные разсказы, краткія сообщенія, наконецъ, фельетоны, помѣщенные равнѣе на столбцахъ газетъ. Судя по тѣмъ темамъ,

которыя затрогиваютъ замѣтки, онѣ распредѣлены по книжкамъ съ соответствующимъ заглавіемъ. Такъ, въ книжкѣ „Наши раненые“ говорится о страданіяхъ и жизни раненыхъ, въ книжкѣ „Наши герои“ описываются подвиги героевъ современной войны, въ книжкахъ „На войнѣ“ и „По слѣдамъ войны“ описываются картины разрушенія и опустошенія, которыя несетъ съ собой война. Въ книжкѣ „Все въ войнѣ“ описывается сотрудничество и участіе общества въ дѣлѣ помощи участникамъ войны,—различные сборы пожертвованій—кружечные, фургонные сборы.

Какъ въ калейдоскопѣ промелькнуть передъ дѣтьми въ этихъ книжкахъ картины войны. Картины одна ужаснѣе другой идутъ въ нихъ на смѣну, и только при поверхностномъ и легкомъ отношеніи къ читаемому эти картины не поселятъ въ дѣтскихъ душахъ ужаса и смятенія. Учитъ же и воспитываетъ въ дѣтяхъ способность не видѣть того, что есть въ наличности, это не входитъ да и не должно входить въ задачи воспитателя. И трудно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кто считаетъ возможнымъ фиксировать вниманіе дѣтей на переживаемыхъ событіяхъ, кто стремится заставить дѣтей думать и переживать по взрослому все совершающееся. Природа, нужно думать, какъ всегда, и въ этомъ отношеніи больше позаботилась о подрастающемъ поколѣніи и надѣлила дѣтей естественной сопротивляемостью тому, что можетъ внести въ нихъ мракъ и опасное разложеніе тѣхъ нравственныхъ навыковъ, которыми они владѣютъ. Природа и въ войнѣ научила дѣтей видѣть свое положительное, что имъ надо, къ чему они стремятся, что они любятъ. Они видятъ въ ней свои любимыя игры, привлекательные прообразы героевъ-борцовъ. И пусть ихъ видятъ. Не надо разрушать этой полезной всему ихъ душевному укладу иллюзіи, не надо намъ, взрослымъ, привлекать ихъ вниманіе къ тому, чего они не могутъ до конца понять. Въ этомъ случаѣ больше чѣмъ отрицательное значеніе могутъ имѣть какія-либо спеціальныя „утра“, „вечера“. А таковыя, какъ мы знаемъ, устраиваются. И даже больше,—мы имѣемъ даже спеціально для этой цѣли пред-

назначенную книгу писательницы, всегда быстро отзывающейся на всякіе юбилеи и торжества и выпустившей къ этому случаю специальный сборникъ. Я говорю о хрестоматіи г-жи Кл. Лукашевичъ, выпущенной подъ названіемъ „Патріотическое школьное литературное утро“. „Въ настоящемъ великомъ историческомъ году, какой переживаетъ наша родина, мы предлагаемъ въ семьяхъ и школахъ, вмѣсто обычныхъ дѣтскихъ праздниковъ, устраивать „патріотическія литературныя «утра»“,—говорить составительница въ предисловіи къ сборнику.

Зачѣмъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ г-жа Лукашевичъ даетъ въ слѣдующихъ строкахъ: для того, „чтобы отвѣтить на патріотическіе чувства, мысли и запросы юношества и дѣтей въ связи съ переживаемыми событіями“. „Въ такомъ духѣ“ подобранъ, по словамъ составительницы, весь матеріалъ сборника. А матеріалъ этотъ слѣдующій. Хрестоматія начинается Высочайшимъ Манифестомъ и словами Государя о войнѣ. Затѣмъ слѣдуютъ стихотворенія и отрывки въ прозѣ, „посвященные современной Отечественной войнѣ“, „Патріотическія стихотворенія изъ родной исторіи“ и, наконецъ, сцены для исполненія на литературномъ „утрѣ“. Кромѣ отдѣла стихотвореній изъ родной исторіи, гдѣ помѣщены произведенія нашихъ большихъ писателей на военныя темы, остальной матеріалъ сборника состоитъ изъ разнообразныхъ рассказовъ и стихотвореній на военныя темы, появившихся въ періодической прессѣ. Рассказы, которые г-жа Лукашевичъ предлагаетъ дѣтямъ читать на „утрѣ“ наизусть или по книгѣ, наиболѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе, потому обратимся непосредственно къ нимъ. „Война есть грозная кара Божія. Ея лицо ужасно. Она по существу своему безпощадна и по своему смыслу—жестока. Артиллерія была бы лишь обузой арміи, если бы она не была убійственна; конница была бы помѣхой, если бы она не наводила ужаса; ружья въ рукахъ пѣхоты были бы простымъ дреколѣмъ, если бы не производили губительнаго огня. Уничтожить противника—вотъ въ чемъ задача всякой войны, привести

непріятеля въ состояніе ужаса—вотъ въ чемъ цѣль всякаго боя—такъ, по мнѣнію составительницы, должны говорить и думать дѣти о задачахъ войны и цѣли боя. Не является ли со стороны взрослыхъ прямо преступнымъ заставлять дѣтей играть въ слова, играть потому, что, конечно, они къ ихъ счастью не могутъ понять еще всего того смысла, который заключаютъ въ себѣ произносимыя ими, по наученію взрослыхъ, слова. Также противоестественно слышать изъ устъ дѣтей рассказы на тему: „ноги перебиты—руки есть“ или описанія картинъ послѣ боя съ мертвыми, похолодѣвшими тѣлами, рассказы о людяхъ „съ прострѣленнымъ насквозь горломъ“. Заставлять дѣтей говорить объ этомъ, развѣ это не значитъ—совершать насиліе надъ ними, надъ ихъ душой, надъ ихъ чуткостью и отзывчивостью къ страданіямъ близкихъ. Развѣ, напр., естествененъ въ ихъ устахъ рассказъ о томъ, какъ „изрубленный саблями, исколотый пиками, Козьма Крючковъ на своемъ лихомъ конѣ, взросшемъ, какъ и его всадникъ, на просторѣ степей, волчкомъ вертится во вражемъ станѣ, нанося разящіе удары, сначала своей казацкой пашкой, а потомъ и вырванной у пруссака-кавалериста пикой. Съѣтъ вокругъ себя смерть. Сбиваетъ 11 нѣмцевъ. Словно сказка“. Можетъ быть, и сказка, но сказка жуткая и не намъ, взрослымъ дѣлать дѣтей рассказчиками подобныхъ сказокъ.

Подборъ стихотвореній въ сборникъ также носить случайный характеръ. На ряду съ стихотвореніями извѣстныхъ современныхъ поэтовъ стоятъ стихотворенія, написанныя, правда, на тему о войнѣ, но совершенно не цѣнные въ художественномъ отношеніи. Большинство изъ этихъ стихотвореній общи со стихотвореніями особой, составленной также г-жей Лукашевичъ „Поэтической хрестоматіей“. Въ эту хрестоматію вошли стихотворенія, которыми откликнулись современные поэты на переживаемыя событія. Въ сборникъ вошло около 200 стихотвореній. По затрогиваемымъ въ нихъ темамъ всѣ стихотворенія разбиты на слѣдующіе отдѣлы. Отдѣлъ 1. Война. Царь и народъ. Россія. Отдѣлъ 2. Наши войны. Походъ.

Отдѣлъ 3. Молитва о воинахъ. Отдѣлъ 4. На войнѣ. Въ бою. Отдѣлъ 5. Первыя побѣды и подвиги родныхъ героевъ. Отдѣлъ 6. Подвиги милосердія. Помощь родинѣ. Отдѣлъ 7. Наши раненные. Отдѣлъ 8. Свѣтлой памяти павшихъ героевъ. Отдѣлъ 9. Славянамъ. Отдѣлъ 10. Бельгіи. Отдѣлъ 11. Гимны и пѣсни. Отдѣлъ 12. На разныя темы. Отдѣлъ 13. Врагамъ. По своимъ художественнымъ достоинствамъ стихотворенія, вошедшія въ составъ сборника, глубоко различны. Среди нихъ есть хорошія стихотворенія, но большинство имѣютъ мало общаго съ истинной поэзіей. Это—лишь откликъ на событія, почему нерѣдко въ стихотвореніяхъ фактическая сторона, сравнительно съ поэтической, стоитъ на первомъ мѣстѣ. Встрѣчается, на примѣръ, цѣлое изложеніе въ стихахъ подвига героя-казака. Острота чувства по поводу переживаемыхъ событій не позволяетъ часто поэтамъ быть безпристрастными судьями при оцѣнкѣ различныхъ историческихъ событій.

На ряду съ этими сборниками тѣмъ же издательствомъ т-ва И. Д. Сытина выпущенъ рядъ отдѣльныхъ книжекъ различныхъ авторовъ. Пока всего вышло 11 книжекъ. Несмотря на принадлежность этихъ книжекъ перу различныхъ авторовъ, не трудно подмѣтить ихъ общій характеръ. Это—не произведенія, имѣющія безотносительную чисто-художественную цѣнность, а произведенія, въ которыхъ авторы стремились воспроизвести отдѣльныя картинки современной дѣйствительности. Наиболѣе вѣрнымъ дѣйствительности стремится быть г. Ульяновъ, перу котораго принадлежитъ большая часть книжекъ всей серіи. Его рассказы просты, безъ лишняго подчеркиванія отрицательныхъ жестокихъ подробностей той дѣйствительности, которую онъ описываетъ. Просто рассказываетъ онъ о томъ, какъ солдаты попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ, бѣжали изъ плѣна („Въ плѣну“). Просто рассказываетъ онъ о солдаткѣ, пошедшей за мужемъ въ походъ и раздѣлившей съ нимъ трудности походной жизни („Баба“). Безъ особаго нарочитаго подчеркиванія передаетъ авторъ горе и тяжелыя переживанія разоренной войною семьи („Разоренное гнѣздо“). Нѣкоторая искусственность построения замѣтна лишь въ раз-

сказъ „На родную могилку“, въ которомъ описываются тревоги семейныхъ, главнымъ образомъ матери, имѣющей на войнѣ сына. Получивъ невѣрныя, какъ потомъ оказалось, извѣстія, о смерти сына, мать отправляется отыскивать „родную могилку“. Но считавшійся погибшимъ сынъ неожиданно пріѣзжаетъ, и тревога разсѣивается.

Еще большей надуманностью вѣтъ отъ рассказовъ г-жи Малиновской. Ихъ всего два, и оба крайне искусственно спиты. Въ рассказѣ „Развѣдка“ французскій лейтенантъ Фр. Лоти получаетъ отвѣтственное порученіе. Онъ долженъ отправиться въ Германію, чтобы получить необходимыя свѣдѣнія о иѣ-пріятельскихъ укрѣпленіяхъ—планы ихъ крѣпостей и расположеній. Лоти уѣзжаетъ. О немъ мы мало знаемъ изъ книжки, такъ какъ авторъ все время отвлекается въ сторону совершенно не отвѣчающихъ темъ подробностей, а о своемъ героѣ вспоминаетъ лишь въ концѣ книжки, описывая, какъ онъ въ качествѣ рабочаго завода выдерживаетъ аттестатъ зрѣлости на шпиона, владѣя собой при допросѣ директора фабрики, оказавшагося почему-то также французскимъ гренадеромъ-шпиономъ. Рассказъ нежелателенъ въ рукахъ дѣтей (не говоря уже о недостаткахъ чисто внутренняго построенія разсказа) по затрогиваемой темѣ. Слишкомъ много противорѣчиваго заключаетъ въ себѣ самый вопросъ о шпионажѣ, чтобы онъ могъ служить предметомъ желаемаго обсужденія со стороны дѣтей. Нѣтъ вредныхъ положеній въ рассказѣ того же автора „Съ войны“, но есть та же дѣланность, что присуща первому разсказу. „Съ войны“ привезъ солдатъ оставленную на произволъ судьбы маленькую дѣвочку, привезъ къ себѣ домой въ деревню, гдѣ свои ребята были, гдѣ и достатка большого не было. Въ описаніи г-жи Малиновской не чувствуется той искренней привязанности солдата къ ребенку, изъ-за которой лишь могла бы быть понятна большая жертва солдата. Тѣ же нарочитость и безцвѣтность присущи нѣкоторымъ рассказамъ сборничка Евг. Шведера „Свойны“. Въ сборничкѣ рядъ рассказовъ—и о томительномъ ожиданіи военныхъ извѣстій „Съ почты“, и о скучномъ морализирующемъ

„Добровольцѣ“, и объ отношеніи нашего солдата къ раненому непріятелю (разск. „Карла“). На послѣднюю тему написанъ также другой разсказъ серіи, это—разсказъ Баранова „Въ горахъ Турціи“. Оба автора одинаково отмѣчаютъ доброе, жалостливое отношеніе нашего солдата къ раненому непріятелю, съ которымъ они—враги лишь во время боя. Въ другомъ разсказѣ „Въ заревѣ пожара“ Евг. Шведеръ разсказываетъ о бѣдствіяхъ бѣгущаго отъ непріятеля населенія. Если эти описанія сопоставить съ дѣйствительностью, то они—плохая, безцвѣтная копія ея. Довольно вѣрно рисуетъ авторъ неосознанное стремленіе дѣтей бѣжать на войну (разск. „За родину“). Не имѣя никакого представленія о томъ, что его ожидаетъ, бѣжить на войну деревенскій мальчуганъ, круглый сирота, бѣжить отъ тяжелой жизни. Это смутное желаніе попасть на войну исчезаетъ, какъ только онъ находитъ примѣненіе своимъ силамъ, понавъ на работу въ лазаретъ. Но художественностью этотъ разсказъ, какъ и прочіе, не отличается. Все это—небольшія картинки изъ текущей жизни безъ какого-либо углубленнаго подхода къ затрогиваемой темѣ. Подобныя же картинки набрасываетъ Евг. Шведеръ и въ другихъ сборникахъ разсказовъ (Сборники разсказовъ въ изд. „Юной Россіи“—„На войну“ и „Въ лазаретѣ“) съ той только разницей, что въ послѣднихъ разсказахъ сильно сквозитъ надуманность автора, откуда прорастаетъ замѣтная искусственность во всемъ построеніи разсказовъ. Много говоритъ авторъ въ этихъ разсказахъ о разнообразныхъ видахъ помощи пострадавшимъ отъ войны: вотъ старуха несетъ холстъ въ городъ для раненыхъ („По пути“, сб. „Въ лазаретѣ“), вотъ слывающая скаредой дама конитъ деньги, чтобы нашить бѣлья раненымъ („Скареда“, сб. „Въ лазаретѣ“). Даже дуракъ Гаврюша такъ проникается настроеніемъ времени, что отдастъ всѣ свои накопленныя копеечки въ пользу раненыхъ („Гаврюшины копеечки“, сб. „На войну“).

Это, пожалуй, даже уже сгущенная дѣйствительность, картины которой не производятъ того впечатлѣнія, которое, какъ нѣчто неотъемлемое, присуще всякому истинно-художествен-

ному произведенію. Въ картинахъ настоящаго художника та же дѣйствительность выходитъ преломленной тѣмъ внутреннимъ свѣтомъ, который вложилъ въ нее творецъ произведенія, сумѣвшій возвыситься надъ частнымъ и проникнуть въ глубь вещей.

Примѣромъ тому можетъ служить рассказъ И. Шмелева „На войну“ (серія книжекъ „Миръ и война“, книгоизд. „Общее дѣло“).

Передъ вами въ этихъ рассказахъ тоже дѣйствительность — тутъ и описанія сбора призванныхъ („На пунктѣ“), и картинка, рисующая отношеніе къ войнѣ деревни („Подъ избой“), тутъ передъ вами запуганные жители, принимающіе, съ большого страха, за шпіона новаго лакея сосѣдняго барина („На крыльяхъ“). Но объ этой живой дѣйствительности говоритъ художникъ и говоритъ онъ о ней такъ, что ваше вниманіе сосредоточивается не на чемъ-то маленькомъ и ничтожномъ, а наоборотъ — на большомъ и цѣнномъ. Прочтя этотъ рассказъ, вы начинаете невольно понимать и любить душу русскаго человѣка, молчаливо идущаго совершать страшно важное и страшно нужное „дѣло“. И идутъ они „ото всѣхъ морей“, „ото всѣхъ океановъ“, идутъ безъ упрековъ, безъ жалобъ, какъ истинные герои, во всемъ своемъ величій не мнящіе себя таковыми.

Кромѣ рассказа И. Шмелева, въ ту же бібліотеку очерковъ, посвященныхъ войнѣ 1914 года подъ заглавіемъ „Миръ и Война“, вошелъ цѣлый рядъ рассказовъ, въ томъ числѣ и отрывокъ въ прозѣ Л. Андреева—„Бельгійцамъ“, въ которомъ авторъ излагаетъ свою мечту о томъ, какъ Берлинъ, внутренне преобразенный войной, въ сознаніи своей неправоты, склоняетъ свою голову передъ входящими въ него союзными войсками.

Остальные рассказы этой серіи, маленькія отрывочныя картинки изъ военной жизни, картинки не всегда удачныя и не всегда выдержанныя. Всего ихъ три книжки: Рындина Л. и Бывалый Н.—„Въ тылу арміи“, Бывалый Н.—„Съ боевыхъ позицій“ и Калеминъ Вис.—„Первые выстрѣлы“. Въ первой

изъ нихъ въ разсказѣ „По завоеванному краю“ Н. Бывалый передаетъ впечатлѣнія отъ поѣздки по завоеванному краю (Галиціи). Впечатлѣнія отрывочны, разрозненны между собою, почему не производятъ впечатлѣнія. Маленькій разсказъ этой книжки Л. Рындиной знакомитъ съ переживаниями жены офицера, поѣхавшей разыскивать своего мужа. Попутно авторъ рассказываетъ о своихъ встрѣчахъ, разговорахъ съ людьми, находящимися „тамъ“, рисуетъ ихъ бодрое, хорошее настроеніе. Разговоры эти носятъ на себѣ печать искусственно подобранныхъ мнѣній и взглядовъ. Такія же маленькія картинки представляютъ собой разсказы книжки „Съ боевыхъ позицій“ Н. Бывалаго — „Изъ-за соли“ и „Обманули“. Тотъ и другой—разсказы раненаго. Одинъ о томъ, какъ солдаты доставали изъ походной кухни соль, о томъ, какія пришлось имъ претерпѣть изъ-за этого опасности; другой разсказъ о томъ, какъ однажды австрійцы обманули нашихъ, выкинувъ бѣлый флагъ. Крайне неприятное впечатлѣніе производитъ въ разсказѣ описаніе работы воронъ на полѣ брани, усѣянномъ трупами. Описаніе того, какъ „черныя, жирныя, лоснящіяся“ вороны превращаютъ трупы „въ какіе-то безобразные клочья“. Есть и другія жестокія подробности въ описаніяхъ автора, подробности излишнія, ненужныя, отъ незнанія которыхъ ребенокъ только выиграетъ. Ничего цѣннаго въ художественномъ отношеніи не представляютъ изъ себя и разсказы Вис. Калемина подъ общимъ заглавіемъ „Первые выстрѣлы“. Въ этихъ разсказахъ авторъ описываетъ обстоятельства якобы первыхъ выстрѣловъ современной войны, описываетъ крайне дѣланно и неестественно. Въ разсказѣ „На часахъ“ часовой стрѣляетъ въ темную, приближающуюся къ тоннелю фигуру (дѣло происходитъ во Франціи). „Ну, чего ты, дуракъ, стрѣлялъ,—бранилъ солдата разводящій, можетъ быть, это заблудившіеся туристы“. Но на утро уже знали изъ газетъ о томъ, что Германія объявила войну Франціи, и всѣмъ стало ясно, что убитый долженъ былъ быть нѣмецкимъ шпиономъ. Иные по фабулѣ, но общіе по построенію и другіе разсказы этой книжки.

Кромѣ этихъ маленькихъ сборниковъ разсказовъ, мы имѣемъ рядъ объемистыхъ книгъ, общимъ содержаніемъ которыхъ является также война, это—книги Каринцева, П. „За родину“, Русакова, В.—„Юные русскіе герои“ и Сѣверцева-Полилова, Г.—„На полѣ брани“.

Неблагопріятное впечатлѣніе оставляетъ по прочтеніи книга Н. Каринцева „За родину“. Это—картины войны „тамъ“, „на поляхъ битвы, въ окопахъ, въ сраженіяхъ, также въ госпиталяхъ, подъ ножомъ врача и подъ любящимъ взоромъ сестры милосердія“, какъ говоритъ составитель въ предисловіи. Это все разсказы очевидцевъ, людей, побывавшихъ „тамъ“, которые, видя воочию смерть и ужасъ разрушенія, повѣствуютъ о быломъ. Въ этихъ повѣствованіяхъ, несмотря на желаніе составителя освѣтить войну, какъ работу, какъ дѣло, просвѣчиваетъ то другое, что неизбежно связано съ войной: озвѣрѣніе человѣка, радость истребленія, душу гнетущія картины человѣческихъ страданій. Читая, къ тому же дѣтямъ, одинъ разсказъ за другимъ о томъ, какъ черепъ у человѣка снесло или ноги перебиты, совершенно не къ чему. Дѣти не сумѣютъ отнестись критически къ читаемому и потому, конечно, не замѣтятъ тѣхъ искусственно подобранныхъ, подчасъ неестественныхъ положеній, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ для сгущенія красокъ разсказовъ. Между прочимъ, нѣкоторые изъ разсказовъ, какъ напр., разсказы „Сестра царя“, „Незамѣтные герои“, это тѣ же разсказы, что были помѣщены ранѣе г-жей Лукашевичъ въ ея хрестоматіи.

То же простое, правдоподобное и неправдоподобное нагроможденіе фактовъ находимъ мы у г. Русакова въ его книгѣ „Юные русскіе герои“. Въ ней авторъ даетъ біографическія свѣдѣнія дѣтей, участвовавшихъ въ японской и настоящей войнѣ. Включены также свѣдѣнія о дѣтскихъ годахъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ полководцевъ, какъ, напр., Кутузова, Тотлебена и др. Ихъ примѣромъ г. Русаковъ хочетъ укрѣпить въ дѣтяхъ желаніе своею жизнью засвидѣтельствовать чувство долга и преданности родинѣ. Подчеркивая передъ

дѣтми ихъ подвиги, возводя ихъ въ герои, авторъ тѣмъ самымъ зоветъ дѣтей стать героями, зоветъ ихъ идти туда, гдѣ происходитъ кровавая борьба. И съ этимъ призывомъ автора не только нельзя согласиться, но приходится еще лишній разъ указать на его громадный вредъ. Бѣгство дѣтей на войну—это опасная игра въ герои. Дѣти бѣгутъ на войну, потому что это бѣгство сулитъ имъ заманчивыя, интересныя перспективы, но вовсе не изъ какого-либо глубокаго сознанія, не изъ какого-либо чувства долга. И въ герояхъ г. Русакова слишкомъ мало героическаго. Просто это дѣти, случайно попавшія на войну, которыя, по рассказамъ автора, совершаютъ далеко не соответствующія ихъ возрасту порученія. Написана книга очень скучно.

Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать про книгу г. Сѣверцева-Полилова „На полѣ брани“. Лучшимъ показателемъ ея успѣха является уже то, что она разошлась въ тысячѣ экземпляровъ и вышла второй тысячей. Поразительно самоувѣренно въ формѣ маленькихъ беллетристическихъ рассказовъ, авторъ трактуетъ о современномъ историческомъ моментѣ. Переживаемыя событія для него, повидимому, театральное зрѣлище. Передъ началомъ представленія, передъ „раскрытіемъ занавѣса“ (названіе рассказа) появляется главное дѣйствующее лицо—Вильгельмъ, путешествующій по шхерамъ. Въ попыткѣ объяснить событія—много ходячихъ разговорчиковъ и мало сколько-нибудь серьезнаго отношенія къ затрогиваемымъ вопросамъ. Рисуя обѣдъ Вильгельма, авторъ даетъ въ то же время его характеристику, тутъ же рѣшаетъ онъ судьбу герцогини Люксембургской, дерзко отвѣтившей императору. Пѣмецкаго офицера, который долженъ былъ исполнить смертный приговоръ, авторъ заставляетъ передъ тѣмъ играть приговореннымъ къ смерти заложникамъ похоронный маршъ Шопена. Развязная театральность во всемъ, начиная съ обѣда и кончая смертью. Дѣти будутъ читать эффектно построенныя побасенки, и эти побасенки нездоровымъ налетомъ лягутъ на ихъ еще не окрѣпшую душу.

Совершенно особнякомъ отъ разобранныхъ рассказовъ

стоитъ „повѣсть для юношества изъ великой европейской войны“. Л. Чарской. Называется она „Игорь и Милица“ (Соколята). Воспользовавшись войной, какъ моднымъ фономъ, г. Чарская такъ же нес естественно, но „захватывающе интересно“ построила свой романъ. Тутъ и скрытая влюбленность юношей, тутъ и геройскіе подвиги, которые влекутъ къ себѣ сердца дѣтей, тутъ и эффектныя, дѣйствующія на нервы мѣста страшной развязки, развязный языкъ, тутъ много всего дешеваго, чтобы удержать въ своихъ рукахъ вниманіе юныхъ читателей. Въ читателяхъ г. Чарская создаетъ искусственный подъемъ искусственными средствами,—искусственными, потому что мало правды, неподдѣльной дѣйственности и искренности во всемъ томъ, что она пишетъ. Въ качествѣ иллюстраціи мысли передамъ вкратцѣ содержаніе этой объемистой (338 стр.) повѣсти г. Чарской.

Дѣло происходитъ, какъ обычно во всѣхъ романахъ г. Чарской, въ институтѣ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти является кончающая курсъ сербка Милица. Грезы, мечты—удѣлъ этой чуткой дѣвушки. Но вотъ надъ ея родиной нависаетъ темная туча войны. Въ политикѣ Милица оказывается такой же чуткой и проницательной. Она проницательнѣе даже, чѣмъ многіе изъ современныхъ политиковъ. Какъ только Милица прочтала о сараевскомъ убійствѣ, она уже знаетъ, что Австрія сдѣлаетъ все, чтобы извлечь какъ можно больше выгоды за счетъ Сербіи. Милица уже чувствуетъ неизбежность войны. Устами Милицы, институтокъ, институтской начальницы г. Чарская увѣренно, но весьма мало обоснованно повѣствуетъ о „желаніи тевтоновъ такъ или иначе, во что бы то ни стало, добиться войны съ нами“, о „подпольныхъ интригахъ“. Въ то же время она увѣрена, что въ такое тяжелое время не оставитъ ея родину „Нашъ Ангелъ Государь“. Война, которую предчувствовала Милица, начинается. Начинаются проводы и отправка войскъ. Покидаютъ Петроградъ и призванные на военную службу сородичи Милицы. Получивъ отпускъ изъ института къ своей теткѣ, Милица принимаетъ живѣйшее участіе во всевозможныхъ ма-

нифестаціяхъ и проводахъ. Она вся горитъ. Сердце ея дрожитъ и колотится въ груди бурно, бурно, когда передъ Зимнимъ дворцомъ „какъ одинъ человѣкъ опускается огромная многотысячная толпа на колѣни“, когда въ темнѣющемъ просвѣтѣ появляется „Тотъ, отъ Кого зависѣла и честь, и мощь, и слава великой родины русскаго народа“. Въ такой же экзальтаціи, осыпая цвѣтами, провожаетъ Милица своихъ соплеменниковъ на войну. Вся эта экзальтація дѣланная, неестественная, и когда у писательницы прорываются искреннія нотки, то видно, что ея восторженной героинѣ было нужно и пріятно другое. Ей пріятно, ее трогаетъ, что случается то, „на что она не смѣла даже надѣяться“. „Нѣжный бѣлый цвѣтокъ лиліи упалъ прямо на грудь капитана Львовича. Офицеръ быстро подхватилъ его и быстро повернулъ голову въ ту сторону, откуда прилетѣлъ къ нему этотъ бѣлый цвѣтокъ“. Глаза ихъ встрѣчаются, онъ машетъ ей цвѣткомъ и „осторожно и нѣжно“ прижимаетъ къ своимъ губамъ его бѣлые лепестки. Какъ много Чарской въ такомъ маленькомъ отступленіи. Далѣе на фонѣ совершающихся событій романъ разворачивается слѣдующимъ образомъ. Во время одной изъ манифестацій Милица знакомится съ гимназистомъ Игоремъ, съ которымъ рѣшаютъ бѣжать на войну. Милица принимаетъ видъ и образъ мальчика, и оба они отправляются съ частью въ походъ, и тамъ на войнѣ совершаютъ чудеса храбрости и геройства. Имъ поручаются начальствомъ самыя отвѣтственные опасныя развѣдки. Во время этихъ развѣдокъ они не разъ попадаютъ въ руки непріятеля, приговариваются къ смертной казни, но какимъ-то созданнымъ г. Чарской чудомъ спасаются. Въ описаніи подвиговъ своихъ „Соколять“ г. Чарская не жалѣетъ красокъ. Милица убѣгаетъ чуть ли не отъ 7 нѣмцевъ, Игорь передъ казнью произноситъ цѣлыя рѣчи на тему о героическомъ занятіи „нашими чудо-богатырями древнихъ городовъ Галича и Львова“, тутъ же онъ проситъ его разстрѣлять, а не повѣсить, какъ приговореннаго, тутъ же обрывается его мысль на полусловѣ. Грянулъ выстрѣлъ. Но... оказалось, стрѣляли русскіе въ венгерскаго гусара,

наведшаго уже револьверъ на Игоря. Кончается подвигъ Игоря, начинается описаніе подвига Милицы. Она попадаетъ также въ плѣнъ къ непріятелю, но изъ этого плѣна г. Чарская освобождаетъ свою героиню съ помощью сердобольнаго молодого нѣмецкаго солдата, и повѣсть кончается тѣмъ, что Милица раненая попадаетъ въ лазаретъ, а изъ лазарета опять въ любимое мѣсто г. Чарской—институтъ, гдѣ на этотъ разъ она, навѣрное, будетъ мечтать уже о своемъ Игорѣ. Такъ вѣрной себѣ въ откликѣ и на современную войну осталась г. Чарская.

Такова въ общихъ чертахъ та литература, которая въ связи съ войной возникла для дѣтей. Какъ видимъ изъ анализа имѣющихся художественныхъ произведеній, эта литература какой-либо художественной цѣнности, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, не представляетъ. При отсутствіи же художественности какое-либо положительное значеніе она могла бы имѣть лишь въ томъ случаѣ, если бы вопросы, затрагиваемые ею, были тѣми вопросами, на которыхъ слѣдовало бы фиксировать вниманіе ребенка. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ совершенно обратное: было бы большой педагогической ошибкой со стороны воспитателя этой литературой хоть сколько-нибудь привлекать вниманіе ребенка къ вопросамъ, связаннымъ съ войной,—вопросамъ, разрѣшать которые ему не по силамъ. Нѣтъ и, полагаю, не должно быть спеціально для дѣтей предназначенной идеологіи войны, ибо это значило бы быть неправдивыми, неискренними передъ ними. Та растерянность общества, которую мы видѣли въ началѣ войны, вызванные ею пересмотръ и переоцѣнка всѣхъ цѣнностей являются достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы утверждать, что война несетъ въ себѣ слишкомъ много противорѣчиваго и непріемлемаго для сознательнаго человѣка и потому, естественно, не можетъ служить тѣмъ фундаментомъ, на которомъ могло бы строиться здоровое міросозерцаніе ребенка.

О. Эльдарова.

Книги и брошюры, поступившія въ редакцію.

- 1) Баладыженко, К. Буковина и ея прошлое. Пгр., 1915 г. Ц. 30 к.
- 2) Богословскій, М. К. Элементы общей педагогики. Симферополь, 1915 г. Ц. 75 к.
- 3) Василенко, Н. П. Очерки по исторіи Западной Руси и Украины. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина. Киевъ, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
- 4) Волжанинъ, Вл., Динзе, В. Ф. Смирновъ, С. Д. О національной школѣ. Изд. О. В. Богдановой. Пгр., 1916 г. Ц. 50 к.
- 5) Волжскій, А. С. Святая Русь и русское призваніе. М., 1915 г. Ц. 35 к.
- 6) Война и Культура. Вып. 28, 43, 46 и 47. Изд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. М., 1915 г. Ц. вып. отъ 12 до 18 к.
- 7) Вятское коммерческое училище. Краткій отчетъ за 1913—14 уч. годъ. Вятка, 1915 г.
- 8) Григорьевъ, С. Г. Вокругъ южнаго полюса. Изд. „Задруга“. М., 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.
- 9) Евдокимовъ, А., и Петровъ, А. На пути къ высшей крестьянской школѣ. Изд. „Трудъ“. М., 1915 г. Ц. 50 к.
- 10) Жариновъ, Д. А., Никольскій, Н. М., Радцигъ, С. И., Стерлиговъ, В. Н. Древній міръ въ памятникѣхъ его письменности. Ч. I. Изд. Т-ва „Міръ“. М. 1915 г. Ц. 1 р. 30 к.
- 11) Коваленскій, М. Хрестоматія по русской исторіи. Т. III. Изд. Т-ва „Міръ“. М., 1915 г. Ц. 2 р. 70 к.
- 12) Кошевичъ Вѣ-кославъ. Современное рисованіе въ народной школѣ. Пгр., 1915 г. Ц. 40 к.
- 13) Мусянъ-Пушкинъ, А., гр. Среднеобразовательная школа въ Россіи и ея значеніе. Пгр., 1915 г. Ц. 1 р. 14)
- 14) Невскій, В. Великая европейская война. Изд. автора. Бузудукъ, 1915 г. Ц. 65 к.
- 15) Нечаевъ, А. П. Курсъ педагогической психологіи для народныхъ учителей. Пгр., 1915 г. 1 р.
- 16) Его же. Учебникъ психологіи. Пгр., 1915 г. Ц. 1 р.
- 17) Новичъ, Н. Сказаніе о градѣ Леденцѣ. Пгр., 1915 г. Ц. 60 к.
- 18) Опытъ организациіи внѣклассныхъ практическихъ работъ въ высшихъ начальныхъ училищахъ Ярославской г. Ярославль, 1915 г.
- 19) Оранжеевъ, Н. Д. Преступленіе и наказаніе въ математической зависимости. М., 1915 г. Ц. 75 к.
- 20) Отчетъ объ учебно-воспитательной дѣятельности средне учебнаго заведенія П. К. Щелкунова въ с. Черемховѣ, Иркутск. г. за 1914/15 уч. г. Иркутскъ, 1915 г.
- 21) Отчетъ О-ва Взаимнаго вспомошествованія Учащихъ и Учившихъ Иркутской губ. за 1913—14 г. Иркутскъ, 1915 г.
- 22) Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Музея при Ярославской Дирекціи Народныхъ училищъ за 1914 г. Ярославль. 1915 г.
- 23) Отчетъ о дѣятельности Тверскаго Общественно-Педагогическаго Клуба за 1914—1915 г. Тверь, 1915 г.
- 24) Отчетъ о состояніи учебно-вспомогательной части Криворогскаго 8-кл. Коммерческаго училища О-ва „Просвѣщеніе“ за 1913/14 уч. годъ. Кривой Рогъ, 1915 г.
- 25) Отчетъ ревельскихъ городскихъ женскихъ коммерческаго училища и торговой школы за 1914 г. Ревель, 1915 г.
- 26) Пименова, Э. Природа и люди Африки. Пгр., 1915 г. Ц. 50 к.
- 27) Ея же. Японія, „Страна тысячи острововъ“. Изд. „Библиотека Юнаго Читателя“. Пгр., 1915 г. Ц. 50 к.
- 28) Плестедъ, Л. Ручной трудъ. Изд. Т-ва „Міръ“. М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.
- 29) Плотца, А. Н. Изслѣдованіе памяти человѣка. М. 1916 г.
- 30) Поварнинъ, С. И. Логическій задачникъ. Пгр., 1915 г. Ц. 60 к.
- 31) Поляковъ, С. Н. Начала аналитической геометріи на плоскости. Изд. кн. маг. И. Александрова. М., 1916 г. Ц. 60 к.
- 32) Поршневъ, Г. И., и Михалевъ, В. П. Народныя бібліотеки-читальни имени А. В. Потаниной въ Иркутскѣ. Иркутскъ, 1916 г.
- 33) Постановленія Губернскаго Совѣщанія по бібліотечному дѣлу, состоявш. при Ярославск. Губернск. Земск. Управѣ 21—24 августа 1915 г. Ярославль. 1915 г.
- 34) Сизовъ, М. И. Сонъ. Изд. П. П. Сойкина. Пгр., 1915 г.

- Ц. 50 к. 35) Соловьевъ, А. Д. Краткая грамматика и упражненія къ ней въ разказахъ для дѣтей. М., 1915 г. Ц. вып. I—15 к., вып. II—25 к. 36) Сосунцовъ, Е. Ѳ. Нѣмецкое вліаніе въ русской школѣ. Казань, 1915 г. Ц. 35 к. 37) Суеловъ, А. Русская грамматика. Ч. I. Этимологія. Барнаулъ, 1914 г. Ц. 65 к. 38) Трошинъ, Гр. Сравнительная психологія нормальныхъ и ненормальныхъ дѣтей. Т. II. Изд. школы-лѣчебницы д-ра мед. Г. Я. Трошина. Пгр., 1915 г. Ц. 3 р. 39) Фишеръ, Влад. Учебникъ по исторіи русской литературы. Изд. „Задруга“. М., 1916 г. Ц. 90 к. 40) Флеровъ, Н. А. Уголки природы въ школѣ. Изд. автора. М., 1915 г. Ц. 50 к. 41) Фертунатовъ, А. Справка по библиографіи Петровки. М., 1915 г. 42) Эйнгорнъ, В. Воспитательное заведеніе при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1803). Пгр., 1915 г. Ц. 50 к.
-

Хроника.

Изъ хроники народнаго образованія.

Губернскія совѣщанія по народному образованію, какъ новое явленіе въ дѣятельности земствъ.—Совѣщанія въ Перми, Ярославлѣ, Уфѣ, Оренбургѣ, Москвѣ, Полтавѣ, Саратовѣ и Петроградѣ.—Вопросъ о 2-мъ общеземскомъ сѣздѣ по статистикѣ образованія.—Дороговизна жизни и народныя учителя.—Министерскій отчетъ о школьно-строительномъ фондѣ.

Въ самое послѣднее время въ дѣятельности земствъ по народному образованію можно наблюдать новый интересный фактъ — созывъ общегубернскихъ совѣщаній завѣдующихъ учебными отдѣлами уѣздныхъ управъ данной губерніи. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть нѣкоторой побѣды объединительныхъ тенденцій губернскихъ земствъ надъ сепаратизмомъ уѣздныхъ, нельзя не видѣть признака крѣпнущей земской организаціи по народному образованію. Всего 3—4 года назадъ такихъ совѣщаній не могло быть,—некому и некого было собирать въ губернской городѣ. Уѣздныхъ завѣдующихъ было мало; въ большинствѣ губернскихъ земствъ вовсе не было отдѣловъ народнаго образованія; казалось, что и сговариваться не о чемъ. Теперь же дѣло существенно измѣнилось, и за нынѣшній годъ, несмотря на условія военнаго времени, можно указать на рядъ происшедшихъ совѣщаній, при чемъ по нѣкоторымъ уже вышли печатные труды и постановленія. Въ настоящей хроникѣ мы вкратцѣ познакомимъ читателей съ характеромъ, организаціей и значеніемъ нѣсколькихъ такихъ совѣщаній.

Остановимся прежде всего на „совѣщаніи завѣдующихъ

школьнымъ и виѣшкольнымъ образованіемъ“ 23—28 іюня 1915 года, состоявшемся въ *Перми*, при губернской управѣ. Вышедшіе теперь „Труды“ этого совѣщанія представляютъ довольно объемистую книгу (263 стр.) и вызываютъ къ себѣ живой интересъ. Совѣщаніе это было первое. Въ немъ участвовало 24 лица, главнымъ образомъ завѣдующіе отдѣлами въ уѣздахъ; изъ губернской управы, кромѣ члена управы и завѣдующаго отдѣломъ, были представители другихъ отраслей земской дѣятельности, смежныхъ, такъ сказать, съ народнымъ образованіемъ, напр., губернской агрономъ, санитарный врачъ, инженеръ и др. Изъ постороннихъ земству лицъ участвовали только одинъ инспекторъ народныхъ училищъ; участіе послѣдняго было поставлено непремѣннымъ условіемъ при разрѣшеніи совѣщанія губернской администраціей. Совѣщаніе проработало 5 дней, въ теченіе которыхъ было устроено 11 засѣданій, изъ нихъ 2—общихъ и 9—засѣданій комиссій. Общія совѣщанія происходили подъ предсѣдательствомъ члена управы И. В. Воробьева; комиссіи же выбирали предсѣдателя изъ своей среды. На первомъ общемъ собраніи было постановлено для разсмотрѣнія докладовъ образовать три особыхъ комиссій, но такъ какъ всѣ участники совѣщаній пожелали работать по всѣмъ вопросамъ, то въ дѣйствительности вся работа совѣщаній прошла въ одной общей комиссії.

Программа этого длительного совѣщанія въ *Перми* была очень обширная: 1) народные библіотеки; 2) народные чтенія; 3) народный театръ; 4) музеи; 5) книжные склады и продажа книгъ населенію; 6) народные дома; 7) отдѣлы по народному и виѣшкольному образованію при уѣздныхъ управахъ и при губернской управѣ; 8) взаимныя отношенія губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ области виѣшкольнаго образованія. Кромѣ того, были предложены къ обсужденію, но за недостаткомъ времени оставлены безъ разсмотрѣнія вопросы о школахъ взрослыхъ и подростковъ, а также вопросъ объ отношеніи земства къ учительскимъ домамъ. Совѣщанію было представлено 14 докладовъ съ богатымъ освѣдомительнымъ содержаніемъ и съ аргументированными предложеніями о же-

лательной постановкѣ дѣла. Всѣ доклады напечатаны въ „Трудахъ“, и послѣдніе, такимъ образомъ, своею освѣдомительною частью даютъ довольно полную характеристику положенія различныхъ отраслей виѣшкольнаго образованія въ губерніи. вмѣстѣ же съ предположеніями докладчиковъ и съ постановленіями совѣщанія они станутъ въ дальнѣйшей работѣ земскихъ дѣятелей исходнымъ матеріаломъ, отражая въ себѣ какъ фактическое положеніе дѣла въ настоящій моментъ, такъ и мнѣнія непосредственныхъ работниковъ. Совѣщаніе, несомнѣнно, внесетъ новое оживленіе и большую плавомѣрность въ развитіе виѣшкольнаго образованія въ губерніи. Особенно тщательной разработкѣ подверглись вопросы о библиотечной сѣти и объ организаціи разныхъ видовъ народныхъ библиотекъ.

Дружное дѣловое обсужденіе вопросовъ произвело, видимо, на участниковъ совѣщанія пріятное впечатлѣніе, и они, въ видѣ особаго постановленія, вынесли пожеланіе, чтобы губернское земство и на будущее время устраивало подобныя совѣщанія не менѣе двухъ разъ въ годъ. Пожеланіе это дополнено не менѣе цѣлесообразнымъ постановленіемъ о томъ, чтобы для делегатскихъ сообщеній отъ каждаго уѣзда о постановкѣ на мѣстахъ дѣла народнаго образованія была выработана болѣе или менѣе однообразная программа; при такомъ единообразіи губернскому совѣщанію будетъ открыта возможность ежегодно указывать отдѣльнымъ уѣздамъ недостатки въ постановкѣ дѣла и указывать способы устраненія этихъ недостатковъ.

Иного характера созывались губернскія совѣщанія въ Ярославль. Здѣсь совѣщанія болѣе часты, чѣмъ въ Перми, но зато каждое изъ нихъ короче, чѣмъ пермское. Предметъ совѣщаній въ Ярославль каждый разъ опредѣленно-ограниченный и, сообразно съ выдвигаемыми вопросами, составъ совѣщанія нѣсколько видоизмѣняется. Ядро участниковъ составляютъ завѣдующіе отдѣлами при земскихъ управахъ, но, кромѣ нихъ, приглашаются еще свѣдующія или заинтересованныя лица, смотря по программѣ занятій совѣщанія. Въ

ныишнемъ 1915 году совѣщаній (они устраивались и въ 1914 году) было нѣсколько: 1) 19—20 февраля, 2) 24—25 апрѣля, 3) 13—15 мая и 4) 21—24 августа; быть можетъ, состоялись и еще совѣщанія позже августа, но намъ они неизвѣстны. Первые три изъ указанныхъ совѣщаній были созваны для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ опредѣленнымъ постановленіемъ очередного губернскаго земскаго собранія прошлой сессіи, — объ ассигнованіи 20 тыс. руб. на просвѣтительныя мѣропріятія экстреннаго характера (по случаю прекращенія продажи водки). Какъ наиболѣе цѣлесообразно израсходовать ассигнованную губернскимъ собраніемъ сумму, что учреждать, что поддерживать и субсидировать, какъ войти губернскому земству въ соглашеніе съ уѣздными земствами и мѣстными организаціями въ этомъ дѣлѣ, — вотъ какіе вопросы составляли предметъ занятій совѣщаній въ февралѣ, апрѣлѣ и маѣ. Отъ уѣздныхъ управъ или отъ заведующихъ здѣсь не было специальныхъ сообщений или докладовъ, какъ въ Перми; здѣсь докладчикомъ постоянно являлся отдѣлъ по народному образованію при губернской управѣ; остальные члены совѣщанія лишь принимали участіе въ обсужденіи, критикѣ и пополненіи предложеній губернскаго отдѣла. Слѣдовательно, самое назначеніе совѣщаній было въ Ярославлѣ иное, чѣмъ въ Перми; иная была поэтому программа и продолжительность совѣщанія. Что касается личнаго состава ярославскихъ совѣщаній, то здѣсь шире, чѣмъ въ Перми, использованы силы специалистовъ губернскаго земства; далѣе, привлечены были къ участію нѣкоторые преподаватели мѣстныхъ педагогическихъ курсовъ, а на одно изъ совѣщаній приглашены были представители кооперативныхъ организацій, народныхъ домовъ и участники губернскаго агрономическаго совѣщанія. Обмѣнъ мнѣній въ совѣщаніяхъ и ихъ постановленія зафиксированы въ изданной губернской управой небольшой брошюрѣ „Протоколы совѣщаній“ (62 стр.). Четвертое совѣщаніе при ярославской управѣ, бывшее 21—24 августа 1915, было создано специально по библіотечному дѣлу; оно состоялось съ участіемъ

завѣдующихъ народными библіотеками въ губерніи и было посвящено детальному разсмотрѣнію всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ учрежденіемъ, завѣдываніемъ и управленіемъ народныхъ библіотекъ, со всей технической постановкой сельскихъ библіотекъ и читаленъ. Результаты этого совѣщанія приведены въ брошюрѣ „Постановленія губернскаго совѣщанія по библіотечному дѣлу“ (20 стр.). Напомнимъ, наконецъ, что въ томъ же Ярославлѣ было въ августѣ то общеземское совѣщаніе о просвѣтительныхъ мѣропріятіяхъ, о которомъ мы говорили въ сентябрьской книжкѣ „Вѣст. Восп.“: по *формѣ* оно было также лишь простымъ совѣщаніемъ при ярославской губернской управѣ. Но если даже не считать этого общеземскаго совѣщанія, бывшаго по существу дѣйствительно не мѣстнымъ, а земскимъ вообще, мы видимъ все-таки, что въ истекающемъ 1915 году Ярославская губернская управа и ея отдѣлъ народнаго образованія проявили интенсивную работу по созыву губернскихъ совѣщаній.

Длительное губернское совѣщаніе по внѣшкольному образованію было организовано съ 10 по 20 іюля *уфимской* губернской земской управой. Въ совѣщаніи участвовало, по словамъ корреспондента газ. „Школа и Жизнь“ (№ 34), 53 лица — библіотекари, завѣдующіе внѣшкольнымъ образованіемъ, завѣдующіе отдѣлами народнаго образованія и представители земскихъ управъ. Программа совѣщанія затронувала довольно широко всю дѣятельность по народному образованію. Наиболее интересными изъ обсужденныхъ совѣщаніемъ темъ были: выясненіе задачъ внѣшкольнаго образованія, проектъ земскаго института внѣшкольнаго образованія, опредѣленіе правъ, служебнаго положенія и обязанностей библіотекарей, библіотечная сѣть Уфимской губерніи, народные дома, нормальный каталогъ и музеи. Въ качествѣ матеріала для разсмотрѣнія совѣщанію было представлено нѣсколько докладовъ и проектовъ какъ отъ губернскаго отдѣла народнаго образованія, такъ и отъ отдѣльныхъ работниковъ внѣшкольнаго образованія изъ уѣздовъ.

Пермское, ярославскія и уфимское совѣщанія, при всей ихъ разницѣ въ организаціи и характерѣ, имѣли одну общую черту: всѣ они посвящены были вопросамъ внѣшкольнаго образованія. Шире былъ кругъ вопросовъ, обсуждавшихся въ совѣщаніяхъ при *полтавской* губернской земской управѣ. Совѣщаній было въ Полтавѣ два: 1) 22—23 мая 1915 года и 2) 29—30 іюля. Сверхъ того, предполагалось созвать третье совѣщаніе осенью, въ октябрѣ—ноябрѣ, но состоялось ли это третье совѣщаніе, мы не знаемъ. Первое—майское—полтавское совѣщаніе въ теченіе двухъ дней коснулось цѣлаго ряда вопросовъ какъ школьнаго дѣла, такъ и организаціи внѣшкольнаго образованія. Вотъ перечень темъ, обсуждавшихся въ маѣ: а) объ организаціи отдѣловъ народнаго образованія въ уѣздахъ, б) объ однообразномъ минимумѣ статистическихъ свѣдѣній въ отчетахъ уѣздныхъ управъ, в) о наглядныхъ пособіяхъ въ земскихъ школахъ, г) о снабженіи школъ ученическими и учительскими библіотеками, д) о школьныхъ попечительствахъ, е) о школьныхъ завтракахъ, ж) объ обществахъ взаимопомощи учащихся и, наконецъ, з) объ организаціи внѣшкольнаго образованія вообще и въ частности о народныхъ домахъ. Іюльское совѣщаніе, если судить о немъ по резолюціямъ, приведеннымъ въ № 8 „Педагогическаго Журнала“ полтавскаго губернскаго земства, было почти цѣликомъ посвящено вопросамъ о народныхъ домахъ. По составу своему полтавскія совѣщанія состояли по преимуществу изъ лицъ, командированныхъ уѣздными земствами, т.-е. изъ земскихъ служащихъ.

Въ началѣ августа нынѣшняго года состоялось также губернское совѣщаніе въ *Саратовѣ*, въ составѣ членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ завѣдующихъ отдѣлами народнаго образованія и самой губернской управы. Особенностью саратовскаго совѣщанія было участіе въ немъ, по приглашенію управы, четырехъ представителей учебнаго вѣдомства (директоръ и 3 инспектора народныхъ училищъ) и представителя духовнаго вѣдомства. Совѣщаніе продолжалось 2 дня (3—4 августа). Губернской управой было внесено 6 докла-

довъ: о преобразованіи школъ съ трехлѣтнимъ курсомъ въ четырехгодичныя, объ установленіи однообразной статистики, о введеніи единообразія въ приходо-расходныя смѣты и отчеты и три доклада съ примѣрными списками — книгъ для ученической и учительской библиотекъ и наглядныхъ пособій для школьнаго музея. Кромѣ того, самимъ совѣщаніемъ выдвинуты вопросы (безъ докладовъ) о губернской организаціи внѣшкольнаго образованія, объ установленіи взаимоотношеній губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ области народнаго просвѣщенія, объ учительскихъ курсахъ и, въ числѣ прочихъ, вопросъ о періодичности совѣщаній по народному образованію при губернской управѣ. Состоявшееся совѣщаніе было въ Саратовѣ первымъ по времени, — до нынѣшняго года обходились безъ совѣщаній, такъ же какъ и въ Полтавѣ и Перми.

Созывъ губернскихъ совѣщаній входитъ въ практику и *Оренбургскаго* земства. Въ нынѣшнемъ году (конечно, впервые) состоялись два совѣщанія: 1) 2—8 апрѣля и 2) 27 августа—2 сентября. Программа обоихъ совѣщаній въ ея цѣломъ была очень разнообразна и обширна: школьныя сѣти, взаимоотношенія губернскаго и уѣздныхъ земствъ, организація отдѣловъ народнаго образованія, подготовка учащаго персонала, лѣтніе курсы для учащихся и внѣшкольниковъ, учрежденіе музеевъ и мастерской наглядныхъ пособій, организація ученическихъ и учительскихъ экскурсій, инородческія школы и т. д. Журналы и постановленія совѣщаній (но не доклады) вышли уже отдѣльной брошюрой (121 стр.). Изъ нея мы усматриваемъ, между прочимъ, что вынесено постановленіе о дальнѣйшемъ устройствѣ губернскихъ совѣщаній не менѣе 2-хъ разъ въ годъ. Составъ губернскаго совѣщанія опредѣленъ въ такомъ видѣ: представители учащихся народныхъ школъ, завѣдующіе отдѣлами народнаго образованія, завѣдующіе внѣшкольными мѣропріятіями, школьная комиссія, избираемая губернскимъ земскимъ собраніемъ и представители мѣстныхъ просвѣтительныхъ учреждений. Во второмъ совѣщаніи нынѣшняго года участвовало 24 лица, въ ихъ числѣ 8 завѣдующихъ районными библиотеками и 1 предста-

витель учебнаго вѣдомства; остальные—завѣдующіе отдѣлами и представители земствъ.

При *Московской* губернской земской управѣ уже года три практикуется, раза 2—3 въ годъ, созывъ совѣщаній уѣздныхъ завѣдующихъ отдѣлами народнаго образованія. У насъ подъ руками нѣтъ свѣдѣній о томъ, были ли такія совѣщанія въ текущемъ 1915 году, но есть небольшая печатная справка—„обзоръ работъ совѣщанія представителей уѣздныхъ земствъ и завѣдующихъ хозяйственной частью земскихъ школъ за 1913 годъ“. Оказывается, что при *московской* губернской управѣ за указанный годъ было 7 совѣщаній „для разсмотрѣнія вопросовъ какъ общаго, такъ и текущаго характера“. Въ совѣщаніяхъ принимали участіе преимущественно „завѣдующіе хозяйственною частью школъ“ во всѣхъ уѣздахъ губерніи; привлекались также къ участію отдѣльные санитарные врачи и специалисты. Предсѣдательствоваль въ совѣщаніи обыкновенно кто-либо изъ членовъ управы. Вниманіе совѣщаній было сосредоточено, главнымъ образомъ, на вопросахъ школьнаго хозяйства и отчасти на внѣшкольномъ образованіи. Возбужденный въ одномъ какомъ-нибудь совѣщаніи вопросъ поручался кому-либо изъ участниковъ для разработки, и потомъ въ слѣдующемъ совѣщаніи онъ обсуждался и рѣшался; иногда одинъ и тотъ же вопросъ дебатировался въ двухъ совѣщаніяхъ; были и такіе вопросы, которые сдавались для предварительной разработки къ слѣдующему совѣщанію группѣ изъ 2—3 участниковъ. Такимъ путемъ создавалась преемственность работъ совѣщаній, изъ которыхъ каждое было очень краткосрочнымъ всего 1—3 за сѣданія.

Въ *Нижегородской* губерніи въ нынѣшнемъ году осуществленъ былъ рядъ совѣщаній по внѣшкольному образованію, за май—іюнь мѣсяцы, въ связи съ практическими занятіями для „внѣшкольниковъ“. Объ этихъ практическихъ занятіяхъ и совѣщаніяхъ мы уже имѣли случай говорить въ предыдущей книгѣ журнала въ одной изъ библиографическихъ за мѣтокъ.

Въ началѣ минувшаго сентября состоялось совѣщаніе при *Петроградской* губернской земской управѣ, продолжавшееся 5 дней. Въ немъ участвовало 48 лицъ. Кромѣ представителей земскихъ управъ, земскихъ школьныхъ комиссій и завѣдующихъ отдѣлами, въ занятіяхъ принимали участіе: 3 лица отъ петроградской городской управы, 2 представителя вѣдомствъ, 5 педагоговъ изъ земской учительской школы, 6 учителей и 9 свѣдущихъ лицъ, и въ ихъ числѣ Б. Б. Веселовскій, В. И. Чарюлускій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Кауфманъ и друг. Главнымъ предметомъ обсуждения въ совѣщаніи была постановка статистики народнаго образованія въ губерніи и вопросъ о подготовкѣ 2-го общеземскаго съѣзда по статистикѣ въ Петроградѣ (на основаніи постановленія Харьковскаго съѣзда 1913 года). Но кромѣ этихъ главныхъ вопросовъ, въ совѣщаніи разсматривалось и нѣсколько другихъ организаціонныхъ вопросовъ, напр., о составѣ отдѣловъ народнаго образованія при губернской и уѣздныхъ управахъ, о земскихъ изданіяхъ и др. Въ частности, высказано было пожеланіе объ устройствѣ ежегодныхъ совѣщаній по вопросамъ народнаго образованія въ составѣ: предсѣдателей земскихъ управъ и школьныхъ комиссій, завѣдующихъ отдѣлами нар. обр. и специалистовъ по школьному и дошкольному образованію, съ участіемъ выборныхъ отъ учащихся каждаго уѣзда порайонно. И особенно необходимымъ было признано созвать при губернской управѣ совѣщаніе по внѣшкольному образованію. Въ исполненіе этого пожеланія губернской управой намѣчено къ созыву въ концѣ ноября большое совѣщаніе, къ которому въ настоящее время и готовятся лица, работающія въ губернской и уѣздныхъ управахъ по отдѣлу народнаго образованія. Программа предстоящаго совѣщанія намѣчена такая: 1) обзоры состоянія внѣшкольнаго образованія въ каждомъ уѣздѣ губерніи; 2) обзоръ просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ; 3) о взаимоотношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія; 4) о районныхъ учрежденіяхъ внѣшкольнаго образованія; 5) о ближайшихъ очередныхъ

задачахъ губернскаго земства въ области внѣшкольнаго образованія, и 6) о центральномъ губернскомъ музеѣ мѣстной культуры.

Такимъ образомъ, мы въ разныхъ земствахъ одновременно наблюдаемъ новое явленіе—устройство губернскихъ совѣщаній по народному образованію, составляемыхъ по преимуществу изъ завѣдующихъ отдѣлами, такъ же какъ составляются въ нѣкоторыхъ земствахъ губернскаго агрономическаго совѣщанія изъ агрономовъ.

Можно только привѣтствовать это прививающееся обыкновеніе и пожелать, чтобы вслѣдъ за указанными нами губернскими земскими управами послѣдовали и другія управы, не устроившія до сихъ поръ губернскихъ совѣщаній. Мы не сомнѣваемся, что подобныя совѣщанія, регулярно созываемыя, могутъ внести много оживленія, основательности и планомерности въ работу земскихъ учрежденій каждой данной губерніи.

Для органовъ губернскаго земства представляется здѣсь благодарная задача организовать совѣщанія, намѣчать программу каждаго изъ нихъ, готовить матеріалы, привлечь и заинтересовать уѣзды и внести объединяющую струю въ дѣловыя отношенія участниковъ совѣщанія. Въ условіяхъ просвѣтительной дѣятельности различныхъ уѣздныхъ земствъ данной губерніи имѣется не мало особенностей, положительныхъ и отрицательныхъ. Ихъ нельзя игнорировать,—ихъ надо учесть, оцѣнить, использовать или парализовать. Губернское земское собраніе въ его цѣломъ не въ состояніи пристально вглядываться и учитывать всѣ подробности многообразныхъ отраслей дѣятельности уѣздныхъ земствъ. Губернская управа и ея отдѣлъ народнаго образованія также не можетъ съ достаточнымъ вниманіемъ взвѣсить и выявить особенностей всѣхъ уѣздовъ,—мы нерѣдко являемся свидѣтелями упрековъ со стороны представителей уѣздныхъ земствъ по адресу отдѣловъ губернской управы,—упрековъ въ желаніи все нивелировать, въ пристрастіи къ однимъ уѣздамъ и въ излишней требовательности къ другимъ. Необходимо

поэтому, организовать правильное дѣловое общеніе работниковъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ,—общеніе, способное объединить въ общей работѣ на пользу народнаго образованія.

Всматриваясь въ первые шаги этихъ губернскихъ совѣщаній и въ ихъ организацію, можно въ ихъ разнообразіи усмотрѣть намѣчающіеся типы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои преимущества. Первый типъ избранъ пермскимъ губернскимъ земствомъ. Это—длительное совѣщаніе, съ освѣдомляющими, какъ бы делегатскими докладами о положеніи дѣла въ уѣздахъ, съ обсужденіемъ и оцѣнкой выясняющагося изъ доклада состоянія народнаго образованія, съ общегубернской оцѣнкой практики того или другого уѣзда. Кромѣ такого рода докладовъ вносятся еще доклады и новыя предложенія, новыя проекты и такъ же подвергаются обсужденію какъ съ принципиальной, такъ и съ практической точки зрѣнія. Второй типъ—короткихъ совѣщаній, повторяемыхъ нѣсколько разъ въ годъ, по отдѣльнымъ вопросамъ или по небольшимъ группамъ вопросовъ текущаго или даже срочнаго характера; это—типъ ярославскихъ и московскихъ совѣщаній. Намъ кажется, что земскимъ дѣятелямъ нужно ясно различать эти типы и за каждымъ изъ нихъ признать *raison d'être*. Пермскій типъ—очень цѣнный; совѣщанія этого типа могутъ пріобрѣсти крупное руководящее значеніе въ губерніи; ихъ устраивать достаточно одинъ разъ въ годъ; подготовка къ нимъ производится какъ въ губернскомъ центрѣ, такъ и на мѣстахъ; они не могутъ быть очень краткими и по необходимости должны превращаться въ своего рода сессію. Созывъ этихъ совѣщаній не исключаетъ надобности созывать и болѣе короткія, по отдѣльнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ текущей жизнью или опредѣленными заданіями земскихъ собраній; число такихъ короткихъ совѣщаній въ году можетъ колебаться, въ зависимости отъ вопросовъ и просто отъ условій территоріальныхъ, отъ условій путей сообщенія въ данной губерніи (вѣдь, напр., Пермская губернія по своимъ размѣрамъ и путямъ сообщенія не то, что

Московская губернія). Нужно, стало быть, комбинировать совѣщанія типа пермскаго и типа московско-ярославскаго: тѣ и другія полезны. Составъ участниковъ очередныхъ ежегодныхъ совѣщаній пермскаго типа долженъ быть, по нашему мнѣнію, болѣе или менѣе устойчивымъ и опредѣленнымъ; составъ же экстренныхъ краткосрочныхъ совѣщаній можетъ варіироваться, — здѣсь широко должно практиковаться привлеченіе специалистовъ и завѣдующихъ отдѣльными учрежденіями на мѣстахъ.

Что касается программы совѣщаній, то мы горячо настаивали бы, въ противоположность практикѣ пермскаго и уфимскаго совѣщаній, на расширеніи программы вопросами школьнаго дѣла; ограничиваться лишь вѣтшкольнымъ образованіемъ на совѣщаніяхъ нѣтъ основаній. Какъ ни важна въ настоящее время разработка вопросовъ вѣтшкольнаго просвѣщенія въ земствахъ, все-таки учебно-школьное дѣло продолжаетъ нуждаться въ коллективной помощи земскихъ работниковъ. Будетъ очень печально, если губернское земство какъ бы махнетъ рукой на школьное образованіе и сосредоточитъ свое вниманіе только на просвѣтительныхъ мѣропріятіяхъ внѣ школы. Губернскія совѣщанія съ самаго начала должны разсматривать дѣло народнаго просвѣщенія во всей его совокупности.

Коснемся въ двухъ словахъ формальной стороны устройства губернскихъ совѣщаній. По нашему крайнему убѣжденію, губернскимъ земскимъ управамъ нѣтъ надобности испрашивать у администраціи особое разрѣшеніе на созывъ совѣщанія; и практика тѣхъ губернскихъ управъ, которыя не считаютъ нужнымъ входить по этому поводу съ какими либо представленіями къ губернатору, совершенно законна. Созывать такія совѣщанія должностныхъ лицъ губернская управа въ полномъ правѣ по своему усмотрѣнію. Наоборотъ, намъ представляется совершенно излишнимъ и незаконнымъ назначеніе представителей учебной администраціи въ совѣщаніе, какъ это имѣло мѣсто въ Перми и, повидимому, въ Оренбургѣ. Такое назначеніе представителя вѣдомства въ

совѣщаніе земской управы не опирается ни на какой законъ, да къ тому же правительствующій сенатъ уже имѣлъ случай по аналогичному поводу высказаться еще четыре года назадъ, и высказаться опредѣленно отрицательно (вслѣдствіе жалобы харьковскаго земства по поводу губернскаго сѣзда страховыхъ агентовъ).

Позволимъ себѣ въ заключеніе высказать пожеланіе, чтобы на будущее время губернскія земства непременно печатали работы совѣщаній. Недобходимо печатать доклады, постановленія и, по крайней мѣрѣ, краткое изложеніе обмѣна мнѣній и преній по поводу докладовъ. Печатаніе однихъ постановленій и журналовъ, какъ то сдѣлано оренбургскимъ земствомъ, недостаточно; въ изданіяхъ пермскаго и нижегородскаго земствъ не хватаетъ, наоборотъ, журналовъ совѣщаній; петроградское земство выпустило лишь „постановленія“ сентябрьскаго совѣщанія; а саратовское и полтавское кажется, совсѣмъ обошлись безъ напечатанія въ какомъ бы то ни было видѣ результатовъ своихъ совѣщаній. Между тѣмъ возможно полное и своевременное отраженіе трудовъ совѣщаній въ печатной формѣ ускорить и расширить вліяніе совѣщаній на практическую постановку дѣла въ губерніи, на мѣстахъ; въ то же время печатаніе трудовъ облегчить и взаимопомощь разныхъ земскихъ губерній въ области народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи много помогло бы дѣлу изданіе „Бюллетеней“ наподобіе уфимскихъ и самарскихъ, о которыхъ уже шла рѣчь въ нашемъ журналѣ.

Мы, говоря выше объ организаціи и характерѣ губернскихъ совѣщаній, не приводили постановленій этихъ совѣщаній,— ихъ слишкомъ много, и у насъ на это нѣтъ возможности. Сообщимъ, однако, объ одномъ рѣшеніи петроградскаго совѣщанія, имѣющемъ общее значеніе. Мы говоримъ о постановленіяхъ, касающихся созыва въ Петроградѣ втораго общеземскаго сѣзда по статистикѣ народнаго образованія. Постановлено признать необходимымъ теперь же образовать при петроградской губернской земской управѣ комиссію съ уча-

стіемъ специалистовъ для подготовки программы и устава предстоящаго сѣзда. Проектъ программы и устава сѣзда признано желательнымъ составить съ такимъ расчетомъ, чтобы они были внесены на разсмотрѣніе и утвержденіе предстоящаго очереднаго губернскаго земскаго собранія. Независимо отъ образованія специальной коммисіи для подготовки втораго сѣзда по статистикѣ, совѣщаніе постановило еще просить петроградскую губернскую земскую управу учредить „временное общеземское статистическое бюро“, куда начали бы теперь же стекаться отъ земствъ, городовъ, министерствъ, кооперативовъ и частныхъ лицъ всякаго рода матеріалы по народному образованію всѣхъ видовъ. Изложенное постановленіе совѣщанія петроградская губернская управа признала для себя пріемлемымъ, и она вопросъ объ учрежденіи центральнаго статистическаго бюро и о созывѣ сѣзда вынесеть на рѣшеніе ближайшаго губернскаго собранія.

Затянувшаяся война отразилась на школьномъ дѣлѣ весьма чувствительно. Достаточно сказать, что нѣсколько тысячъ народныхъ учителей взято на военную службу, что нѣсколько тысячъ школъ въ занятыхъ непріателемъ губерніяхъ пріостановили свою дѣятельность, что во многихъ уѣздахъ пріостановлено введеніе всеобщаго обученія и т. д. Но, кромѣ того, есть еще одна сторона переживаемаго нами момента, которая отзывается крайне неблагоприятно на личномъ благополучіи народныхъ учителей. Мы говоримъ о тѣхъ сугубо стѣснительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ очутились народные учителя, благодаря дороговизнѣ жизни. Безъ того скромное жалованье учителя оказалось теперь совершенно недостаточнымъ. Въ нѣкоторыхъ, правда, уѣздахъ и городахъ органы мѣстнаго самоуправленія учли создавшееся положеніе и временно повысили учительское жалованье на 10—25 и даже 28 процентовъ противъ обычнаго, но это только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ большинствѣ же случаевъ народный учитель продолжаетъ получать прежнее

жалованье и, не имѣя никакихъ побочныхъ заработковъ, обреченъ прямо на бѣдственное положеніе, особенно кто не получаетъ прибавокъ ни отъ казны, ни отъ земства или города. Учительскія письма, появляющіяся въ газетахъ, полны самыхъ угрожающихъ выкладокъ и горькихъ жалобъ. Вотъ что пишутъ учителя въ „Русскія Вѣдом.“ (№ 248):

„Что можно сказать про жизнь народнаго учителя, въ нормальное время едва сводившаго при годовомъ бюджетѣ въ 300 съ небольшимъ рублей концы съ концами. А теперь 15 р. простые сапоги, 25 коп. осмьюшка дрожжей. Теперь непрерывно стоитъ страшный вопросъ о кускѣ хлѣба, о замѣнѣ свалившейся съ плечъ рубашки и просящихъ каши штиблетахъ. Къ этому еще прибавляются валенки, калоши, платица для дѣтей. А въ деревнѣ говорятъ: „И для чего вы только учитесь, тратите напрасно деньги. Теперь землекопъ на хозяйскихъ харчахъ больше васъ заработаетъ!“ Рядомъ съ рабочимъ людомъ народный учитель представляетъ унылую, затрепанную жизнью фигуру. Способенъ ли этотъ пасынокъ судьбы на работу по „организациі тыла“, о которой теперь говорятъ, на вѣдреніе въ [сознаніе народныхъ массъ] нужной бодрости?“

„Земства не считаютъ учителей земскими служащими,—пишетъ другой учитель,—считаютъ служащими министерства. Министерство упорно молчитъ. А жизнь для учительства становится съ каждымъ днемъ все труднѣе... На столъ выходитъ 24—26 руб., т.-е. почти все учительское жалованье. А вѣдь нужно еще обуться и одѣться, не говоря о такой роскоши, какъ выписать газету или спеціальнй журналъ. Въ такое положеніе попали холостые. Какъ же живутъ семейные? И это тогда, когда учительство явилось главнымъ проводникомъ „бодрости“ въ сельское населеніе, когда оно сдѣлалось главнымъ работникомъ по распредѣленію бѣженцевъ по селамъ и деревнямъ. Нѣкоторые учителя и учительницы, за неимѣніемъ квартиръ, ночуютъ теперь въ классахъ“...

Къ явной недостаточности жалованья иногда прибавляется еще одно обстоятельство, которое также тяжело отзывается на жизни учителя. Это—задержка въ уплатѣ жалованья, иногда на 2—3 мѣсяца. Приходится входить въ неоплатные долги, искать сторонняго, хотя бы и несвойственнаго или неподходящаго заработка, отвлекаться отъ своихъ школьныхъ дѣлъ и бѣжать совсѣмъ изъ школы при первой же возможности. Удержать и поддержать народныхъ учителей въ настоящее время—дѣло правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Помочь учителямъ пережить тяжелый моментъ—въ интересахъ самой школы, несомнѣнно, страдающей отъ необезпеченнаго и угнетеннаго состоянія преподавательскаго персонала. Въ частности губернскія земскія собранія предстоящей очередной сессіи должны, по нашему мнѣнію, войти въ разсмотрѣніе этого экстреннаго вопроса, воздѣйствовать такъ или иначе какъ на уѣздныя земства, такъ и на правительство; они должны, наконецъ, въ случаѣ невозможности ожидать отъ уѣзднаго земства увеличенія учительскаго жалованья, обсудить вопросъ о временныхъ прибавкахъ учителямъ изъ суммъ губернскаго сбора. Равнодушіе къ этой нуждѣ можетъ еще болѣе ослабить народную школу и еще болѣе понизить качество учительскаго труда.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія изданъ недавно „Отчетъ по школьно-строительному фонду имени Императора Петра Великаго“ за 1914 годъ. Фондъ этотъ образованъ, какъ извѣстно, по закону 22 іюня 1909 года для выдачи долгосрочныхъ ссудъ на постройку народныхъ училищъ; операціи съ выдачей ссудъ начаты фактически въ 1910 году, и, такимъ образомъ, отчетъ за 1914 годъ заканчиваетъ собственно пятилѣтній періодъ дѣйствія фонда. Интересны поэтому, тѣ, правда, коротенькія свѣдѣнія, какія помѣщены въ вышедшемъ отчетѣ о развитіи ссудныхъ операцій за минувшія 5 лѣтъ. Ростъ числа ссудъ и ихъ суммъ по годамъ рисуется въ такомъ видѣ:

Года.	Число ссудъ.	Сумма общая.
1910	163	1.953.551 руб.
1911	212	4.310.160 "
1912	282	6.423.810 "
1913	348	7.366.164 "
1914	432	9.617.962 "

За пятилѣтіе **1437** **31.671.647** руб.

Изъ таблицы видно, что обстоятельства военнаго времени въ 1914 году сравнительно мало отразились на ростѣ количества ссудъ и на ихъ общемъ размѣрѣ. Еще интереснѣе то, что тѣ же военныя событія не въ такой мѣрѣ, какъ можно было бы ожидать, повліяли на размѣръ недоимокъ по ранѣе выданнымъ ссудамъ. Недополучено $10,04\%$ того, что слѣдовало получить, между тѣмъ какъ въ предыдущемъ 1913 году недополучено $6,32\%$, а въ 1912 году— $10,83\%$.

Такимъ образомъ, должники оказались сравнительно аккуратными плательщиками, и составитель отчета совершенно правильно говорить по этому поводу: „Надвинувшіяся въ 1914 году исключительныя военныя событія до нѣкоторой степени отразились въ отчетномъ году на ростѣ средствъ фонда въ смыслѣ нарушенія правильности поступления платежей по выданнымъ ссудамъ, процентовъ и пени. Надлежитъ, однако, замѣтить, что явленіе это, какъ временное, въ отчетномъ году не имѣетъ сколько-нибудь тревожныхъ размѣровъ для фонда и нѣтъ никакихъ данныхъ сомнѣваться въ томъ, чтобы городскія и земскія общественныя самоуправленія, составляющія главный контингентъ заемщиковъ, оказались несостоятельными въ выполненіи принятыхъ на себя передъ фондомъ обязательствъ“.

Изъ всѣхъ 432 ссудъ, выданныхъ въ 1914 году, значительное большинство выдано уѣзднымъ земствамъ—317; затѣмъ, по числу полученныхъ ссудъ идутъ городскія общественныя управленія—105; наконецъ, ничтожное число ссудъ—всего 10 ссудъ—получено волостными правленіями, сельскими управленіями и прочими учрежденіями. Подавляющее боль-

шинство городовъ и земствъ ссуды взяли на 40-й на 20-лѣтній срокъ.

Просматривая приложенный къ отчету списокъ земствъ, воспользовавшихся казенной ссудой, обращаетъ на себя вниманіе одинъ фактъ. Это слабое использованіе имперскаго школьно-строительнаго фонда сѣверными земствами по сравненію съ прочими. Вотъ данныя по четыремъ губерніямъ о числѣ ссудъ и о объ ихъ общей суммѣ:

<i>Губерніи.</i>	<i>Число ссудъ.</i>	<i>Общая сумма.</i>
Олонецкая	1	3.436 руб.
Вологодская	4	46.210 „
Новгородская	4	46.851 „
Петроградская	4	68.453 „
	<u>13</u>	<u>164.940 руб.</u>

Всѣмъ уѣзднымъ земствамъ 4-хъ губерній выдано 13 ссудъ на 164.940 руб., между тѣмъ какъ одна Кіевская губернія выбрала 20 ссудъ на 541.461 руб., одна Полтавская—25 ссудъ на 809.283 р., Черниговская—22 ссуды на 453.948 р. и т. д. Видно, южныя губерніи берутъ больше ссудъ и берутъ ссуды крупнѣе. Послѣднее обстоятельство стоитъ, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что на сѣверѣ чаще воздвигаются постройки деревянныя, а на югѣ—каменные, что на сѣверѣ самыя школы меньше, чѣмъ на югѣ; это, стало быть, въ порядкѣ вещей.

Но тотъ фактъ, что число ссудъ по сѣвернымъ губерніямъ рѣзко меньше, чѣмъ по южнымъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, на нѣкоторое неблагополучіе. Если сѣверныя земства слишкомъ рѣдко прибѣгаютъ къ услугамъ фонда, стало быть, пользованіе имъ для финансово-слабыхъ земствъ непосильно, стало быть, имперскій фондъ обслуживаетъ одну группу губерній лучше, чѣмъ другую. Обстоятельство это должно привлечь серьезное вниманіе. Нельзя ссылаться на то, что на сѣверѣ Россіи школы имѣютъ большую возможность обходиться наемными помѣщеніями: послѣднія могутъ быть терпимы, какъ меньшее зло по сравненію съ отсутствіемъ всякаго помѣщенія, но довольствоваться ими можно только изъ-

за нужды. Разъ признано необходимымъ приходить мѣстнымъ учрежденіямъ на помощь изъ государственныхъ средствъ, то слѣдуетъ уравнивать условія пользованія этой помощью въ соотвѣтствіи съ дѣйствительной нуждой мѣстныхъ учреждений.

Ссудъ уѣзднымъ земствамъ въ 1914 году выдано, какъ указано выше, 317, на общую сумму 7.253.604 руб. Нѣкоторыя земства взяли по 2—3 ссуды, такъ что число земствъ, прибѣгавшихъ къ помощи фонда, менѣе 317, а именно—264, т.-е. около половины всѣхъ уѣздныхъ земствъ.

Городскимъ общественнымъ управленіямъ выдано 105 ссудъ на общую сумму 2.215.587 руб., а число городовъ, воспользовавшихся ссудой,—96. Это—очень скромный процентъ по отношенію къ общему количеству нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ.

Въ проектъ смѣты министерства на 1916 годъ на пополненіе школьно-строительнаго фонда внесено 5 [милліоновъ рублей противъ 10 милліоновъ рублей, внесенныхъ въ смѣту 1915 года.

Е. Звягинцевъ.

О реквизиціи зданій среднихъ учебныхъ заведеній.

Уже и въ прошломъ учебномъ году помѣщенія многихъ казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ районѣ московскаго учебнаго округа (равно какъ и другихъ учебныхъ округовъ) были заняты подъ госпитали и лазареты, при чемъ эти учебныя заведенія были переведены на вечернія занятія во вторую смѣну въ другія близъ лежащія зданія казенныхъ школъ.

Въ началѣ текущаго года число такихъ сдвоенныхъ въ одномъ зданіи школъ увеличилось какъ новыми реквизиціями помѣщеній, такъ и переводомъ эвакуированныхъ школъ изъ варшавскаго, виленакаго и рижскаго учебныхъ округовъ. Последнія, т.-е. эвакуированныя, школы размѣстились главнымъ образомъ въ помѣщеніяхъ частныхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

О неудобствахъ вечернихъ занятій во вторую смѣну на страницахъ „Вѣстника Воспитанія“ уже говорилось. Кромѣ того, что занятія эти ломаютъ установленный жизненный обиходъ учащихся и, слѣдовательно, вредны сами по себѣ съ гигиенической стороны, кромѣ того, что несомнѣнный вредъ здоровью учащихся приносить ученье при искусственномъ освѣщеніи, въ плохо провѣтриваемыхъ и очищенныхъ послѣ первой утренней смѣны занятій классныхъ помѣщенійхъ, кромѣ меньшей продуктивности вечернихъ уроковъ сравнительно съ утренними,—кромѣ всего этого, большимъ неудобствомъ, особенно для учениковъ младшихъ классовъ, является хожденіе изъ школы домой по вечерамъ. Неудобство это, замѣтное и тогда, когда происходило сдвиганіе школы одного городского района, значительно возросло при наступившемъ сдвиганіи школъ разныхъ районовъ. Такъ, напри- мѣръ, московская 2-я гимназія переведена была для вечернихъ занятій въ помѣщеніе 1-й гимназіи, т.-е. почти на противоположный конецъ города. Учащимся 2-й гимназіи приходится ежедневно проѣзжать взадъ и впередъ $1\frac{1}{2}$ и даже 2 станціи трамвая. Это по расчетамъ составляетъ около 40—50 рублей дополнительнаго расхода въ годъ для родителей на каждаго учащагося. А кромѣ того, при наступившей въ Москвѣ перегруженности трамвайнаго движенія, создаются для маленькихъ учениковъ не только трудности, но и опасности при ихъ вечернихъ переѣздахъ.

Бѣднѣйшіе ученики, родители которыхъ не имѣютъ возможности тратить лишнія средства на трамвайные расходы своихъ дѣтей, принуждены дважды въ день совершать огромныя пѣшходныя путешествія.

Наконецъ, для очень многихъ учениковъ, живущихъ не въ самой Москвѣ, а въ пригородахъ и поступающихъ въ гимназіи, ближе всего расположенныя къ соответствующимъ желѣзнодорожнымъ вокзаламъ, всѣ перечисленныя затрудненія еще болѣе осложняются, тѣмъ болѣе, что расписание пригородныхъ поѣздовъ приурочено не къ вечернимъ, а къ утреннимъ поѣздкамъ въ городъ. Разумѣется, при заблаго-

временномъ детальномъ обсужденіи вопроса о сдваиваніи учебныхъ заведеній, при участіи ближайшихъ ихъ руководителей, указанныя неудобства и затрудненія могли бы быть значительно уменьшены. И къ такому заблаговременному обсужденію имѣлась полная возможность, такъ какъ уже въ теченіе лѣтнихъ ваканцій необходимость освобожденія школьныхъ помѣщеній подъ военные госпитали выяснилась и была извѣстна. Тогда была полная возможность сговориться заинтересованнымъ представителямъ учебныхъ заведеній не только съ учрежденіями своего вѣдомства, а и другихъ вѣдомствъ (какъ, на примѣръ, министерства торговли и промышленности, вѣдомства Императрицы Маріи, города).

Однако этого сдѣлано не было, и вопросъ рѣшился передъ самымъ началомъ учебнаго года, въ одномъ совѣщаніи, благодаря чему, конечно, и произошли такія ненормальныя сдваиванія, какъ 2-й и 1-й мужскихъ московскихъ гимназій.

Однако все сказанное касалось пока казенныхъ учебныхъ заведеній, которыя терпѣли отъ своего перевода на вторую смѣну въ другія помѣщенія ущербъ педагогическій, но не терпѣли ущерба матеріальнаго.

Но уже съ середины минувшаго сентября по Москвѣ начался осмотръ комиссіями военныхъ врачей частныхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ,—осмотръ, внушившій тревоги и опасенія содержателямъ этихъ учебныхъ заведеній и ихъ педагогическому персоналу.

Такія тревоги и опасенія надо считать вполне естественными. Частныя школы существуютъ единственно за счетъ средствъ, собираемыхъ въ видѣ платы за ученіе съ учащихся, при чемъ районъ помѣщенія школы играетъ чрезвычайно важную роль въ составѣ ея питомцевъ. При перемѣнѣ района, а также вслѣдствіе перехода учебныхъ занятій на вечернюю смѣну, крайне неудобную, какъ выше сказано, для учащихся, а особенно учащихся женскихъ гимназій, естественно ожидать, что такое изгоняемое съ своего мѣста учебное заведеніе лишится значительной части учащихся, а слѣдовательно понесетъ матеріальный ущербъ, который при

извѣстныхъ условіяхъ можетъ оказаться настолько серьезнымъ, что поведетъ къ ликвидаціи и закрытію учебнаго заведенія. Кромѣ того, во многихъ женскихъ частныхъ гимназіяхъ и въ нѣкоторыхъ мужскихъ существуютъ пансіоны. Перенести пансіоны на вечернюю смѣну, разумѣется, нельзя. Найти для нихъ помѣщенія въ сдваиваемыхъ школахъ тоже нельзя. Частныхъ квартиръ въ настоящее время нѣтъ. Следовательно, пансіоны, въ случаѣ перевода учебныхъ заведеній на вторую смѣну, подлежатъ ликвидаціи.

Всѣ эти соображенія, какъ мы уже замѣтили, внесли крайнюю тревогу въ ряды лицъ, содержащихъ частныя школы и служащихъ въ нихъ, а также въ среду родителей, дорожащихъ тѣми школами, въ которыя они помѣстили своихъ дѣтей.

Тревога эта поддерживалась продолжавшимися осмотрами школьныхъ помѣщеній и нашла себѣ выраженіе во многихъ газетныхъ замѣткахъ и сообщеніяхъ, гдѣ указывалось, что судьбѣ частныхъ учебныхъ заведеній, которыхъ, считая въ ихъ числѣ женскія, гораздо больше, чѣмъ казенныхъ, грозитъ отъ ихъ реквизиціи опасность, что, такимъ образомъ, въ опасности находится и самое дѣло средняго образованія, уже и безъ того значительно пострадавшее отъ ненормальныхъ условій переживаемаго времени, и что врядъ ли есть столь настоятельная надобность въ реквизиціи школъ, когда существуетъ цѣлый рядъ учреждений, занимающихъ обширныя, прекрасно оборудованныя помѣщенія для зрѣлицъ и увеселеній иногда невысокаго качества.

При обращеніи такого рода тревожныхъ и недоумѣнныхъ запросовъ къ лицамъ, вѣдающимъ дѣло реквизиціи, были получены успокоительныя завѣренія, что школьныя зданія осматриваются лишь на случай крайней надобности, что непосредственной потребности въ ихъ реквизиціи не существуетъ и что она наступитъ лишь тогда, когда будутъ исчерпаны всѣ другія имѣющіяся и пригодныя для реквизиціи помѣщенія. Свѣдѣнія эти были напечатаны въ газетахъ и внесли въ среду лицъ, прикосновенныхъ къ частнымъ школамъ, нѣ-

которое успокоеніе. Успокоеніе это поддерживалось и тѣмъ фактомъ, что большіе рестораны, кофейни, кинематографы и даже такія учрежденія, какъ „Максимъ“, „Альказаръ“ и т. п. о предстоящей реквизиціи которыхъ уже давно шла рѣчь, продолжали функционировать по прежнему.

Но вдругъ на 16 число минувшаго октября, совершенно неожиданно и срочно, содержатели и начальники частныхъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ получили приглашеніе явиться въ управленіе учебнаго округа на совѣщаніе по вопросу о реквизиціи ихъ помѣщеній.

На совѣщаніи этомъ имъ представленъ былъ списокъ школъ, намѣченныхъ къ реквизиціи, а также школъ, предназначенныхъ къ приему реквизируемыхъ на вечернюю смѣну занятій.

Списокъ этотъ, какъ тотчасъ же обнаружилось при его обсужденіи, составленъ былъ крайне поверхностно и даже небрежно. Такъ, напримѣръ, въ списокъ значился переводъ реального училища Бажанова въ зданіе реформатскаго училища, которое уже съ начала года было реквизировано и переведено для занятій въ практическую академію. Предназначены были къ реквизиціи женскія гимназіи Констанъ и Арсеневой, являющіяся единственными средними женскими школами Пречистенскаго района.

Многолюдная гимназія Виноградской съ пансіономъ переехала въ маленькое помѣщеніе гимназіи Винклеръ, гдѣ не хватило бы мѣста, не говоря уже о пансіонѣ, для входящихъ ученицъ Виноградской.

Мужская гимназія Страхова, уже пріютившая на вечернюю смѣну одну изъ эвакуированныхъ варшавскихъ гимназій, списокомъ была предназначена къ реквизиціи, и такимъ образомъ оставались безъ помѣщенія уже два учебныхъ заведенія. И такъ далѣе. Недоразумѣнія такого рода при составленіи списка были неизбѣжны отчасти и потому, что списокъ составлялся комиссіями военныхъ врачей безъ вѣдома не только содержателей школъ, но даже, повидимому, и управленія округа, которое оказалось вынужденнымъ спѣшно и

срочно обсуждать столь сложный вопросъ на созванномъ имъ совѣщаніи.

Детальное обсужденіе сдваиваній немедленно обнаружило такія стороны поднятаго вопроса, которыя, естественно, не могли быть приняты во вниманіе производившими осмотръ школьныхъ помѣщеній врачами и которыя однако оказались столь затруднительными, что въ теченіе совѣщанія самимъ представителямъ реквизиціонной комиссіи пришлось исключить изъ списка рядъ помѣченныхъ въ немъ школъ.

Съ другой стороны, большое недоразумѣніе было вызвано на совѣщаніи тѣмъ фактомъ, что цѣлый рядъ школъ не только не попалъ въ списокъ, а и совсѣмъ не былъ осмотрѣнъ.

Въ результатѣ совѣщаніе, несмотря на то, что оно длилось очень долго, не могло по поводу нѣкоторыхъ школъ, внесенныхъ въ списокъ, придти къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ.

Возбужденный на совѣщаніи представителями учебныхъ заведеній принципиальный вопросъ о цѣлесообразности реквизиціи школьныхъ помѣщеній въ то время, когда еще не подверглись реквизиціи давно уже предназначенныя къ ней рестораны, кофейни и другія общественныя учрежденія этого типа, остался безъ удовлетворительнаго отвѣта. Остались безъ отвѣта также и указанія на то, что съ меньшимъ ущербомъ для нуждъ населенія и государственныхъ интересовъ можно было бы использовать для реквизиціи помѣщенія музеевъ, частныхъ пустующихъ особняковъ, клубовъ и многочисленныхъ кинематографовъ.

Невыясненнымъ оказался и вопросъ о томъ, почему столь спѣшно и безотлагательно рѣшаются судьбы учебныхъ заведеній; когда по условіямъ момента, въ виду затишья военныхъ дѣйствій и ослабленія притока раненыхъ, въ такой спѣшности нѣтъ особой нужды, такъ какъ въ наличныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ есть огромный запасъ свободныхъ мѣстъ. Всѣ эти вопросы или были сняты съ очереди, какъ не относящіеся къ предмету засѣданія, или остались безъ удовлетворительнаго разрѣшенія.

Многіе изъ участниковъ совѣщанія, особенно представители школъ молодыхъ, еще не упрочившихъ своего положенія, разошлись съ совѣщанія съ тяжелымъ чувствомъ сознанія своего безсилія предотвратить грозящій ихъ школамъ упадокъ, а быть можетъ, и полную ихъ ликвидацію.

На совѣщаніи было установлено, что реквизируемымъ школамъ будетъ предоставлено право сохранить за собой ихъ жилыя помѣщенія и квартиры, а также въ нихъ отведено будетъ мѣсто для склада школьной мебели и учебныхъ пособій.

Однако явившіеся вскорѣ послѣ совѣщанія въ подлежащія реквизиціи школы представители реквизиціонной комиссіи заявили содержателямъ школъ, что они берутъ все помѣщеніе цѣликомъ и что забота о полномъ очищеніи помѣщеній и объ отысканіи мѣста какъ для складовъ вещей, такъ и для жительства лицъ, проживавшихъ въ квартирахъ при школахъ, составляетъ обязанность города.

Вмѣстѣ съ тѣмъ заявленія о реквизиціи помѣщеній были сдѣланы отъ имени попечительскаго совѣщанія и нѣкоторымъ изъ тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя на совѣщаніи были предназначены для приѣма другихъ учебныхъ заведеній на вторую смѣну учебныхъ занятій.

Въ такомъ положеніи, напримѣръ, оказалась гимназія Виноградской, предназначенная совѣщаніемъ для приѣма въ вечернюю смѣну реквизируемой Елисаветинской гимназіи, а черезъ два дня послѣ совѣщанія получившая извѣщеніе, что она тоже реквизируется полностью.

Такимъ образомъ и гимназія Виноградской и гимназія Елисаветинская совершенно лишались помѣщеній, безъ возможности не только гдѣ-либо устроиться для занятій во вторую смѣну, но и просто куда-либо дѣться со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Нельзя не указать на допущенныя при самомъ началѣ дѣла съ реквизиціями учебныхъ заведеній упущенія и погрѣшности. Разумѣется, военныя надобности въ переживаемое время должны стоять на первомъ планѣ, и даже такое важное дѣло, какъ дѣло образованія, при крайнихъ

обстоятельствахъ все же должно быть принесено въ жертву военнымъ нуждамъ. Съ другой стороны, возможность двойныхъ и даже тройныхъ смѣнъ учебныхъ занятій въ тѣхъ же школьныхъ помѣщеніяхъ съ разными составами учащихся, при всѣхъ неудобствахъ этой системы въ педагогическомъ и иныхъ отношеніяхъ, все же гарантируетъ непрерывность образовательнаго дѣла, которая, конечно, лучше, чѣмъ закрытіе школъ.

Но, во-первыхъ, какъ уже отмѣчено выше, не говоря уже объ интересахъ школъ, а даже только созданія увѣренности, что школы подвергаются реквизиціи при крайнихъ обстоятельствахъ, при полной невозможности использовать другія менѣе цѣнные общественныя учрежденія,—слѣдовало бы начать реквизицію съ этихъ учреждений.

Когда общество увидѣло бы, что для нуждъ раненыхъ закрыты кафе-шантаны, фешенебельные рестораны, созданные не столько для потребностей питанія, сколько для ночныхъ развлеченій, то оно спокойнѣе примирилось бы и съ тѣмъ, что, за недостаткомъ другихъ помѣщеній, подлежатъ реквизиціи и школы.

Во-вторыхъ, какъ со стороны реквизиціонной комиссіи, такъ и со стороны мѣстнаго управленія учебнаго вѣдомства могла бы быть и въ этомъ случаѣ проявлена большая предусмотрительность и организованность дѣйствій.

Если, напримѣръ, заблаговременныя предупрежденія дали возможность содержателямъ кинематографовъ объединиться, чтобы возбудить соответствующія ходатайства и вообще предпринять мѣры къ огражденію ихъ предпріятій,—мѣры, повидимому, увѣчившіяся успѣхомъ,—то нужно было такъ же заблаговременно подготовиться къ реквизиціямъ школъ ихъ содержателямъ и руководителямъ, и даже не съ точки зрѣнія отставанія неприкосновенности школъ, а хотя бы съ точки зрѣнія наиболѣе удобнаго распредѣленія ихъ по смѣнамъ?

Совѣщаніе 16 октября вышло спѣшнымъ, поверхностнымъ, неподготовленнымъ и все-таки рѣшающимъ. Почему же не

были созваны такія совѣщанія раньше? На такихъ совѣщаніяхъ все могло бы быть подготовлено, условлено, согласовано, всѣ интересы болѣе или менѣе примирены, и къ моменту реквизиціи оставалось бы лишь осуществить заранѣе разработанный планъ. Мало того, надо имѣть въ виду и то, что внезапная реквизиція нарушаетъ постановку учебнаго дѣла въ самый разгаръ учебнаго сезона, когда оно только что вполнѣ наладилось и вошло въ колею. Смѣна помѣщеній требуетъ не только перерыва занятій на время переѣзда: она нарушаетъ ихъ правильное теченіе и на долгое время послѣ переѣзда, такъ какъ приходится мѣнять распредѣленіе уроковъ и мѣнять многихъ преподающихъ лицъ, для которыхъ вечернія занятія несовмѣстимы съ ихъ другими занятіями.

Между тѣмъ, и это все, при заблаговременномъ обсужденіи вопроса, можетъ быть заранѣе учтено и предусмотрено такъ, чтобы совершить переходъ въ новое мѣсто занятій съ наименьшимъ для нихъ ущербомъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что вопросъ о реквизиціи школьныхъ помѣщеній былъ поставленъ на очередь и въ провинціи, гдѣ тоже произошло сдваиваніе и даже „страиваніе“ учебныхъ заведеній—и казенныхъ, и частныхъ.

Когда вышеизложенныя строки были уже нами написаны, дополнительно выяснилось, что по вопросу о реквизиціи школьныхъ помѣщеній однимъ изъ содѣйствующихъ частныхъ школъ (К. А. Ивановымъ) была подана докладная записка министру народнаго просвѣщенія, одна изъ начальницъ женскихъ гимназій (М. Г. Брюхоненко) была принята по тому же вопросу министромъ лично въ Петроградѣ.

Въ результатѣ этихъ шаговъ названныхъ лицъ въ Москву былъ командированъ товарищъ мин. нар. проsv. Рачинскій для разслѣдованія происшедшаго. 26 октября товарищемъ министра были приняты двѣ депутаціи: одна отъ содѣйствующихъ учебныхъ заведеній, другая отъ кружка родителей. Выслушавъ депутаціи, товарищъ министра заявилъ имъ, что вопросъ

о реквизиціи школъ будетъ отложенъ, что если она и состоится, то лишь въ послѣднюю очередь и въ случаѣ крайности, и что содержатели школъ на всякій случай должны собраться для выработки такого плана сдвиганія школъ, который бы былъ сопряженъ съ наименьшимъ ущербомъ для учебнаго дѣла и съ наименьшими неудобствами для учащихся. Вопросъ, слѣдовательно, принявъ ту самую форму, какую мы выше указывали какъ наиболѣе желательную.

Во всякомъ случаѣ московскія частныя учебныя заведенія временно освободились отъ нависшаго надъ ними бѣдствія.

М—ль.

Письмо изъ Франціи.

Война и народное образованіе: высшее, среднее и начальное.—Виды на будущее.—Французская наука на международной выставкѣ въ Санъ-Франциско.

Къ началу второго учебнаго года, открывающагося все при тѣхъ же тяжелыхъ, исключительныхъ условіяхъ „военнаго времени“, чрезвычайно интересно и поучительно подвести итоги истекшему академическому году.

На первый взглядъ могло бы казаться, что міровая война, замѣтно отозвавшаяся на судьбахъ народнаго образованія во всѣхъ воюющихъ странахъ, должна была въ этомъ отношеніи оказать особенно глубокое вліяніе во Франціи, гдѣ демократическій строй исключаетъ какія бы то ни было льготы или привилегіи и призываетъ въ ряды арміи всѣхъ гражданъ до 48 лѣтъ. Какъ мы уже указывали на это въ прошлой нашей хроникѣ („Вѣстникъ Воспитанія“, январь 1915 г.), Франція не располагаетъ достаточно многочисленнымъ населеніемъ, чтобы та или иная категорія годныхъ къ военной службѣ гражданъ—хотя бы эта категорія и несла другія обязанности—могла быть освобождена отъ священнаго долга защиты родины. Еще въ началѣ сентября 1914 года министръ народнаго просвѣщенія насчитывалъ въ рядахъ арміи 25.000 дѣятелей

народнаго образованія: учителей начальныхъ школъ, учителей среднихъ учебныхъ заведеній, профессоровъ университета или спеціальныхъ высшихъ школъ. Въ концѣ мая 1915 года общая цифра мобилизованныхъ представителей народнаго образованія (на всѣхъ его трехъ ступеняхъ) достигала 32.000¹⁾, а въ циркулярномъ письмѣ, съ которымъ министр народнаго просвѣщенія недавно (10 сентября) обратился къ ректорамъ учебныхъ округовъ, указывается, что однихъ только учителей начальныхъ школъ мобилизовано около 30.000! И тѣмъ не менѣе, несмотря на это огромное отвлеченіе силъ, опустошившее ряды педагоговъ, въ общемъ нельзя сказать, чтобы школа потерпѣла особенно большой ущербъ отъ войны. Повинуясь общему лозунгу, требовавшему продолженія національной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, министерство народнаго просвѣщенія приложило всѣ усилія, чтобы обезпечить болѣе или менѣе нормальное функционированіе учебныхъ заведеній, замѣняя упедшихъ на войну учителей и профессоровъ новымъ педагогическимъ персоналомъ. Успѣшному выполненію этой задачи въ значительной мѣрѣ способствовалъ общій подъемъ національной солидарности, охватившій всѣ слои населенія и нашедшій себѣ въ педагогическомъ мірѣ, какъ мы увидимъ дальше, яркія и многообразныя проявленія.

Въ *высшихъ учебныхъ заведеніяхъ* война опустошила не только ряды учащаго персонала, но и въ еще большихъ размѣрахъ ряды учащихся. При входѣ въ зданіе парижскаго юридическаго факультета теперь прежде всего бросаются въ глаза двѣ „почетныя“ доски: на одной значатся имена студентовъ, удостоившихся отличія за доблестные подвиги въ

¹⁾ Къ тому же времени насчитывалось изъ педагогическаго персонала убитыхъ и раненыхъ 5.847 (1.813 убитыхъ), распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ:

Начальное образованіе	4.906
Среднее „	629
Высшее „	312

бою; на другой—имена павшихъ на поляхъ битвъ... Увы! Списокъ убитыхъ постепенно удлинняется, и среди нихъ немало молодыхъ людей, подававшихъ самыя блестящія надежды!

Само собою разумѣется, что университетскому преподаванію пришлось, за недостаткомъ профессоровъ, нѣсколько сузиться. Такъ, на примѣръ, курсы по нѣкоторымъ не обязательнымъ предметамъ, не нашедшіе въ разрѣженныхъ рядахъ студенчества достаточнаго числа слушателей, были упразднены. Инымъ профессорамъ пришлось отказаться отъ обычно ими читаемаго курса для того, чтобы замѣстить отозваннаго на войну коллегу, преподававшаго болѣе необходимый для большинства студентовъ предметъ. Нельзя не отмѣтить, что при этихъ исключительныхъ условіяхъ сказалось, между прочимъ, одно изъ основныхъ преимуществъ французскаго высшаго образованія: тогла какъ въ Германіи утрированная и черезчуръ ранняя спеціализація образованія слишкомъ часто создаетъ узкихъ спеціалистовъ, всецѣло ушедшихъ въ свою спеціальность, во Франціи профессорскій персоналъ обладаетъ достаточно широкою и солидною общенаучною подготовкою, чтобы, какъ заявилъ это недавно министръ народнаго просвѣщенія, профессора имѣли право, безъ колебаній, взять на себя преподаваніе предмета, не входящаго въ кругъ ихъ спеціальности или ихъ обычныхъ занятій.

Такъ или иначе—и на этомъ настаиваетъ уже упомянутый циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія—каковы бы ни были предстоящія затрудненія, необходимо обезпечить въ теченіе открывающагося академическаго года не только дальнѣйшее существованіе, но и жизненность высшаго образованія. „Для студентовъ и слушателей, не достигшихъ еще возраста или физически неспособныхъ нести военную службу, для молодыхъ людей, вернувшихся ранеными съ поля битвы и желающихъ снова взяться за книгу послѣ ружья, для дѣвушекъ, желающихъ пріобщиться къ методамъ высшаго знанія и впоследствии принести содѣйствіе женскихъ силъ къ выполненію наиболѣе высокихъ національныхъ задачъ,— нужно,

чтобы интеллектуальные очаги отечества не погасли. Это нужно также для наших иностранных гостей, для всѣхъ тѣхъ студентовъ изъ нейтральныхъ странъ, которые въ разгаръ войны призываютъ къ намъ въ поискахъ нашей культуры... Это нужно, наконецъ, въ виду тѣхъ капитальныхъ усилий, которыя предстоитъ выполнить университетамъ послѣ войны, для того чтобы сдѣлать высшее знаніе руководителемъ возрожденія національной экономической дѣятельности“.

Говоря о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, я нахожу небезынтереснымъ дать здѣсь нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія относительно числа студентокъ во французскихъ университетахъ до и во время войны. Если изъ общаго числа учащихся въ университетахъ, которое до войны достигало 42.000, теперь осталось не болѣе 10.000, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ военная служба отвлекла значительное большинство студентовъ. Но уменьшеніе почти наполовину контингента студентокъ (2.526 вмѣсто 4.254) можетъ, на первый взглядъ, казаться болѣе непонятнымъ. Однако, если остановиться болѣе внимательно на деталяхъ статистики, нетрудно выяснитъ истинный характеръ и причины этого уменьшенія. Общее число 4.254 студентокъ, зарегистрированное въ 1913—1914 учебномъ году, обнимало 2.547 француженокъ и 1.707 иностранокъ; среди 2.526 студентокъ, насчитывавшихся въ 1914—1915 академическомъ году, было 1.916 француженокъ и 610 иностранокъ. Иначе говоря, военные событія отвлекли отъ французскихъ университетовъ 1.097 иностранокъ и всего только 631 француженку; контингентъ недостающихъ студентокъ складывается, слѣдовательно, на двѣ трети изъ иностранокъ и на одну треть изъ француженокъ.

Съ другой стороны, интересно разсмотрѣть, какъ обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло по отдѣльнымъ факультетамъ. На юридическихъ факультетахъ число студентокъ уменьшилось со 149 до 123, т.-е. весьма незначительно, въ особенности если принять во вниманіе, что въ статистикѣ за послѣдній годъ не фигурируетъ совершенно лильскій университетъ (го-

родъ Лилъ захваченъ нѣмцами). То же самое можно сказать относительно медицинскихъ факультетовъ, насчитывающихъ 799 студентокъ вмѣсто 869. Въ аптекарскихъ высшихъ школахъ число студентокъ даже увеличилось почти вдвое: 72 вмѣсто 44. На факультетахъ естественныхъ наукъ, напротивъ, замѣчается уже довольно рѣзкое уменьшеніе: 444 студентокъ вмѣсто 646. Но это уменьшеніе еще болѣе значительно на словесныхъ факультетахъ, насчитывающихъ 1.017 студентокъ вмѣсто 2.321, что даетъ убыль въ 1.304 человекъ. Фактъ этотъ объясняется, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ противоположность студенткамъ медицинскаго, юридическаго факультетовъ или аптекарскихъ школъ, уже намѣтившимъ себѣ родъ ихъ будущей дѣятельности и потому продолжающимъ ученіе во что бы то ни стало, многія студентки словеснаго факультета являются только вольнослушательницами. Именно на этотъ элементъ и падаетъ, главнымъ образомъ, уменьшеніе, о которомъ сейчасъ была рѣчь. Несомнѣнно, что тутъ сказался, между прочимъ, и отъѣздъ на родину большого числа нашихъ соотечественницъ, матеріальная необеспеченность которыхъ становилась особенно ощутительною въ исключительныхъ условіяхъ военнаго времени. Объ этомъ свидѣлствуетъ и тотъ фактъ, что уменьшеніе числа студентокъ особенно замѣтно въ излюбленныхъ русскими университетахъ: парижскомъ, гренобльскомъ и монпельерскомъ: въ Парижѣ вмѣсто 1.120 студентокъ-француженокъ и 1.077 иностранокъ насчитывается 872 француженокъ и только 389 иностранокъ; въ Греноблѣ, гдѣ раньше было 94 француженки и 214 иностранокъ, имѣются 101 француженка и 81 иностранка; въ Монпелье вмѣсто 77 француженокъ и 143 иностранокъ зарегистрировано 70 француженокъ и 78 иностранокъ.

Такимъ образомъ подробности этой статистики показываютъ, что констатируемое уменьшеніе числа студентокъ нисколько не угрожаетъ будущимъ судьбамъ женскаго высшаго образованія во Франціи.

Дѣло *средняго образованія* въ общемъ функционировало въ истекшемъ учебномъ году, довольно регулярно. Если исключить мѣстности, захваченныя непріателемъ, и бомбардируемые города, то на всей остальной территоріи страны пришлось закрыть одинъ только лицей. Въ области, занятой арміями, 12 мужскихъ коллежей и 7 женскихъ вынуждены были изъ-за близости линіи огня вести перемежающееся существованіе.

Въ мѣстностяхъ, куда доносился грохотъ поля битвы и гдѣ нерѣдко грозила опасность пушечныхъ снарядовъ, преподавательскій персоналъ, въ значительной мѣрѣ пополненный женскими силами, обнаружилъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и официальные показанія, замѣчательную нравственную выдержку. Жизнь школы не прерывалась, несмотря на многочисленныя внѣшнія затрудненія. Почти повсюду зданія лицеевъ и коллежей были превращены въ лазареты, и приходилось изыскивать помѣщенія для классныхъ занятій, пользуясь иногда даже частными квартирами, предоставляемыми попеременно въ пользованіе то мужского коллежа, то женскаго.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что, несмотря на почти повсемѣстное, въ занятой войсками области, упраздненіе интерната, несмотря на трудности сообщенія, несмотря на близость линіи огня и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, почти всѣ среднія учебныя заведенія сохранили, по крайней мѣрѣ, три четверти ихъ обычнаго контингента. Только въ Дюнкирхенѣ, находившемся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, женскій коллежъ, обыкновенно насчитывавшій 110 ученицъ, удержалъ изъ нихъ всего 20. Нужно сказать, что если этотъ коллежъ вообще могъ не прервать своей дѣятельности, то только благодаря предоставившимся въ его распоряженіе на нѣсколько часовъ въ день пяти-шести комнатамъ мужского коллежа. Зданіе этого послѣдняго находится всего въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ городской ратуши, служившей излюбленной мишенью для непріателя, и въ концѣ-концовъ, послѣ ряда бомбардировокъ, пришлось въ послѣднихъ числахъ

апрѣля эвакуировать коллежъ, всѣ оконныя стекла котораго были разбиты.

Такъ приблизительно обстояло дѣло и въ другихъ бомбардируемыхъ городахъ сѣверной Франціи — Армантьерѣ, Бетюнѣ и др.

За уходомъ на войну большинства учителей пришлось привлечь къ преподаванію въ мужскихъ школахъ женскія силы. „Revue Universitaire“ (іюль 1915 года) сознается, что этого новшества сначала страшились какъ семьи, такъ и университетъ („Sans doute, l'innovation a été au début redoutée et par les familles et par l'Université“). Здѣсь оказалось то же свойственное французской буржуазіи недовѣріе, съ какимъ встрѣчено было другое новое начинаніе—совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола ¹⁾. И что же оказывается? Опытъ „женскаго правительства“ (*gouvernement féminin*) далъ блестящіе результаты. Генеральный инспекторъ народнаго просвѣщенія Эдуардъ Пети, посвятившій этому предмету статью въ „Journal des Instituteurs“, говоритъ, что ученики не только не злоупотребляли новымъ положеніемъ, чтобы стать болѣе непослушными, но, напротивъ, замѣчалась перемѣна къ лучшему въ ихъ характерѣ и поведеніи: изъ уваженія къ женщинамъ ученики были послушны, даже предупредительны и приносили съ собою домой усвоенныя въ классѣ мягкость и учтивость. Во всѣхъ классахъ, гдѣ занятія были довѣрены учительницамъ, г. Пети поражало какъ умѣніе, съ которымъ онѣ приспособлялись къ новой для нихъ миссіи, такъ и вниманіе, обнаруживаемое по отношенію къ нимъ учениками.

Ни въ университетахъ, ни въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ война не отвлекла такъ много педагогическихъ силъ, какъ въ начальныхъ школахъ. Чтобы обезпечить правильное функціонированіе начальнаго образованія, несмотря на моби-

¹⁾ См. мое *Письмо изъ Франціи* въ „Вѣстникъ Воспитанія“, апрѣль 1914 г.

лизацию около 30.000 учителей, потребовалась огромная энергия какъ со стороны представителей министерства народнаго просвѣщенія, такъ и со стороны всѣхъ тѣхъ лицъ—учительницъ, отставныхъ учителей, добровольцевъ,—самоотверженный трудъ которыхъ призванъ былъ пополнить отвлеченныя войною силы.

Нѣкоторые депутаты обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою содѣйствовать освобожденію отъ военной службы тѣхъ или иныхъ категорій учительскаго персонала, которыя могли бы, такимъ образомъ, вернуться къ исполненію своихъ обычныхъ обязанностей. Министръ отвѣтилъ, что онъ прилагаетъ всѣ усилія для обезпеченія насколько возможно удовлетворительнаго и правильнаго хода народнаго образованія, *не прибывая къ внимательству въ нормальное функционированіе мобилизации*. Нельзя не отмѣтить, что на той же точкѣ зрѣнія стоятъ и федерація дружескихъ ассоціацій народныхъ учителей (*Fédération des amicales des instituteurs*), принявшая резолюцію, въ силу которой ни одинъ изъ ея членовъ не долженъ быть освобожденъ отъ исполненія какой бы то ни было изъ падающихъ на него военныхъ обязанностей. Демократическій строй Франціи призываетъ всѣхъ гражданъ къ борьбѣ съ непріателемъ, исходъ которой является для страны вопросомъ жизни или смерти; каждый долженъ быть на своемъ посту въ рядахъ арміи, каждый долженъ исполнить великій долгъ защиты родины...

И тѣмъ не менѣе жизнь начальной школы не была парализована. Даже въ области, занятой дѣйствующей арміей, школьныя занятія, поскольکو къ этому не встрѣчалось препятствій со стороны военныхъ властей, шли своимъ чередомъ, можно сказать, вплоть до фронта, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующее письмо народнаго учителя, состоящаго въ настоящее время офицеромъ въ дѣйствующей арміи. Учитель пишетъ своимъ ученикамъ:

„Сегодня утромъ я покинулъ палатку, въ которой вотъ уже восемь дней я сплю на соломѣ, и отправился посѣтить моего коллегу изъ Д..., въ двухъ километрахъ отъ на-

шихъ линій. Печальное путешествіе! Какъ и большинство жилищъ, мэрія и школа сгорѣли, отъ нихъ осталось только нѣсколько полуразрушенныхъ стѣнъ. Учитель помѣщается въ бѣдной комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ, и тамъ человекъ пятнадцать дѣтей—дѣвочки и мальчики,—имѣя только нѣсколько, случайно найденныхъ, скамеекъ и столовъ, читаютъ, пишутъ, отвѣчаютъ уроки, въ двухъ шагахъ отъ развалинъ, подъ яростный грохотъ пушекъ...

Увѣряю васъ, милые друзья, что я былъ горестно тронутъ глубоко-серьезнымъ видомъ этихъ дѣтей, отцы которыхъ, ушедшіе на войну, увы!—не всѣ вернутся; тронутъ присутствіемъ этого учителя, испытавшаго уже большія домашнія несчастія, разореннаго войной и пожарами, зажженными нѣмцами, и который все-таки имѣетъ еще мужество исполнять свою обязанность.

Я готовъ былъ заплакать и едва могъ говорить. Но за то, среди этихъ почернѣвшихъ камней, среди этихъ скудныхъ обломковъ, валявшихся въ развалинахъ, я почувствовалъ съ большой силой, сколько было величья въ разсудительномъ поведеніи учениковъ, въ полной энергіи безропотности учителя: всѣ они выполняли свою работу съ одинаковымъ мужествомъ, съ одинаковымъ спокойствіемъ, съ одинаковой вѣрой въ будущее, и мнѣ вспомнилась прекрасная фраза изъ письма президента республики Пуанкарэ къ арміи: „Когда мы видимъ, какъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла, передъ горизонтомъ, который разрывающіяся гранаты покрываютъ дымомъ или разрѣзаютъ свѣтомъ, крестьяне спокойно идутъ за сохой и засѣваютъ землю, мы лучше понимаемъ, сколь неистощимы запасы энергіи и жизнеспособности въ нашей старой Франціи“.

Сравните то положеніе, которое я постарался вамъ описать, съ вашимъ, милые друзья, и помните твердо, что если среди васъ нѣкоторые тревожатся за участь близкихъ, ушедшихъ на войну, или оплакиваютъ дорогое существо, павшее на полѣ битвы, вашимъ маленькимъ товарищамъ на восточной границѣ Франціи, кромѣ этихъ безпокойствъ и потерь,

знакома бомбардировка, пожары, ужасъ и разрушеніе; нѣкоторые изъ нихъ живутъ нищенски среди лѣсовъ, въ наскоро построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей убѣжищахъ!..

Когда вы садитесь за семейный столъ, собираетесь у очага или спокойно ложитесь въ свою кроватку, пусть въ сердцѣ вашемъ проснется воспоминаніе о вашихъ молодыхъ товарищахъ, у которыхъ нѣтъ больше ни дома, ни очага, ни постели, нѣтъ ничего больше... и которые все-таки идутъ въ школу, чтобы мужественно работать съ учителемъ, такимъ же разореннымъ, какъ и они...

Не стыдно ли было бы вамъ, у которыхъ все есть, быть менѣе мужественными, чѣмъ они?

Развѣ вы не готовы сдѣлать все, зависящее отъ васъ, чтобы послѣ этой ужасной войны каждый изъ васъ могъ вырасти въ смыслѣ знаній, ума и личныхъ достоинствъ, дабы продолжать, каждый сообразно своимъ силамъ, общее дѣло, начатое старшими,—дѣло, ради котораго ежедневно умираетъ столько храбрыхъ?

Прощайте, милыя дѣти, цѣлую васъ всѣхъ“.

Приведенное письмо только одно изъ многочисленныхъ проявленій той заботливости, съ которою народные учителя, находясь въ рядахъ арміи и постоянно подвергаясь опасностямъ и лишеніямъ, продолжаютъ относиться къ своимъ питомцамъ и къ дѣлу начальнаго образованія. Это, между прочимъ, отмѣчаетъ и г. Лапи (Lapie) въ статьѣ „L'instituteur et la guerre“ („Народный учитель и война“), напечатанной въ „Revue Pédagogique“. Наши учителя, читаемъ мы въ этой статьѣ, даже на фронтѣ не перестаютъ думать о своихъ ученикахъ. Какъ только бой позволяетъ сдѣлать нѣкоторую передышку, они бродятъ вокругъ школъ: ходятъ посѣщать близкихъ къ стоянкѣ коллегъ, при этомъ отмѣчается, что въ такомъ-то классѣ „отъ пушечныхъ ядеръ уцѣлѣлъ только глобусъ“, что въ другомъ классѣ „не осталось ни одного стекла въ окнахъ“. Иногда приходятъ на помощь учителю въ его школьныхъ занятіяхъ; одинъ изъ мобилизованныхъ учителей не безъ юмора повѣствуетъ о томъ, какъ онъ на фронтѣ

открылъ школу для взрослыхъ, „не испросивъ на это предварительнаго разрѣшенія департаментскаго (губернскаго) совѣта“.

Рѣдкій учитель, замѣчаетъ г. Лапа, въ минуты затишья боя, когда его мысль обращается къ семьѣ, не вспомнить одновременно со своимъ семейнымъ очагомъ и школу, одновременно со своими дѣтьми и своихъ учениковъ. Какъ я уже указывалъ на это въ прошлой своей хроникѣ (январь 1915 г.), многіе изъ ушедшихъ на войну учителей ведутъ оживленную переписку со своими питомцами, разъясняя имъ причины войны, рисуя перспективы болѣе свѣтлаго будущаго и т. д.

Одною изъ главныхъ задачъ преподавателя въ данный моментъ должно быть пріобщеніе учащихся къ великому дѣлу защиты родины и къ вызванному войною подъему общественной солидарности. Въ уже приведенномъ мною циркулярѣ, касающемся открытія учебнаго года, министръ народнаго просвѣщенія отводитъ школѣ такую почетную роль: она призвана сдѣлать такъ, чтобы вся страна знала, за что она борется, во имя какого историческаго прошлаго и какого будущаго, изъ-за какихъ событій и какихъ идей; такимъ образомъ, освѣщая знаніемъ національное чувство и подкрѣпляя его собственнымъ примѣромъ, школа сохранить въ націи непоколебимую вѣру и твердое желаніе полной побѣды. Именно исходя изъ этихъ соображеній, министръ народнаго просвѣщенія рекомендуетъ сообщить содержаніе этого циркуляра не только всѣмъ учителямъ, но и тѣмъ изъ учащихся, возрастъ которыхъ позволяетъ имъ использовать его, дабы черезъ ихъ посредство воздѣйствовать на семьи и установить такимъ путемъ постоянный обмѣнъ мыслей между школою и общественнымъ мнѣніемъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ учителямъ рекомендуется приспособить преподаваніе и вообще жизнь школы къ текущимъ событіямъ, пополняя соотвѣтствующимъ образомъ школьные музеи и коллекціи стѣнныхъ картинъ, внося тотъ богатый матеріалъ, который даетъ война для воздѣйствія на дѣтскую душу, какъ въ уроки морали и гражданскаго воспитанія, такъ въ уроки исторіи и географіи и т. д.

Въ воззваніи, обращенномъ къ народнымъ учителямъ и учительницамъ и напечатанномъ въ очень распространенномъ среди педагогическаго міра журналѣ „Manuel général de l'instruction primaire“, президентъ палаты депутатовъ Поль Дешанель говоритъ: „Старайтесь разъяснить вокругъ васъ, что нельзя въ одинъ день исправить рядъ вѣковыхъ ошибокъ и что во всякомъ случаѣ, когда хотятъ уничтожить гибельныя послѣдствія ошибокъ, нужно непрерывно готовиться къ этому, все подчинять этому и думать исключительно объ этомъ; старайтесь разъяснить, что недостаточно, когда вспыхнетъ война, храбро идти навстрѣчу смерти, какъ это всегда дѣлаютъ французы; старайтесь разъяснить, что ничто не импровизируется, а въ особенности война, и что если хорошо отразить нашествіе, то еще лучше помѣшать ему. Для этого необходимо, чтобы народное просвѣщеніе на всѣхъ его ступеняхъ было направлено къ великой мысли о жизни, о спасеніи отечества. Франція, которая такъ часто, на протяженіи вѣковъ, выходила невредимой изъ самыхъ тяжкихъ испытаній, Франція, которая въ наши великіе дни проявляетъ безпримѣрную энергію и настойчивость, Франція должна жить, для свободы міра, для человѣчества, для справедливости!“

Прекрасныя слова! Но не будетъ-ли искаженъ ихъ смыслъ тѣми, въ чьей душѣ эта длительная война разожгла дремавшіе инстинкты? Озлобленное ожесточеніе противъ врага съѣтъ много моральнаго зла и уже несетъ свои плоды. Даже и теперь, послѣ доблестныхъ подвиговъ, оказанныхъ на войнѣ народными учителями, нѣкоторые органы печати не могутъ простить имъ прошлыхъ „грѣховъ“ и предостерегаютъ ихъ отъ новаго увлеченія „утопіями“ гуманизма и пацифизма послѣ войны. Недавно извѣстный педагогъ Фердинадъ Бюенсонъ, ставя вопросъ о будущихъ судьбахъ школы, писалъ, что многіе народные учителя вернутся съ войны такими же, какими они были раньше: „предоставляя право силѣ, они останутся при мысли, что человѣчество не можетъ жить безконечно при томъ же строѣ, что животный міръ“... Газета „Temps“ не преминула возразить на это, что важно не столько,

что учителя будутъ думать въ глубинѣ души, сколько что они будутъ преподавать: важно предрѣшить, могутъ ли „мечтанія“ объ отдаленныхъ трансформацияхъ міра найти мѣсто въ урокахъ, предназначаемыхъ для дѣтей...

На ряду съ такими „предостереженіями“ можно встрѣтить въ печати и прямые слѣды того одичанія, которое несетъ съ собою война. Такъ, напримѣръ, по поводу анкеты о числѣ безграмотныхъ среди призываемыхъ новобранцевъ 1917 года издающаяся въ университетскомъ городѣ (Монпелье) консервативная газета „L'Eclair“ (10 сентября 1915 г.) напечатала передовую статью, представляющую не что иное, какъ панегирикъ безграмотности. „Подумайте прежде всего о тѣхъ удивительныхъ хитростяхъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть этимъ безграмотнымъ солдатамъ, чтобы достигнуть ихъ возраста, не научившись ни читать, ни писать... Съ какимъ изумленіемъ мы должны смотрѣть на этихъ молодыхъ людей, которымъ удалось разбить всѣ интриги, миновать всѣ козни, строямыя обществомъ для того, чтобы заставить ихъ научиться чтенію и письму! Тщетно былъ вотированъ законъ объ обязательномъ обученіи, тщетно воздвигались школы на всей территоріи страны, тщетно учителя—свѣтскіе и духовные—разыскивали учениковъ, тщетно мэры и жандармы преслѣдовали не являвшихся въ школу,—эти молодые люди все-таки сумѣли остаться безграмотными! Вокругъ нихъ тысячи ихъ согражданъ стыдили ихъ, указывая имъ на дѣтей, умѣющихъ читать и писать; вокругъ нихъ находились въ обращеніи безчисленные, читавшіяся нарасхватъ газеты; они получали письма, которыхъ они не въ состояніи были прочесть; ничто ихъ не трогало, ничто ихъ не соблазняло... они рѣшительно оставались замкнутыми для алфавита. Развѣ это не замѣчательный примѣръ твердой воли?.. Когда-то полагали, что невѣжество есть главный источникъ преступленій. Вспомните строки Виктора Гюго противъ смертной казни и его возгласъ: „Не отдавайте эту голову подъ топоръ гильотины, а просвѣтите ее!“ То была одна изъ многочисленныхъ иллюзій этого великаго поэта, который былъ очень посредственнымъ фило-

софомъ и еще болѣе посредственнымъ политикомъ. Съ тѣхъ поръ просвѣщеніе распространилось, а преступность возросла...“

Конечно, эта фраза о существующей будто бы причинной связи между большей доступностью образованія и ростомъ преступности не разъ встрѣчалась и раньше; это было даже излюбленное оружіе въ рукахъ враговъ свѣтской школы, но такая полная цинизма „похвала“ безграмотности могла развернуться только подъ влияніемъ дикихъ инстинктовъ, порождаемыхъ войною.

Къ счастью, какъ на это указываетъ и Фердинандъ Бюиссонъ, учителя, стоявшіе на передовыхъ постахъ демократіи, остаются вѣрны идеаламъ, за которые они всегда боролись. Вотъ что пишетъ своимъ ученикамъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей синдикальнаго движенія среди учителей, Эмиль Глей (Glai): „Придеть день, когда мы снова увидимся и когда я расскажу вамъ, что такое война и какъ современные французы умѣютъ сражаться, отличаясь всеми доблестями своихъ предковъ. Но на этотъ разъ борьба, которую мы ведемъ, будетъ имѣть то преимущество, что она освободитъ Европу отъ опасностей, каковыми ей угрожали все тѣ, кто стремился образовать государства не на основахъ справедливости и права, а опираясь на силу и привилегіи. Борясь противъ враговъ свободы, мы думаемъ также о борьбѣ за лучшую организацію нашей соціальной жизни, гдѣ вы—люди будущаго—познаете строй, который предоставитъ всемъ трудящимся полное пользованіе своимъ трудомъ“.

Характерно то, что авторъ приведенныхъ строкъ, синдикалистъ и одинъ изъ вице-предсѣдателей „Лиги правъ чело-вѣка“, ушедши на войну простымъ солдатомъ, получилъ на фронтѣ рядъ повышеній и отличій за храбрость и доблестные подвиги.

Французское министерство народнаго просвѣщенія подготовило къ международной выставкѣ въ Санъ-Франциско рядъ брошюръ, посвященныхъ каждая отдѣльной научной отрасли

и дающихъ краткій, но обстоятельный отчетъ о достигнутыхъ въ соответствующей отрасли знанія успѣхахъ во Франціи. Къ каждому такому выпуску приложенъ библиографическій списокъ важнѣйшихъ научныхъ трудовъ. Всѣ эти отдѣльные очерки собраны, къ тому же, въ два большихъ, прекрасно изданныхъ тома, носящихъ общее заглавіе: „La Science française“ („Французская наука“). Каждый очеркъ написанъ выдающимся авторитетомъ въ данной научной области. Такъ, очеркъ по философіи принадлежитъ перу Бергсона, по социологій—Дюркгейму, по математическимъ наукамъ—Полю Аппелю и т. д. Особый очеркъ посвященъ „наукѣ воспитанія“ („La science de l'éducation“); авторъ его, Поль Лапи (Paul Lapie), начинаетъ исторію французской педагогій съ XVI вѣка, подробно останавливаясь на педагогическихъ идеалахъ Рабля и Монтэня; охарактеризовавъ затѣмъ педагогическіе принципы Декарта, янсенистовъ и Фенелона, авторъ рельефно обрисовываетъ огромную роль, сыгранную въ педагогической литературѣ Жанъ-Жакомъ Руссо, но особое вниманіе удѣлено „либеральной педагогій“ XIX вѣка, которая легла въ основу начального образованія, какъ оно было намѣчено еще Кондорсе и осуществлено третьей республикою; послѣднія страницы очерка посвящены трудамъ экспериментальной психологій, представленной, главнымъ образомъ, покойнымъ Альфредомъ Бине и его учениками.

Левъ Шейнисъ.

ПАМЯТИ

Профессора Федора Федоровича Эрисмана.

Въ этомъ мѣсяцѣ мы получили телеграфное извѣщеніе изъ Цюриха, что тамъ скончался профессоръ Федоръ Федоровичъ Эрисманъ. Не только Москва, гдѣ прошелъ почти 20-ти лѣтній періодъ кипучей, научной, просвѣтительной дѣятельности Федора Федоровича, но вся интеллигентная Россія еще ярко помнитъ, кто былъ Эрисманъ.

Теперь протекъ тоже почти 20-лѣтній промежутокъ, какъ Россія невольно разсталась съ крупной, творческой, обаятельной личностью покойнаго, но какъ живо, ярко встаетъ въ нашей памяти его сильная, благородная фигура!

По происхожденію и воспитанію швейцарецъ (Цюрихъ), онъ, окончивши образованіе и получивъ степень доктора медицины, занялся специально глазами болѣзнями¹⁾.

Какъ врачъ-офтальмологъ, Эрисманъ появляется въ 1869-мъ году у насъ въ Россіи—въ Петербургѣ. Надо предположить, что существовавшее въ то время движеніе нашей учащейся молодежи за границу для продолженія образованія и, между прочимъ въ Цюрихъ, содѣйствовало тому, что молодой, цвѣтущій, талантливый ученый, познакомившись съ нашей передовой молодежью, рѣшился пріѣхать въ Россію.

Недолго Эрисманъ занимался офтальмологіей, его тянула къ себѣ другая сфера знаній, именно основъ человѣческаго здоровья—гигіена, и онъ рѣшился сдѣлаться гигиенистомъ.

Къ этому переходному времени въ дѣятельности Эрисмана относится первый его трудъ написанный въ Россіи; трудъ этотъ появился въ 1870 году и былъ блестящимъ первымъ опытомъ Эрисмана въ области гигиены, работа эта по школьной гигиенѣ²⁾, обращающая вниманіе общества на необходимость переустройства школъ, до сихъ поръ не потеряла своего научнаго значенія. Въ слѣдующіе годы появляются его другія работы,—это изслѣдованія жилищъ бѣдности³⁾, и какъ это знаменательно! Этими работами уже въ молодомъ ученомъ (ему было тогда 27 л.) намѣчалось въ области избранной

1) Есть нѣкоторыя свѣдѣнія, что онъ въ то время изучалъ, между прочимъ, соціальныя науки.

2) „Вліяніе школъ на происхожденіе близорукости, по наблюденіямъ надъ учащимися въ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ. 1870 г.“

3) „Настоящее состояніе въ санитарномъ отношеніи домовъ Кн. Вяземскаго въ Петербургѣ“ („Архивъ Суд. Медицины и Общ.-Гигіены Іюнь 1871 г.“). „Подвальный жилища въ Петербургѣ“ (Архив. Суд. Мед. и Общ. Гиг. Сент. и дек. 1871.“) „Жилищная гигиена“ („Педаг. Сборникъ, издав. глав. упр. военно-учебн. зав.“ 1187 и 1872 г.г.).

имъ науки направленіе на всю его жизнь; какъ въ 1871 году, такъ и въ 1915 году онъ оставался вѣренъ и преданъ охранѣ главнымъ образомъ здоровья—народа, рабочихъ, бѣдности.

Въ 1872-мъ году Эрисманъ временно уѣзжаетъ за границу, гдѣ занимается въ физиологическомъ кабинетѣ профессора Фойта и въ гигиенической лабораторіи извѣстнаго ученаго Петтенкофера. Будучи еще за границей и затѣмъ въ слѣдующіе года, онъ составляетъ обширное руководство гигиены, печатавшееся въ „Сборникѣ сочиненій по суд. мед. и обществ. гиг.“—въ 1872—1875 г.г. ¹⁾. Къ этому времени Эрисманъ получаетъ уже такую извѣстность, что въ 1877—78 г.г. онъ приглашается главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ руководить дезинфекціонными работами на театрѣ военныхъ дѣйствій русской арміи за Дунаемъ.

Въ виду появленія многихъ выдающихся трудовъ Эрисмана какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ, совѣтъ московскаго университета въ 1882 г. удостоиваетъ его степени доктора медицины и избираетъ его на кафедру гигиены.

Въ дальнѣйшемъ дѣятельность Эрисмана въ Россіи идетъ двойнымъ теченіемъ. Съ одной стороны, онъ какъ профессоръ создаетъ въ московскомъ университетѣ кафедру научной гигиены съ образцовымъ гигиеническимъ институтомъ, первымъ въ Россіи. Спавшая до сего время наука, просыпается. И студенты, и молодые врачи получаютъ въ научно-образцовой школѣ талантливаго профессора строго научное и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненное направленіе. Пять томовъ изданнаго сборника работъ гигиенической лабораторіи московскаго университета свидѣтельствуютъ объ этомъ.

¹⁾ Кромѣ приведеннаго руководства по гигиенѣ, Эрисманомъ были составлены слѣдующіе руководства и курсы: „Профессиональная гигиена“ Спб. 1877. „Общедоступная гигиена“, Спб., 1878 г.; „Курсъ гигиены“, Москва 1887—88 г. и „Краткій учебникъ по гигиенѣ“, Москва 1898 г. „Руководство къ гигиенѣ“. „Библиотека врача“ 1898—99 г.; Курсы гигиены съ приложеніемъ 6 лекцій по санитарнымъ вопросамъ. Москва 1887 г. и 1912. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ переведены на нѣмецкій, шведскій, венгерскій, голандскій и друг. языки.

Съ другой стороны, рядомъ съ этой университетской работой, Эрисманъ становится виднымъ, творческимъ работникомъ въ московскомъ земствѣ и въ московскомъ городскомъ самоуправленіи. Всѣ крупныя здѣсь начинанія въ санитарной области того времени или являлись по его инициативѣ, или при самомъ ближайшемъ, активномъ его участіи. Этими своими работами Эрисманъ связалъ интересъ науки съ непосредственными, жизненными интересами общества.

Въ земствѣ онъ, между прочимъ, принимаетъ на себя широкія санитарныя изслѣдованія фабричныхъ заведеній, задуманныя еще въ 1875 г. и начавшіяся съ появленіемъ Эрисмана. Это грандіозное дѣло—одинъ изъ памятниковъ нашему земству—едва-ли извѣстно нашимъ читателямъ. Въ 1875 г. московское губ. земство задумало обслѣдовать санитарное состояніе фабрикъ и заводовъ, находящихся въ районѣ Московск. губ., имѣя въ виду предупредительныя мѣры, которыя могли вытечь изъ этихъ изслѣдованій—противъ распространенія сифилиса черезъ фабрики среди сельскаго населенія. Но съ теченіемъ времени, при разработкѣ программы обслѣдованія фабрикъ, выяснилась самая тѣсная связь между гигиеническимъ состояніемъ фабричныхъ заведеній и общими санитарными условіями сельскаго населенія, въ особенности въ тѣхъ уѣздахъ, которые богаты фабриками и заводами. Земство тѣмъ болѣе придавало значеніе такому изслѣдованію, что имѣло право издавать для фабрикъ обязательныя санитарныя постановленія. Земствомъ, при ближайшемъ участіи Эрисмана, была выработана широкая программа обслѣдованія и блистательно выполнена Эрисманомъ при участіи санитарныхъ врачей А. В. Погожева и Е. М. Дементьева. Въ программу были, между прочимъ, включены вопросы: подробное санитарн. описаніе фабрикъ, мастерскихъ и жилищъ рабочихъ, численность рабочихъ, ихъ возрастъ, полъ, семейное положеніе, условія найма, рабочій день, заработная плата, внутренній распорядокъ на фабрикахъ, условія жизни рабочихъ,—въ частности положеніе рабочей женщины и дѣтей; были вопросы относящіеся къ продовольствію рабочихъ,

устройства лавокъ заборныхъ, бань, яслей, школъ и проч.; были въ программѣ вопросы, относящіеся къ болѣзненности рабочихъ, къ организаціи медицинской помощи и, наконецъ, по программѣ были произведены измѣренія роста, грудной кѣтки рабочихъ, вѣса и силы рабочихъ. Данныя, полученныя по такой обширной и интересной программѣ, касавшіяся до 1080 фабричныхъ заведеній съ 114.000 рабочихъ ¹⁾ и при томъ собранныя лицами вполне къ этому подготовленными, подробно обрисовывали положеніе рабочихъ и въ частности открывали много темныхъ сторонъ фабрично-заводской промышленности, выяняли опасность, вредъ, увѣчья многихъ производствъ и давали земству обоснованный матеріалъ къ составленію обязательныхъ, санитарныхъ постановленій для фабрикъ и заводовъ и затѣмъ для установленія у насъ первой фабричной инспекціи по наблюденію за фабриками и заводами. Изъ переданнаго здѣсь матеріала по изслѣдованіямъ фабричныхъ заведеній можно видѣть, какое богатство въ нихъ заключается и какъ эти изслѣдованія были цѣнны и необходимы для земства. Такихъ работъ, въ томъ масштабѣ, въ которомъ онѣ велись, — не имѣется въ Европѣ. Кромѣ производства санитарныхъ изслѣдованій фабрикъ и заводовъ, Эрисманъ одинъ изъ первыхъ санитарныхъ врачей московскаго земства принималъ самое ближайшее участіе въ созданіи всей стройной санитарной организаціи московск. зем., сдѣлавшейся потомъ образцовой, примѣрной для всей земской Россіи. Вообще нужно сказать, что за всю бытность Эрисмана профессоромъ въ московскомъ университетѣ, не проходило ни въ земствѣ, ни въ городѣ ни одного санитарнаго дѣла, ни одной серьезной санитарной мѣры безъ его активнаго, близкаго участія. Онъ участвуетъ въ разработкѣ плана канализаціи и водопровода въ Москвѣ, онъ организуетъ городскую лабораторію при гигиеническомъ университетскомъ институтѣ, онъ принимаетъ участіе въ

¹⁾ Вся эта работа издана московск. губ. земствомъ въ 19 книгахъ, сопровождаемая многочисленными таблицами и диаграммами.

устройствѣ санитарнаго надзора за городскими школами и проч. и проч.

Уже изъ переданнаго видно, какого жизненнаго направленія держался Эрисманъ въ своей научной дѣятельности. Это направленіе вводило его на съѣзды врачей, скажемъ больше: требовало его участія на нихъ. Онъ былъ предсѣдателемъ и душой земскихъ съѣздовъ врачей Московской губерніи, онъ былъ однимъ изъ основателей и первымъ предсѣдателемъ московскаго гигиеническаго общества, онъ былъ однимъ изъ учредителей общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова и руководителемъ первыхъ съѣздовъ этого общества. Какъ въ этихъ обществахъ и съѣздахъ, такъ и въ другихъ, онъ вездѣ держалъ свой авторитетный, научный камертонъ, вездѣ удачно соединяя науку съ жизнью.

Мы живо помнимъ его участіе на десятомъ съѣздѣ земскихъ врачей Московской губерніи, гдѣ онъ, будучи предсѣдателемъ, дѣлаетъ свое резюме въ концѣ съѣзда, которое окончилъ такъ: „если мы сравнимъ теперь стройную организацію земской медицины настоящаго времени съ тѣмъ, что было во время перваго съѣзда земскихъ врачей Московской губ., то мы поражаемся крайней быстротой ея развитія. Несомнѣнно, что это было возможно только благодаря привлеченію къ этому дѣлу мѣстныхъ дѣятелей. Это одинъ изъ благотворныхъ результатовъ призыва къ жизни общественныхъ силъ, раздавшагося съ царскаго престола 25 л. тому назадъ. Прибавлю, что это широкое развитіе земской медицины налагаетъ большія нравственныя обязанности на всѣхъ, которые судьбой призываются далѣе двигать, урегулировать и упорядочить это дѣло, и мы можемъ только пожелать, чтобы люди, которые въ той или другой формѣ будутъ имѣть прикосновеніе къ нашей земской медицинѣ, прикасались бы къ ней осторожно, такъ сказать, въ перчаткахъ“.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ и изъ просмотра всѣхъ трудовъ проф. Эрисмана видно, что центръ тяжести большинства ихъ сводится къ вопросамъ *общественной гигиены*, здѣсь находили примѣненіе его стремленія, его влеченія, здѣсь

они находили свой разрядникъ; мы не можемъ отказать себѣ въ слѣдующей выпискѣ изъ предисловія къ его книгѣ „Профессиональная гигиена или гигиена умственного и физическаго труда“:

„Общественная гигиена еще слишкомъ мало пользуется вниманіемъ и сочувствіемъ нашего образованнаго общества. Замѣчательно, что внезапныя несчастія, поражающія народонаселеніе, всегда производятъ сильное впечатлѣніе на людей, не поглощенныхъ стремленіями къ личному довольству; въ виду такихъ несчастій нерѣдко даже лица, всю свою жизнь занимавшіяся лишь эксплуатаціею своихъ ближнихъ, вдругъ настраиваются на возвышенную ноту и приносятъ значительныя пожертвованія на алтарь отечества или человѣчества... Когда, во время войны, сразу погибаютъ тысячи людей, тогда мы ясно сознаемъ, что тутъ нужна помощь, что нельзя оставить пострадавшихъ на произволъ судьбы. Это весьма похвально. Но зачѣмъ относимся мы индифферентно къ тому печальному явленію, что влѣдствіе неблагопріятныхъ гигиеническихъ условій годъ за годъ изъ каждаго города, изъ каждой деревни уносится на кладбище множество несчастныхъ тружениковъ, которые при лучшихъ условіяхъ могли бы еще долго жить полезными членами общества? Почему не волнуетъ насъ ежегодная потеря государствомъ множества рабочихъ силъ, наносящая гораздо больше чувствительные убытки, чѣмъ причиняютъ ему временныя катастрофы, зависящія отъ историческихъ событій или отъ рокового дѣйствія силъ природы?... Правда, устраненіе хроническихъ недуговъ, обусловливаемыхъ социальнымъ строемъ и культурнымъ состояніемъ общества, достигается гораздо труднѣе, чѣмъ облегченіе моментальнаго бѣдственнаго положенія населенія, и потому мы не можемъ надѣяться на возможность поставить все сословія и профессіи въ скоромъ времени въ хорошія гигиеническія условія,—но этимъ не оправдывается господствующее равнодушіе публики къ вопросамъ общественной гигиены, имѣющимъ въ то же время великій государственный интересъ. Задача популярной

гигіенической литературы—возбудить сочувствіе общества къ этимъ вопросамъ, убѣдить его въ важности нормальнаго устройства жизни и призывать его къ живой дѣятельности на этомъ поприщѣ“.

Съ цѣлью провести гигиеническія познанія въ общество для созданія болѣе нормальной жизни Эрисманъ пользуется въ 1888 году юбилейной выставкой Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ и организуетъ на ней гигиеническій отдѣлъ, въ которомъ, между прочимъ, былъ собранъ богатый матеріаль, наглядно представляющій требованія школьной гигиены; все это было изображено въ рисункахъ, таблицахъ, діаграммахъ, чертежахъ, и тамъ же была устроена образцовая классная комната согласно съ требованіями современной медицины. Всѣ эти предметы представлялись тогда впервые и имъ давались Ф. Ф. и его ближайшими учениками-врачами объясненія и производили, мы помнимъ, сильное впечатлѣніе на посѣтителей выставки.

Вообще требуется сказать, что вопросы по школьной гигиенѣ особенно были Эрисману, что называется, по душѣ. Мы отмѣтили выше, что первая его работа, написанная на русскомъ языкѣ, была по школьной гигиенѣ („Вліяніе школы на происхожденіе близорукости“), и впоследствии во всю его дѣятельность вопросы школьной гигиены почти не сходили съ его рабочаго стола. Отмѣтимъ здѣсь слѣдующія его работы по школьной гигиенѣ, появившіяся на русскомъ языкѣ: по вопросу о наилучшемъ устройствѣ классной мебели, образцовая классная комната согласно требованіямъ современной медицины, о санитарныхъ мѣрахъ противъ распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ и черезъ школы, искусственное освѣщеніе въ классныхъ комнатахъ, санитарная обстановка учебныхъ заведеній, о переутомленіи, школьно-гигиеническіе вопросы въ Германіи и друг.

Мы счастливы были, что при приѣмѣ нами редактированія журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ вмѣстѣ съ нимъ приобрѣли и такого виднаго сотрудника, какъ Ф. Ф. Самое принятіе журнала въ свое редактированіе рѣшалось нами при

совѣщаніи съ Ф. Ф. Онъ тогда высказывался приблизительно такъ: да, вы не педагогъ, но это къ лучшему; вы чужды и свободны отъ той односторонности, которая сейчасъ очень часто характерна для педагоговъ; вы, конечно, поведете журналъ не одинъ; наконецъ, имѣть въ настоящее время печатный органъ въ своихъ рукахъ, слѣдовательно, имѣть возможность говорить съ своей родиной—это большое преимущество.—Теперь все это вспоминается и живо переживается.

При всей своей кипучей и сложной дѣятельности Ф. Ф. находилъ возможность помѣстить въ „Вѣстникъ Воспитанія“ слѣдующія свои работы: „Санитарная обстановка учебныхъ заведеній, двѣ публичныя лекціи“; „Рѣчь, сказанная при открытіи Московскаго гигиеническаго общества, (посвящена памяти основателя журн. „Вѣстн. Воспитанія“ Е. А. Покровскаго); „Классные столы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ“.— „Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ и борьба съ алкоголизмомъ среди молодежи“; „Школьно-гигиеническіе вопросы въ Германіи“.

Мы отмѣтили въ этой журнальной статьѣ только часть того, что было сдѣлано Эрисманомъ. Мы ничего не говорили о его участіи при постройкѣ грандіозныхъ новыхъ университетскихъ клиникъ въ Москвѣ, о его участіи въ обсужденіи многихъ земскихъ и городскихъ санитарныхъ мѣропріятій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, куда онъ былъ приглашаемъ, мы не говорили ничего о его выступленіяхъ на международныхъ съѣздахъ, о его редактированіи за границей школьно-санитарнаго журнала, о его участіи въ періодической медицинскій и общей прессѣ и проч. и проч. Все это затруднительно для насъ сейчасъ даже и перечислить, а не только оцѣнить. Намъ думается, все это впереди, и долгъ многочисленныхъ его учениковъ изобразить полностью всю дѣятельность Ф. Ф. и почтить его память какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, достойнымъ его имени.

Судьба послала Россіи этого крупнаго человѣка, лучшіе годы его жизни и дѣятельности принадлежали Россіи, съ которой онъ сжился и которую любилъ. Мы видѣли выше,

какъ многообразна была дѣятельность Ф. Ф. и какихъ жизненныхъ вопросовъ она касалась. Какъ глубоко онъ вникалъ въ смыслъ происходящихъ у насъ явленій, какъ сумѣлъ понять ихъ, подойти къ нимъ и внести въ нихъ новое, преобразующее! Глубокій, просвѣтительный, цивилизующій слѣдъ оставилъ онъ въ нашемъ отечествѣ. Человѣкъ съ такою дѣятельностью и вліяніемъ несомнѣнно у каждаго народа былъ бы гордостью. У насъ случилось не совсѣмъ такъ.

Въ 1894 году, когда Ф. Ф. занималъ кафедру гигиены въ московскомъ университетѣ, въ этомъ послѣднемъ произошли, обычныя въ жизни русскихъ университетовъ, студенческія волненія, о которыхъ приведемъ слѣдующія данныя, недавно опубликованныя въ журналѣ „Голосъ Минувшаго“.

Въ упомянутыхъ сейчасъ волненіяхъ часть московской профессуры не осталась безучастной къ судьбѣ пострадавшихъ студентовъ, и въ результатъ была направлена московскому генераль-губернатору, великому князю Сергѣю Александровичу извѣстная петиція за подписью 42 профессоровъ. Профессора, „какъ наставники учащейся молодежи“, признавали „своимъ долгомъ“ явиться „защитниками“ студентовъ, особенно въ тотъ моментъ, когда они подверглись „карѣ, превышающей ихъ вину“. Въ петиціи указывалось, что высылка полиціей болѣе 40 человѣкъ изъ Москвы на три года и лишеніе ихъ такимъ образомъ возможности окончить университетскій курсъ является наказаніемъ несоразмѣрно тяжелымъ. Мотивами выставлялось то, что многіе изъ высланныхъ успокаивали волненія студентовъ, что среди нихъ многіе подавали большія надежды своими успѣшными занятіями, что высылкѣ подверглись участники землячества, между тѣмъ какъ они могли считать „это общество (то-есть землячество) негласно разрѣшеннымъ“ (какъ университетскими, такъ и полицейскими властями). Съ другой стороны, профессора указывали, что высланные студенты подлежали во всякомъ случаѣ университетскому суду, а не полицейской карѣ. Вмѣшательство полиціи въ чисто университетскія дѣла вызываетъ еще

большее волненіе среди студентовъ. По сему подписавшіе петицію ходатайствовали передъ генераль-губернаторомъ о возвращеніи высланныхъ, не обвиняющихся въ „какихъ-либо политическихъ преступленіяхъ“, о невмѣшательствѣ полиціи въ университетскія дѣла. И наконецъ, петиціонеры указывали „на не вполнѣ цѣлесообразную постановку вопроса“ объ университетскомъ судѣ вообще. „Судъ,—говорили они, вездѣ выдѣленъ изъ сферы административныхъ властей, лишь въ университетахъ это не имѣетъ мѣста“: судъ производится административнымъ органомъ—правленіемъ, которое къ тому же дѣйствуетъ „безапелляціонно“. Петиція эта вызвала замѣчанія со стороны попечителя учебнаго округа, обрушившагося на записку профессоровъ за то главнымъ образомъ, что профессора какъ бы потворствуютъ злойволѣ студентской организаціи, именуемой „союзнымъ совѣтомъ“ и позволяютъ себѣ „непозволительную инсинуацію“, утверждая, что студенты могли считать студентскія сообщества, какъ бы существующія съ негласнаго вѣдома университетскихъ властей. Замѣчанія попечителя вызвали съ своей стороны официальный отвѣтъ нѣкоторыхъ изъ подписавшихъ петицію профессоровъ. Затѣмъ дѣло пошло по разнымъ инстанціямъ съ различными обслѣдованіями, подходящими къ духу времени. Интересный этотъ моментъ въ жизни московскаго университета мы не имѣемъ возможности здѣсь подробно изложить и отсылаемъ желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ этимъ въ указанный журналъ (№ 5, 1913 г.).

Въ результатѣ „основательнаго обслѣдованія дѣла“ состоялось рѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, въ силу котораго министръ объявлялъ профессорамъ подписавшимъ петицію, что „обращеніе ихъ съ упомянутой просьбой къ представителю высшей мѣстной администраціи, помимо установленныхъ надъ университетомъ ближайшихъ властей, противнымъ порядку служебнаго подчиненія“, „мотивы приведенныя въ подтвержденіе просьбы совершенно неумѣстны“ „и принимая во вниманіе, что содержаніе просьбы профессоровъ, поданной во время броженія среди студентовъ, могло

быть понято ими, какъ осужденіе университетскихъ порядковъ, основанныхъ на законѣ и на распоряженіи министерства, и что такое осужденіе, сдѣлавшись, безъ сомнѣнія, извѣстнымъ студентамъ, могло побудить нѣкоторыхъ ихъ нихъ принять участіе въ беспорядкахъ и вызвать грустныя для сихъ студентовъ послѣдствія“, „я,—заявляетъ министр,—поручаю попечителю учебнаго округа „поставить на видъ профессорамъ“, подписавшимъ петицію,—„неправильность ихъ поступковъ и объявить имъ, что я порицаю ихъ образъ дѣйствій“. Кромѣ того, объявляется выговоръ „главнымъ дѣятелямъ по составленію и представленію вышеуказанныхъ прошеній“—Эрисману, Герье, Чупрову и Остроумову, а затѣмъ послѣдовалъ выѣздъ изъ Россіи Ф. Ф. Такъ разсталась съ Эрисманомъ официальная Россія.

Такія личности, какъ Ф. Ф., не мѣняются въ своей основѣ. Онъ бодро перенесъ ударъ и, возвратившись на свою родину—въ Швейцарію, когда ему уже было 55 лѣтъ, энергично продолжалъ свою научную и общественную дѣятельность. Живя въ Цюрихѣ, онъ, по предложенію Котельманна, принимаетъ редакторство школьно-санитарнаго журнала „Zeitschrift für Schulgesundheitspflege“. Затѣмъ онъ выбирается гласнымъ въ г. Цюрихѣ, въ слѣдующемъ году членомъ инспекціи народныхъ школъ по Цюрихскому округу; въ 1901 г. онъ становится членомъ городской цюрихской управы и, переизбираемый, остается имъ до конца своей жизни; наконецъ, онъ былъ избранъ членомъ кантональнаго совѣта. Всѣ санитарныя организациі большого города были подъ его завѣдываніемъ. Кромѣ того, онъ принималъ въ Цюрихѣ самое ближайшее участіе въ учрежденіяхъ для рабочаго класса и вообще въ выработкѣ мѣръ къ улучшенію положенія рабочихъ.

Забываясь объ интересахъ рабочихъ, Ф. Ф. примыкалъ въ Швейцаріи и къ социаль-демократической рабочей партіи, которая, какъ извѣстно, по своей тактикѣ далека, вслѣдствіе

огромнаго различія въ условіяхъ жизни, отъ русской социаль-демократіи. Да и вообще надо сказать, что Ф. Ф. по своему направленію и политическимъ взглядамъ не принадлежалъ къ числу крайнихъ лѣвыхъ. Въ бытность же свою въ Россіи онъ болѣе всего интересовался культурными задачами, оставаясь, конечно, человѣкомъ прогрессивныхъ и демократическихъ убѣжденій.

Неизмѣнно Ф. Ф. попрежнему продолжалъ посѣщать международныя гигиеническія выставки и сѣзды врачей, являясь на нихъ все съ новыми и новыми вопросами и работами. Тутъ были радостныя встрѣчи его съ своими товарищами, учениками, друзьями изъ Россіи. Такъ, въ 1912 году въ Дрезденѣ на международной гигиенической выставкѣ, пишетъ членъ государственной думы Шингаревъ, „онъ (Эрисманъ) могъ съ гордостью любоваться результатами его трудовъ, положенныхъ въ основу русской общественной медицины. Онъ могъ лишній разъ убѣдиться въ кругу массы пріѣзжихъ русскихъ врачей, какимъ уваженіемъ и любовью пользуется его имя тамъ, гдѣ онъ отдалъ на служеніе народу свои лучшіе молодые годы“.

Дѣйствительно, популярность Ф. Ф. въ Россіи была очень велика, въ особенности, конечно, въ медицинскихъ сферахъ. Русское интеллигентное общество всегда вспоминало съ благодарностью и огромнымъ уваженіемъ о его услугахъ русской наукѣ и русскому земству, что съ яркостью обнаруживалось, напр., на сѣздахъ врачей (пироговскихъ и иныхъ), считавшихъ долгомъ въ своихъ торжественныхъ засѣданіяхъ дѣлать постановленія о посылкѣ привѣтствія Ф. Ф. съ пожеланіемъ возвращенія его въ Россію. Вообще связь Ф. Ф. съ русскими никогда не порывалась. Наши лучшіе земскіе врачи всегда слѣдовали его завѣтамъ и руководились его научными трудами. Но далеко не одни врачи сохраняли свои добрыя отношенія къ Эрисману, находя живой откликъ и съ его стороны.

Кто изъ русскихъ, особенно москвичей, посѣщавшихъ Швейцарію, не зналъ гостепріимнаго домика въ Цюрихѣ на Platten-

strasse, гдѣ съ любовью они встрѣчались любезнымъ хозяиномъ и его семьей и гдѣ они продолжали учиться и находили нравственную поддержку! Живя въ Швейцаріи, Ф. Ф. до послѣдняго времени продолжалъ интересоваться событіями въ Россіи, и по видимому та энергія, которой онъ былъ такъ полонъ, не находила вся своего примѣненія на новомъ мѣстѣ. Когда онъ выслушивалъ съ глубокимъ интересомъ, что дѣлалось въ Россіи, какая тамъ велась сложная борьба, онъ съ завистью говорилъ: „какъ хорошо у васъ, сколько борьбы, плановъ, а вотъ у насъ все опредѣлено, все намѣчено“.

Извѣстно, какое значительное количество учащейся русской молодежи выбирало Швейцарію и въ частности Цюрихъ, отличающийся своими образцовыми высшими учебными заведеніями,—для полученія тамъ высшаго образованія. Вся эта молодежь отправлялась съ родины въ большинствѣ случаевъ малосостоятельная и нуждающаяся въ совѣтахъ и указаніяхъ. И вотъ Ф. Ф. и его семья являлись во многихъ случаяхъ поддерживающими эту молодежь; однимъ облегчали путь къ принятію ихъ въ учебное заведеніе, другимъ подыскивали занятія, третьимъ находили средства и проч. Съ цѣлью облегченія молодежи окончить курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и получить дипломъ, при энергичномъ участіи Ф. Ф. и членовъ его семьи былъ организованъ кружокъ, комитетъ, изъ котораго учащаяся молодежь получала матеріальную поддержку. Не малое количество этой послѣдней оканчивало курсъ только благодаря поддержкѣ этого комитета, и притомъ не только въ Цюрихѣ, но и въ другихъ швейцарскихъ университетскихъ городахъ.

Мы блѣдно, слабо набросали самую общую, краткую характеристику дѣятельности Ф. Ф. Эрисмана. Кто видѣлъ его хоть разъ въ жизни, тотъ уже не могъ его забыть. Когда вы видите передъ собой импозантную, стройную фигуру человека, съ мягкой, увѣренной походкой, съ головой окаймленной сѣдыми волосами и бородой, съ розовыми щеками, голубыми пронзательными, но мягкими, вдумчивыми глазами,

то вы невольно ищите въ обладателѣ ея высокихъ чело-
вѣческихъ чертъ, и онѣ дѣйствительно въ немъ были. Свѣт-
лый, глубокий умъ, соединенный съ энергіей и бодрымъ
настроениемъ, сливался въ немъ съ гуманностью и доб-
ротой, пронизательность съ широкою довѣрчивостью, и
его внѣшняя красота представлялась какъ бы отблескомъ
внутренней красоты. Итъ, онъ никогда не умретъ въ
нашей памяти.

Н. Михайловъ.

Новая книга д-ра Д. Д. Бекарюкова.

„ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ШКОЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ“.

2-ое издание журнала „Вѣстникъ Воспитанія“,
исправленное и дополненное.

Стр. VIII + 577, со многими рисунками, Москва, 1914 г.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Содержаніе:

Отд. I. Школьное зданіе.

Глава I. Мѣстоположеніе и планировка школьнаго зданія. Глава II. Подробности внутренняго устройства. Глава III. Классная комната. Глава IV. Остальные отдѣлы школьнаго зданія. Глава V. Отопленіе. Глава VI. Вентиляція. Глава VII. Поддержаніе чистоты въ школьномъ зданіи и водоснабженіе. Глава VIII. Обстановка классной комнаты.

Отд. II. Гигіена преподаванія.

Глава I. Общія положенія. Глава II. Психофизиологическія основы умственной работы. Умственное утомленіе и способы его изслѣдованія; умственная работоспособность. Глава III. Учебный планъ и распределеніе занятій. Глава IV. Гигиеническія предосторожности при обученіи чтенію, письму, рукодѣлю и пѣнію. Глава V. Гигиеническая оцѣнка нѣкоторыхъ сторонъ школьнаго режима. Глава VI. Физическое развитіе и физическія упражненія.

Отд. III. Гигіена учащихся и учащихся.

Глава I. Общія свѣдѣнія о заболѣваемости въ школахъ. Глава II. Болѣзненные разстройтва, наиболее часто встрѣчаемыя въ школахъ. Глава III. Заразные заболѣванія. Глава IV. Нѣсколько замѣчаній о гигиенѣ учащихся. Глава V. Санитарное благоустройство школы и врачебная работа въ школахъ. Указатель литературы.

Складъ изданія: Москва, Арбатъ, Староконюшенный пер.,
32, контора журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

ШКОЛА и ЖИЗНЬ.

Еженедѣльная общественно-педагогическая газета съ ежемѣсячными приложеніями,

издаваемая въ Петроградѣ подъ общей редакціей Г. А. Фальборна.

Открыта подписка на 1916 г.

6-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета будетъ выходить по прежней программѣ, со слѣд. отдѣлами:

1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризирующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ общей печати. 5) Хроника образованія, въ которой первое мѣсто будетъ удѣлено дѣятельности законод. учрежд. правительства, мѣстнаго самоуправленія и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи, славянскихъ земляхъ и за границей. 7) Обзоръ спеціальной литературы, русской и иностранной.

Откликаясь на всѣ вопросы школьной жизни, газета удѣляетъ особое вниманіе положенію народнаго учителя, реформѣ средней школы, внѣшкольному просвѣщенію.

Въ числѣ приложеній на 1916 г. будутъ даны: сборники по физическому воспитанію и по національному воспитанію; по вопросу о среднешкольной реформѣ будетъ данъ переводъ новѣйшаго коллективнаго труда американскихъ педагоговъ подъ редакціей проф. Монро—„Основы средняго образованія“, „Педагогика“ Ганеберга—единственный опытъ построенія педагогики на широкихъ демократическихъ основахъ, и другія книги,—въ общемъ не менѣе 70 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на газету съ ежем. безплат. прил. съ доставкой и пересылкой на годъ
6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 2 мѣс.—2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Главной Конторѣ (Петроградъ, Лиговская ул., 87), во всѣхъ почт.-телегр. отд. и солидныхъ книжныхъ магазинахъ. Пробныя №№ высылаются бесплатно.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: Цѣна за строку нонпарели (при 4 столбцахъ въ страницѣ): позади текста—25 коп.; передъ текстомъ—40 коп.; на обложкѣ—60 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

на 1916 г.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

на журналъ для матерей и воспитательницъ

„Дошкольное Воспитаніе“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Пропаганда идей дошкольнаго воспитанія, особенно народныхъ дѣтскихъ садовъ, и сближеніе послѣднихъ со школой. 2) Психологія дѣтства и экспериментальная педагогика. 3) Теорія и практика дѣтскаго сада: образцы уроковъ, бесѣдъ, игръ, работъ, пѣсенъ и т. п. 4) Гигіена дѣтскаго возраста и физическое воспитаніе дѣтей. 5) Критика и библиографія. Обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ. 6) Педагогическая хроника. 7) Письма въ редакцію. 8) Объявленія.

Въ журналъ принимаютъ участіе:

академ. В. М. Бехтеревъ, М. В. Безобразова, К. Н. Вейтцель, Н. А. Вукотичъ, докторъ А. В. Владимірскій, З. С. Веселкина, А. А. Дернова-Ермоленко, А. С. Дараганъ, П. Егуновъ, Е. П. Залѣсская, И. Зарницына, Е. И. Иорданская, П. Ф. Каптеревъ, Н. Каринцевъ, Е. Н. Кашкалова, Н. С. Карлевъ, Е. П. Ковалевскій, В. С. Костромина, Н. Д. Лубенецъ, Т. Г. Лубенецъ, К. В. Маевская, Н. Мордвинова, А. Ф. Музыченко, В. Мурзиевъ, М. О. Петерсенъ, А. Н. Пѣшкова-Толыбѣрова, В. П. Родниковъ, Е. Е. Соловьева, Е. Н. Сахновская, М. Х. Святвицкая, А. С. Симоновичъ, М. И. Страхова, Е. Н. Тихѣва, Л. С. Тезавровская, Л. П. Товстоногъ, Г. А. Фальборкъ, А. Е. Цвѣткова, Е. М. Чарнолуская, М. Черняева, М. А. Чехова, Н. В. Чеховъ, Екатерина Янжулъ, Э. В. Яновская и др.

Журналъ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіе дѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждомъ № журнала будетъ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 2 р. 50 к. въ годъ; на $\frac{1}{2}$ года—1 руб. 50 к. Цѣна отдѣльнаго № въ розничной продажѣ **30 коп.** За перемѣну адреса—25 коп.

Оставшіеся неполные комплекты журнала за 1911 г. высылаются за 1 р. 50 к., полные комплекты за слѣдующіе годы—2 руб. 50 к. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Стрѣлецкая, 4, кв. 3), въ магазинѣ „Дошкольное Воспитаніе“ (Кіевъ, Прорѣзная, № 4) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Изданіе Кіевского Общества Народныхъ Дѣтскихъ Садовъ.

Редакторъ Н. Д. Лубенецъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ

на

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ“

для учащихся народныхъ школъ Полтавской губерніи.

Изданіе Полтавскаго Губернскаго Земства, 3 г. изданія. Журналъ выходитъ не менѣе 12 разъ въ годъ. **Цѣна 2 руб.** въ годъ.

Адресъ редакціи: Полтава, Губ. Зем. Упр. Педаг. Бюро.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 годъ

на старѣйшій изъ педагогическихъ журналовъ

Педагогическій Сборникъ, 52-й годъ изданія.

Выходить ежемѣсячно книжками отъ 5 до 12 печатныхъ листовъ.

Въ неофициальной части 1915 года были, между прочимъ, помѣщены статьи: С. Н. Брагловскій. Старое и новое въ методикѣ сочиненій по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Алексѣй Флѣровъ. Замѣтки личнаго опыта. В. Селивановъ. Современные вопросы „теоріи историческаго знанія“ въ связи съ задачами методики исторіи и состояніемъ нашей учебной исторической литературы. М. Г. Попруженко. Темы по математикѣ. И. И. Полянскій. Историко-критическій обзоръ основныхъ моментовъ методики начального естествовѣдѣнія. В. П. Будановъ. Школьные географическіе кабинеты и ихъ оборудованіе. А. Д. Бутовскій. Воспитаніе и тѣлесныя упражненія въ англійскихъ школахъ. Н. С. Дрентельнъ. Въ дѣбряхъ нашей популярно-научной литературы. Э. Кривинъ. Руссо—источникъ новѣйшихъ теченій въ нѣмецкой педагогикѣ. И. С. Симоновъ. Записки К. Д. Кавелина о преподаваніи „законовѣдѣнія“ въ русскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Борисъ Флейшеръ. О желательности нѣкоторыхъ мѣропріятій въ интересахъ большаго развитія самостоятельности нашихъ кадетъ. Статьи, замѣтки и рецензіи: Ал. Ник. Острогорскаго, П. Ф. Кантерева, Ап. Ник. Макарова, А. Постникова, М. Гр. Попруженко, Н. С. Дрентельна, А. С. Рождественна, В. Л. Розенберга, И. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Н. Бахтина, К. Лѣнилова, В. П. Буданова, С. Бернштейна, Н. Саввина, А. Налимова, А. П. Флѣрова, М. Д. Приселкова, С. А. Переселенкова, Н. П. Покотило, Евг. Лозинскаго, К. Житомирскаго, Вл. Шидловскаго, Е. Е. Семашкевича, Н. К. Михайловскаго, Б. Флейшера, А. С. Азарьева, С. Траиллина и др. Въ приложеніи къ журналу печатается „Краткій отчетъ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній“ за очередной годъ, включающій работы отдѣловъ: 1) Русскаго языка, 2) Математики, 3) Физики, механики и космографіи, 4) Естествовѣдѣнія, 5) Географіи, 6) Графическихъ искусствъ и 7) Иностранныхъ языковъ (разборъ учебныхъ программъ, пособій и книгъ, обзѣвъ мѣстныхъ (преподавателей-практиковъ и ученыхъ спеціалистовъ) вообще по всѣмъ вопросамъ преподаванія въ средней школѣ.

Подписная цѣна съ доставкой 5 руб. Иногородніе адресуютъ въ редакцію: *Петроградъ, Тучковъ пер., д. 11, кв. 11.*

Редакторъ И. С. Симоновъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915—16 годъ

(съ сентября 1915 по сентябрь 1916 г.) (Годъ девятый.)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ“.

для учителей и родителей.

(Органъ реформы школьнаго и семейнаго воспитанія и образованія.)

Подъ редакціей **И. Горбунова-Посадова.**

Журналь „Свободное Воспитаніе“ имѣетъ своюю цѣлью разработку вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самодѣятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ трудѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

Въ связи съ основной задачей журнала стоятъ слѣдующія задачи: 1) разработка вопроса о реформѣ личной, семейной и общественной жизни въ смыслѣ измѣненія самыхъ условий воспитанія и 2) содѣйствіе защитѣ дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія образованія и самообразованія.—2) Статьи, очерки и разсказы изъ семейной, школьной и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія.—3) Статьи о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни.—4) Статьи по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи.—5) Статьи о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ для трудового населенія.—6) Статьи по ручному труду (земледѣльческому и т. д.).—7) Статьи по природооудѣнью, устройству экскурсій и т. д.—8) Очерки по вопросамъ гигиены дѣтства и юношества.—9) „Изъ книги и жизни“. Обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія.—10) Переписка между всѣми интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія.—11) Вопросы и отвѣты редакціи и читателей.—12) Библиографія.—Многія статьи иллюстрируются рисунками, изображающими работы передовыхъ школь, дѣтскихъ садовъ и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ доставкой и пересылкой **3 руб.** Для сельскихъ учителей съ доставкой и пересылкой на годъ—**2 руб.** Подписка принимается—въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи „Свободное Воспитаніе“ (Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. 8).

12 книгъ и до
1300 ст., до
500 иллюстр.

Принимается подписка
на 1916 годъ
(8-ой годъ изданія).

12 приложений:
игры, занятія,
— работы.

на иллюстрированный ежемѣсячный журналъ
„МАЯКЪ“

Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

Для дѣтей старш. и средн. возраста съ отдѣломъ для маленькихъ.
Задачи журнала.

Редакція „Маяка“ стремится дать дѣтямъ здоровое и интересное чтеніе и способствовать развитію въ дѣтяхъ самодѣятельности, творчества, равной любви къ умственному и физическому труду и дѣятельной симпатіи ко всему живому.

Въ журналъ участвуютъ:

П. А. Буланже, Е. Горбунова, И. Горбуновъ-Посадовъ, С. Дрожжинъ, С. Дурлинь, Н. Живаго, Н. Золотницкій, Л. и Ж. Караваевы, Е. Короткова, В. Лукьянская, Е. Миллицина, И. Наживинъ, С. Покровский, С. Портьцій, Н. Рагоза, Н. Рубининъ, С. Семеновъ, Е. Соломинъ, Н. Ульяновъ, А. Черткова и другіе постоянные сотруду. „Библіотеки И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“.

Въ журналъ „МАЯКЪ“ помѣщаются:

1) Повѣсти, рассказы, сказки, сказанія и стихотворенія. 2) Географическіе очерки и путешествія. 3) Историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей. 4) Бесѣды по естествознанію, наблюденіямъ природы. 5) Объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ. 6) По бѣлу свѣту. 7) Изъ книгъ и журналовъ. 8) Переписка читателей и редакціи. 9) Изъ работъ нашихъ читателей. 10) Смѣсь (игры, шутки, шаралы и т. д.).

Въ числѣ 12 приложений даются книги, рисунки и чертежи о томъ, какъ дѣтямъ самимъ дѣлать интересные для нихъ приборы, машины, какъ дѣлать опыты и наблюденія, какъ рисовать и лѣпить, столарничать, — вообще руководства къ разнымъ занятіямъ и играмъ въ комнатѣ и на открытомъ воздухѣ и т. д.

Въ текстѣ журнала и приложений помѣщается множество иллюстрацій.

Журналъ допущенъ по предварительной подпискѣ въ городскія училища, въ библіотеки ремесленныхъ, профессиональныхъ и техническихъ училищъ всѣхъ типовъ и въ ротныя библіотеки 1-го и 2-го классовъ кадетскихъ корпусовъ. Рекомендованъ для пополненія библіотекъ попечительства о народной трезвости. Подписная плата съ пересылкой въ годъ 4 р., за полгода 2 р. За границу 6 р. въ Москвѣ безъ доставки на домъ въ годъ 3 руб. 50 к., на полгода 1 руб. 75 коп.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи журнала „Маякъ“: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой переул., д. № 8. Журналъ „Маякъ“ за 1909 г. высылается за 2 р. „Маякъ“ за 1910 г. разошелся весь. „Маякъ“ за 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. высылается по 3 руб. за годъ; за 1915 г. — 4 руб. При выпискѣ въ большомъ количествѣ экземпляровъ земствами, городскими управленіями, желѣзными дорогами и т. п. дѣлается скидка въ зависимости отъ числа выписываемыхъ экз. и способа ихъ пересылки. Издательница М. В. Горбунова. Редакторъ И. И. Горбуновъ-Посадовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ (V г. изд.)

ежемѣсячный популярный естественно-историческій съ иллюстраціями въ текстѣ журналъ

„ПРИРОДА“

подъ редакціей проф. Н. К. Кольцова и проф. Л. А. Тарасевича.

РЕДАКТОРЫ ОТДѢЛОВЪ: проф. К. Д. Покровский, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. Л. А. Чугаевъ, проф. Н. А. Шиловъ, ст. минер. Акад. Наукъ А. Е. Ферсманъ, проф. Н. К. Кольцовъ, пр.-доц. В. Л. Комаровъ, проф. Н. М. Кулагинъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, маг. геогр. С. Г. Григорьевъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Философія естествознанія.—Астрономія.—Физика.—Химія.—Геологія съ палеонтологіей.—Минералогія.—Микробиологія.—Медицина.—Гигіена.—Общая біологія.—Зоологія.—Ботаника.—Антропология.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Постоянные отдѣлы: Научныя новости и замѣтки.—Природныя богатства Россіи.—Изъ лабораторной практики.—Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Метеоролог. извѣст.—Научныя Общества.—Библиографія.—Почт. ящикъ.

Условія подписки на 1916 годъ: на годъ (съ доставкой и перес.)—6 р., на полгода—3 р., на три мѣс.—1 р. 50 к., за границу на годъ—8 р.

Адресъ конторы: Москва, Моховая, 24. Тел. 4-10-81.

Открыта подписка на 1916 годъ

„Вѣстникъ Народнаго Образованія“.

VI г. изд. Ежемѣсячный информационный, справочный и библиографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи В. И. Чарнолукаго.

Общіе вопросы образованія и воспитанія.—Семейное воспитаніе.—Дошкольное воспитаніе.—Начальная и высшая начальная общеобразовательныя школы.—Низшая профессиональная школа.—Образованіе ненормальныхъ дѣтей.—Образованіе учащаго персонала.—Внѣшкольное образованіе.—Самообразованіе.—Дѣтское чтеніе.—Журналъ журналовъ по вопросамъ образованія, воспитанія и самообразованія.

Условія подписки:—I) На „Вѣстникъ Народ. Образованія“—4 р.; отдѣльный №—50 к.; любит. изданіе съ печатью на одной сторонѣ—6 р.—II) На Особыя приложенія:—1) Ежегодникъ народнаго образованія. Годъ III (4 вып.)—3 р.;—2) Настольная книга по народному образованію. Изд. 2, перер. Годовой подписной взносъ на очереди. выпускъ—3 р. 3) Спутникъ нар. учителя и дѣятеля нар. образованія. Изд. 2—75 к.—„Вѣстникъ Народнаго Образованія“ со всѣми приложеніями—10 р. 75 к. „Сокращенныя изданія Вѣстника Нар. Образованія“. 1. Народная школа. Настольный ежем. справочникъ для нар. школы и нар. учителя. 2. Внѣшкольное образованіе. Настольный ежем. справоч. для учрежденій внѣшк. образованія. 3. Законы, циркуляры и сенат. разъясненія по нар. образованію. Ежем. справ. жур.

Подписная цѣна каждаго журнала—1 р.; съ прил.: „Спутника нар. учит. и дѣят. нар. образов.“—1 р. 75 к.;—„Наст. книги по нар. образов.“—4 р.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, д. 92, кв. 17.

Редакторъ-Издатель Е. Ф. Проскурякова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

„РОДНИКЪ“

Ежемѣячникъ для юношества въ семьѣ и школѣ. Годъ изд. XXXV.
12 книгъ въ годъ. Цѣна 6 руб. Разсрочка: за I полуг.—4 р.,
за II—2 руб.

Редакторы Н. и Т. Альмедингенъ. Издательница Е. Альмедингенъ.
Петроградъ, Таврическая, 37.

„СОЛНЫШКО“.

Журналъ для народныхъ школъ и дѣтей младшаго возраста.
Годъ изданія XII.

12 №№ въ годъ и 6 книжекъ приложенія „Звѣздочки“. Цѣна 1 р.
въ годъ. Редакторы Н. и Т. Альмедингенъ. Издательница Е. Альмедингенъ.
Петроградъ, Таврическая, 37.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“.

Педагогическій журналъ для семьи и школы.

Годъ изданія XL. 12 №№ въ годъ. Цѣна 1 руб. въ годъ.

Редакторы Н. и Т. Альмедингенъ. Издательница Е. Альмедингенъ.
Петроградъ, Таврическая, 37.

Новый журналъ музыкальнаго искусства

„Музыкальный Современникъ“,

издающійся въ Петроградѣ подъ редакціей А. Н. Римскаго-Корсакова, при ближайшемъ участіи Ю. Вейсбергъ, В. Г. Каратыгина, проф. И. И. Лапшина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувчинскаго и Ю. Д. Энгеля.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915/6 годъ.

„Музыкальный Современникъ“ выходитъ въ видѣ: а) книжекъ „Музыкальнаго Современника“, выпускаемыхъ 8 разъ въ году (съ сентября по апрѣль) и иллюстрируемыхъ нотными примѣрами и художест. репродукціями (эскизы декораций, костюмовъ, портреты музык. дѣятелей, художеств. карикатуры и т. д.), и б) Хроники „Музык. Современника“ (отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ мѣсяцъ), состоящей изъ 1) рецензій, 2) корреспонденцій, 3) обзора печати, 4) обзора дѣятел. музык. об-въ, 5) хроники, 6) полемики, 7) библиографическихъ и нотографическихъ перечней, 8) писемъ въ редакцію, 9) почтового ящика.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой 8 рублей.

Подписка принимается въ отдѣленіи конторы журнала—Петроградъ, Рыночная, 10, конт. „Свирюсъ“, тел. 583-67.

При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка. (При подпискѣ—4 р., 1 декабря—2 р. и 1 февраля—2 р.) Подробный проспектъ съ программой журнала, спискомъ сотрудниковъ и намѣченныхъ статей высылается по первому требованію безплатно.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Петроградъ, Свѣчной пер. 2, кв. 12. Телеф. 643-07.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ

(Продолжается подписка на 1915 годъ.)

на ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы

„Голосъ Минувшаго“

подъ редакціей *С. П. Мельмунова и В. И. Семевскаго.*

(4-й годъ изданія.)

Журналъ имѣеть въ виду интересъ широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей и обращаетъ вниманіе на темы, способствующія историческому пониманію текущей жизни.

ВЫШЛА НОЯБРЬСКАЯ (№ 11) КНИГА.

В. И. Семевскій. Петрашевцы *С. И. Дуровъ, А. И. Пазьмъ, Ф. И. Достоевскій* и *А. Н. Плещеевъ. Л. С. Козловскій.* Мечты о Царьградѣ. *П. Конст. Леонтьевъ. В. Есенинъ.* Черты редакторской дѣятельности *Н. А. Некрасова. М. В. Веселовская.* Современная фламандская литература. *С. А. Савинкова.* Старое. *П. О. Морозовъ.* Соляное дѣло. *Е. А. Штакенштейндеръ.* Изъ дневниковъ 1855—1858 гг. (съ портретомъ). *М. И. Венюковъ.* Въ Польшѣ 1863—67 гг. I. Послѣ возстанія. *Л. Н. Толстой.* Письмо къ *Н. Д. Валуеву. С. А. Юрьевъ.* Письмо къ *П. А. Преображенскому. М. Л. Н—нъ.* *И. В. Шелгуновъ* въ Калугѣ. *С. М.* О недопущеніи евреевъ къ университетскому преподаванію. Рецензіи: *С. А. Корфа, М. А. Грушевскаго, Гр. Вейнтели, С. П. Мельмунова, В. М. Фишера, В. Н. Мерцова, Н. П. Губскаго, С. Г. Сватикова, А. Г. Камшевскаго, В. И. Семевскаго, Б. В. Неймана, Н. П. Кашина.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 12 р., на $\frac{1}{2}$ года—6 р.

За границу 15 р., $\frac{1}{2}$ года 8 р.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 3 руб., 1 июля 3 руб., 1 октября 3 руб. Пере-
мѣна адреса 20 коп.

Въ отдѣльной продажѣ книга журнала—1 р. 25 к. (нал. плат.—1 р. 50 к.).

Подписчики на 1916 г. имѣютъ право приобрести на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“ и „Голосъ Минувшаго“ за 1913—1915 гг.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6. Книгоиздательство „Задруга“ (телеф. 4-50-61).

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

1916 г.

Открыта подписка

Годъ XXVII

НА ЖУРНАЛЪ

Вопросы Философіи и Психологіи.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ СОДѢЙСТВІИ

ПЕТРОГРАДСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА

на 1916 г.

Условія подписки: На годъ (съ 1-го января 1916 г. по 1-е января 1917 г.) безъ доставки—7 р., съ доставкой въ Москвѣ—7 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—8 р., за границу—9 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ: „Новаго Времени“ (Петроградъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Петроградъ, Москва, Вольфа (Петр. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Пречистенка, Полуэктовъ пер., д. 8, кв. 29.

Полные, годовые экземпляры журнала за третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35), восьмой (№№ 36—40), десятый (№№ 46—50), одиннадцатый (№№ 51—55), двѣнадцатый (№№ 56—60), тринадцатый (№№ 61—65), четырнадцатый (№№ 66—70) по 2 руб. за годъ, шестнадцатый (№№ 76—80), семнадцатый (№№ 81—85), восемнадцатый (№№ 86—90), девятнадцатый (№№ 91—95), двадцатый (№№ 96—100), двадцать второй (№№ 106—110), двадцать третій (№№ 111—115) и двадцать четвертый годы по 3 руб. за каждый годъ. Экземпляры за 1898, 1904 и 1910 гг. всѣ распроданы; 1914—5 руб.; 1915 г.—7 руб.; пересылка по разстоянію. Подписчики на 1916 г. получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 2 руб. за годъ до 1914 г. включительно. Всѣ книги можно выписывать наложен. платежомъ, при чемъ взимается съ cadaго руб. по 2 к.

Юбилейный номеръ (1885—1910) продается отдѣльно. Ц. 1 р.

За перемѣну адреса уплачивается 20 коп.; въ случаѣ неполученія какого-либо номера журнала просить увѣдомлять объ этомъ контору не позже выхода слѣдующаго за неполученнымъ номеромъ.

Въ журналѣ помѣщаются платныя объявленія—исключительно о книгахъ и художественныхъ изданіяхъ—по 10 руб. за страницу.

Редакторъ Л. М. Лопатинъ.

5 Р.
 въ годъ
 за 24 №№

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА
 ПОДПИСКА
 на
 1915 — 16
 годъ
 (7-й г. изд.).

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 №№ (около 2000 страницъ).

● „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности знакомиться съ текущей печатью.

● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. ● „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболее выдающихся явленій и фактовъ, вопросовъ и задачъ современности.

За истекшій годъ въ „Бюл.“ напеч. 238 ст. по самымъ разнообраз. вопр. Кромѣ того даны: 1) сводъ отзывовъ о 360 книгахъ, 2) перечень около 2400 нов. кн., 3) содерж. болѣе 80 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ.

Библиографія въ „Бюл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самую широкаго круга читателей.

Отзывы печати:

Утро Рос.: „Жур. заслуживаетъ особаго вниманія“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл. знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“... ● Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо“.

● Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ● Совр. Сл.: „Задача журн. имѣть, несомнѣнно, культурно-популярнаторское значеніе“... ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли“.

● Нов. Ж. для Бе.: „Бюлл.“ независимы, особенно въ провинціи“. ● Рус. Молва:

„Много дѣявлаго и важнаго найдутъ для себя въ „Бюлл.“. самые широкіе круги читателей“... ● Киев. М.: „Для провин. читателя, руководителей библиотекъ и т. д. журн. представляетъ интересъ сугубый“.

● Ран. Утро: Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюлл.“. ● Вѣст. Восп.: „Изданіе заслуживаетъ вниманія широкихъ круговъ читателей“... ● Нижегород. Лист.: „...Изданіе, очень интересное по своему характеру“... ● Сибирь: „Типъ „Бюлл.“... очень удачный... Подборъ ст. дѣлается умѣло и дѣйствительно, даетъ отраженіе „идейной, дух. жизни современности“...“

Проспектъ журн. высылается бесплатно.* Подписная цѣна: на годъ 5 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ 6 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ 4 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магазинах. и въ почт. учрежд. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“. Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 и 1914/15 гг. 4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Крандівскій и В. Носенковъ. Редакторъ В. Крандівскій.

Открыта подписка на 1916 годъ на журналъ

„ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВРАЧЪ“

издаваемый Правленіемъ Общества русскихъ
врачей въ память Н. И. Пирогова.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ 2-хъ лѣтнихъ
мѣсяцевъ.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Біологія, общая гігіена и эпидемиологія. Редакт. Л. А. Тарасевичъ.
II. Санитарная статистика. Редакт. П. И. Куркинъ и В. С. Лебедевъ.
III—IV. Земская медицина. Врачебный бытъ. Редакт. Н. И. Шидловскій и
В. А. Ирьяновъ. V. Городская медицина. Редакт. И. В. Русановъ. VI. Социальная
гігіена. Ред. З. П. Соловьевъ. VII. Профессиональная гігіена.
Фабричная медицина. Ред. Е. Г. Мунблитъ и С. М. Богословскій. VIII. Школьная
гігіена. Ред. Д. Д. Бекарюковъ. IX. Вопросы распространенія гигиеническихъ
знаній. Редакт. А. В. Мольковъ. X. Общественно-санитарное
обозрѣніе. Хроника. Редакторъ С. Ф. Кельхъ.

Завѣдующій дѣлами общей редакціи П. Н. Дятроптовъ. Секретарь
редакціи И. В. Русановъ.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаться свѣдѣнія о дѣятельности
Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.

Членскій взносъ въ Общество на 1916 годъ 8 руб., при чемъ допускается
разсрочка, а именно: 1) при подпискѣ—3 руб.; 2) къ 1-му апрѣля—3 руб.;
3) къ 1-му сентября—2 руб.

Члены Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова получаютъ
журналъ бесплатно. Кромѣ того, члены пользуются скидкой на полный
комплектъ изданій Пироговскаго Общества—25 руб. вмѣсто 27 руб.—и
на изданіе Комиссіи по распространенію гигиеническихъ знаній при
Пироговскомъ О-вѣ: „Санитарно-статистическія таблицы“ (сборникъ диа-
граммъ съ объяснительн. текстомъ—пособіе для нагляднаго обученія и
препод.)—6 руб. вмѣсто 7 руб.

Подписная цѣна на журналъ 5 рублей въ годъ,
разсрочна не допускается.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп. почтовыми марками, безъ
чего редакція за правильность доставки журнала не отвѣчаетъ. Гоно-
рарь 40 руб. съ листа. Рукописи должны быть написаны четко, на одной
сторонѣ листа. Авторы оригинальныхъ статей, размѣромъ не менѣе 1/2
листа, имѣютъ право на 25 оттисковъ, при чемъ о желаніи получить
таковые они должны заявить редакціи при присылкѣ статей. Редакція
сохраняетъ за собой право сокращать и исправлять рукописи. Не при-
нятыя къ печати рукописи, не затребованныя авторомъ въ теченіе 6
мѣсяцевъ, уничтожаются.

Объявленія принимаются по слѣдующей цѣнѣ:

Впередъ текста и на обложкѣ за 1 стран. 30 руб.; за 1/2 стран.—
15 руб.; за 1/4 стран.—8 руб. Остальные за 1 стран.—20 р.; за 1/2
стран. 10 р.; за 1/4 стран.—5 р. За объявленія о мѣстахъ врачей и ме-
дицинскаго персонала 40 коп. за строку петита за 1 разъ.

Адресъ редакціи: Москва, Суцеская, д. 18, кв. 15. Телеф. 64-97.